

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

ПОДОБРАНО

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Мих. Мишин

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

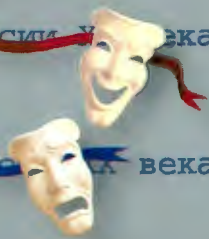
Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

MM

Антология Сатиры и Юмора России XX века

ИН

ANTHONY G. ...
...
...
...

Anthony G. ...

Антология Сатиры и Юмора России XX века

М**их.** **М****ишин**

«ЗАО» 2007

УДК 882
ББК 84(2 Рос-Рус)6-7
М 71

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Михаил Мишин

Серия основана в 2000 году

С июня 2003 г. за создание «Антологии Сатиры и Юмора России XX века» издательство «Эксмо» — лауреат премии международного фестиваля «Золотой Остап»

Редколлегия:

Аркадий Арканов, Никита Богословский, Владимир Войнович,
Игорь Иртеньев, проф., доктор филолог. наук Владимир Новиков,
Лев Новоженев, Бенедикт Сарнов, Александр Ткаченко,
академик Вилен Федоров, Леонид Шкурович

Главный редактор, автор проекта Юрий Кушак

Оформление переплета и дизайн книги Михаил Мишин

В книге использованы фотографии из личного архива автора

Фотопортрет на фронтисписе Юрия Роста

Рисунки в книге выполнены Катей Догилевой

Мишин М.

М 71 Антология Сатиры и Юмора России XX века. Том 27. —
М.: Изд-во Эксмо, 2003. — 544 с., илл.

УДК 882
ББК 84(2 Рос-Рус)6-7

ISBN 5-699-04412-4(т. 27)
ISBN 5-04-003950-6

© Мишин М. А., 2003
© Догилева Е. М., графика, 2003
© Кушак Ю. Н., составление, 2003
© ООО «Издательство «Эксмо», 2003

СОДЕРЖАНИЕ

I. НЕ МОЖЕТ БЫТЬ	13
ПРО АВТОРА	15
ММ	16
НЕ МОЖЕТ БЫТЬ	17
ШЕЛ ПО УЛИЦЕ ТРОЛЛЕЙБУС	25
ПРЕВРАЩЕНИЯ ШЛЯПНИКОВА	28
ПОЯВИЛСЯ СИДОРОВ	32
ПОД МУЗЫКУ ВИВАЛЬДИ	37
МЕСТО СРЕДИ ЗВЕЗД	46
ЗАБОТЫ СЕРГЕЯ АНТОНОВИЧА	51
РАЗ В ЖИЗНИ	57
СПЛОШНОЙ ЛЕЛЮШ	60
ЭКСКАРСАНТ	63
ЗОЛОТАЯ ПУГОВИЦА	68
ГОЛОС	75
СУББОТНИЙ РАССКАЗ	79
ДЕВЯТЬ ДЕСЯТЫХ	82
ЗА ВСЕ ХОРОШЕЕ	87
«Я буду духовный, как Будда...»	90
II. НОРМАЛЬНЫЙ ХОД	91
ПРО АВТОРА	93
ММ	94
НОРМАЛЬНЫЙ ХОД	98
ЭЛИТАРНЫЙ ЭКСКЛЮЗИВ	102
ПЕРИОД ПОЛУРАСПАДА	104
О ЛЮБВИ	107
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ХОЗЯИН!	109
СМЕШАННЫЕ ЧУВСТВА	112
ГРАНИЦА	114
МОЖНО И НЕЛЬЗЯ	118
СЕКРЕТЫ	120
ВЕРИШЬ — НЕ ВЕРИШЬ	123

НАЧАЛЬСТВО И НАРОД	125
ВСЕГДА ВСЕМ ВЕСЕЛО	126
ГОРДЫЙ ЗВУК	127
ПЛАНЫ	130
ОБУЧАЛКИ	133
В КУРСЕ	135
ОПТИМИСТ	137
МАНЬЯК	138
ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКИЕ ТРАГЕДИИ	139
Я	142
ОДОВБРЯМ-СИ	143
«Музы глас меня настиг...»	146
III. МОЯ ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ	147
ПРО АВТОРА	149
ММ	150
МОЯ ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ	152
«Птичка ль капнет с небосвода...»	176
IV. ЛЮДИ С ПОНЯТИЕМ	177
ПРО АВТОРА	179
ММ	180
НУЖНАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ	182
СИМПТОМЫ	184
ДРЕВНЯЯ ИГРА	186
ЗАКОН СОСУДОВ	188
СТО ТЫСЯЧ ЛУИДОРОВ	191
КСТАТИ О ПТИЦАХ	193
ЭКОЛОГИЯ	196
СОСЕД ПРОПЕЛЛЕРА	198
ВЕЧЕРОМ ПОСЛЕ РАБОТЫ	201
ПОЧТОВЫЙ РАССКАЗ	203
ИСТОРИЯ	205
ИМЯ	208
ВЕЗУЧАЯ	211
ЧТО НЕ СЛУЧИЛОСЬ С НЕНАШЕВЫМ	215

ЧЕЛОВЕК ИЗ ФИНСКОЙ БАНИ	217
МЕЖДУ НАРОДАМИ	219
ОБНАЖЕНИЕ СУТИ	221
СТРАШНОЕ ДЕЛО	224
ИСТИНА	226
<i>«Как-то раз мечтал я ...»</i>	228
V. ПОЛНЫМ-ПОЛНО РЫЖИХ.....	229
ПРО АВТОРА	231
ММ	232
ПРО ЦВЕТОЧКИ	235
ПОЛНЫМ-ПОЛНО РЫЖИХ	245
СЧАСТЛИВЫЙ	248
ДЛЯ ТЕХ, КТО ЛЮБИТ КИНО	252
СЮЖЕТ	261
ДУБОВ	265
ЧИПОЛЛИНО	269
ГЛУПЫЙ БРАТ	275
ПОСТСКРИПТУМ	278
<i>«Уехал милый мой дружок...»</i>	284
VI. ОН БЫЛ У НАС	285
ПРО АВТОРА	287
ММ	288
СЕРОЕ ВЕЩЕСТВО	297
КАКОЕ ВАШЕ МНЕНИЕ?	300
Человек, говорящий полупшепотом	300
Человек с железной грудью	301
Человек, который смеется.....	303
Человек с нитроглицерином	304
ВАРИАНТ	306
ТАИНСТВО	309
ВЕК ДЕТЕЙ	312
НЕ РАЗДРАЖАЙ	314
ВОПРОС ЖИЗНИ	316
<i>«Опять такси, опять вокзал...»</i>	320

I. СЕЗОН БОЛЬШОЙ МАЛИНЫ

ПРО АВТОРА	
ММ	
ГОВОРИ, АВТООТВЕТЧИК	
НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК	
ЗАКОН ЗАГОНА	
ГЕОГРАФИЯ	
ТОВАРИЩ, ВЕРЬ!	
БАБЫ!	
СЕЗОН БОЛЬШОЙ МАЛИНЫ	
КОШМАР ЗА СКОБКАМИ	
КОФЕ ЧЕРЕЗ СУД	
ЛИЦА И ИХНЯЯ РОЛЬ В ИСТОРИИ	
ТРИ КИРПИЧА КУЛЬТУРЫ	
ДОЛЯ В ЯЩИКЕ	
ЗВЕЗДНАЯ АКАДЕМИЯ	
ДЫМ ОТЕЧЕСТВА	
МАРТОВСКАЯ ПЕСНЯ	
ИГРАЮЧИ-ИГРАЮЧИ	
ГРАНИ	
ЮБИЛЕЙНО-АЛКОГОЛЬНОЕ	
ПОЛИГОН	
МОИ ПРИЗЫВЫ	
КАМУФЛЯЖ	
КРАТКИЙ КУРС	
«Когда житье не в радость...»	

VII. ТОРЖЕСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКТ ...

ПРО АВТОРА	
ММ	
СЕМЕНИ АЛЬТОВУ	
С.М. ЭПШТЕЙНУ	
АРКАДИЮ РАЙКИНУ	
Э.А. РЯЗАНОВУ	
АЛЕКСАНДРУ МАСЛЯКОВУ	
Я.Б. ФРИДУ	
ВАЛЕРИЮ ХАЙТУ	

НИНЕ РУСЛАНОВОЙ	408
З.Е. ГЕРДТУ	411
ЛЕОНИДУ ФИЛАТОВУ	414
АЛЕКСАНДРУ ЖИТИНСКОМУ	417
БОРЕЧКЕ	420
ОЛЕГУ МЕНЬШИКОВУ	423
ЮРИЙ РОСТ	424
МИХАИЛУ КОЗАКОВУ	426
МИШЕ РЕВЕ	428
ЮБИЛЯР ЮФФА	429
ЮНОШЕ, ОБДУМАВШЕМУ ЖИТЬЕ	431
АРКАДИЮ ИНИНУ	434
ВИКТОРУ ЛОШАКУ	436
«Безбрежна жизнь...»	438

IX. ПРАКТИЧЕСКИ — НАРОД	439
ПРО АВТОРА	441
ММ	442
ПРАКТИЧЕСКИ — НАРОД	443
36,6	447
СЛУЧАЙНЫЕ СВЯЗИ	450
ЛЬВИЦА	452
СТУПЕНЬКИ	454
УЛИЦА	457
ЗАЙЧИКИ	459
ЧТО-ТО ПРОИСХОДИТ	465
ДВОЕ СМОТРЯТ ТЕЛЕВИЗОР	468
РЕПЕТИЦИЯ	472
ФИЕСТА	474
ХОЧЕТСЯ	477
«СУМАШЕЧИЙ!..»	479
ИНТЕРВЬЮ	481
ХАРАКТЕРИСТИКА	483
ПЛЮС-МИНУС	485
КАНАТОХОДЕЦ	487
ЛОГИКА	489
«Нет, я не Байрон...»	490

ВРЕМЕНА ГОДА	491
ПРО АВТОРА	493
ММ	494
ТРИ СЛОВА ОБ ОДЕССЕ	495
ДВА СЛОВА НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ	502
ДВА СЛОВА О КИНО	508
ИРОНИЯ И СТЁБ	511
КЛОЧКИ ОБРЫВКОВ	513
ФУТУРОЛОГИЯ	521
ГРИЩА	524
ЗАКОН ОМА-МИШИНА	529
ДЕТСКОЕ ВРЕМЯ	533
ВРЕМЕНА ГОДА	536

«АНТОЛОГИЯ»

Это сразу понравилось.
Проступило что-то мраморное с лавровым листом.
«Литератор конца XX — начала XXI в.».
Солидно.

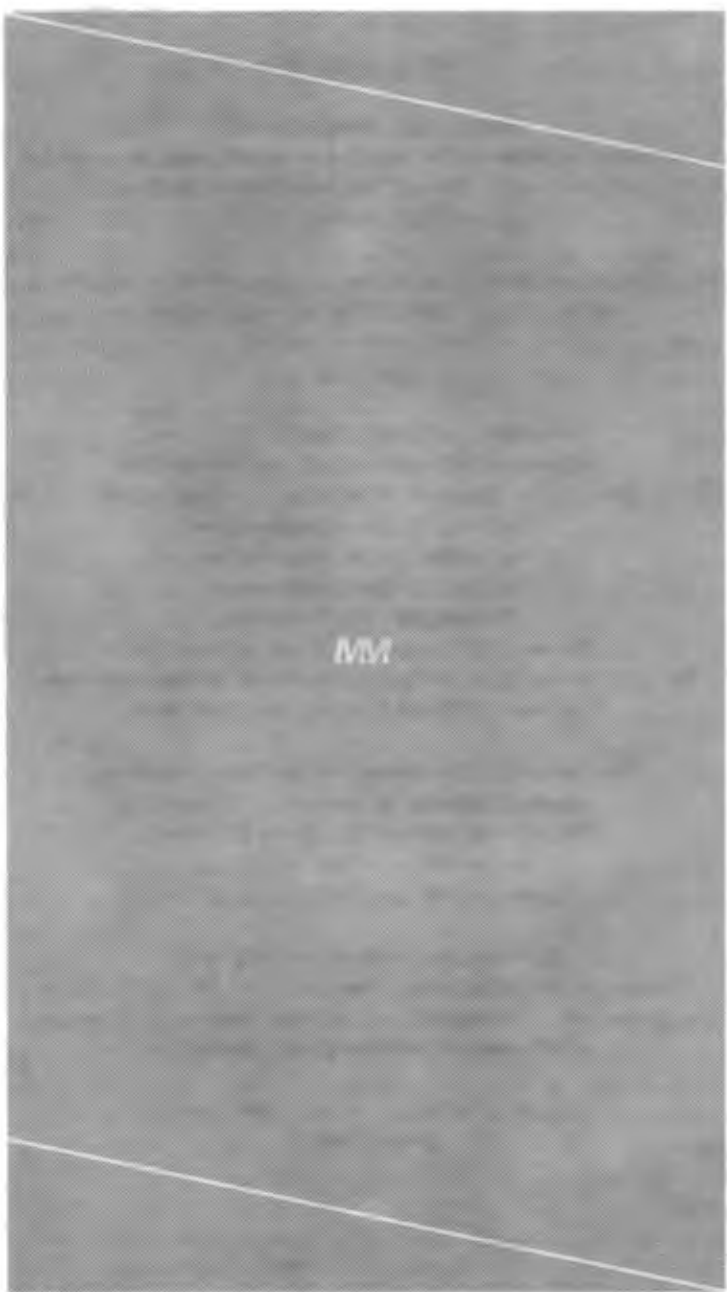
С детства жаждал дожить до двухтысячного года,
когда будут звездолеты и коммунизм.
Звездолеты чадят.
Дожил.

«Нужна вступительная статья».
Мучить всерьез никого не хотелось.
Попросил друзей черкнуть по паре слов.
Думал, потом соединю —
получится такое коротенькое
«Вместо предисловия».
Черкнули. Получилось.
Но не коротенькое. И не «вместо».
А типа мемуаров: «Современники о Букашкине».
Причем хитрый Букашкин еще жив.

Сказанное друзьями — лучшее в книге.
Великодушно и снисходительно.
Только их слова тут бы и оставить.
Но — антология, господа.
Принужден разбавить своими.

Кстати, антология — это что?
«Сборник образцовых статей», — толкует Даль.
«...в также изречений, — кивает энциклопедия, —
особенно классических авторов».

Классических — понятно вам?
Счастливо!

I

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

ba

ПРО АВТОРА

Аркадий АРКАНОВ

Михаил, мне всегда казалось, не плывет в общем течении реки под названием «Сатира и юмор». Не потому что не попадает в это течение, а потому что меньше всего хочет вместе со всеми бежать к светлому будущему или преследовать кого-либо с улюлюканьем.

Интеллект и интеллигентность отличает его от многих **Михаилов** и **Михальчей**, работающих в этом жанре на разном уровне успешности.

Хохот в зале во время выступлений или индивидуального прочтения его рассказов и размышлений не является основной целью творчества **Мишина**.

Аплодисменты, как бурные, так и молчаливо звучащие в сознании его читателей, гораздо ему дороже. Он с благодарностью посмотрит в зал или в глаза читателю, как бы говоря: «Ну, вы поняли, что я хотел сказать, да?»

Излишество изящества, по мнению некоторых коллег, ему мешает. Но, как мне кажется, мешает ровно настолько, насколько мешало подобное излишество изящества **Владимиру Набокову**.

Легкая грусть, почти меланхолия, свойственна его творчеству, но кто, извините, сказал, что юмор непременно должен быть только искрящимся, а сатира — зубодробительной?

Мысль всегда присутствует в любом его произведении, будь то рассказ, пьеса, монолог или просто реплика.

Избитость и пошлость абсолютно не прилипчивы к нему. Не смешно вам? Возможно. Но нижепупкового пощекотывания от него не дождетесь.

Широта кругозора и образовательный уровень позволяют ему создавать произведения, которые в натуральном или переводном качестве с успехом ставятся на театре с непременным аншлагом (не путать с «Аншлагом»!).

И в заключение вот что:

Не нравится — не читайте, не слушайте, не приходите, не покупайте. Это не высокомерие, а всего лишь чувство собственного достоинства...

Теперь, если пройдется по всем начальным буквам каждого абзаца, перед вами в **полный** творческий рост предстанет автор этого тома.

Смешанные чувства.

Прежде одно и то же чувствовалось годами
и пятилетками. В одну и ту же реку можно было войти
не то что дважды — из нее просто не вылезали.
Бормотание про «отдельный недостаток» считалось
критикой. Прогноз погоды вызывал подозрения:
«Кто это утверждал?»

Книги шли к читателю со скоростью измученных
черепашек — и не опаздывали.

Застой обеспечивал актуальность.

Но настало время — время проснулось.
Дернулось, покатило, понеслось. Вокруг замелькало,
всюду толчки, перемещения, перемены.
Общественно — вдохновляет. Лично — озадачивает.
Человек привычно тащился в трамвае, привычно
глазел в окно и привычно выговаривал отстающему
пейзажу. И вдруг пейзаж рванул вперед,
вот он уже поравнялся с трамваем, вот уже...

Обходит, что ли?

Время-то пошло, а книжка-то еще...

Ушло ли? И если да, то насколько?

И тогда как же... Но, с другой стороны...

Хотя... Тем не менее... Однако...

Смешанные чувства.

Потому и содержимое — смешанное.

Написанное недавно смешано с тем, что написалось
позднее. То, что читалось, произносилось, игралось, —
с тем, что еще никто, нигде, никогда.

Глубочайшие произведения — с еще более
глубочайшими.

То есть отбор происходил.

Трамвай силился не отстать от пейзажа.

Удалось? Не удалось?

Состоялось? Не состоялось?

Любит — не любит, плюнет — поцелует.

Смешанные чувства.

(Из предисловия к книге «Смешанные чувства», 1990)

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

Фантастика

К Семену Стекольникову

пришел в гости крестный. Кока пришел. Вернее, Семен сам позвал его в гости, потому что не мог больше молчать, а сказать никому, кроме крестного, он тоже не мог.

Ну, посидели, значит. И так размягчились душевно, и такое расположение ощутили друг к другу!..

— Слышь, кока, — сказал Семен. — Я тебе что сказать хочу.

— Говори! — сказал с большим чувством крестный. — Я, Сема, твой крестный, понял? Ты мне, если что, только скажи.

— Тут такое дело! — сказал Семен. — Нет, давай сперва еще по одной!

— Ну! — закричал кока. — А я про что?

Выпили, вздохнули, зажевали.

— Вот, кока, — сказал Семен. — Жучка щенка принесла!

— Жучка! — обрадовался кока. — Ах ты ж золотая собачка! Давай за Жучку, Семушка!

— Стой, кока, — сказал сурово Семен. — Погоди. У этого гада... У него крылья режутся.

— Ну и хорошо! — сказал крестный, берясь за стакан. — Будем здо... А? Что ты сказал? Сема? Ты что мне сейчас сказал?

— Пошли! — решительно сказал Семен. — Пошли, кока! В сарае он. Пошли!

— Мать, мать, — только и сказал кока, когда они вышли из сарая.

— Ну? — спросил Семен, запирая дверь. — Видал?

— Мать, мать, — повторил глуповато крестный. — Как же это, а?

— Я, кока, этого гусака давно подозревал, — сказал Семен. — Идем еще по одной.

— Идем, идем, — послушно сказал кока. — А который гусак, Семушка?

— Да тот, зараза, белый, который щипучий. Тут, помню, мне не с кем было. Ну я ему и плеснул. Вдвоем-то веселей, правильно?

— А как же! — значительно сказал кока. — Вдвоем — не в одиночку.

— Ну! — сказал Семен. — А он, гад, пристрастился. Он ведь и Жучку-то напоил сперва. Он, кока, давно к ней присматривался. Знал, что трезвая она б его загрызла!

— Сварить его надо было, — решительно сказал кока.

— Сварил, да поздно, — с досадой сказал Семен. — Прихожу тогда домой, говорю: «Жучка! Чего ты не лаешь, стерва?» Молчит! Ну, думаю, сейчас я тебе дам — не лаять! Подхожу к будке, а он оттуда выскакивает! Ну, я за ним! Поймал, а он на меня как дыхнет! И она тоже...

— А где ж он взял? — спросил кока с сомнением.

— У станции, где ж еще! — сказал Семен. — Клавка небось продала.

— А деньги? — спросил кока.

— Спер! — уверенно сказал Семен. — У меня как раз тогда пятерка пропала.

— Тогда, значит, Клавка, — решил кока. — За деньги ей все одно кому продавать.

— И чего ж с ним теперь делать? — сказал кока. — Утопить его.

— Вот, кока, — сказал Семен, понизив голос. — Сперва и я хотел утопить. А теперь я другое придумал. Я теперь, кока, в город поехать думаю. Так, мол, и так. Вывел новую породу собаки. Понял?

— Да что ты?! — ажнул кока.

— В газету пойду, — сказал Семен. — Или там в журнал. Скажу, порода, мол, для пограничников, понял? Большие деньги могут быть. Премия.

— Ах ты ж золотой мой! — восхитился кока. — Премия! А его ты, это... с собой возьмешь?

— Нет, — сказал Семен, снисходительно поглядев на коку. — Я сперва сам... Мало ли что. Ты только давай корми здесь его, слышь, кока?

— Это уж, Семушка, ты не бойся, — уверил кока. — Уж мы покормим. А что он ест-то? А?

— Все жрет, — небрежно сказал Семен. — Неприхотливый...

В редакции научно-популярного журнала к Семени отнеслись дружелюбно.

— Вы, товарищ Стекольников, сколько классов закончили? — поинтересовался очень вежливо молодой сотрудник с черной бородкой.

— Это, допустим, неважно, — сказал Семен с достоинством. — Ломоносов, между прочим, тоже был самоучка, — добавил он, сбивая спесь с бородатого.

— Слыхали, — вздохнул сотрудник. — Впрочем, это неважно... Только вот что, уважаемый товарищ, журнал у нас научно-популярный, понимаете?

— Допустим, — с легким презрением сказал Семен.

— И я подчеркиваю слово «научно». Понимаете?

— Понимаю, — озлобляясь, сказал Семен. — По-моему, не дурак!

— Отлично, — сказал бородатый. — Тогда вам следует знать: то, что вы тут мне рассказываете, — это даже не мистификация. Это, как бы помягче... Если б вы нормально учились в школе, вы бы знали, что подобную ахинею стыдно не только произносить, но и выслушивать... Вы, между прочим, вечный двигатель строить не пробовали?

Семен почувствовал, что это уже оскорбление.

— Вон, значит, как вы с трудящими говорите, — произнес он угрожающе. — Ясно! Сидите тут по кабинетикам!..

— Если хотите на меня жаловаться, — спокойно сказала борода, — ради бога. Редактор или его заместитель — по коридору налево. Но учтите, люди они пожилые, могут не выдержать и умереть.

— От чего это? — яростно спросил Семен.

— От смеха, — улыбнулась борода.

Семен вышел в коридор, поглядел на большую дверь с табличкой «Главный редактор» и «Зам. главного редактора», выругался про себя и пошел прочь.

Вахтерша сельскохозяйственного института не хотела пускать Семена. Прием документов окончен,

ишь, опомнился! А когда Семен сказал, что он не поступать приехал, вахтерша и вовсе рассердилась.

— Ни стыда ни совести, — привычно начала она. — Вчера вон двое вечером в аудитории закрылись. Еще, главное, врут — лабораторная у них! Знаем мы ихние лабораторные... Ни стыда у девок, ни совести... Нет, парень, давай иди отсюда... Куда?! — закричала она мужчине с портфелем, который быстро прошел мимо, и кинулась за ним. Семен воспользовался моментом и проскочил внутрь.

Его долго гоняли от одного к другому, пока наконец какой-то человек с изможденным лицом не выслушал его в коридоре.

— Слушай, парень, — сказал он. — Пойми. У меня на носу две конференции. Одна — по неполегающим пшеницам, другая — профсоюзная. А тут — ты.

— Вы поймите, — сказал Семен. — Тут, может быть, всемирное открытие. Для пограничников...

— Вот именно, — задумчиво сказал человек. — С одной стороны — всемирное открытие. С другой — у половины института взносы не уплачены. Пора переизбираться к чертовой матери... Да и потом, что ты там говоришь? Собака с крыльями...

— Во-во! — сказал Семен. — Я, это, с помощью особого корма... На спирту...

— Собака на спирту, — повторил человек. — Не смешно, ей-богу. В общем, так. Я тебе дам телефон одного человека. Очень крупный ученый. Можно сказать, крупнейший. Ты позвони, он тебе скажет, как и что.

И, представив себе реакцию Бори Генкина, когда этот псих ему позвонит, человек с изможденным лицом впервые улыбнулся.

«Ну подожди, чокнутый! Я тебе это запомню!» — бормотал пунцовый от ярости Семен, спускаясь по лестнице дома, где жил Боря Генкин. «Скажи ему, как он размножается! Видали? Все они!..»

Семен остановился, нацарапал на стене гадкое слово и вышел на улицу.

«Летний сезон в зоопарке», — прочитал он надпись на афишной тумбе.

Директор зоопарка глядел мрачно.

— Ну что? — неприятливо спросил он. — Опять крокодил?

— Какой крокодил? — опешил Семен.

— А такой! — еще мрачнее сказал директор и неожиданно закричал: — Вот я б их вешал!

— Это точно, — деликатно сказал Семен. — А кого вешать-то?

— А вот моряков этих! Которые себе домой крокодилов привозят! Он для смеха привезет маленького, а тот раз — и вырос! И чуть жену не сожрал! Он — ко мне: возьмите, избавьте. А куда я его возьму! Куда? У меня что, фонды из своего кармана?

— У меня не крокодил, — твердо сказал Семен. — У меня новое животное. Гибрид гуся и собаки. Я их, это — скрестил... Под этим делом...

Директор зоопарка, багровея, стал подниматься из-за стола.

— Что-о?! — зловеще прошептал он. — Помесь гуся?!

— Папаша! — Семен вскочил со стула. — Вы это, сядьте...

— Я тебе сейчас покажу «папаша»! — задышал директор. — Кто пустил?! — заорал он в дверь. — Кто его впустил?!

— Папаша! — повторил Семен. — Я прошу, папаша...

Неожиданно в кабинет влетела какая-то тетка в белом халате.

— Алексей Иванович! — закричала она с порога. — Началось!

Директор схватился за сердце и, забыв про Семена, ринулся из кабинета.

Семен тоже вышел.

— Куда это он как угорелый? — спросил он девчонку-секретаршу.

— На роды, — равнодушно ответила девчонка — Матильда рождает, бегемотиха.

— Бегемотиха, значит, — желчно сказал Семен. — Интересно — девочка будет или мальчик? Если мальчик — пусть Лёшей назовут.

— Почему это? — спросила девчонка.

— А в честь директора вашего! — рявкнул Семен и вышел вон, грохнув дверь.

В котлетной было уютно и тепло.

— Я ему говорю: всемирное открытие, понял? — кричал Семен. — От-кры-тие!

— Понял, — кивали оба небритых мужика, чокаясь стаканами.

— Он мне: тебе, говорит, учиться надо, понял? — распалялся Семен.

— Понял, — сочувствовали мужики, заглатывая утешающий напиток.

— Учиться! — яростно объяснял Семен. — А сам сидит, борода — во!

— Ну, — кивали понимающе мужики. — Этих, с бородой, мы знаем. Слава Богу, с бородой!

Семен чувствовал понимание, которого ему до сих пор не хватало.

— Я им говорю: гусак под этим делом был! И она тоже! А он мне: не может быть!

— Может! — утешали мужики. — Под этим делом — все может!

— А этот говорит: не может! С бородой! — сказал Семен.

— Этих, с бородой, мы знаем, — сказал один небритый. — Вон, видал, еще один! Эй, борода!

— Нет! — сказал Семен. — Этот рыжий. А тот черный был.

— Неважно, — строго сказал небритый. — Сейчас мы его спросим. — И, качнувшись, он подошел к мужчине со светлой бородой: — Слышь, друг, ты зачем моему другу не поверил?

— В чем дело? — спросил мужчина.

— А че ты грубишь-то? — спросил второй небритый, подходя. — Ты че моему другу грубишь?

— В чем дело? — повторил бородатый. — Вас, кажется, не трогают.

— Друг! — обратился один из небритых к Семену. — Он тебя трогал? Мы его не трогали!

— Всемирное открытие! — внезапно закричал Семен. — Для пограничников! Гады!..

И с размаху стукнул пустым стаканом по столу.

Домой он вернулся через две недели.

— Семушка! — закричал крестный. — Ну, как ты там?

Увидев взгляд Семена, крестный смолк.

— Ничего, Семушка, — пробормотал он. — Ничего, я после, потом зайду...

И крестный ушел, часто оглядываясь.

Семен подошел к Жучкиной будке, двинул по ней ногой. Оттуда выскочил рыжий петух и неверным шагом засеменил к забору. Семен поглядел на него, потом вытянул за цепь Жучку. Та даже хвостом не вильнула и не открыла глаз.

Семен бросил цепь и пошел к сараю. Отпер дверь, вошел внутрь.

— Беги! — раздался его злой крик. — Беги, пока я тебя не прибил!

Из сарая выскочило какое-то странное существо и остановилось. Следом выбежал Семен.

— Беги! — закричал он снова, поднимая с земли камень. — Ну!

Существо побежало — сперва медленно, потом все быстрее, выбежало за калитку и скрылось вдали.

Семен искал глазами, швырнул камень в петуха, но промахнулся.

Жители разных широт видели в тот год удивительную птицу, летевшую в небе с криками, напоминавшими собачий лай.

На глазах у крестьян одной турецкой деревни птица напала на орла и обратила его в бегство.

Английский лорд, пересекший океан на резиновом матрасе, рассказывал, что видел эту птицу над экваториальной Атлантикой.

Впрочем, ему не очень поверили, так как лорд долго питался одним планктоном и мог наговорить ерунды.

Но спустя некоторое время пришло сообщение из Бразилии, что некоему мистеру Джеймсу Уокеру удалось подстрелить необычайную птицу с четырьмя лапами. Птица жалобно заскулила и, теряя высоту, скрылась за лесом. Найти ее не удалось. Мистер

Уокер утверждал, что скорее всего она упала в реку и стала добычей крокодилов, которые водятся там в изобилии.

В тот день и час, когда было получено это сообщение, Семен Стекольников находился дома. Он стоял на дворе и, почесывая затылок, глядел на хрюкающего поросенка, у которого прорезались уже приличные рога...

1980

ШЕЛ ПО УЛИЦЕ ТРОЛЛЕЙБУС

Троллейбусов было много.

С легким воем тормозили они у остановки, где топтался Марципанов, раскрывались створки дверей, торопливые граждане входили и выходили, и троллейбусы, держась за звенящие провода, катили дальше.

Сперва Марципанов удобно уселся на место для инвалидов и пассажиров с детьми. Потом неспешно лег, высунув в проход между сиденьями грязные башмаки. Общественность молчала. Тогда заговорил Марципанов. Вернее, он запел. Исполнив песню, в которой не было хорошей мелодии, зато были плохие слова, Марципанов сказал:

— На кого Бог пошлет! — и плюнул через спинку сиденья.

Бог послал на худого гражданина в очках.

— А вот плевать нехорошо, — дружелюбно упрекнул Марципанова гражданин, вытирая рукав пальто. — Не надо плевать.

Такие слова Марципанову не понравились, и он уже прицельно плюнул в худого.

— Видать, выпил человек, — сказала про Марципанова какая-то наблюдательная старушка.

Марципанов начал стаскивать с ноги ботинок.

— Безобразие! — сказала дама, сидевшая позади Марципанова. — Столько народу, и никто его не одернет!..

— В самом деле! — поддержал ее оплеванный Марципановым гражданин.

Ботинок Марципанова сбил с него шляпу.

— Ты что ж это делаешь! — закричала старушка. — Эдак нога у тебя застынет. Нынче холодно.

Марципанов назвал старушку старой воблой и сейчас же заснул.

Пассажиры троллейбуса повеселели. Однако через минуту им стало грустно, потому что Марципанов ожил.

Он сполз со своего места, отыскал в проходе ботинок и сказал неожиданно трезвым голосом:

— Граждане! Прошу внимания! Только что я провел эксперимент: сколько вы будете терпеть безобразия пьяного хулигана? И что же вышло? Вышло, что вы все стерпели! Где же, товарищи, — возвысил голос Марципанов, — ваше сознание?

Досказать ему не дали.

— Какая наглость! — выкрикнул оплеванный Марципановым гражданин.

— Вот, — кивнул Марципанов. — Так и надо было сказать!

— Но ведь это же издевательство! — воскликнула дама, сидевшая сзади. — Бандитская выходка!

— Правильно! — сказал Марципанов. — А чего же вы раньше-то молчали?

— Жулик! — уверенно сказала старушка. — Воблой называет, а сам и не выпивши!

Широколицый мужчина взял Марципанова за локоть.

— Хватит! — громко сказал он. — Я тебе покажу, как над людьми измываться. Граждане, кто в милиции свидетелем будет?

— Вы что? — сказал Марципанов, пытаясь выдернуть руку. — Я же сказал: не пил я. Это эксперимент был, понятно?

— Вот раз не пили — в милиции объяснитесь! — дернул шеей худой. — Раз трезвый плевали!

Троллейбус подъехал к остановке, и широколицый начал тянуть Марципанова к выходу. Марципанов уперся. Пока они пихались, троллейбус поехал дальше.

— Ты у меня выйдешь! — сказал Марципанову широколицый, вытирая пот со лба. — Поможете мне на следующей остановке? — обратился он к худому гражданину.

Худой гордо кивнул.

Марципанов опечалился. Он повертел головой — вокруг были нелюбезные, недружественные лица. В милицию не хотелось, и выход был только один.

Марципанов бросил голову на грудь, подогнул колени и стал падать на широколицего.

— Ну-ну! — закричал тот, отпихивая Марципанова. — Не прикидывайся!

Марципанов качнулся в другую сторону и попытался облобызать старушку.

— Все ж таки он пьяный! — сказала старушка.

Марципанов опустил на пол и горько зарыдал.

— Ну! — с торжеством сказала старушка. — Как есть, нажрался. Нешто трезвый так валяться-то будет?

— А зачем он про эксперименты болтал? — спросил с сомнением широколицый.

— Господи! Да по пьянке-то чего не скажешь! — разъяснила умная старушка. — Сосед мой, как напьется, так все то же — про политику говорит да про экономию. Пока к жене целоваться не полезет, так и не видно, что в стельку!

— Понюхать надо! — предложила дама, сидевшая сзади. — Пахнет от него алкоголем?

— Одеколоном пахнет, — сказал широколицый, сопев возле Марципанова. — Одеколон, наверное, и пил.

— Опытный, — сказал кто-то. — Все знает.

При этих словах широколицый зарделся, взял Марципанова под мышки и уложил на сиденье.

— Может, все-таки вызвать милицию? — неуверенно предложил худой гражданин в очках.

Марципанов вздохнул и плюнул в его сторону.

— Это другое дело, — сказал худой.

Старушка с сумкой наклонилась над Марципановым и потрясла его за плечо:

— Тебе выходить-то где, слышь, парень? Едешь-то ты куда?

— Любовь — кольцо! — промычал, зажмурившись, Марципанов.

— Ну вот, — сказала старушка. — Кто до кольца едет, помогите выйти ему. А то, не ровен час, под колесо попадет, пьяный же.

И старушка заспешила к дверям. Ей пора было выходить.

Все замолчали. Марципанов осторожно приоткрыл один глаз. Вокруг стояли люди. Добрые, внимательные, сердечные. Но трезветь не стоило.

Во всяком случае, до кольца.

ПРЕВРАЩЕНИЯ ШЛЯПНИКОВА

Лежа в кровати,

Шляпников дочитал последнюю страницу брошюры «Как себя вести» и заснул. Проснулся он другим человеком — он теперь знал, как себя вести.

Утро начинается со службы. Шляпников пришел на работу, сел за стол, откинулся на спинку стула и стал глядеть на сотрудников. Сотрудники приходили, усаживались, доставали из своих столов входящие и исходящие. Без пяти девять, как обычно, пришел Дорофеев и, как обычно, принялся с каждым здороваться.

— Здравствуйте, Борис Андреич, — бормотал Дорофеев, протягивая руку для пожатия. — Здравствуйте, Пал Палыч... Здравствуйте, Анечка! — сказал Дорофеев и протянул руку Анечке. — Чудесная у вас сегодня прическа.

— Ой, что вы! — расцвела Анечка и протянула руку Дорофееву.

— Постыдились бы! — раздался голос Шляпникова.

— Что такое? — испуганно посмотрели на него Анечка и Дорофеев.

— Хамство какое! — сказал Шляпников. — Пожилой человек!

— Что? Почему? — зашумели сослуживцы.

— Потому! — произнес Шляпников. — Разве мужчина даме первым руку подает?! Бескультурье! А вы, Аня, тоже вели бы себя поприличней! А то вот так, один руку протянет, другой. А там вообще...

Анечка заплакала. Дорофеев взялся за сердце.

Шляпников поморщился и сказал Дорофееву:

— Полюбуйтесь! Довели даму до слез! Культурный человек на вашем месте хоть воды бы подал!

И Шляпников вышел из комнаты. В остальном рабочий день прошел спокойно, потому что Шляпников решил себя пощадить и не трепать нервы по мелочам.

После работы Шляпников зашагал к магазину. Надо было купить подарок ко дню рождения Петухова.

Народу в магазине было много. Но очередь оказалась какая-то вялая, неразговорчивая. Да и продавщица работала быстро. Шляпников совсем было скис. Но, подходя с завернутым в бумагу галстуком к выходу, он приободрился. У дверей стояли люди, пропуская входящих с улицы. Шляпников ринулся вперед и прямо в дверях сшибся с заходящей в магазин бабушкой.

— Спятила, старая? — вежливо спросил Шляпников. — Совсем одурела?

— Ты что, сынок? — напугалась бабушка. — Дай пройти-то...

— Во-первых, надо говорить «пожалуйста», — сказал Шляпников. — Темнота! Во-вторых...

— Чего там встали? — крикнули сзади. — Пропустите женщину-то!

— Деревня! — бросил через плечо Шляпников. — У магазина культурные люди сперва пропускают входящих, а уже потом лезут. А эта прет, как танк. На похороны свои, что ли?

Когда Шляпников с женой пришел к Петуховым, гости уже сидели за столом, ели, пили, курили, шумели.

— Поздравляю! — сказал Шляпников Петухову, торжественно протягивая сверток. — Это вам подарок от меня и моей супруги. То есть, наоборот: от моей супруги и меня.

— Спасибо большое! — сказал Петухов. — Садитесь, сейчас мы вам штрафную — за то, что опоздали!

— Во-первых, — строго проговорил Шляпников, — если гость опоздал, значит, у него были веские причины, и говорить об этом неприлично и бестактно.

Шум за столом стих.

— Извините, — сказал Петухов, краснея, — я не думал...

— Думать надо всегда! — указал Шляпников. — А во-вторых, когда гость приносит подарок, его следует развернуть и посмотреть, после чего сердечно поблагодарить дарителя. Чек из подарка я тактично вынул.

— Простите, — пробормотал Петухов и потянулся было к шляпниковскому свертку.

— Теперь уже нечего! — с горечью сказал Шляпников. — Настроение гостям вы уже испортили. Кроме

того, здесь многие курят. А культурные люди прежде обязаны спросить окружающих, может, они не курят. Положим, мы с женой курим. Но все равно!

За столом воцарилась уже могильная тишина.

— Кушайте! — пискнула жена Петухова, — Кушайте, вот салат вкусный...

— Во-первых, — сурово сказал Шляпников, — хозяйке не подобает хвалить свои изделия. Гости сами похвалят, если сочтут нужным. Во-вторых...

Жена Петухова приложила платочек к глазам и выбежала из комнаты.

Кто-то боязливо сказал:

— А знаете анекдот: уехал муж в командировку...

— Во-первых, — сказал Шляпников, — анекдоты рассказывают лишь те, у кого за душой ничего нет. Во-вторых, анекдот может быть принят кем-нибудь из окружающих как намек. В-третьих...

Гости стали прощаться с Петуховым.

— Подождите, — сказал бледный Петухов, — может, кто хочет потанцевать...

— Во-первых... — начал Шляпников.

Комната опустела.

— Что ж, — сказал Шляпников, — посидели, пора и честь знать... Пойдем, Клавдия.

— До свидания, — сказал плачущий Петухов. — Приходите еще.

— Непременно, — учтиво сказал Шляпников. — Только, во-первых, запомните...

Дверь за ним захлопнулась.

— Никакой культуры, — сказал Шляпников жене.

— Жлобы, — вздохнула жена.

Она тоже читала книжки.

Приехав домой, Шляпников попил чаю, походил по комнате. Телевизор включать было уже поздно, а спать еще не хотелось. Шляпников задумался. Потом подошел к стенке и прилип к ней ухом. Отлепившись, он посмотрел на часы. Было пять минут двенадцатого. Шляпников расправил плечи и пошел к соседям по площадке.

— Добрый вечер, — открыл двери сосед, молодой человек с бородой. — Пожалуйста.

— Вежливый! — иронически сказал Шляпников. — Прочился бы себя вести в быту! — закричал он на бородатого.

— Что случилось? — выбежала в коридор какая-то сопливая девчонка в халате, должно быть, жена бородатого. — В чем дело?

— А в том! — Шляпников стукнул себя по часам. — Людям спать надо! А вы после одиннадцати на полную катушку включаете!

— Что вы! — сказал бородатый. — Мы спать ложимся. У нас только трансляция...

— Вот хамло, а! — сказал Шляпников. — Во-первых, старших некрасиво перебивать, во-вторых, все равно слышно, если прислушаться как следует! А в-третьих.

— Извините, — сказала девчонка. — Мы сейчас выключим.

— В следующий раз милицию вызову, — пообещал Шляпников. — Пусть она вас культуре поучит!

И Шляпников вернулся к себе.

— Смотри, какую я книжку купила, — сказала ему жена, когда он уже лежал в кровати. И дала в руки Шляпникову брошюрку под названием «Становление гармоничной личности».

Шляпников открыл брошюрку и стал читать.

Уже за полночь он перевернул последнюю страницу и заснул.

Проснулся он другим человеком. Теперь он был уже гармоничной личностью.

ПОЯВИЛСЯ СИДОРОВ

Второклассники

с грохотом прыгали по партам, кидались тряпкой, дупили друг друга по головам книжками. Было очень весело.

В класс вошел Сидоров. Возня стала стихать.

— Быстрее рассаживайтесь, товарищи, — сказал Сидоров. — У нас сегодня будет собрание Второклассники сели за парты.

— Товарищи, — обратился к ним Сидоров. — Для нормальной работы собрания нам необходимо избрать президиум. Какие будут предложения?

Девочка на второй парте у окна подняла руку.

— Пожалуйста, — сказал Сидоров.

— А Вова Юриков щекочется, — сказала девочка и села.

— Юриков, — сказал Сидоров.

— А она первая начала! — сказал сосед девочки.

— Больше серьезности, товарищи, — призвал Сидоров.

— А что такое президиум? — спросил кто-то сзади.

— Стыдно, — строго сказал Сидоров. — Вы, кажется, уже не в первом классе. Что, нет предложений? Тогда я предлагаю избрать президиум в составе двух человек. Кто за это предложение, поднимите руку.

Все подняли руки.

— Опустите, — разрешил Сидоров. — Кто против? Мальчик на третьей парте поднял руку.

— Ты против? — спросил Сидоров.

— Можно выйти? — спросил мальчик.

— Как собрание решит, — сказал Сидоров. — Как, товарищи, отпустим?

— Отпустим, — пискнул кто-то. Мальчик вышел.

— Так, — сказал Сидоров. — Какие будут предложения по составу президиума?

Девочка, которая раньше жаловалась на Вову Юрикова, подняла руку.

— Слово для внесения предложения предоставляется товарищу Плющ Ларисе.

— В президиум нашего собрания я предлагаю выбрать...

— Избрать, — поправил Сидоров.

— Я предлагаю избрать, — сказала Плющ Лариса, всплунулась и покраснела. — Ой, я забыла...

— Хорошо, что ты голову дома не забыла, — сказал Сидоров. — Товарищи, Лариса хочет нам предложить избрать в президиум Сидорова и Бляшкина. Правильно, Лариса?

— Правильно, — сказала Лариса.

— Кто за это предложение, — сказал Сидоров, — прошу голосовать.

Робко поднялась первая рука, затем — все остальные.

— Принимается единогласно. Ну, Бляшкин, быстрее, сами себя задерживаем.

Смущенный Бляшкин вышел к Сидорову. Сидоров пересадил мальчика и девочку с первой парты назад, парту развернули, и за нее лицом к классу сел Бляшкин.

— Товарищи, — сказал Сидоров. — В повестке дня у нас два вопроса. о работе санитаров второго «б» класса и выборы новых санитаров. Докладчик по первому вопросу просит пятнадцать минут. Какие будут сообщения по регламенту, товарищи?

В классе стало слышно, как Юриков ковыряет парту гвоздиком. Юриков испугался тишины и перестал.

— А что это такое? — боязливо спросила Таня Лукина.

Все с надеждой посмотрели на умного Бляшкина. Но что такое регламент, не знал даже член президиума.

— Регламент, — разъяснил Сидоров, — это свод правил, устанавливающий процедуру собрания. Надо знать. Бляшкин, теперь дай мне слово.

— Честное слово, — сказал послушный Бляшкин, — я больше не буду...

— Чего ты не будешь? — с досадой сказал Сидоров. — Ты скажи, что мне предоставляется слово для доклада.

— Слово предоставляется, — сказал Бляшкин и сел, красный как рак.

— Товарищи! — начал Сидоров, — День ото дня растет и хорошеет наш второй «б» класс. Вместе с тем порой еще встречаются факты формального отношения санитаров к своим обязанностям. Еще не всегда они должным образом проверяют чистоту рук у своих товарищей. Нередки случаи, когда на одежде товарищей имеют место кляксы. С подобным благодушием пора покончить. Хочется думать, — завершил Сидоров, — что настоящее собрание сможет поднять работу санитаров второго «б» класса на еще более высокую ступень.

Сидоров закончил доклад и сказал:

— Теперь начинаем прения. Кто хочет выступить? Ну, товарищи, смелей, это же волнует всех. Поднимайте руки.

Вова Юриков поднял руку.

— Бляшкин, — сказал Сидоров. — Дай товарищу слово.

— Честное слово... ой, слово предоставляется, — сказал Бляшкин.

— А меня вчера санитары записали, что руки грязные, а я мыл, а они не отмылись, а меня все равно записали, — сказал Вова Юриков.

— Частные вопросы, — сказал Сидоров, — мне представляется целесообразным решать в рабочем порядке. Кто еще хочет выступить? Так, тогда переходим ко второму вопросу повестки. Выборы санитаров. Бляшкин, ты будешь вести собрание как следует?

— Буду, — пообещал Бляшкин.

— Тогда спроси, какие есть кандидатуры.

— Какие кандидатуры есть? — спросил Бляшкин и, поглядев на Сидорова, добавил: — Сами себя задерживаем.

— Таня Щукина, — сказал Сидоров. — Ты тоже забыла?

— Нет! — сказала Таня. — Сейчас. Я предлагаю избрать новыми санитарами Сашу Васильева и Надю Морозову.

— Молодец, — сказал Сидоров. — Нет других предложений?

— Юрикова надо выбрать, — предложил Вова Юриков.

— Вовку! — закричало несколько голосов. — Давайте Вовку!

— Товарищи, — сказал Сидоров. — К делу следует подходить со всей ответственностью. Юриков для такой работы еще не созрел. Ему надо еще много поработать над собой.

— Что, съел? — сказала Плющ Лариса. — Съел?

— Лариса — крыса, — сказал Вова Юриков и двинул соседку локтем.

— Тише, товарищи, — сказал Сидоров. — Есть предложение подвести черту. Кто за это предложение? Бляшкин!

— Кто? — спросил Бляшкин. — Руки поднимайте.

Все, кроме Юрикова, подняли руки.

— Юриков, — сказал Сидоров. — Ты что, не хочешь голосовать за своих товарищей? Подумай хорошенько.

Забаллотированный Юриков посопел носом и поднял руку.

— Так, — сказал Сидоров. — Единогласно. Разрешите от имени собрания поздравить избранных товарищей и выразить уверенность. Что надо сказать?

— Спасибо, — сказали новые санитары второго «б» класса.

— Бляшкин, объяви о закрытии собрания, — сказал Сидоров, — и садись на место.

— Собрание закрывается, — объявил Бляшкин и сел на место.

— У кого есть вопросы? — спросил Сидоров.

— А когда у нас еще будет собрание? — спросила Таня Щукина.

— Скоро, — пообещал Сидоров. — В следующий раз будем вести протокол.

— Про чего? — заинтересовался Юриков.

— Я потом все объясню, — сказал Сидоров. — А сейчас можно идти домой.

Второй «б» беспорядочно выкатился в коридор. Кто-то за кем-то гнался, кто-то лупил кого-то портфелем, кто-то скакал на одной ноге. Промчавшись по коридору, класс пронесся вниз по лестнице, и крики уже слышались во дворе.

Сидорову просто смешно было смотреть на такую неорганизованность. Вожатый Сидоров был уже большой мальчик — он учился в шестом классе. Конечно, ему могло быть смешно.

197?

ПОД МУЗЫКУ ВИВАЛЬДИ

Я его сколько раз

предупреждал: «Коль, ты своего организма не уважаешь. Ты против организма пойдешь — он против тебя пойдет. Вот ты в завязке был, так? Потом помаленьку развязал, так? Ну так вот: обратно завязать захочешь — тоже помаленьку давай. А резко затормозишь — организм у тебя сбесится от неожиданности».

Как в воду глядел.

В прошлую субботу это было. Нет, в воскресенье даже. Потому что в субботу мы как раз у Коли на квартире гуляли. Провожали его брата назад в деревню. Мы брата Колиного на вокзал свезли, а потом вернулись — отметить, что свезли его на вокзал. Сперва у нас там еще было, потом Юра сходил, а потом Коля сбегал, принес, а ту бутылку мою — это уже мы с Юрой вдвоем, потому что Коля уже не мог. Ну да, в субботу. Ну а в воскресенье нормально все. Только, конечно, голова. Ну, конечно, освежиться пошел, к ларьку. Юра уже там был. Видимо, с ночи. Мы сперва с ним по большой взяли, а потом уже по большой. Потом взяли по большой, тут Юра и говорит:

— Давай еще по большой, что ли?

Стоим так, разговариваем.

И тут как раз из-за угла Коля выгребает.

Юра говорит:

— Пришел, Коль? Давай полечись. С утра-то после вечера.

А Коля стоит, не отвечает ничего и так задумчиво на нас с Юрой смотрит. Мне его вид сразу не понравился — больно задумчивый был.

Ну, пьем помаленьку с Юрой, и Юра говорит:

— Ну, чего делать будем?

Я говорю:

— А чего ты будешь делать? У меня вон двадцать семь копеек.

Тут Коля и начал.

— А давай, — говорит, — мужики, сходим куда.

Я говорю:

— Куда сходим, Коль? Я ж говорю: у меня двадцать семь копеек. А у Юры вообще ничего.

А Коля и говорит голосом таким нездоровым:

— Нет, — говорит, — я не про это. Давайте, — говорит, — для интереса куда сходим.

Юра говорит:

— В общежитие, что ли? Так как ты пойдешь? У него вон двадцать семь копеек, а я вообще пустой, а если у тебя есть, так чего ты выламываешься? Доставай, сейчас возьмем и к этим сходим, ну в общежитие.

А Коля глаза в небо уставил и говорит:

— Вы, — говорит, — мужики, не поняли. Я не то предлагаю, а я предлагаю сходить в какое место.

Я говорю:

— Ты чего, Коль, тупой? У нас двадцать семь копеек! Вон, гляди, двугривенный, пятак и по одной — вот одна, вот две. Куда сходить-то?

А он так это сплюнул и говорит:

— Хотя бы, — говорит, — в музей.

Юра как стоял, так кружку и выронил. Я говорю:

— Повтори, Коль, чего сказал?

А Коля так чутко отодвинулся и говорит:

— В музей — это я так, для примера. Лучше, — говорит, — в филармонию.

Тут уже я кружку разбил.

А Коля стоит как памятник «Гибель «Варяга» и говорит:

— Я, — говорит, — сегодня, мужики, рано проснулся и телевизор включил. И там, — говорит, — как раз один выступал профессор. И он сказал, что если только пить и ничего больше, так и будешь только пить и ничего больше вообще. А надо, он сказал, так жить, чтоб в библиотеку ходить, чтоб сокровища культуры, и также регулярно в филармонию.

Юра мне говорит:

— Ты чего ему вчера наливал? — И ему говорит: — Коль, ты чего, первый раз профессора по телевизору видал? Мало ли по телевизору кто чего скажет? Так всех и слушать, а Коль?

И мне говорит:

— Я понял. Я понял, Мишань, чего он по телевизору смотрел. Он передачу смотрел, где от этого дела гипнозом лечат. Я ее сам видел. Там точно, профессор выходит и говорит: «Водка — гадость! Я с водкой рву! Все рвем! Рвать!» И они там все рвут и отучаются. Коль, ты эту смотрел передачу, да?

А Коля говорит:

— Я на твои подначки не отвечаю. Я, — говорит, — без балды вас приглашаю. Я с утра в кассу ходил и на дневной концерт три билета взял. Как раз, — говорит, — у меня последняя была пятерка.

— Видал, Юр? — говорю. — Я ж помню, у него со вчера еще должна быть пятерка. Вон он на что ее пустил.

А Коля говорит:

— Идете, нет?

Стоит, подбородок задрал — как в кино разведчик, которого в тыл врага засылают. Только вместо парашюта — фонарь под глазом. Ему этот фонарь его брат поставил, который из деревни приезжал погостить. Потому что они с Колей поспорили, кто за меньше глотков бутылку портвейна выпьет. И Коля выпил за один. И думал, что выиграл. А брат его вообще без глотков — влил бутылку в себя, и все. А Коля сказал: «Без глотков не считается». А брат сказал: «Нет, гад, считается», — и навесил Коле фонарь. А Коля ему нос подправил. А потом они помирились, и мы это дело отметили, что помирились они.

Юра говорит:

— Видал? Во, гады, гипноз дают, а?

Я говорю:

— Его одного сегодня бросать нельзя — видишь, он поврежденный.

Ну, пошли — Колька впереди, мы сзади с Юрой.

Юра говорит:

— Хочешь, Коль, мы тебе мороженого купим? На все двадцать семь копеек. Хочешь крем-брюле, Бетховен?

А Коля только поглядел на нас, будто он правда Бетховен, а мы с Юрой два ведра мусорных.

Ладно, подходим к этой филармонии. У входа толпа, как у нас в торговом центре под праздник. Ну, по-

казались мы там, и по глазам ихним было сразу видно: нас они там не ожидали.

Коля так это небрежно свой фонарь ладонью прикрыл — вроде бы у него там чешется. А Юра, гляжу, как-то загрустил, как-то пропало настроение у него.

Говорит:

— Лучше бы в общагу сходили, там тоже музыка!

— Не бэ, — говорю. — Прорвемся!

Он говорит:

— Глянь-ка, у меня везде застегнуто?

Я говорю:

— Вроде везде. А у меня?

Он говорит:

— У тебя на рукаве пятно жирное.

Я говорю:

— Это у меня с пирожка. Вчера на вокзале. Я ж не знал, что у меня сегодня филармония.

И ладонью пятно закрыл, чтоб не видно было. Тут Коля и говорит таким гадким голосом:

— Идемте, товарищи, а то можем опоздать.

Ну, на «товарищей» мы ничего ему не сказали, встали плечом к плечу, как на картине «Три богатыря», только без лошадей, и пошли. Ну, Коля одной рукой глаз защищает, второй билеты сует.

Старушка долго на нас глядела — тоже, видать, не ждала. Но ничего не сказала, прошли мы внутрь.

А там — свет, колонны, паркет фигурный. Культурное место! Ну а мы так и стоим плечо к плечу возле стеночки. А эти все мимо нас парами гуляют. Один на меня поглядел, чего-то своей бабе сказал, та тоже поглядела, и засмеялись оба. Я думаю: «Ты бы у нас во дворе на меня засмеялся!..»

Тут к нам еще одна старушка:

— Не желаете, — говорит, — молодые люди, программку?

Ну, Коля глаз рукой еще плотнее прикрыл и отвернулся — мол, не нужна ему никакая программка, он, мол, и так тут все знает. Бетховен.

А Юра мне на ухо говорит:

— Это чего за программка? Наверде меню, что ли? Мишань, спроси ее, чего у них тут на горячее?

Он когда на нерве, из него всегда юмор прет.

Ну, купил я эту программку за десять копеек, но поглядеть не успел — звонок дали. Коля от стенки отлепился.

— Пора, — говорит, — в зал, товарищи.

Ладно, пошли в зал. Бетховен впереди; мы с Юрой за ним. Так и сели — мы с Юрой сзади, а Коля прямо передо мной. Юра у меня программку взял, зачитывает:

— «Музыка Возрождения. Антонио Вивальди. Концерт для двух скрипок, альты и виолончели». Слышь, Мишань, «Возрождение» — это как?

— Я что, доктор? — говорю. — На Рождество ее играли, наверное. На Новый год.

— Понятно, — Юра говорит. — С Новым годом, значит. Квартет, понял. Значит, четверо их будет. Как бременские музыканты. Видел по телику? Осел там классно наяживал.

А вокруг, между прочим, народ рассаживается. И ко мне с левого бока молодая такая садится, вся в бусах, в очках, и спина голая. И духами пахнет — такой запах! А у меня пятно как раз с ее стороны, ну, я его рукой зажимаю, как Колька свой фингал. И дышать стараюсь в сторону Юры.

И тут она вдруг ко мне:

— Простите, — говорит, — вы не слышали? Говорят, Лифшиц в Париже взял первую премию?

Ну, я ей, конечно, не сразу ответил. С мыслями собирался. Потом говорю:

— Ну.

Она говорит:

— А ведь они его сначала даже посылать не хотели. Представляете?

Я говорю:

— Ну.

Она говорит:

— А вы не в курсе, что он играл на третьем туре?

Я думаю: «Ну, Коля!» А ей говорю:

— На третьем именно как-то не уследил, замотался...

Так, думаю. Еще чего меня спросит — Кольке сразу по башке.

Но тут все захлопали — вышел на сцену этот самый

квартет бременский. Два мужика и две женщины. Все в черном.

Юра мне говорит тихонько:

— Слышь, Мишань, а чего у этого лысого такая скрипка здоровая? Он у них бригадир, что ли?

Я ему хотел сказать, чтоб он лучше у Кольки спрашивал, но тут на сцену еще одна вышла, в длинном платье, но уже без скрипки. И стала говорить про этого Вивальди, что он был в Италии великий композитор, и что его музыка пережила столетия, и из-за этого нам сегодня предстоит наслаждение. Долго говорила, я полегоньку расслабляться стал. Решил посчитать, сколько народу в зале умещается. Сперва стулья в одном ряду посчитал, потом ряды стал считать, чтоб перемножить. Но успел только перед собой, впереди, сосчитать, а позади уже не успел, потому что эта, в платье, говорить закончила и со сцены ушла. А эти поудобнее уселись, скрипки свои щечками к плечикам прижали, а лысый свою виолончель в пол воткнул. Смычки изготовили, замерли. Раз — и заиграли. И главное, быстрое такое сразу: ти-ти-ти-ти-ти — так и замелькали смычки. Минуту так играют, две, — ничего, не устают. Я на эту поглядел, которая от меня слева, она вся вперед наклонилась, шеей вытянула, духами пахнет. «Ладно, — думаю, — прорвемся».

И Юре говорю шепотом:

— Юр, — говорю, — гляди, какие светильники. Я б себе на кухню от такого не отказался. А ты б отказался?

А Юра глаза закрыл, на спинку откинулся.

— Мишань, — говорит, — отдыхай со светильниками. Дай я кайф словлю.

А эти знай, смычками выпиливают. Ти-ти-ти-ти-ти! Как заводные!

Я колонны посчитал. Красивые колонны, мраморные. Я Юру в бок толкаю, говорю:

— Юр, погляди, колонны какие!

А он уже все — спи, моя радость, усни. А тут еще сзади шикнули, что, мол, тихо, товарищ.

«Товарищ». Тамбовский волк тебе товарищ. Тихо ему. Да на, сиди, слушай своих музыкантов бремен-

ских, не расстраивайся. Только не надо на меня шикать. Не надо себя надо мной ставить, ты понял? У меня не хуже, чем у тебя, билет, а сижу даже ближе!.. Ти-ти-ти да ти-ти-ти. Умные тут все. Вон, вроде Коли... Уж лучше бы совсем зашил бы... И эта тоже со своим Лифшицем... Знаем... Сама-то — смотреть не на что... Позвонки с очками... А эти все наяривают. Ти-ти-ти... Быстро так и, главное, все вместе. Ти-ти-ти, ти-ти-ти... А потом вдруг раз — стоп машина!

Я думал, все. Но гляжу — не хлопает никто. Я один хлопал. Оказалось, не все. Оказалось, это у них пауза, ну, перекурчик такой. И тут же обратно смычки подняли — и поехали. Только уже не быстрое, а, наоборот, тягучее-тягучее и жалостное... Такая музыка, честно, у меня даже в животе засосало... Чего, думаю, это он такое жалостное сочинял, Вивальди этот... Жизнь, наверное, хреновая была... А может, за деньги... Эти вон тоже небось не за красивые глаза, тоже небось имеют со своих скрипачек... А которые в зале — они-то чего?.. За свои деньги, в выходной. И чтоб такое грустное... Дома больно весело, что ли?.. А эти, бременские, все играют, аж глаза позакрывали... Конечно, чего же не постараться... Колонны, светильники, духами пахнут... Конечно... А вот поставить их с восьмью до пяти... И вентилятор не работает. Или когда вночь... А так-то каждый бы мог... Думаешь, я б не мог?.. Я, может, еще в пионерлагере в хор хотел, да неохота было... А то сейчас бы сидел, как этот лысый со скрипкой здоровой, и дуриков расстраивал. И чувствую, чего-то у меня внутри такое поднимается, прямо не знаю чего... Ишь, глаза закрыли... Да на, я тоже закрыть могу... Охота мне на вас всех смотреть... Насмотрелся... Возьму, думаю, и уйду со своей шараги. Заявление на стол — и в гробу видал... Чувствую, такое внутри расстройство... Как тогда, в общежитии... Пришел к Надьке, сидим... Она взяла и цыган поставила... Всегда ставила — ничего, а тут расстроилась... Я говорю: «Надь, чего ты? Ну чего ты, Надь?» Сидит, ревет. Я говорю: «Да ты чего?» Она говорит: «Жалко». Я говорю: «Кого жалко, Надь?» — «А всех», — говорит. Ревет, и всё... Потом ничего, отошла... Повеселела... «Когда поженим-

ся?» — говорит. Тут уж я расстроился... И вот как вспомнил — обидно стало... Жизнь, да?.. Вот ходишь, гуляешь, пиво пьешь... Потом закопают тебя — и гуд бай, Вася... Чего жили-то? Умрем все. И Колька умрет. И Юрка. И эти музыканты бременские. И со спиной голой... Тогда уж духами не попахнешь... Вот тебе твоя филармония... И до того грустно стало! До того жалко! Прямо взял бы всех да поубивал!.. Прямо чувствую: еще немного — и не знаю, чего сделаю, но с резьбы соскочу!..

И эти бременские как почували. Остановились на момент, потом как рванут — быстрее, быстрее, прямо взвились штопором, смычков не видать! И вдруг раз — и амба!

И со всех сторон: «Браво! Бис!» Все хлопают. И Юрка от грохота проснулся, подскочил.

— Старшина! — кричит. — Отпусти руки!..

И — в слезы! Видать, страшное приснилось ему. Еще хорошо, в шуме не разобрал никто. Я его в бок: очухайся, Юра! А он со сна не соображает ничего, только слезы по лицу размазывает. Как я его на антракт из зала выволок — не помню. Спустились с ним вниз, где курилка.

Я к стенке его приставил, а он все всхлипывает.

— Ай, елки! — говорит. — Ну елки, а?!

Я его отвлечь пытаюсь.

— На, — говорю, — Юр, покури!

И папиросу ему в зубы сунул.

И тут вдруг эта подходит, ну, которая со мной сидела. На Юру поглядела и говорит:

— Да-да, — говорит. — Понимаю. Я тоже не могла сдержат слез. Особенно вторая часть. Закроешь глаза — и как волшебный фонарик в ночи, правда?

А этот стоит, весь в слезах, из носу дым валит.

И тут, вижу, появляется Коля. И робко так вдоль стеночки к нам направляется. Ну та Колин фонарь увидела — про свой забыла, пошла в другое место курить.

А Бетховен шага за два встал, на нас глядеть боится.

Я Юре говорю:

— Успокойся, Юр, не расстраивайся. Мы ж сюда ради друга нашего пришли. Ради товарища Коли.

А Коля потоптался, потоптался, потом все же подходит и так это неуверенно говорит:

— Тут, это... На второе отделение вроде обязательно... Я узнавал...

Я Юре говорю:

— Видишь, Юр. У товарища Коли организм с одного отделения в себя пришел. Это ж главное, Юра. А нам с тобой чего — у нас еще семнадцать копеек.

Тут звонки дали, народ в зал устремился, на второе отделение. Ну и мы с Юрой устремились — на улицу. Идем, а Колька тоже идет, но на расстоянии. Опасался — чего мы ему сделаем.

Возле дома Юра вдруг встал, ногой топнул и говорит:

— Ну, елки, а? Вот елки, скажи?!

Я говорю:

— Ничего, Юр, не бери в голову. Прорвемся.

А Коле говорю:

— Я тебя предупреждать больше не буду. Но если у тебя еще хоть раз организм сбесится — ты лучше с этого дома съезжай.

Ну, Коля, конечно, обрадовался, что мы его простили, и говорит:

— Так как насчет общаги, мужики? Может, зайдем у кого и сходим?

Юра только поглядел на него. А я говорю:

— Чего в общагу-то, Коль? Ну чего там, в общаге? Домой пойду. Спать буду.

И пошел домой.

Долго спал. До вечера. А потом опять заснул. И во сне все мысли разные снились. Про Надьку, и про шарагу нашу, и про Кольку, и про Вивальди этого. Чего, правда, он такое грустное сочинял? Хотя, может, во втором отделении веселей было. Хотя вряд ли, конечно.

Короче, сгорел выходной.

МЕСТО СРЕДИ ЗВЕЗД

Когда теперь меня

спрашивают, что главное для актера кино, я отвечаю: найти себя. А чтобы найти — искать, а искать — значит, пробовать. Вернее — пробоваться... Ах! Если бы вы знали, что это такое, когда режиссер впервые говорит тебе: «Я хочу попробовать вас на главную роль!» Да, он так и сказал! Он сказал: «Правда, придется попробовать еще трех актрис, но это для проформы, чтобы худсовет мог сделать вид, что они там что-то решают... Но снимать я буду только вас!» У меня даже глаз задергался! От волнения у меня всегда... А тогда — я была настолько наивна! Я же не знала тогда, что человечество делится на две половины: на честных людей и режиссеров... Это потом я выяснила, что каждой из тех трех он тоже сказал, что снимать будет только ее. Так что каждая из нас была за себя спокойна. И режиссер был спокоен — он с самого начала знал, что снимать будет только свою жену..

Теперь — если кто не знает, что такое пробы. Это значит — снимают какой-то эпизод будущего фильма с разными актерами, чтобы потом сравнить и взять того, кто хуже. Причем, если речь идет о главной героине, то — сто процентов — на пробах будут снимать любовную сцену. Моя сцена была такая: я признавалась главному герою, что люблю его. Он говорил, что любит другую. Я должна была зарыдать, потом крикнуть: «Подлец!» — и дать ему пощечину. Очень жизненно. Режиссер сказал: мне репетировать некогда, найдите партнера и порепетируйте сами.

Я репетировала дома. Партнером был мамин муж. Я его не выносила. И как только мама могла?..

Я с ненавистью глядела ему прямо в глаза и говорила: «Я вас люблю!» Он меня очень боялся. Он съеживался и, запинаясь, бормотал, что любит другую. Я рыдала так, что в стену стучали соседи. Потом кричала: «Подлец!» и с наслаждением отвешивала поще-

чину. После каждой репетиции он шел на кухню отдышаться. Там тихо плакала мама. Она считала себя виноватой перед нами обоими.

В общем, мне казалось, к пробам я готова. Но когда узнала, кто будет моим настоящим партнером... У меня задергались сразу оба глаза... Это был не просто известный... Это был... Ну, в общем, на площадке у меня от ужаса пропали слезы. Уж я и на «юпитер» смотрела, чуть не ослепла, и щипала себя за бедро — потом были жуткие синяки — ничего! Ни слезинки! А уж когда дошло до пощечины... Дубль, второй, третий — не могу! Режиссер орет: «Да пойми! Он же тебя унизил! Он же любовь твою предал! Он же гад! Неужели ты гаду по морде дать не можешь?!»

Я и так уже ничего не соображаю, а после этого у меня еще и горло перехватило. Ну, снова начали. И вместо «Я вас люблю» у меня вышло какое-то «Яй-юй-ююю...» Ну, тут партнер не выдержал. И режиссеру сказал, что он тоже любит кое-что. Например, чтобы с ним пробовались нормальные артистки, а не что-то икающее, мигающее и хрипящее... Я в таком шоке была, даже не сразу поняла, о ком это он... Зато когда до меня дошло... На нервной почве все получилось — и крик, и слезы!.. А уж что касается пощечины... В общем, сниматься он смог только через неделю...

Господи! Если б вы только знали, что это такое — провалить пробы!.. Как я плакала! Мама не спала ночей. Мамин муж ходил на цыпочках — считал, что это он виноват, плохо репетировал... И все же в глубине души я не теряла веры! Не может быть! Пробьюсь! Пусть не главная, пусть просто роль... Ничего-ничего, еще заметят! Оказалось — уже заметили. Вскоре после той пощечины ко мне подошел другой режиссер и сказал: «Не расстраивайся. Я был на пробах. Я все видел. Эти ослы не поняли, что у тебя взрывной темперамент. Снимать тебя буду я. Но у меня условие. Чисто творческое. Во время подготовительного периода я должен познакомиться с исполнителем как можно ближе. Только при этом условии я смогу полностью раскрыть твой талант. Ты меня понимаешь?» Чего же тут было не понять? Я ему сразу сказала, что при этом

условии у меня каждый сможет открыть талант. Может, даже гений. И пусть он поищет другую дуру. Надо сказать, другую дуру он нашел моментально. А я осталась со своим умом — но без роли...

Я была на грани! Я целыми днями молила бога: «Господи, если ты есть, придумай что-нибудь! Пусть не роль, пусть эпизод! Я согласна на все! Услышь меня, господи!»

Но бог не услышал. Зато откликнулся аллах — мне позвонили с «Узбекфильма». Видно, там тоже уже прослышали о моем взрывном темпераменте. Это была картина о разгроме банды басмачей. И режиссер придумал, что главаря басмачей должна играть женщина. Это была его находка. Он говорил: «Все будут думать, что он — это он, а он — это она! Такого еще не было, да?» Эпизод был такой. Я, — ну, в смысле, главный басмач обнаруживает проникшего в банду красного разведчика, срывает с него фальшивые усы и допрашивает под пыткой, чтоб тот выдал своих. Очень жизненно.

Я репетировала дома. Красным разведчиком был мамин муж. Я привязывала его к стулу, бегала вокруг с кухонным ножом и кричала: «Байской земли захотел, шакал?!» Мамин муж держался стойко, никого не выдавал, только жалобно поглядывал в сторону кухни. Он был дядька ничего... В Ташкент я прилетела в полной готовности.

На пробах моим партнером-разведчиком был сам режиссер. Сначала мне сделали грим басмача. Это уже было зрелище. А когда на меня надели полосатый халат и чалму, и я с маузером в одной руке и кривым ножом в другой появилась на площадке... Это был даже не смех. Один из осветителей вообще свалился прямо на камеру. А сам режиссер, увидев меня, успел только крикнуть: «Накиньте на нее чадру!» — и повалился в истерику. Но я-то уже была в образе! Я закричала ему: «Смеяться вздумал, краснопузый шакал?!» И со всей силы рванула фальшивые усы. Тут он так завыл! Я и забыла, что у него-то усы были настоящие...

Я летела домой и плакала. Я летела быстро. Но слухи летели быстрее. Известный комедиограф сказал:

«Я уже все знаю. Эти идиоты не поняли, что у вас потрясающее чувство смешного. Предлагаю вам роль. Практически та же басмачка — воспитательница детского сада. Очень добрая, веселая. Дети рядом с ней все время смеются... Согласны?» Еще спрашивал! Да я вцепилась в эту роль! Меня всегда восхищала Джульетта Мазина. «Ночи Кабирии», эта улыбка... У Мазины была улыбка — у меня будет смех!

С детьми я репетировала дома. Дети был мамин муж. Он скакал по комнате с мячиком в руках и вали-долом во рту и пытался смеяться. Славный мужик... Мама уже даже не плакала...

Пробы проводили в настоящем садике. Детям сказали, что к ним придет очень веселая, добрая тетя и спросит: «Кто хочет играть?» И дети должны были весело закричать: «Я! Я!..» Чтоб детям было как можно веселее, я, конечно, сделала тот самый грим басмачки. Только вместо полосатого халата был белый. И реакция детей превзошла все ожидания. Едва увидев смешную тетю, все сорок мальчиков и девочек забились под столы и стулья и завопили: «Мама!» А когда я спросила, кто хочет с тетей играть, все девочки и мальчики описались...

После этого я впала в настоящее отчаяние. По ночам снился один и тот же кошмар: толпы мокрых детей гнались за мной с кривыми ножами... Мама не выдержала — уехала в нервный санаторий. Мамин муж остался, чтобы поддержать меня. Но я была безутешна... И — напрасно! Ибо, господи, чем прекрасна наша жизнь? Тем, что в ней всегда есть место Случаю!

В один из тех мрачных дней я вышла со студии, села на скамейку. Рядом сидел какой-то человек и курил. Я вдруг решила — начну курить! Жизнь не удалась... Человек дал мне сигарету. Я затанула и ужасно закашлялась. И тут, увидав, как я кашляю, человек подпрыгнул и закричал: «Черт возьми! Где ж вы были раньше? Это же судьба!..»

Да! Это была судьба. Человек оказался режиссером, который утвердил меня на главную роль без всяких проб! Боже мой! Разве я могу забыть свою первую картину! Она называлась «Никотин — палач здоровья».

Успех был феерический! Говорят, увидев меня на экране, многие тут же бросили не только курить, но и все остальное... Мама плакала — на этот раз от радости. Мамин муж преподнес мне хризантемы. Чудный!..

А потом посыпались предложения!.. После «Никотина» была серьезная психологическая лента — «Алкоголик за баранкой». Очень сильный финал: разбитые «Жигули», я — под задним мостом, в ажурных колготках, под музыку Шопена... Гаишники рыдали.

А сколько за это время было интересных встреч! Вот недавно снималась в чудной картине: «Нерациональный пробег порожняка на железной дороге». Снимать надо было на вокзале. И вот приезжаем, — а там такая встреча! Толпа, улыбки, цветы!.. Я была так тронута! Говорю: «Зачем? Мне даже неудобно...» Они говорят: «А вы возьмите в сторонку...» Оказалось, встречали не только меня — в это же время прибывал поезд с Джульеттой Мазиной. Она вышла из вагона — у меня даже глаз задергался. Все та же улыбка!.. Потом это было в хронике: мы с ней в одном кадре. Правда, она на переднем плане, а моя улыбка там, в глубине... Но какая разница? Мы, профессионалы, не обращаем внимания на эти пустяки. Для каждого из нас главное другое. Главное — найти себя!..

1987

ЗАБОТЫ СЕРГЕЯ АНТОНОВИЧА

За стенкой раздался шум,

послышался женский крик. Потом женский крик перешел в мужской. Что-то загремело. Потом открылась дверь, и в комнату вошла Антонина Ивановна.

— Обратио Колька напился, — сообщила она. — Клаву бьет, гад такой. Слышишь ты или нет?!

— Мгм, — сказал Сергей Антонович.

— Все вы подлецы, — сказала Антонина Ивановна.

Она хотела развить тему, но за стеной снова загрохотало, кто-то побежал по коридору, хлопнула входная дверь. Антонина Ивановна вышла — посмотреть.

Сергей Антонович вздохнул облегченно, стал глядеть в окно и думать дальше.

Сергей Антонович Питиримов не мог бы с гарантией ответить, есть ли на свете телепатия. Сергей Антонович мог бы вообще послать того, кто стал бы приставать к нему с такими вопросами. Но к нему никто и не приставал. Однако с некоторых пор стали происходить вещи, которые никак не укладывались в рамки познаний Питиримова о материальном мире. И не то чтобы рамки эти были слишком узки — Антонина Ивановна выписывала популярный женский журнал, — но все же объяснить происходящее с материалистических позиций Сергей Антонович не мог. Впрочем, справедливости ради отметим, что и для большинства ученых в области человеческой психики еще имеют место белые пятна. Эти пятна и позволяют действовать феноменам, одни из которых различают цвета пальцами, другие запоминают наизусть телефонный справочник, а третьи одеваются во все заграничное, не выезжая за пределы родной области (так называемый телекинез)...

Как бы то ни было, с некоторых пор Питиримов начал получать сигналы. И тогда Сергей Антонович как бы раздваивался. Одна его половина оставалась

кладовщиком инструментального склада, мужем Питиримовой Антонины Ивановны, отцом Питиримова Вовы, другая же, лучшая часть Сергея Антоновича, вступала в контакт с Гологваем.

Когда это произошло впервые, Сергей Антонович решил, что в жизни не станет больше смешивать портвейн с пивом. Однако и вечером следующего дня, проведенного с примерной трезвостью, Гологвай снова заговорил, вернее, не заговорил, а, лучше сказать, вышел на связь.

Питиримов заикнулся было насчет Гологвая при жене. Антонина Ивановна отнеслась к этому с надлежащим сочувствием. «Дура я была, когда за тебя пошла», — сказала она Сергею Антоновичу и добавила, чтоб насчет рубля в субботу даже не заикался. Питиримов хотел сперва обидеться, но потом раздумал, решив, что, в сущности, Тоська и не может ничего понимать, потому что куда ей.

— Вовка! — сурово спросил сына Сергей Антонович. — Ты уроки учил?

— Ты чего? — удивился Вовка. — Мать уже в школу ходила!

— Мало ли что ходила! Ты вот скажи-ка, что у вас сейчас по географии?

— Азия, — сказал Питиримов-младший.

— А ну, скажи, — небрежно сказал Сергей Антонович, — где страна такая находится — Гологвай?

— Гологвай! — захохотал Вова. — Нету такого! Это Уругвай есть! И еще Парагвай! Гологвай! Ха-ха-ха!

— Ладно, — мрачно сказал Питиримов. — Это я тебя проверял. Смотри у меня...

Теперь Сергей Антонович принимал гологвайские сигналы почти каждый день. Это было ни на что не похоже — ни на телевизор, ни на радио, ни на телефон. Это был какой-то язык без слов — сразу в голове получались мысли. Начиналось всегда с мысли: «Привет тебе, далекий друг!» Ощущать себя далеким другом было приятно. Обыкновенно это слово Питиримов слышал, когда возле магазина его просили: «Слышь, друг, добавь семь копеечек!» А тут.. Нет, это было хорошо.

И вскоре Сергей Антонович оказался в самой гуще разных гологвайских дел. Дела были разные, странные и удивительные, пищи для переживаний хватало. Узнав, например, что гологвайцам нельзя иметь больше сорока детей, Сергей Антонович так огорчился, будто этот закон перечеркивал его личные жизненные планы. Он даже купил Вовке фонарик. На каждую следующую новость Сергей Антонович отзывался все сильнее. И самое глубокое впечатление произвело на него последнее полученное им телепатическим путем известие — о том, что некоторые гологвайцы хотят уничтожить дрокусы.

Что такое дрокусы, Сергей Антонович не понял, но сообщение его потрясло. «Что делают! — гневно подумал он. — Что хотят, то и делают! Уничтожить! Вот паразиты!»

От возмущения Сергей Антонович не мог заснуть до утра.

Придя на работу, он разыскал водителя электрокара, с которым был в приятелях.

— Здорово, — сказал Алеха. — «Спартак»-то, а?

— Слушай, Алеха, — сказал Сергей Антонович. — Надо что-то насчет дрокусов делать.

— Само собой, — понял Алеха. — В обед сбегает.

— Не надо бегать, — сказал Питиримов. — Это ж до чего додуматься надо! Уничтожить! Прямо за глотку хотят взять!

— Антоныч! — заржал Алеха. — С утра захорошел, что ли?

— Дурак ты, — сказал Сергей Антонович.

— Сам ты дурак, — не обиделся Алеха. — Приходи вечером, сообразим!

И Алеха поехал на электрокаре пить газводу.

Питиримов остался один.

Оглядываясь, чтоб не увидел никто из знакомых, Сергей Антонович пошел в заводскую библиотеку и попросил том Большой советской энциклопедии на букву «Д».

— «Дрозофила», — читал он. — «Дройзен», «Дромедар»...

Дрокусов в энциклопедии не оказалось.

— А другой энциклопедии у вас нету? — спросил

Питиримов.

— Что вы имеете в виду? — строго посмотрела библиотечкаша. — Есть Малая, есть словари, есть справочники по различным областям знания. Что вас конкретно интересует?

— Да нет, — сказал Питиримов. — Я так, вообще...

«По различным областям!» — передразнил он про себя эту бабу. — Доктора, так их, академики...

Он отдал том на букву «Д» и ушел.

В воскресенье Питиримов смотрел «Клуб кинопутешественников». На экране мелькали дворцы и хижины какой-то страны контрастов, мягкий голос за кадром рассказывал про латифудии и олигархии. Было такое ощущение, что вот-вот скажут и насчет дрокусов. Но ничего не сказали.

Назавтра Питиримов не пошел на работу. Письмо в газету с требованием, чтоб по вопросу дрокусов были приняты все меры, он запечатал в конверт и написал обратный адрес: «До востребования».

Ответ пришел быстро. Какой-то хмырь отписал «уважаемому Сергею Антоновичу», что дрокусов в природе не существует, равно как вечного двигателя и философского камня, и посоветовал Питиримову направить свои силы на решение практических задач, стоящих перед народным хозяйством.

«Камни-то тут при чем? — в сердцах подумал Питиримов. — Не знает, так уж молчал бы лучше...»

Сергей Антонович все еще стоял у окна и размышлял, когда в комнату вернулась Антонина Ивановна.

— Прибьет он ее когда-нибудь, — сказала она. — Сам-то хлипкий, а ручки — будь здоров, как грабли. Слышишь, ты?

— Мгм, — сказал Сергей Антонович.

— Чего ты все мычишь-то? — грозно спросила Антонина Ивановна. — Язык проглотил, что ли?

— Отстань, Тся, — кротко сказал Сергей Антонович. — Я тебя не трогаю.

— «Не трогаю!» — закричала Антонина Ивановна. — Я б тебе тронула! Чего ты все дни ходишь как мешком ударенный? На складе, что ль, чего?

— Ничего, — пробормотал Сергей Антонович. —

Сказал — отстань.

Антонина Ивановна уперла руки в бока, набрала полную грудь воздуха, но, взглянув на выражение лица Питиримова, не взорвалась, а растерянно спросила:

— Ты чего, Сереня?

И заплакала.

— Ну, завывала, — нежно сказал Сергей Антонович. — Чего реवेशь-то?

Он придумал, что делать дальше.

Он взял лист бумаги, ручку, сел за стол и, посопев, стал писать: «Мы, жильцы квартиры №18, как и жильцы всей лестницы нашего дома, осуждаем маневры против дрокусов, которые...»

У Антонины Ивановны, которая прочитала из-за спины Питиримова слово «маневры», от ужаса высохли слезы.

Сергей Антонович завершил письмо восклицательным знаком и пошел по квартирам собирать подписи. В целом жильцы подписывали охотно. Правда, в девятой квартире потребовали, чтоб Питиримов написал еще и про хулиганов, которые на стенках пишут, а бабушка из двадцать второй квартиры хотя и поставила закорючку, но при этом хотела непременно дать Питиримову три рубля — должно быть, приняла за водопроводчика. Обойдя весь дом, Сергей Антонович вернулся и велел Антонине и Вове тоже поставить подписи.

— Сереня, — осторожно спросила Антонина Ивановна, — а куда ты эту бумагу отправишь?

Сергей Антонович помрачнел. Это ему и самому было пока не очень ясно.

— Найдем! — сказал он сурово. — Отыщем управу. Пусть не думают. Ты вот сходи-ка, пусть Клава с Колькой тоже подпишут.

— Нету их, — сказала Антонина Ивановна. — Пока ты ходил, милиция его забрала. А она в поликлинику пошла... Гад такой! Хоть бы посадили!

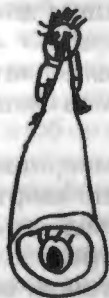
— Гад! — подтвердил Сергей Антонович. — Тут каждая подпись на счету...

В этот вечер за стенкой было, как никогда, тихо.

Никто не мешал Сергею Антоновичу размышлять о гологвайских делах и думать, что же еще можно сделать для дрокусов, которым срочно требовалась помощь.

1980

ЛЮДИ ДАМОНЕ

НЕСЕ

ХОДУТ

лон

Рублевский родился

в рубашке.

Так про него говорили впоследствии. Причем без всяких оснований, потому что на самом деле Рублевский появился на свет точно так же, как многие другие товарищи, а именно: голым и орущим. И все-таки Рублевский отличался от всех остальных детей, родившихся в тот день. У него были невероятно целеустремленные родители.

— Ты что кричишь? — строго спросила мама, когда ей первый раз принесли дитя. — Можно подумать, что ты воспитывался в лесу!

Рублевский затих и робко попросил у медперсонала извинения за беспокойство.

Он был привезен домой и одет в замшевую куртку, после чего папа отвел его на занятия в специализированную музыкальную спортшколу с математическим уклоном и преподаванием ряда предметов на ряде языков.

В это время сверстники Рублевского сидели в деревянных манежах, таращили бессмысленные глаза на окружающую действительность, сосали соски и ревели, не понимая, отчего вдруг делается мокро. К тому времени, когда они стали это понимать, Рублевский сменил замшевую куртку на кожаный пиджак и закончил школу.

Тогда же он впервые попытался передохнуть. С этой целью он отрезал кусочек кожи от пиджака, сделал рогатку и вышел во двор. Ему не удалось произвести ни одного выстрела.

— Создается такое впечатление, — сказал папа, отбирая рогатку, — что ты хочешь покатиться по наклонной плоскости.

И Рублевский был отправлен в институт, который он, чтобы не скатиться по наклонной плоскости, закончил раньше, чем его сверстники начали изучать в школе ботанику.

Когда ему вручали диплом, он уже был выдающимся фигуристом и выступал с сольными фортепьянными концертами.

Вторую попытку он предпринял, совершив дерзкий побег в кино, где показывали ленту про индейцев.

— Хорошо! — сказала мама, выводя его за руку из зала. — Растрянжировать самое дорогое, что есть у человека, — время! Что же с тобой будет дальше?

Рублевский понял, что дальше с ним будет аспирантура.

В день своего совершеннолетия Рублевский защитил диссертацию о некоторых ошибках в релятивистской теории Эйнштейна. После защиты его отвезли на аэродром. В самолете, который нес его на открытый чемпионат Австралии по теннису, Рублевский, чтобы не транжирить время, переводил Белинского на суахили.

У его сверстников в это время была пора первой любви.

Во время одного из выступлений в Карнеги-холле Рублевского известили о том, что он избран членом-корреспондентом Академии наук. После этого Рублевский сделал последнюю попытку. Ему тогда было больше тридцати, но меньше пятидесяти. Он взял старый «Огонек», лег на диван и стал заполнять клеточки кроссворда.

В это время дверь в комнату распахнулась.

— Полюбуйся на него, — сказал папа.

— Это влияние улицы, — уверенно сказала мама, пряча журнал.

С того дня Рублевский больше не противился судьбе. Вскоре имя его значилось во всех энциклопедиях и в известном британском справочнике с труднопроизносимым названием. Сверстники женились, заводили детей, выходили на пенсию, нянчили внуков. У Рублевского детей, кажется, не было, внуков, кажется, тоже.

Вскоре началась подготовка к семидесятилетию Рублевского. Его именем были названы законченная им школа с уклоном, таежный поселок и астероид небольшого диаметра. Про Рублевского говорили в киножур-

нале «Новости дня». Поэты, державшие руку на пульсе времени, написали о нем стихи. Поэты не державшие написали тоже. Прибыли делегации, представляющие самые широкие слои. Потом был банкет.

В этот день в глазах Рублевского было заметно какое-то странное выражение. Во время произнесения тоста представителем Шведской королевской академии он исчез.

Первым заметил его исчезновение папа.

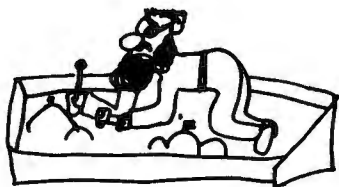
— Вконец распоясался! — произнес папа, тряся безволосой головой.

— Это кончится колонией! — откликнулась мама, поправляя проводок слухового аппарата.

Рублевского стали искать, но его нигде не было. Поехали домой. Всюду было пусто, только в детской комнате горел свет. Люди вошли.

Академик, двукратный олимпийский чемпион, лауреат премий и конкурсов, почетный гражданин трех европейских столиц, заслуженный тренер, народный художник и президент общества дружбы с республикой Неландией сидел в деревянном манежике и складывал башню из разноцветных кубиков. Вокруг юбиляра валялись погремушки. Рублевский счастливо улыбался, и его можно было понять.

1974

Вызывают меня и говорят

— Пойдешь завтра членом жюри, кинофильмы оценивать.

Я говорю:

— Не пойду. Я только что выставку служебных собак уже открывал.

Они говорят:

— Собаки собаками, а об киноискусстве тоже проявляется большая забота.

Я говорю:

— Ребята, мне втулки точить надо. И потом образования у меня не хватает.

Они говорят:

— Мало ли у кого чего не хватает! Главное, нутро у тебя здоровое. Ты не бойся, там еще одна с ткацкой фабрики направлена. У нее опыт есть, она конкурс виолончелистов судила.

Ладно, прихожу в указанное время в назначенное место. Все уже в сборе. Мужики все в замше, женщины — в париках, ткачиха — в юбке. Со мной все — за руку. Потом главный подходит, тоже за руку.

— Вы, — говорит, — с шарикоподшипникового?

— Ну, я, — говорю.

— Надо вам будет, — говорит, — высказать мнение по поводу новой картины «Судьба Антонины».

— Ясно, — говорю. — Мнение мое — положительное!

Он говорит:

— Обождите...

Я говорю:

— Тогда — отрицательное!

Он говорит:

— Не волнуйтесь. Тут, в общем, такое правило, что сперва надо посмотреть.

Ну, стали все перед экраном рассаживаться. Парик — замша, парик — замша... Я рядом с ткачихой сел. Только свет погасили, чувствую — ткачиха хорошая.

И началось кино. В смысле — цирк!

Потому что кто кого играет — не понять. Звука нет, одна музыка. Изображение, правда, было. Но не цветное, а черно-белое. Причем белого мало. А потом и черное пропало.

Как оно пропало, одна замша и говорит:

— Это же надо, какие съемки! Прямо Лелюш!

И все вокруг тоже:

— Какой Лелюш! Какой Лелюш!

И ткачиха мне тоже:

— Какой нахал!

Я ей хотел сказать, что я ни при чем, просто съемки такие — не видишь, куда руку кладешь...

Тут как раз снова изображение появилось. Только зря оно появилось, потому что звук пропал. Тут какой-то парик опять говорит:

— Это ж надо, какой монтаж! Прямо-таки рука Феллини!

И все опять:

— Рука Феллини! Рука Феллини!

И ткачиха мне опять:

— Это ваша рука?

Я говорю:

— Сказали же, рука Феллини.

И тут — бац! Пленка оборвалась. На самом интересном месте! Ну, свет зажгли — оказалось, это не обрыв пленки, а конец фильма. И всё жюри сидит как бы потрясенное. И я со всем жюри тоже сижу вроде бы потрясенный.

И вот встает главный и говорит, что только что мы увидели интересный фильм самобытного мастера и надо об этом фильме поговорить и поспорить.

Ну, встает первая замша и начинает спорить, что ему тут сидеть было очень волнительно, потому что он тут увидел манеру Пудовкина.

Я ему хотел сказать, что, во-первых, не Пудовкин, а Пуговкин. А во-вторых, где он тут его видал? Я лично не видал.

Но тут встает второй, только не в замше, а совсем лысый, и говорит, что ему, наоборот, очень волнительно. Но не потому, что тому было волнительно, а потому, что он тут почувствовал Эйзенштейна.

Ну насчет Эйзенштейна — это я понял. У нас на участке его однофамилец работает, Гуревич. Так они все поговорили и поспорили. Снова встает главный и говорит:

— А теперь, товарищи, хотелось бы заслушать мнение общественности с шарикоподшипникового завода, для которой мы и создаем все наши произведения.

Тут ко мне все обернулись, смотрят, вроде бы им жутко интересно, что же я про ихнее кино скажу. А мне это и самому интересно.

Ну, вынимаю свою бумагу и говорю, что наш участок план по втулкам в прошлом квартале перевыполнил! И в этом тоже успешно претворяет. Чувствую, что они все жутко волнительно. Читаю дальше, про себестоимость, потом говорю, что ихнее произведение оставило во мне неизгладимый след. И что особенно взволновал меня образ Антонины, который воплощает в себе...

Чего он воплощает, я сказать не успел — входит в зал какой-то парень и что-то на ухо главному шепчет. И тот встает и говорит, что всем им бесконечно важна моя оценка образа Антонины, но только механик извиняется, потому что по ошибке вместо Антонины прокрутил нам кино из жизни вирусов. И потому, говорит, давайте сперва все ж таки посмотрим настоящую картину, а потом товарищ с шарикоподшипникового продолжит свой глубокий анализ.

Я сперва хотел сказать, что за один отгул два раза анализировать... А потом раздумал: кино-то бесплатно тоже не каждый день...

Ну, опять свет погас, музыка пошла, скрипочки... Замша опять бормочет:

— Ах, Феллини! Ах, Антониони!

А я рядом с ткачихой сижу — мне это все сплошной Лелюш.

Лишь бы пленка не рвалась.

1972

тут ум
тут но
коток ум R
А. нияиотуП
П. нияиотуП
тэвтэв тут

Меня тетка

все к себе на дачу звала: приезжай, свежий воздух, опять же на огороде поработаешь.

Ладно, уговорила.

В выходной надел джинсы старые, футболку, поехал. По грядкам поползал, в озере искупался, дров тетке наколот. Тетка, молодец, за ужином — как положено. Ну, я принял под грибочки, с утра еще настроение улучшил. Спасибо, говорю, тетка. Будь здорова.

Иду на станцию, сажусь в электричку, еду в город.

Приезжаю. На вокзале — давка, все с чемоданами, с узелками. Многие трезвые. Поносило меня по перрону, помяло и на привокзальную площадь выбросило. Прямо к автобусу. Но не к нашему, а к интуристовскому. Их сейчас в городе тьма. Понятно, летний сезон. За границей сейчас только наши послы остались, а все иностранцы — здесь, под видом туристов.

Пробираюсь мимо ихнего автобуса к своему, как вдруг налетают на меня человек тридцать, обступают, по плечам хлопают, «Джек!» кричат.

— Вы чего говорю ребята? Лишнего взяли, что ли?

Они не слушают, орут, жуют, все, как я, в футболках старых, джинсы заплатанные — сразу видно, из зажиточных семей народ, буржуа.

Я только рот снова раскрыл, как из автобуса еще одна выскакивает. Тоже вся в джинсах, но уже без заплат — переводчица, значит.

Тоже «Джек!» кричит, ко мне подскакивает и по-английски шпарит. Ну, я вспомнил, чему меня в школе учили, и на том же английском отвечаю:

— Данке шон!

На всякий случай перевожу:

— Чего прицепилась?

А она с улыбочкой:

— Да-да, — говорит, — я очень рада, что вам нравится наш язык, но только пора ехать в отель.

Эти все услышали, тоже закричали: «Отель, отель!», меня в кольцо и — в автобус. Переводчица впереди уселась, а остальные иностранцы — кто куда. Кто песни поет, кто целуется, кто смирно сидит, уважая местные обычаи.

Я говорю:

— Ребята! Пустите меня отсюда, потому что мне завтра на работу в полшестого вставать.

Они как захохочут. «Джек!» — кричат и пальцами себя по щеке щелкают. Уже наши жесты успели перенять.

Тут автобус поехал.

«Ладно, — думаю, — у гостиницы выйду. Дай пока хоть город посмотрю». Еду, смотрю. Своеобразный у нас город, оказывается. Шпили какие-то, купола. «Надо, — думаю, — будет ребятам показать».

Вот автобус тормозит, дверь открывается. Эти все орут: «Отель! Отель!»

Я так вежливо говорю:

— Спасибо, джентльмены, за поездку.

Они опять не слушают, опять меня в кольцо, и в гостиницу. Там нас уже администратор встречает.

Я — к нему.

— Товарищ, — говорю. — Пошутили — и хватит! Давайте я отсюда пойду, потому что мне завтра в утро выходить.

А переводчица администратору говорит:

— Вы не удивляйтесь. Этот от самой границы все пьет, уже и родной язык забыл.

И переводчица двоим чего-то по-английски шепнула, которые поздоровее. Те говорят: «Йес!», меня под руки берут, в номер ведут, кладут на кровать и дверь за собой запирают.

Ну, до этого я один раз в гостинице уже жил, в средней полосе. Тоже в люксе. В смысле — с водопроводом. Горячей, правда, не было, зато холодная — почти каждую неделю. И соседи по люксу симпатичные ребята попались, все семеро. А тут соседей — один телевизор. Ну, я включил, гляжу и думаю, как отсюда выбираться? Пока думал — заснул.

Проснулся в автобусе. Эти-то, сразу видно, буржуа, никакого чувства локтя: сами позавтракали, а меня

Главное
в
фотографии:

РАЗГЛЯДЫВАЕМЫЙ
ЕЩЕ НЕ ЗНАЕТ
ТОГО, ЧТО ЗНАЕТ
РАЗГЛЯДЫВАЮЩИЙ.

Бухара.

Прадед и прабабушка.

Еще не знают, что будет революция.

Что из шестерых детей после второй мировой останется трое.

Что у Розалии (с гитарой) родятся две дочки,
старшая из которых станет моей мамой

*Мамина мама.
Не знает еще, что сделается моей
любимой бабушкой*

*Мама.
Еще не знает, что станет музыкантом,
и выйдет замуж за журналиста*

Папа.

*Не знает, что фотографий
родственников по его линии
у меня почти не останется*

Ташкент.
Мамина мама.
Папин папа.
Читаю им монолог Чацкого

«Все счастливые семьи...»
Они еще не знают,
что папа вскоре будет видеть меня
только на присланных мамой фото —
отправится строить Волго-Дон...

*Елка — в детсаду. Вéлик — чужой.
Еще не знаю, что первый (и последний)
собственный куплю только в тридцать лет.
И тот через два дня сопрут...*

Армия, авиация, флот.
Оборонному комплексу
я всегда придавал большое
значение

*Ташкент. Соседка.
Нет, я был для нее слишком молод*

Уже Ленинград.
Последний снимок
в штатском...

... дальше —форма

Пионерлагерь — 58.

Еще не знаю... слава богу, еще ничего не знаю.

Флаг в руки — и торжественный восторг

*В музшколу брали дважды.
Сперва в класс рояля, потом — кларнета.
Оба раза бросал.
Кончилось аккордеоном при домоуправлении*

Уже, конечно, институт.
Идем, конечно, на демонстрацию.
Поем, конечно, Высоцкого

*Сейчас поедem на целину.
Еще не знаем, кто кого полюбит,
кто кого разлюбит...*

*Казахстан — 67.
Еще не знаем, что возводим коровники
на земле будущей заграницы*

Он знает, что я ничего не знаю.
Я знаю, что он это знает.
Оба знаем, что диплом
инженера-электрика я получу

голодного в автобус снесли.

«Ладно, — думаю, — придет время, за все ответите!» А мы тем временем уже к музею подъезжаем. Я на часы смотрю: все, считай, прогул поставили.

«Хрен с вами, — думаю. — Не первый раз... Посмотрю хоть, что за музей такой». Помню, в школе-то в зоопарк ходили, мне понравилось.

Тут оказалось не как в зоопарке, но тоже красиво. Картины висят, тетка к нам вышла, у каждой картины останавливается и по-английски объясняет. Я сперва-то молчал, не хотел знание русского языка показывать. Потом все ж таки говорю:

— Я извиняюсь, а сколько, например, вот эта картина может стоить?

Тетка аж позеленела вся.

— Как вы можете? — кричит. — Это же искусство! Это в вашем обществе привыкли всё на деньги!

Я говорю:

— Тихо, тетка, я свой!

Она говорит:

— Тем более стыдно, раз вы переводчик!..

В автобусе эта девица, переводчица, опять подсаживается, и опять по-английски. Отвечаю ей на том же языке, но с сильным шотландским акцентом:

— Пошоль ты...

— Ой, — говорит, — у вас к языкам большие способности. А сейчас, — говорит, — Джек, мы едем на экскурсию на завод.

А мне уже все равно.

Только когда мы приехали, стало мне уже не все равно. Потому что тормозит автобус у родного моего предприятия, где мне сегодня надо было находиться с восьми утра.

— Стойте! — кричу. — Не желаю на ихний завод! Я, может, в ресторан желаю!

Как же! Берут меня в кольцо — и в проходную. И напрямик к моему участку. Выходит к нам Фомичев и от лица трудящихся нас тепло приветствует. Потом на меня смотрит и говорит:

— Ну, до чего этот мистер на одного нашего рабочего похож! Жаль, он сегодня не вышел, заболел. Ско-

рее всего... А то бы им очень интересно было бы друг на дружку посмотреть.

Потом рассказал Фомичев о наших успехах, оборудование показал, на вопросы ответил:

Я тоже вопрос задал:

— Извиняюсь, — говорю, — мистер Фомичев, а если тот ваш рабочий, скажем, не заболел, а прогулял, тогда что?

Фомичев говорит переводчице:

— Скажите этому мистеру, что его вопрос — это провокация в духе холодной войны и что, во-первых, у нас прогульщиков нет, а во-вторых, с каждым днем становится все меньше и меньше!

Ну, потом расписался я еще в книге почетных посетителей. Написал, что посещение завода запомнится мне на всю жизнь.

После завода переводчица говорит:

— Сейчас поедem в гостиницу, а потом осмотрим наши новые жилмассивы.

То ли это она по-русски сказала, то ли я уже английский стал понимать, но только думаю: «Дудки! Мало мне завода, этак мы еще ко мне в квартиру придем. У меня обеда на всех не хватит. Придется милицию звать».

Но обошлось без милиции.

Только мы к гостинице подъехали — гляжу: у входа два швейцара одного мужика под мышки поддерживают. Эти мои, его как увидели, чуть с ума не сошли. «Джек! — кричат. — Джек!»

Короче, настоящий нашелся.

Гляжу — и правда, похожи мы с ним, как близнецы, только он выпил больше.

Ну, все вместе с переводчицей к нему бросились. И я бросился. Но в другую сторону.

Назавтра прихожу на работу, ребята говорят:

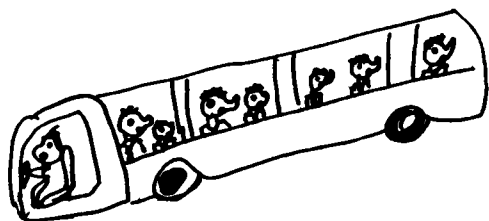
— Слышь, тут вчера иностранцев водили. До чего один на тебя похож был, представить не можешь.

— Почему? — говорю. — Бывает.

— Да нет, — говорят. — Так-то он похож, но по глазам сразу видно — сволочь. Все про твою получку интересовался. А сам, небось, миллионы гребет.

— Ясное дело, — говорю. — Может, даже миллиарды!..
И пошел Фомичева искать, чтоб прогул не ставил.
Что, мол, тетка заболела, и все такое.
А то потом оставит без премии — и всё.

1976

Придя на работу,

Сpirкин снял в гардеробе пальто и подошел к зеркалу. В зеркале возникло поясное изображение Сpirкина: рубашка, галстук, пиджак. На пиджаке благородно блестели золотые пуговицы. Вокруг хитроумного рельефного герба со львом в центре шла надпись по-латыни, смысла которой не знал никто, и, возможно, в этом был ее смысл. В зеркале отразились две пуговицы. Третьей не хватало.

Сpirкин провел ладонью по пиджаку, глянул на пол, поискал в карманах, потом снова посмотрел в зеркало и нахмурился.

— Куда же она девалась? — произнес он вслух.

С нахмуренным лицом Сpirкин стал подниматься по лестнице.

— Здравствуйте, Дмитрий Дмитриевич, — многозначительно посмотрев на часы, сказал начальник, когда Сpirкин вошел в отдел.

— Подождите, — сказал Сpirкин.

Он сидел за столом и думал.

— Дима, — подошел к столу Сpirкина инженер Орехов, — у тебя акты о внедрении новой техники?

Сpirкин поднял голову и посмотрел на Орехова долгим взглядом.

— Мне для отчета, — сказал Орехов неуверенно. — Ну извини, старик... Я потом...

И Орехов отошел, оглядываясь.

Час Сpirкин сидел неподвижно.

По отделу пополз слух, что у Сpirкина в семье неприятности, скорее всего даже несчастье. Инженеры Хохлова и Воскобойникова рассказывали друг другу о болезнях, от которых теперь все умирают. Профорг Щеглова стала писать список сотрудников для сбора средств в пользу Сpirкина.

Еще через полчаса Спиркин шевельнулся. Он достал из ящика стола бланк увольнительной и, заполнив его, подошел к начальнику.

— Да-да, — торопливо сказал начальник, ставя свою подпись. — Я понимаю, как вам сейчас тяжело. Что делать, все там будем...

Спиркин шел по направлению к дому, глядя под ноги. Один раз он с заколотившимся сердцем бросился к блеснувшему золотому предмету, но предмет оказался пробкой от бутылки.

Войдя домой, Спиркин начал обыск. Из шкафа полетели верхняя одежда и белье. Перетряхнув постель, Спиркин заглянул в шкатулку жены и в ее хозяйственную сумку.

Пуговицы не было.

Спиркин подошел к окну. Между домом Спиркина и автобусной остановкой ударными темпами шло жилищное строительство. Рычали бульдозеры, сверкала электросварка, валялись трубы.

— Строительство, — пробормотал Спиркин.

Он спустился по лестнице и пошел к стройке. Поиск глазами, Спиркин увидел экскаватор. Кабина была пуста, ковш лежал на земле, но двигатель работал.

Спиркин никогда прежде не управлял экскаватором, но надо было проверить — может, пуговица упала, когда Спиркин шел к автобусу, а потом ее затоптали.

Спиркин заканчивал проверку на шестиметровой глубине, когда в кабину вскочил человек в стеганых штанах и выпихнул Спиркина из экскаватора.

— Ты что наделал? — закричал человек, добавляя после каждого слова два других. — Мне этот котлован по плану месяц копать надо! А теперь из-за тебя норму поднимают!

И человек произнес в адрес Спиркина яркую речь, в которой нефольклорным было только слово «зараза».

Спиркин вернулся домой, сел на стул и стал думать.

— Автобус! — подумав, сказал он.

В автобусном парке Спиркин вошел к директору.

— Я потерял пуговицу, — сказал он. — В вашем автобусе. Вчера или сегодня.

Директор открыл рот, чтобы сказать то, что ему хотелось, но, поглядев на Спиркина внимательно, сказал:

— Где ж я вам ее возьму? В каком автобусе?

— Третьего маршрута, — сказал Спиркин. — Золотая пуговица. Со львом.

— Со львом, — тихо повторил директор. — Так сейчас автобусы на линии. Двадцать шесть машин!

— Я подожду, — сказал Спиркин.

— Да, может, пуговицу-то вашу подобрал кто-нибудь, — осторожно сказал директор.

— Этот вариант я рассмотрю позже, — сказал Спиркин.

— Ага, — сказал директор. — Понимаю. Ну, идите на кольцо и ищите себе на здоровье. Скажите, я разрешил.

К ночи Спиркин проверил двадцать четыре машины. Пуговицы не было.

В восемь утра Спиркин вошел к директору автобусного парка. Увидев Спиркина, тот побледнел.

— Где еще две? — спросил Спиркин.

— Сейчас, — торопливо сказал директор. — Только вы не волнуйтесь. Одну машину у нас забрали для «Интуриста». Расширяются связи с другими странами...

— А вторая? — строго спросил Спиркин.

— Вторая в аварию попала, — вздохнул директор. — Водитель в больнице, машину на авторемонтный повезли.

В больнице Спиркину сказали, что шофер очень плох и свидания с ним не разрешаются.

— У меня особый случай, — сказал Спиркин.

— Так у него уже были из милиции, — сказали Спиркину. — Или вы из...

— Я «из», — сказал Спиркин.

— Только постарайтесь его не утомлять, — предупредили Спиркина. — Для него сейчас покой — это жизнь.

— Ясное дело, — сказал Спиркин.

Шофер лежал, забинтованный с ног до головы. Ему было нехорошо.

— Я насчет пуговицы, — сказал Спиркин. —

И в вашем автобусе ехал и пуговицу потерял. От пиджака. Может, конечно, и в другом автобусе, который в «Интурист» забрали, но вам лучше вспомнить.

— Не понимаю я, — сказал с трудом шофер. — Чего вам от меня надо?

— Что тут понимать? — удивился Спиркин. — Золотая такая пуговица. С буквами и со львом. Не видели? Вы думайте, думайте, я не тороплю.

— Плохо мне, — сказал шофер.

— Очень плохо, — подтвердил Спиркин. — Потому что нельзя так небрежно относиться к своим обязанностям.

— Мама, — сказал шофер, теряя сознание.

Из больницы Спиркин поехал в «Интурист». Там удалось выяснить, что в его автобусе каких-то французских ученых повезли на космодром, где им покажут запуск ракеты.

— Как туда попасть? — спросил Спиркин.

— По коридору прямо и направо, — ответили ему. — Там у нас медпункт.

— Над собой смеетесь, — заметил Спиркин.

У космодрома его остановили.

— Золотая пуговица, — сказал Спиркин.

— Это вчерашний пароль, — сказал часовой.

— Разве? — удивился Спиркин.

— Слишком много работаете, — сочувственно сказал часовой. — Себя не щадите...

Возле ракеты Спиркин увидел автобус. В нем никого не было, кроме водителя.

— Вы тут золотой пуговицы не находили? — спросил Спиркин.

— Пуговицы? — переспросил водитель. — А вы спросите, может, кто-нибудь из ваших подобрал.

И водитель, забыв удивиться тому, что понимает французский язык, кивнул в сторону громадной ракеты.

На лифте Спиркин поднялся к самому люку ракеты. На площадке перед люком стояли французы, которым наши что-то объясняли. Спиркин протиснулся поближе к одному из французов.

— Вы тут пуговицы не видели? — прошептал он.

— Тс-с-с-с! — сказал француз, делая вид, что его интересует ракета.

«Хам», — подумал Спиркин и повернулся к другому французу:

— Вам тут пуговица не попадалась? Я ее в автобусе потерял. Такая, со львом.

Француз заулыбался и закивал в сторону ракеты.

— Там? — тихо спросил Спиркин. — Как она туда попала?

Француз снова кивнул на ракету и поднял большой палец.

— Еще бы, — сказал Спиркин. — Такая пуговица! И тихонько влез в люк.

Внутри ракеты было тесновато. Спиркин стал искать. Он обшарил все что можно, но ничего не нашел.

Спиркин опустил в глубокое кресло и начал размышлять. От размышления его оторвал шум закрывающегося люка. Он хотел встать, но раздался мощный гул, и огромной тяжестью Спиркина вмяло в кресло.

— Что за шутки? — прохрипел Спиркин. — Алло!

В ответ перед ним загорелись лампочки, тяжесть увеличилась. А потом Спиркин услышал голос.

— Чижик, — позвал голос. — Я — Лютик.

И спросил про какие-то параметры.

— Это вы меня? — с трудом спросил Спиркин. — Я сам здесь случайно!

— Это ты, Чижик? — удивился голос. И сказал, чтоб Чижик перестал валять дурака.

Спиркин сказал, что это Спиркин говорит, и чтоб голос сам перестал валять дурака и выпустил бы его отсюда, потому что ему некогда.

Спиркин услышал, как голос совещается с другими голосами. Из-за сильного треска он разобрал только три фразы: «Надо было согласовывать!», «Разгильдяйство!» и «Лишить премии!»

— Кого лишить? — заинтересовался Спиркин.

Однако голос больше не откликался, вместо этого Спиркин услышал: «В эфире — «Маяк». Передаем концерт по заявкам воинов-пограничников». И вместе

с первыми звуками песни «Я люблю тебя, жизнь...» Спиркин стал невесомым. Побарахтавшись в воздухе, он добрался до иллюминатора. Там, соперничая в блеске с двумя пуговицами на пиджаке Спиркина, неспешно плыли звезды...

...Спиркин вылез из люка, прыгнул на землю и посмотрел по сторонам. Вокруг была пустыня. Спиркин хотел подумать что-нибудь, но не успел. Земля перед ним зашевелилась, и оттуда стали выскакивать люди.

«Дружинники, — понял Спиркин. — В милицию поведут!»

«Дружинники» окружили Спиркина. Один из них вытащил какую-то трубу и приложил к губам.

— Планета Марс приветствует посланца Земли, — услышал Спиркин.

— Тьфу! — сказал Спиркин. — Я-то испугался.

— Тебе нечего бояться, — сказал марсианин в трубу. — Мы ждали тысячи лет, пока вы сможете принять все знания нашей цивилизации. И вот этот великий час настал!

Все марсиане согласно затрясли головами.

— Вы тут пуговицы не видели? — спросил Спиркин. — Золотая пуговица такая, от пиджака.

Марсиане обеспокоенно переглянулись.

— Мы не знаем пуговиц, — сказал главный. — Но мы умеем делать хлеб из песка, и овладели антивеществом, и победили все болезни, и мы ждали тысячи лет, и вот настал великий миг..

— Это все ясно, — сказал Спиркин.

Он повернулся и полез в ракету. Закрывая люк, он увидел, что марсиане отчаянно скачут и размахивают руками. «Пуговиц не знают, — подумал Спиркин. — Дикари!»

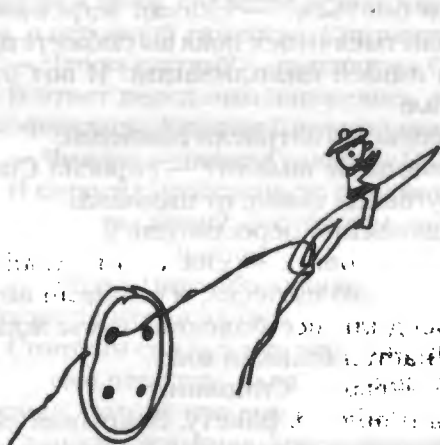
Он уселся в кресло. Надо было продумать дальнейшую линию поиска. Внизу суетились маленькие фигурки. Потом они пропали. Спиркин думал. Внезапно он хлопнул себя по лбу и тут же стартовал с Марса.

«Шляпа! — выругал он себя. — Вот шляпа!»

Он удовлетворительно перенес перегрузки и перешел к состоянию невесомости.

Вскоре в иллюминаторе показалась Земля. Спиркин прилепился к стеклу и стал смотреть на родную планету. Из Европы торчал посадочный ориентир — труба авторемонтного завода. Спиркин напряг зрение, и ему показалось, что там, на заводском дворе, в огромной куче железного хлама, вспыхнул золотой лучик. Спиркин улыбнулся и, мурлыкая «Я люблю тебя, жизнь», устремил корабль мимо каких-то звезд и галактик к своей сияющей цели.

1975

Тот день начался как обычно.

Валюшин проснулся, полежал, глядя в потолок, потом сел и зевнул. Из кухни слышалось шипение — супруга готовила завтрак. Валюшин встал, натянул брюки, пошел в ванную. Побрившись, он направился к кухне, чтобы сказать супруге: «Скорей, а то я из-за тебя каждый день опаздываю!» Валюшин открыл рот и...

— Товарищи! — раздалось в кухне. — Работники нашего предприятия единодушно поддерживают почин пекарей кондитерской фабрики — работать только без опозданий.

Звук шел из Валюшина.

— Потише сделай! — не оборачиваясь, сказала супруга. — Весь дом разбудишь.

Валюшин хотел сказать, что это не радио, но внутри него что-то всколыхнулось, и изо рта вылетело:

— Растет радиотрансляционная сеть города. Разнообразными стали передачи, ширится их тематика...

Испуганно уставившись на жену, Валюшин замолк. Жена посмотрела на него.

— Знаешь, — сказала она, — если ты это из-за того, что мама говорит, что с ремонтом можно подождать, так постыдился бы!

Валюшин хотел возразить, но почувствовал, как внутри опять что-то заколыхалось, и скорее закрыл рот ладонью.

Молча пережевывая завтрак, Валюшин вышел на улицу.

Подошедший автобус вывел его из задумчивости. Валюшин проник внутрь и был сжат до половины естественного объема. Кто-то уверенно встал ему на ногу. Валюшин попытался повернуться, чтобы сказать этому хаму пару ласковых.

— Товарищи! — выскочило из него. — Мы, пассажиры автобусного маршрута номер пять, как и пассажиры других маршрутов, испытываем чувство горячей благодарности к работникам автобусного управ-

ления. День ото дня улучшается работа транспорта, на карте города появляются новые маршруты...

В автобусе стало очень тихо. Даже дизель перестал чихать. Валюшин с ужасом вслушивался в прыгающие из него слова.

— Достигнутые успехи не пришли сами собой, — звенело в автобусе. — Это плод кропотливой работы...

Вырвавшись на воздух, Валюшин постоял, тяжело дыша, и решил сказать что-нибудь для проверки самому себе. Сначала он попытался ругнуться. Попытка удалась. Он сделал еще несколько успешных попыток и заторопился на службу, решив сегодня говорить только в случае крайней необходимости, а если будет время, забежать в медпункт.

Валюшину удалось молча проработать до обеда. Затем его вызвали к начальнику отдела.

— Как дела с проектом? — спросил начальник.

Валюшин насутился.

— Тут такое дело, — сказал начальник, — я у тебя Голубеву хочу забрать. Группа Змеевича зашивается.

Валюшин хотел стукнуть кулаком по столу и высказать начальнику все, что он думает об этой практике постоянной перетасовки сотрудников и о Змеевиче лично, и что если заберут Голубеву, то он сорвет к чертям все сроки и вообще снимает с себя ответственность.

Валюшин стукнул кулаком по столу и услышал свой победный голос:

— Трудящиеся моей группы, как и весь отдел, испытывают чувство небывалого подъема. Энтузиазм, вызванный переводом сотрудника Голубевой в группу товарища Змеевича, является надежной гарантией выполнения и перевыполнения моей группой плановых заданий, которые...

— Постой! — сказал встревоженный начальник.

— Нельзя стоять на месте! — выскочило из Валюшина. — Надо беречь каждый час, каждую минуту. Включившись в поход за экономию рабочего времени, наша группа...

— Перестаньте паясничать! — обозлился начальник. — Скажите Голубевой, пусть подключается к Змеевичу. Идите!

С красными пятнами на лице Валюшин сел на свое место. Сослуживцы подходили с какими-то вопросами, но Валюшин, сжав зубы, молчал.

Перед тем как пойти в медпункт, он написал про то, что с ним произошло, на листке бумаги.

— Раздевайтесь, — прочитав листок, строго предложила Валюшину девушка в белом халате, с переброшенными через шею резиновыми трубочками.

Валюшин оголил торс. Девушка довольно ловко сунула себе в уши концы трубочек и приложила к животу Валюшина холодный кружок стетоскопа. По окончании прослушивания она потребовала, чтобы Валюшин открыл рот и сказал «а».

— А-а-а-а, — осторожно сказал Валюшин.

— Бюллетень не дам, — категорически объявила девушка. — Нёбо чистое.

Валюшин пришел в ярость. «Какое, к чертям нёбо?! — хотел он закричать. — Какой ты, к черту, врач!»

— Невиданных успехов добилась медицина! — рявкнул он вместо этого. — Полностью побеждены такие болезни, как чума, брюшной тиф, сибирская язва...

Далее шедший из Валюшина голос отметил прогресс в лечении наследственных заболеваний, после чего перешел к вирусологии. Объявив, что прежде в горных районах Алтая вообще не было врачей, а теперь их там больше, чем в странах Бенилюкса, Валюшин выскочил из кабинета в коридор и из коридора — на улицу...

Последнее в тот день выступление Валюшина состоялось в гастрономе, где он с горя покупал «маленькую», в то время как голос его произносил яркую речь о достижениях антиалкогольной пропаганды. Люди, стоявшие у прилавка, посмотрели на Валюшина с уважением и позволили взять без очереди.

Валюшин пришел домой поздно. Он долго ворочался в постели, а в голове его ворочались тяжкие мысли...

На следующий день Валюшин написал заявление и явился в милицию.

— Кого подозреваете? — спросил лейтенант, изучив заявление. — Может, над вами подшутил кто-нибудь?

Со слезами на глазах Валюшин рассказал лейтенанту о росте преступности в странах капитала, помянул недобрым словом торговлю наркотиками, заклеил индустрию игорного бизнеса, после чего забрал заявление и ушел.

После этого Валюшина повели на прием к светилу.

Светило скрупулезно обследовало Валюшина, изучило данные анализов, посопело и задумалось.

«Ни черта мы, медики, не знаем, — подумало светило, — ведь ничего я у него не нахожу. Ну что ему сказать?»

И светило вздохнуло и сказала:

— Применяемая нами методика лечения неврозов дает положительные результаты. Разрабатываются новые препараты, все шире применяются электронная техника и радиоактивные изотопы. Статистика убедительно доказывает...

Валюшин сидел и слушал.

1974

СУББОТНИЙ РАССКАЗ

Мне тут сказали:

«Вы, знаете, стали какой-то злой. Вот раньше вы добрее были, и сатира у вас была добрая, и юмор. А теперь все это не такое доброе. Нехорошо как-то получается, товарищ».

Действительно, плохо. Сам чувствую. И поэтому пишу добрый рассказ. Все герои тут будут добрые. И конец жизнеутверждающий.

Начать с того мужика. Он мало того, что добрый был. Он еще был жутко везучий. Потому что вообще-то он уже замерзать стал. Он возле троллейбусной остановки в снегу лежал, и его уже слегка припорошило. Ну, люди, конечно, видели, но, конечно, внимания не обращали, потому что думали — лежит, ну и лежит. Суббота.

Но он все-таки жутко везучий был, потому что, на его счастье, мимо одна старушка шла. Она была добрая. Но только очень сгорбленная. И благодаря этому она услышала, что тот мужик стонет.

Она ему ласково и говорит:

— Ну что, сынок, веселился?

А он ей говорит:

— Сердце у меня. Вызовите «скорую», пожалуйста.

Вот слово «пожалуйста» старушку так ошеломило, что она перекрестилась и попятилась.

И тут — опять-таки на счастье этого мужика — мимо шли два добрых энтузиаста, которым до всего есть дело.

И они старушке говорят:

— Что, бабка, он к тебе пристает?

Она им говорит:

— Он мне «пожалуйста» сказал.

Они тоже удивились.

— Скажи, — говорят, — до чего допился. А вот сейчас мы его в пикет!

И старушка дальше пошла, думая, что, наверное, человек навеселился так с радости, потому что с чего ж еще?

А мужику тем временем, видать, снова стало хуже, потому что он стонать даже перестал.

Тут первый энтузиаст наклонился, носом посопел и второму говорит:

— А запаха-то не чувствуется!

А второй энтузиаст ему говорит:

— Запаха не чувствуется — это потому, что мы с тобой сами от мороза слегка приняли. Вот у нас обоняние и притупилось.

И они уже хотели его поднять, но, на счастье того мужа, мимо как раз шел его сосед по лестнице, увидел, что энтузиасты над кем-то хлопочут, и поближе подошел, чтобы принять участие. И он им говорит добрым голосом:

— Ребята, я этого мужика знаю. Он на нашей лестнице живет. Он профессор.

А энтузиасты ему:

— Само собой!

А он им говорит:

— Нет, ребята, он, правда, профессор. Только раньше он от этого дела всегда отказывался. Говорил, нельзя из-за сердца. А сам вон, значит, как — в одиночку. Вы, ребята, его в пикет зря не тащите, а по-хорошему — прямо в вытрезвильку.

И сосед мужика, сказав такие слова, пошел своей дорогой, слегка покачиваясь.

И тут как раз мимо проезжала машина с красным крестом, но не белая, а серая, которую в народе называют «хмелеуборочная», и энтузиасты ей махнули рукой, чтобы она остановилась. Но она не остановилась, потому что была уже полная. Тогда энтузиасты попытались мужика сами поднять, но не смогли.

Первый энтузиаст говорит:

— Он прямо как комод тяжелый. Давай-ка, может, нам кто подсобит.

Но никто из прохожих не захотел помогать им тащить мужика, потому что — кому охота?

И тогда первый энтузиаст говорит второму:

— Я в пикет пойду, за подмогой, а ты тут оставайся.

И пошел, а второй остался.

А мужик, видать, снова в себя пришел и даже поднялся на локте. Тут-то его и увидела одна добрая женщина, с сумкой. Она с самого утра ходила, мужа искала своего, потому что он как ушел вчера с друзьями, так до сих пор и не пришел. И она этого мужика издали увидела и решила, что это ее муж, и к нему побежала, чтобы его жахнуть сумкой по голове. Но поближе подбежала, увидела, что обозналась, и, на счастье этого мужика, не жахнула, а только закричала:

— Вот ироды!

А мужик ей говорит:

— Плохо мне.

А она ему:

— Еще б тебе не плохо! Плохо ему!

И дальше пошла — на поиски мужа.

А мужик опять лег в снег.

Тут энтузиасту, который его сторожил, одному стоять надоело, и он пошел своего друга искать, и мужик один лежать остался.

Но лежал он уже вовсе не долго, так как, на его счастье, та старушка, которая его самая первая нашла, уже доковыляла до автомата и «скорую» все-таки вызвала, потому что ей все не давало покоя, что мужик ей сказал «пожалуйста». А за добро добром платят.

И вот «скорая» приезжает, и врачи видят: мужик в снегу. Сперва-то они разозлились, потому что они тут ни при чем, это милиция должна таких забирать, но потом смотрят — вроде, другое дело. И его взяли и увезли.

Так оно все и кончилось по-хорошему. Только неизвестно, что с тем мужиком врачи сделали, чтоб он выжил.

А что он выжил, — точно. Потому что, во-первых, врачи, конечно же, попались толковые. Во-вторых, мужик очень уж везучий был. А в-третьих, рассказ обещан был добрый и должен иметь счастливый конец.

горячую воду.

Затем, постепенно добавляя холодную, установил свою любимую температуру — не слишком горячо, но в то же время чтобы руки интенсивно прогревались. Потом намылил руки душистым мылом — мылил долго и тщательно, — затем мыло смыл. Потом я вытер руки насухо полотенцем махровым — полотенце было жестковатым, но приятным на ощупь. Повесив полотенце на изогнутую теплую трубу, чтобы оно скорей высыхало, я сделал разминку пальцами рук — сгибал их в разные стороны и разгибал, — затем со стеклянной полочки левой рукой взял ножницы, блестящие, новые, слегка изогнутые в концах, продел в кольца ножниц большой и средний пальцы правой руки и пощелкал ножницами в воздухе. Чуть туговаты были ножницы, но щелкали хорошо.

Начал я с левой руки. Подогнув все пальцы, я оставил вытянутым вперед один мизинец и принялся аккуратно стричь, медленно поворачивая мизинец так, чтобы линия среза была ровной и закруглялась плавно. После горячей воды ноготь стал мягким и хорошо поддавался, не крошась на отдельные кусочки, а отходил сплошной тоненькой стружкой, таким светлым полумесяцем.

Мизинец удался! Ни малейшей зазубрины, ни мельчайшей неточности. Тут было изящество, которое не бросалось в глаза, но тем не менее, не могло остаться незамеченным. Да, мизинцем можно было гордиться.

Перед тем как приступить к безымянному пальцу, мне пришлось сделать небольшую паузу — служба в армии, потом еще, кажется, институт. Но это было, пожалуй, даже кстати, ведь безымянный палец очень труден; он гораздо менее подвижен и послушен, чем остальные, и к нему нужно приступать отдохнувшим и свежим. Разумеется, самое сложное — это безымян-

ный палец правой руки (если вы не левша), но и левый тоже не подарок.

Когда, наконец, я вытянул безымянный палец вперед, мизинец тоже поднялся вверх, будто был связан с безымянным каким-то соглашением. Это меня позабавило и даже как-то тронуло.

Я уже поднес к пальцу ножницы, уже развел кольца, как вдруг ударил телефонный звонок. Сердце заколотилось. Я снял трубку. Какой-то женский голос. Из разговора я понял, что звонила моя невеста. Ну, разумеется, я не забыл, что сегодня наша свадьба. Впрочем, оказалось, свадьба состоялась накануне... Там положили трубку.

Этот звонок внес какое-то смятение, и, вернувшись в ванную, я долго не мог успокоиться. В самом деле, если свадьба уже была, значит, все хорошо, тогда звонить было незачем. Если же свадьбы не было, то тем более, к чему было звонить?.. Все это было странно.

От нервного возбуждения руки стали холодными. Я снова открыл кран и подержал руки под горячей водой, вытер высохшим уже полотенцем и вновь взял ножницы. Вновь вытянул я безымянный палец, отчего мизинец вновь поднялся немедленно — и это меня немного успокоило.

Я весь погрузился в работу. Кажется, снова что-то звенело — телефон или дверной звонок. Впрочем, быть может, это мне просто казалось. Однако, когда я закончил этот нелегкий палец и смог перевести дыхание и расслабиться, я услышал, как за дверью кто-то сказал:

— До свиданья, папа!

Потом шаги простучали в коридоре, хлопнула входная дверь. Папа? Кто это был? Кто с кем прощался — в моей квартире? Может быть, со мной? Но я решительно не помнил... Очень любопытно...

Со средним пальцем не было абсолютно никаких хлопот. Четкое движение ножниц — и линия среза здесь соперничать могла бы с мизинцем.

Так же славно удался и указательный палец. И тут какое-то неприятное предчувствие заставило меня вздрогнуть. Предчувствие не обмануло. В тот самый

момент, когда я был уже готов приступить к ответственнойшему большому пальцу, дверь ванной распахнулась, и какая-то женщина с порога закричала:

— Я уйду! Я больше не могу!! Я хочу еще немного пожить нормально!..

Она была, пожалуй, средних лет, в ее гневном лице было что-то знакомое. Я не успел ничего сказать ей, я даже не успел положить ножницы на полочку, как она резко повернулась и исчезла за дверью. Потом я слышал голоса, какой-то шум — кажется, выносили мебель. Это было ужасно: нет ничего хуже, чем шум, когда требуется сосредоточенность и внимание.

Тем не менее мне удалось довольно быстро и качественно закончить большой палец, и, внимательно осмотрев все сделанное на левой руке, я остался весьма удовлетворен.

Я не мог бы точно сказать, когда именно впервые услышал звуки рояля. Кажется, это произошло сразу после того, как я переложил ножницы из правой руки в левую. Да-да, кто-то медленно выводил гаммы, хотя я точно помнил, что у меня нет рояля. С того момента музыка не прекращалась. И не только музыка!

Теперь я часто слышал из-за двери самые разные звуки, причем они, по-видимому, шли даже не из комнат, а откуда-то извне.

Звуки то усиливались, то слабели — это были возгласы, топот ног, тарыхтение трактора, гул толпы, гремели марши, раздавался плеск аплодисментов, шелест деревьев, завывание ветра... Прежде я этого не замечал, а теперь, возможно, где-то открылось окно или случилось что-то другое, во всяком случае, как плотно ни прикрывал я дверь ванной, как ни затыкал тряпкой щель под дверью — полностью избавиться от шума я не мог. Ничего не оставалось, как приспособливаться. Это было непросто, потому что, едва ухо привыкало к возгласам, тарыхтению и аплодисментам и переставало их замечать, фортепьянные гаммы становились особенно раздражающими.

Где-то между большим и указательным пальцами правой руки я впервые почувствовал боль в пояснице — сказалось постоянное напряжение спины. С этого

времени я стал работать сидя. Сидел я на краю ванны, это было неудобно, но поясница так болела меньше. После указательного пальца снова пришлось прерваться — что-то случилось с моей матерью... А затем возник новый отвлекающий фактор — в доме появился ребенок. Плач слышался чуть ли не ежечасно. Зато прекратились гаммы — вместо них теперь звучали довольно сложные пьесы.

Однажды я совершенно отчетливо услышал незнакомый мужской голос, который сказал: «Попроси его! В конце концов, это его внук!» А женский голос, тоже незнакомый, ответил: «На него нельзя оставить даже собаку!» Несомненно, в доме завелась собака. В дверь неоднократно скреблись, и часто раздавался залихватистый лай.

Трудности множились. К среднему пальцу ножницы сильно затупились и почти сплошь покрылись ржавчиной. Неизвестно отчего стали дрожать руки — сперва мелкой, почти незаметной дрожью, затем все сильнее. А ведь мне предстояло заняться безымянным пальцем правой руки — самым сложным из всех!

Призвав всю свою волю и весь опыт, я приступил к делу. На рояле в этот момент превосходно играли Двенадцатую рапсодию Листа. Трудно было не слушать, тем более что слух мой обострился до чрезвычайности. Скорее всего, это было связано с тем, что к этому времени я уже полностью потерял зрение. Контролировать качество работы я мог теперь только ощупью. И, судя по всему, безымянный палец правой руки удался даже лучше своего левого собрата.

Итак, оставался только мизинец правой руки — последний!

И тут случилось непредвиденное — я уронил ножницы. Превозмогая боль в пояснице, которая стала теперь уже постоянной, я опустился на корточки и стал шарить руками по полу. Сквозь щели доносились звуки — шелест, детский смех, удары по мячу, плеск воды... Надо всем царил ноктюрн Шопена.

И вот, когда я нащупал ножницы левой рукой, что-то острое кольнуло меня в грудь. Я почувствовал, что куда-то лечу...

Потом меня несли. Я лежал строго и прямо. Левая рука сжимала ржавые ножницы — видимо, их пытались отобрать у меня, но не смогли.

Если бы я мог еще чувствовать, я бы чувствовал удовлетворение: не каждому удастся выполнить задуманное на девять десятых, как удалось мне. Если бы я мог еще слышать, я бы услышал, как ноктюрн Шопена перешел в какую-то другую мелодию. Кажется, в его же траурный марш.

1979

ЗА ВСЕ ХОРОШЕЕ

У нас в том году

ничего плохого не было, но хорошего было даже намного больше. Чего говорить — удачный был год вообще.

Например, на восьмое марта у нас в троллейбусе мужик стал к выходу продираться и одного парня пихнул животом. И тот за это вынул ножик и этому — прям в живот, этот прям обалдел, даже вроде помер, а тот вместо него вышел из троллейбуса и в кино пошел. Но что удачно — бог правду видит, кинотеатр-то не работал! Его еще в пятницу сожгли, чтобы не мешали в нем делать казино.

Потом еще на майские один на «шестерке» у светофора «девятку» подрезал, и тот за это его догнал и из автомата прямо на ходу — ба-ба-ба-ба! — и по окружной оторвался, а «шестерка» прямо в бензовоз. Но что хорошо — там бензина-то уже не было! Его ночью какие-то пацаны украли, на всякий случай зарезав шофера, чтоб не разорялся. Тем более шофер уже до этого был обкуренный, так что даже ту «шестерку» не видал вообще.

А еще в июле в парикмахерской одна стала лезть на маникюр без очереди: я, говорит, на свадьбу опаздываю, я, говорит, подруга невесты, понятно тебе, проститутка? А та говорит, шла бы ты, подруга, в жопу, а эта ей в лицо плеснула такое, что той уже маникюр не нужен. Но что удачно — на свадьбе было все потихому, потому что жених сразу после «Горько!» заворот кишок получил, потому что водку-то эти козлы брали у вокзала.

А под первое сентября один вечером шел, а тот к нему подходит — дай лишний билетик, а этот говорит, самому нужен, а тот ему ногой — раз по печени, и этот — с катушек, а тот стал ему землю в рот запихивать. Но что удачно — ему самому тут же череп проломили, чтоб не безобразил возле филармонии.

А еще в октябре один появился домой поддатый, и пока жена спит, стал ночью Людке звонить, а у Людки там был определитель, и ее мужик по номеру адрес узнал, и к этому приехал, и в окно — гранату, и этого — прямо в ключья. Но что удачно — жены-то его дома не было, она как раз ту Людку выследила и в подъезде ее душила чулком.

А в апреле эта медсестра главврачу говорит, мне за свой счет надо, а он говорит, и так работать некому, а она говорит, да? ну, ладно, взяла шприц и за место глюкозы пошла и стала всем лежащим колоть стрихнин. Но что хорошо — у нее только на две палаты хватило, а остальные еще до нее своей смертью умерли, от грязи.

А в сентябре у одной дочка не дала соседке по парте арифметику списать, и та за это ее в туалете дождалась, и они ей с девочками стали руки прибивать к подоконнику. Но тут повезло — подоконник обломился, потому что школа-то аварийная, а деньги-то на ремонт как раз украл один из второго «Б» — на аборт завучу, которая от него залетела.

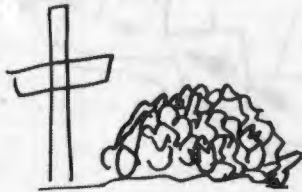
А у одних соседка за стенкой круглый год на рояле пиликала — блин, вообще спать не давала! И они у мичмана на рынке купили кило урана и ей под дверь сунули, и она пиликать-то перестала, зато теперь всю дорогу с животом бегают и воду спускают, с таким грохотом, блин! — еще хуже, чем на рояле, и они уже договорились, чтоб ихнего сантехника пришить, чтоб он, сука, бачки вовремя чинил, но ему, гаду, повезло — его еще во вторник током убило, прямо вчерную обуглился.

Так что нет, хорошего на свете намного больше. Тем более под Новый год.

Тут прямо тридцать первого одна кошелек нашла, но открывать не стала, молодец, а в милицию понесла. А там дежурный попался толковый и открыл — и оттуда, из кошелька этого, какой-то дым повалил, и тетка-то эта сразу задохлась, а дежурный нет — только ослеп и с ума сошел, но что удачно — из ихнего отделения больше никто не пострадал: они все как раз в засаде сидели — на того маньяка,

который блондинок ловил и прямо в лифте их бритвой...
Ну, ладно, все, не будем задерживать. У всех налито?
За все как есть в жизни хорошее!
С новым счастьем!

1998

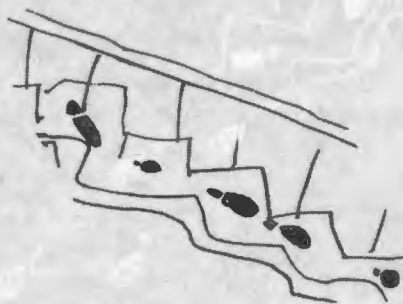

**Я буду духовный, как Будда.
Покончу со склонностью к блюду.
Пить водку не стану,
Курить перестану,
И врать, как сейчас, вам не буду.**

II

Нормальный ход

Судьба юмора, который насыщает жизнь писателя (да и читателя), печальна.

Он расходуется скорее времени и умирает еще при жизни недавнего его носителя.

Вот только вчера он шутил, и было смешно, а сегодня поучает и философствует, что тоже смешно. О природе феномена написано немало, немало объяснено, изучено — и все зря.

Качество это таинственно и горделиво. Едва изменил (только себе и изменил, никого иного не предав и не покинув), как оно тихо и незаметно для тебя собирает вещи и уезжает (иной раз — навсегда), оставляя тебе в наказание память о твоих удачах в произведении и понимании острых слов.

Деликатная штучка — юмор. Не терпит ни почитания, ни амикошонства. Свой уход обставляет щадяще — сохранив форму-обманку. Чтобы не сразу понял потерю.

И не понимают многие.

Роскошь самоиронии могут позволить себе лишь талантливые и умные писатели, обладавшие (или, ладно, обладающие) юмором в письме.

А среди них, обладающих юмором, есть люди деликатные и совестливые, им неловко, что они замечают и удачно укладывают в слова смешную и убогую сущность нашей жизни. И от этого своего дара сами живут не так ловко и благополучно, как живые люди, которые их окружают.

Миша Мишин — нежный и ласковый друг, талантливый и ранимый слагатель слов...

Рядом с тобой все мы — оптимисты.

Живи печально, спасай нас от тоски. А лучше не печалься сам. Хрен с ней, с литературой, она хоть и дороже твоей улыбки, но все же не стоит ее.

Мысль первая летом — жарко.

По-моему глубоко: «Летом — жарко». (Заметки фенолога.) Днем — духота, по ночам — духота плюс комары и кошмары. Во сне являюсь сам себе, что-то бичующий сквозь выпадающие зубы и волосы.

— А-а-а-а! А-а-а-а-а-а! Ма-ма-а-а-а-а!..

Просыпаюсь в холодном поту.

А летом хочется, чтобы наоборот... Хочется, чтоб в розовых тонах. Утомленное солнце, шелестящий прибор, белое платье мелькнуло за вечерними пальмами... Летом душа желает поэтического. Чтоб, например, уехал муж в командировку, а в это время к его жене...

Ни черта не будет. Ни этот не уедет, ни тот не придет. Этот — в пикете, тот — в стачке, оба в марше, у них движение протеста, марш в поддержку, у них зады уже сплющены от сидения перед телекамерой, где они изо дня в день поливают друг друга струями жидкой правды... И эти брызги летят через экран — а там сидит она. И глаза ее сверкают слезами бессильного бешенства. Потому что оба они сидят у нее глубоко в печенках, но летом — особенно. И больше всего ей хочется, чтобы один из этих болванов убрался в командировку, и лучше далеко, и лучше — навсегда. А второй чтоб пришел, а она его спрячет в шкаф и вместе с этим шкафом вышвырнет с балкона. Потому что — лето. И летом организм ее вспоминает что-то такое... Что дико хочется ласковой песни и хорошей большой... Ладно, пусть небольшой. «Три счастливых дня», и все такое... Впрочем, хочется не только ей — болванам тоже. Их клетки летом тоже припоминают что-то эдакое... Что важнее даже закон в третьем чтении, не говоря уже о первых двух... Но болваны превосмогают песню клеток, называя это государственной мудростью. Болваны.

Летом хорошо думается на пляже. (Заметки фенолога.) Эскадрон моих мыслей шальных мчится со скоростью полторы извилины в день. За месяц набегает мысль. Максимум две. И одна из них: хорошо летом

на юге. Особенно по чужой горячей путевке, но ты ее потушил, и вот — дом творчества. То есть творчества уже нет, но дом еще есть. Бармен в доме еще есть, но пива уже (еще, все еще, уже опять) нет.

— Боря, ну когда пиво-то будет?

— Обещали, вообще. Обещают все время, но не дают, слушай.

Обещают, но не дают. Формула неразделенной любви. И мостик ко второй мысли. Которая заключается в том, что страна эта мучается не из-за отсутствия пива. Не потому что нет кефира и шифера. Эту страну корежит из-за отсутствия в ее атмосфере любви.

Здесь с мига рождения — в окопе. С первого крика — в осаде. Первый раз описался — нажил врага в няньке. Дальше — только успевай отстреливаться и кусать в ответ. Со школьной молочной поры, когда в первом классе — мелкий недруг, в пятом — матерый враг, в десятом — рецидивист, по тебе тюрьма плачет...

А дальше... Летом дальше думать трудно. Зато легко философствовать. Что прежде — яйцо или инкубатор?

То есть любви нет, потому что ничего нету? Или ничего и нету, потому что без любви? Ну а как их всех любить, когда они все лезут без очереди? Как их полюбить, когда они прут сзади? Как полюбить друг друга, сволочи? Ну, кто желает подискутировать и родить истину?

Ничего-то не родится в наших спорах. Потому что нету любви к истине, а есть ненависть спорящих друг к другу, и особенно к тем, кто не участвует в споре. А ну, спорь с нами, гад!..

При чем здесь лето? Какая связь? Да никакой. Кстати, лето — сезон опасных связей. Чем южнее — тем опаснее. (Заметки фенолога.) «Опасные связи» — это роман о наших связистах. Выйти на связь с Большой землей и узнать, кто там у власти, невозможно. Диски отломаны, трубки оторваны. Если не оторваны, то не передают

звука, если передают, то не Минск, как ты хотел, а Хабаровск, и не номер рейса, а новости на абхазском языке. Конечно, можно связаться по-срочному, то есть сходить в этот Мурманск пешком и лично предупредить, чтоб встречала завтра, и успеть вернуться на пляж, где еще не до конца утомилось солнце, и еще загорает на песочке заветная думка о любви... В ее узком... и особенно широчайшем...

В широчайшем — то была любовь! Не так давно была еще! «Народ горячо любит родную партию». «Партия неустанно заботится о благе народа». Счастливый брак, в котором надорвались оба участника. Стариков только жалко. «Была ж любовь! — кричат добрые старики, звякая значками и медалями. — Раньше как плохо было, а как хорошо! Все друг дружку любили и такие были дружные!..»

Плохо старикам. Их не любят.

Общество нелюбящих.

Здесь не любят стариков. И мужчин. И женщин. И молодежь. И очередников, и которые без очереди, и бедных, и особенно тех, кто на бедного не похож.

Здесь любовь к детям заменили чугунной «заботой о подрастающем поколении». Здесь «одиноким покупателем ищет любящего друга — продавца». И найдет — в магазине похоронных принадлежностей...

Впрочем, летом о смерти — глупо. Летом расцветает арбуз и гроыхает гроза. (Заметки фенолога.) Летом ядреный кооператор, внедрившийся в дома творчества, склоняется кушать форель с водкою. (Заметки угощенного фенолога.)

Но все-таки... Несмотря и невзирая... Прибой — теплый, вода — чистая, особенно ночью, когда не видно... Звезда моргает, цикады режут... Из субтропических кустов слышится близкое к теме:

- Ты меня любишь?
- Ну.
- Че, правда, что ль?
- Ну.

— Ой, болтаешь... Не болтал бы уж, болтун!..

Лучше не скажешь. Воспринимаю как руководство к действию. Тем более лето начинает кончаться...

Вот и кончилось.

Последнее лето страны, где мы все-таки жили. Где периодически все же праздновали лето. Где рассуждали все-таки о любви.

В той стране кто-то что-то писал.

Кто-то что-то читал.

Возможно, это были мы с вами.

Той страны уже нет. Мы с вами еще есть.

Будем надеяться.

(Мемуар вместо предисловия к книге «Одобрям», 1992)

НОРМАЛЬНЫЙ ХОД

Значит, задача такая.

Дано: родители — ненормальные.

Требуется: чтобы у них выросли нормальные дети. При этом у задачи такое условие, что решать ее сами ненормальные и должны.

В общем, наша задача.

И как решать? Когда не то что у нас — у дальних предков наших о нормальной норме и понятия не было. Жили от подвига к подвигу. Раз в сто лет учили подвиг, после чего забирались на печь, где и дремали под гусли Бояна, воспевавшего подвиг. Слезали с печи только для эпохальных свершений. Остановить Орду. Спасти Европу. Разбить шведа. Прорубить в ту же Европу окно. Через которое до сих пор и карабаемся, изумляя тех, кто привык через дверь.

Изумлять — это наше! Чтоб на весь мир, чтоб в легенду. Раззудиться, размахнуться и — хррясь! Таковую канаву прокопать, чтоб через нее из морей вся вода вытекла! Ахнуть, ухнуть, засандалить такую магистраль, чтоб весь глобус — в столбняке! И чтоб самим тоже ошалеть — сперва от гордости за эту дикую дорожку, потом от мысли: зачем она?!

А затем, что подвиг! Мы всем миром жилы порвем, полысеем от натуги, но вырвемся вперед других по космосу лет на пять — путем отставания по всему остальному на тридцать пять. Хотя по молоку на срок. А потому что космос — это всесветно-историческое, это никакому Бояну и за сто лет не обславить. А молоко — скукота, это каждый день корову уговаривать, а она тупая, без еды не соглашается. Ее норма — жевать каждый день. А наша норма — подвиг!

Чем и отличаемся от коровы. И от всяких мелких европ. Подумаешь, Бельгия в кармане у Голландии, обе под мышкой у Люксембурга. Тюкают чего-то там в своей мелкоте по миллиметру. Но каждый день. Но по миллиметру. Размаха нашего нет у них. Удали! У нас тут не на миллиметры счет — мы верстами ме-

рием! И на каждой версте — подвиг идет, и на каждой — матерей вспоминают. И его, и твою, и нашу общую... А как не вспомнить, когда уже не раз в сто лет, а уже беспрерывно, повсеместно, с ускоренным ускорением! Куда ни плюнь — всюду штурм, борьба, страда, битва! Горячая пора! Нормальной поры вообще не бывает, всюду горячая — у монтажников, у химиков, у хлебопеков... Приезжие, правда, удивляются: почему в столовой пора горячая, но щи холодные? Почему у молодежи горячая пора, но в аптеке одни горчичники? И вообще, почему у нас каждый второй подвиг — ликвидация последствий первого?

На то и приезжие, чтоб удивляться. Они так со своим удивлением и уезжают. Встречая на обратном пути других приезжающих, но уже наших, которые теперь все чаще выпрыгивают через то самое окно, но, к удивлению ОВИРа, многие возвращаются. Причем тоже сильно озадаченные. Настолько, что первое время молчат, на вопросы не реагируют, в молчании распахивают по углам привезенные коробки. Но затем, собравшись и взяв себя в руки, рассказывают остальным, что мы тут зато намного впереди по духовности. Логiku в точности уловить трудно, но примерно так: чем больше вещей там, тем мы духовнее тут. То есть, чем реже дают сосиски, тем сильнее в нас урчит работа духа. И перспективы хорошие. Потому что по сосискам мы как раз опять пока еще не совсем... И по колготкам еще уже опять пока... И по пленке цветной еще опять пока уже, хотя зато с цементом, слава богу, уже опять не совсем еще... В общем, если так пойдет дальше, то по духовности мы скоро настигнем Республику Чад.

При этом что интересно: духовно отсталая Европа как-то не торопится догонять нас по духовности. Видимо, чего-то опасается. И Америка, дурная, променяла, видно, всю духовность на свежие фрукты круглый год. А японцы... Это вообще уже наша мифология. Мы уже про них только так и говорим: «Японцы! Японцы и есть!..» У этих размаха уже вовсе нету — где им там размахиваться? Они даже не в миллиметрах, они в микронах ковыряются. Но уже поче-

му-то в двадцать первом веке! То есть ползут уже по нашему светлому будущему! Куда мы до сих пор — семимильными прыжками, как кенгуру: с печи — на подвиг, с подвига — на печь!

Видно, от этих прыжков, скачков, рывков и тряски в нас самих давно уже что-то сотряслось, перекорежилось и перевернулось. И нормальными кажутся нам нормы наши, стоящие вверх ногами.

Врач ненавидит больного — нормально. Учитель тупее ученика — нормально. Дом построили — окна забыли, а крышу сэкономили. Ну и нормальный дом, жильцы празднуют новоселье. Правда, за стенкой двое убивают друг друга, мешают праздновать, но мы музыку погромче сделали, и нормально все! Нас, помню, даже эта чудная придумка не изумила, эта «трезвость — норма жизни». Никому и в голову не пришло, что это при нормальной жизни она — норма!..

Все прыжками стоит на месте. Страшными усилиями не сдвигается. С чем вчера обещали покончить, опять нормальная цель на завтра. Да идет ли тут время-то вообще? Или это такая теория относительности — чем больше пространство, тем время его дольше пересекает?

И все, что для других давно норма, для нас еще экзотика?

— Гла-асность? Неужели? И что, все можно?

— Можно!

— Обо всем?

— Обо всем!

— И о самом-самом?!

— О самом!..

...Ну и о чем же таком кипят страсти? О чем таком строчат наши раскаленные перья в наших лучших журналах? Для чего столько эрудиции, логики, столько ссылок на Монтеня, Шопенгауэра, Михаила Сергеевича? А для того, чтобы в конце XX века попробовать убедить нас, что свинарка лучше знает, как ходить за свиньей, чем все советские и партийные органы, включая Политбюро!

Но мы пока еще не очень. У нас сомнения пока.

Еще не готовы полностью признать, что Земля — круглая. Хотя данные со спутников подтверждают, что наши очереди именно криволинейно изгибаются за горизонт.

А мы все топчемся, да живем уже в этих очередах, и злобимся на тех, кто впереди, и презираем тех, кто сзади. И вместе с теми и другими все валим на строй. Забывая, что строй — это то, что сами себе построили. У «наших» немцев наш строй — нормально живут. У тех немцев тот строй — тоже за сосисками к нам не ездят. И тех и других мы победили одинаково. Ибо это в войне количество подвигов переходит в победу. Но в мирной жизни нельзя двигаться прыжками — от подвига к подвигу. Это не к победе ведет, а к лихорадке. В нормальной жизни нужен нормальный ход. Пусть по миллиметру, но в одну сторону и каждый день. Но чтоб так идти, надо сперва встать с головы на ноги. Нам этого сальто уже не потянуть. Решать задачу про нормальный ход придется детям.

Мы можем только помочь им — не мешая им видеть в нас доказательство от противного.

1988

ЭЛИТАРНЫЙ ЭКСКЛЮЗИВ

— Как жизнь?
— Супер...

В бывшей жизни

было всего два «супера» — суперобложка и суперфосфат. Все было четко: есть суперобложка — сыт писатель, нет суперфосфата — голоден читатель. Ну, была еще, конечно, супердержава, как называл нас потенциальный противник за способность распыть ракетное топливо прямо на боеголовке. Но вот грянуло, дунуло — держава испарилась. Остались боеголовки и слово «супер», прилипшее к родному языку, как жвачка к подметке.

Не рынок, а супермаркет. Не поезд, а суперэкспресс — хотя с тем же запахом туалета. Надежных банков нет — остались только супернадежные, поэтому постоянно не хватает следователей. Выйдешь на улицу — людей нет. На мостовой — сплошь супермены, на панели — супервумены.

Телевидение уже настолько «супер», что плюнули даже психиатры. Вместо нормального кино супербоевик — для напряжения мозга. Потом суперсериал — для разжижения мозга. В промежутке — музыкальная пауза. Вернее, суперпауза. Потому что музыкальных звезд у нас уже нет, они поголовно все — суперзвезды. Муравейник суперзвезд, копошащихся у подножия одинокого Кобзона. Суперзвезды друг от друга отличаются по грудям. Волосатая грудь с татуировкой сквозь дым — суперстар. Диетическая грудка на курьих ножках — супермодель.

Там — супервикторина, тут — суперигра.

«Ваши аплодисменты! Суперприз — в студию! Поздравляю с супервыжималкой!» Что она там выжимает, господи?

Куда ни плюнь — «супер», куда не доплюнул — «элита».

Элитные подразделения, элитарные клубы,

сливочный бомонд.

Эксклюзивное интервью с элитным ротвейлером. На презентации помойки — элитарный состав бомжей...

Ночью — суперклубы с ночной суперпрограммой. Направо — стриптиз. Налево — шестовой стриптиз. В центре, видимо, для аспирантов — «Стриптиз-марафон». Как тот гонец в Древней Греции — пока добирался до нужного места, скончался от впечатлений.

Суперкачество, суперкомфорт!

По нормальному телефону теперь звонит только ФСБ. У остальных сотовая суперсвязь: идеальная слышимость в зоне прямой видимости.

Все суперпрестижно, все на суперскоростях!

Сверхбыстрый курс языка! В три дня — свободно говоришь по-английски! (Потом три месяца объясняешь окружающим, что это английский.)

«Поступаю желающих в элитарные вузы. С массажем на дому».

«Суперсеансы здоровья! Избавляю от курения путем голодания, алкоголизма и женщин. Массаж на дому».

«Суперметодика — восстановление чакры, склейка ауры. Массаж астрального тела на дому».

«Супергарантия! Выбираю во властные органы, нужный орган подчеркнуть».

«Суперсредство по возвращению мужского достоинства! Аprobация на мышцах и овцах».

Супердивиденды и суперприбыли.

Супербытие и суперсознание.

Как жить? Как под толстым слоем этого дикого супершоколада отыскать хотя бы пару нормальных орешков?

Один элитарный способ: читать суперписателя Мишина.

Или писателя супер-Мишина — но это уже совсем эксклюзивно.

ПЕРИОД ПОЛУРАСПАДА

Язык наш — усыхает.

Сокращается словарь. Упраздняются прилагательные.

— Утюг есть?

— Утюга нет.

В голову не придет спрашивать — какой утюг. Он вообще утюг. Он или есть, или его нет. Двоичная система — как в компьютере.

«Ветчина», «буженина», «окорок», «зельц», «карбонад», «салями» и черт знает что еще вместо сотни слов укладываются в одно:

— Колбаса есть?

— Колбасы нет.

Кто спросит про колбасу: «Какая?», получит матом от продавца и зонтом от бабки сзади. С рыбой пока еще многословие, она пока еще или «минтай», или «иваси». Но не за горами, видимо, уже последнее упрощение.

Процесс не нравится современным писателям, зато удобство для археологов будущего. Это сейчас они при раскопках находят кости и черепки и, чтобы узнать, когда именно этот глиняный горшок разбили о голову раба, применяют метод полураспада чего-то там из физики. Нашу эпоху можно будет вычислять без всякой физики — по периоду распада нашего словаря.

Скажем: «Рукопись датируется годом, когда из языка у них окончательно исчезло слово «крабы». А слово «сгущенка» переживало именно период полураспада: то появлялось на языке, то исчезало».

В школах будут устраивать встречи детей с ветеранами, которые видели людей, которые слышали слово «шпроты».

«Съедобные» слова привожу для простоты и наглядности. Процесс шире и сложнее. И некоторые слова, напротив, даже потребовали уточняющих определений. Например, слово «депутат». Раньше определять было нелепо — какой депутат? Обыкновенный, депутатский:

чабан, комсомолец, в галстук, тубетейке, со значком «Летчик-космонавт» и орденом «Мать-героиня». Приехал, поспал с поднятой рукой, получил свою дубленку и снова пропал где-то между Якутией и Дагестаном. Теперь депутат — «какой». Один — за народ, другой, наоборот, за демократию. Третий хочет подвести черту под ними обоими...

Усыхает язык. Из полнокровного, кудрявого, с мышцами, жилочками, веснушками превращается в трескучий скелет.

Не сами исчезают слова, а потому что им нечего выражать. Нет уже в языке «снегирей», «щеглов», «малиновок». Остались пока «воробьи», «вороны» и эти, посланцы мира. А потом вместо всего порхающего и чирикающего, станет просто:

— Птица есть?

— Птицы нет.

Птица больше не будет — «какая». Никакая. Летала и отлеталась.

И в лесу — никаких там «осинок», «сосенок», «елочек». «В лесу родилось дерево, в лесу оно росло». Понятия нет — и слово ни к чему.

«Будьте любезны, извините великодушно, сердечно вас прошу...» Сказавший это вслух будет принят за гордого сумасшедшего. Его просто никто не поймет.

Наречия «грешно» или «благородно» пахнут сыростью графских развалин. Попытки реанимации не удаются. Слово «милосердие» пестрит и мелькает, но приживается лишь в смысле: «пусть скажут спасибо, что не убили».

«Долг чести», «муки совести», «щепетильность», не говоря уже об «уступчивости» и «услужливости» — все это сведено к двум душевным словам нашего современника:

— Куда прёшь?

И все понятно сразу, и вопрос нетрудный, и ответить хочется. Потому что слова-то все родные, свои:

— Куда прёшь?

— Да куда и ты! Куда все! Из проклятого прошлого прём в светлое будущее. Прём, хороня по дороге понятия, отбрасывая слова...

— Озеро есть?

- Озера нет.
- Кислород есть?
- Кислорода нет.
- Природа есть?
- Нету природы.
- Человек-то есть?
- Вон, последний остался...

Прёт себе, выражая себя последними междометиями:

— Ах ты!.. Ну ты!.. Я т-те!.. А-а!.. О-ooo!.. У-у-у-у-у!..

Прёт, завершая период полураспада и переходя к полному.

1986

О ЛЮБВИ

Когда люди хорошо живут?

Когда они друг друга любят.

Потому мы все и живем хорошо, что любим друг друга. Только, конечно, та продавщица. Нет, она тоже любит всех — но за исключением покупателей.

И таксист тоже всех — кроме пассажиров.

Телефонистка ненавидит абонентов — ну, все время звонят!

Участковый врач — свой участок: все какие-то больные!

Последний в очереди — всех, кто впереди. Первый — всех, кто орет сзади.

Дежурный по аэропорту — всех, кто вздумал лететь.

Справочная — всех, кто за справкой.

Тетка из собеса — всех, кто за пенсией.

Сантехник Коля — всех, кто не сантехник, а такие еще есть. Он и за трешку ненавидит, и за пятерку не любит, и за десятку нету прокладок и не будет никогда; ходили бы, как деды наши, на двор, и ни прокладок не надо, ни Коли-сантехника с его прокладками...

Парикмахерша не любит лысых. И волосатых.

Смежники — поставщиков, поставщики — заказчиков, все вместе — подрядчиков: зачем подрядились?

Нянька в яслях — этих, которые все время опять мокрые, которые один черт простудятся, сколько им на сухое ни меняй. А она ж не дура — менять.

Которые из столовой вообще любят всех, кто выжил...

Министерство заготовок любит все — кроме заготовок. Оно с самого начала терпеть не могло заготавливать. А мы каждый раз: почему не заготовлено? Конечно, возненавидишь.

Но в остальном — все друг друга любят. Ну, еще по мелочи кое-кто кой-кого не выносит. Прачечная — тех, кто с бельем, химчистка — кто с пятнами.

Но в целом — любовью!

Которая особенно заметна, когда:
продавщица предлагает то, что завезли, другой
продавщице;
таксист подвозит сменщика;
врач ставит горчичник медсестре;
сантехник Коля — сам себе прокладку;
тетка из собеса выправляет пенсию для самой себя;
а коллектив столовой закрывается на обед, чтоб
скушать продукты.

Отсюда, чтобы покончить навсегда с недоброжелательностью, неласковостью и нелюбовью среди нас, надо эти исключения сделать правилом.

То есть надо, чтобы:
продавщицы вели торговлю только среди других
продавщиц;
таксисты катали бы только друг дружку;
парикмахеры по круту брили сами себя;
сантехник Коля сам себе за трешку ставил бы прокладки во все места: поставил — и трешка, поставил — и трешка!..

справочная сама у себя брала бы интервью;
а этот Аэрофлот взял бы и улетел своими самолетами туда, где нас нет!..

И тогда останемся тут только мы с вами, и уже никто не сможет помешать нам окончательно полюбить друг друга!

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ХОЗЯИН!

Не хочу.

чтоб меня поняли правильно.

Но где-то хочется чувствовать себя как дома. Если нигде нельзя, то хотя бы дома. Но и дома же чувствуешь себя так, будто зашел не вовремя. Буквально хочется извиняться за собственную прописку.

Тут у нас недавно три художника решили сходить в ресторан. Отметить пятидесятилетие плаката «Добро пожаловать!». Ну и решили — в тот самый ресторан при той самой гостинице. Ну, у нее еще над входом написано: «HOTEL». Конечно, именно туда им хотелось, в этот «ХОТЕЛ». Ну, действительно, кухня, уют, интерьер. Теоретически. А практически там швейцар. Этот швейцар специально воздвигнут при входе в «ХОТЕЛ» для разъяснения советским гражданам, что для советских граждан мест нет. Потому что «ХОТЕЛ» с его рестораном предназначен исключительно для спецобслуживания.

«Спец»!.. Это вы, конечно, не знаете. Вас обслуживают, как обслуживают, поэтому у вас так с нервами. А «спец» — это как сон в летнюю ночь: мух нет, горчица есть, если нахамят, то только по-английски. Потому что «спец» — это значит для дорогих зарубежных гостей из всевозможных чикаг. Для них же по-ихнему же и написано — «ХОТЕЛ».

Для хозяев же, вроде тех художников, — швейцар. Причем он входящим вопросов не задает — он гражданство по запаху чует. Как почует кого из Чикаго, у него не лицо делается, а крем-брюле с сиропом: «Оттуда? Пли-и-и-из! И мадамочка оттуда — и ей пли-и-из! А ты убери паспорт, и так ясно, что не из Чикаго, а из Чебоксар. Значит, отсюда. Ну, вот и давай отсюда — пли-из!»

Не хочу, чтоб меня поняли правильно, но что такое паритет? Это как они к нам, так и мы к ним. По всяким

там ракетам паритета добились. Теперь трудней задача — добиться паритета по спецобслуживанию. Чтоб у них — как у нас: заходят, допустим, в ихнем Чикаго в ихний «ХОТЕЛ» ихние чикагцы со своими чикажками, а ихний швейцар им: «Пардон, сэры, но придется вам сыграть отвал — у нас тут спецобслуживаются исключительно которые из Чебоксар!..» Правда, есть опасения, что достичь такого паритета им будет непросто, потому что там свободная продажа оружия.

У нас легче, у нас некоторые уже к паритету приближаются. Спортсмены городской команды уже иногда спецобслуживаются плюс еще более специально кушают сами труженики «ХОТЕЛа», плюс двое из управления, плюс семеро городских жуликов. Эти уже почти достали по почету среднего инвалютного гостя. Остальные хозяева — вроде тех художников — могут сбежать в столовку на углу и скушать биточки, которые какой-то остряк так и назвал — уголовными.

Не хочу, чтоб меня поняли правильно, но «мерседес» — хорошая машина. И черт с ней. «Жигуль» тоже ездит. Но, конечно, не каждый. А только который в экспортном варианте. Экспортный вариант! О, это наше дивное изобретение! Это есть продолжение нашего уникального гостеприимства за наши рубежи. Нет, в других местах, конечно, тоже делают на продажу — не для себя. Скажем, если делают для нас, то они должны учесть именно нашу специфику: и наши морозы, и наши дороги, и что чертежи потеряют, а включать будут ногой. Они обязаны все это учесть, утеплить, укрепить и покрасить в наш родной васильковый цвет. Но, скажите, какой же дурак додумается делать для себя не и н а ч е, а просто-напросто хуже, чем для других?! Дурак не додумается — мы додумались. Знаете, почему они тут не бегают по магазинам так, как мы там? Потому, что до сих пор не разгадали — что вообще можно делать с тем, что мы тут у себя для себя делаем.

Не хочу, чтоб меня поняли правильно, но кто мог сочинить эту легенду, что наш балет — лучший в мире? Только тот, кто мог видеть! То есть те же гости оттуда плюс приравнявшиеся к ним люди из «ХОТЕЛа» отсюда, плюс трое из управления, плюс

двенадцать городских жуликов. Хорошо, еще спортсмены не пошли — у них режим перед четвертьфиналом. Что же касается прочих хозяев города, вроде тех художников, то они из чувства гостеприимства могут поглядеть на театр снаружи, что тоже красиво...

Не хочу, чтоб поняли правильно, но вообще символ нашего гостеприимства — это «Березка». Не танцующая — та водит свои хороводы за морями, пока мы на берегу за нее гордимся. Я про «Березку», которая произросла на нашей улице. Говорят, за теми же морями есть такое: «Вход только для белых». Возмутительно. «Только для черных» — оскорбительно. «Только для тех, только для этих...» Унизительно. Ну, а когда тут у нас на нашей улице — «Вход для всех, кроме всех наших»?! Я б эту «березовую рощу» — под корешок. Если гость из Чикаго на недельку — перебьется: разрешим ему взять без очереди матрешку в нашем промтоварном. Если надолго и ему, конечно, трудновато с качеством, среди которого мы-то с детства, — пусть, пока в нас не проснется самоуважение, привозит с собой. Во-первых, на пеньках «Березки» мы сможем открыть вторую столовку для художников, чтоб не толкались. Во-вторых, утихнут вокруг «Березки» этот хоровод разных мальчиков и особенно девочек. Не хочу, чтоб поняли правильно, но я где-то читал, что даже эти девочки в экспортном варианте — и те какие-то не такие, как на внутренне-го потребителя... Они как-то начитаннее.

Теперь хочу, чтоб поняли правильно. Гостеприимство — высокая вещь. Гость — посланец судьбы, ему лучшее место, первый кусок. В Древней Греции почетному гостю хозяин лично сам омывал ноги. Менее почетному мыла жена. Совсем жалкому — и то рабыня ополаскивала. Но никакое гостеприимство нигде и никогда не означало, что сами хозяева должны ходить с немывтыми ногами.

Мне нравится лозунг: «Добро пожаловать, дорогие гости!» Но только при условии, что рядом те художники напишут второй: «Добро пожаловать, хозяин!»

Только вместе их можно понять правильно.

СМЕШАННЫЕ ЧУВСТВА

Доисторические времена.

всего — понемногу. Причем все — по отдельности. Никаких смесей, соединений и сплавов. Из руды — чистая медь, из родника — чистая вода, из религии — чистый опиум для народа. Действия были конкретные: «Пришел, увидел, победил». Чувства и мысли ясные: «Платон мне друг, но истина — дороже».

Смешанными были только краски у смелых художников и смешанные браки — у еще более смелых.

Ну, еще изредка чудили алхимики: ночью, при луне, бормотали чепуху, кипятили в котле печенку летучей мыши с писюльками черной козы — искали философский камень. За что назавтра их побивали обыкновенными — чтоб не лезли поперед времени.

Но вот — время пришло, грянул двадцатый! Взревел миксер прогресса! Всего стало много, все сливается, перемешивается и взаимопроникает!

На стыке двух наук возникает третья, и тут же вливается в четвертую, образуя седьмую.

Искусство смешалось со спортом, спорт — с работой, работа — с зарплатой, зарплата — с искусством...

Бушует эпидемия синтеза — гибриды, сплавы, комплексы и смеси.

Все, что в чистом виде, имеет вид неуместного антиквариата.

Ясную, беспримесную эмоцию последний раз видели в романе Тургенева. Ныне — сплошные оттенки и полутона. Смутные ощущения стали нормой, двойственные чувства — единственно возможными. В мыслях — вообще сплошной импрессионизм. У всех вместо «я думаю» — «мне думается». Всем кажется, видится и представляется.

— Вы читали?

— Кажется.

— Понравилось?

— Впечатление сложное: с одной стороны — тошнит, с другой — помнится, кто автор...

Из разнообразных чувств состоят теперь лирические эмоции. При этом составляющих может быть сколько угодно. Например, явное ощущение, что она у тебя за спиной улыбается этому подонку, плюс уверенность, что подонок этого давно хочет, плюс светлое подозрение, что хочет, но не может, плюс ночью приснилось, что выпали все зубы, — рождают осеннее чувство, что этот подонок — ее муж.

При перемешивании отдельных ощущений могут возникать материальные объекты. Например, острое желание чего-то новенького в соединении с чувством, что могло быть и хуже, образуют концерт из студии «Останкино»... Смесь из ощущений сухой парилки и сырой простыни — вагон поезда «Москва — Казань».

От смешанности чувств пошла задумчивость действий. Пришел — увидел, плюнул — и ушел...

Любовь к истине плюс желание дружбы Платона дает сложную суспензию, которую в прошлом называли беспринципностью, а теперь — широтой взгляда.

Чувство гражданского долга, смешанное с чувством, что не один ты должен, дает эффект присутствия на профсоюзном собрании.

Вообще нехватка чистых эмоций заменяется в современных смесях соответствующим количеством юмора, который придает коктейлю товарный вид и пузырьки на поверхности. Такой веселый шторм в стакане.

И все это — лишь первые намеки на букеты тех сложных чувств, которые расцветут в будущем. Смешиваться их будет все больше, а сами они — делаться все мельче, пока в итоге не образуется одно огромное, необъятное чувство, состоящее из бесконечного количества мельчайших чувствочек, практически равных нулю. Останется лишь придумать этому грандиозному гибриду достойное название.

Можно попробовать по аналогии.

Смешанные краски — радуга без границ.

Смешанные браки — дети без предрассудков.

Смешанные чувства... Люди — без чувств.

Сегодня, когда все,

что так долго скисало, плесневело и зацветало тиной, вдруг вспенилось, вспучилось и полилось, хочется сказать спасибо тем, кто обеспечивал всему этому мирное небо.

Спасибо парням в зеленых фуражках! Пока остальные кричали «Браво!», звенели стаканами и украшали друг друга значками и висюльками, они одни бдили по периметру. Они помнили: за спиной родные шири и дали, выси и глуби, за спиной все, что нужно охранить и уберечь. И потому от рассвета до рассвета, в стужу и хлябь их радары и перехватчики, катера и Пальма, сука восточноевропейской породы, вглядывались, вслушивались и внюхивались: как там, снаружи?

— Стой, кто идет! Скажи пароль!

Никто не говорит пароль. Потому что не идет никто.

Вражья килька не просклизнет в наши пределы. Чуждый мышь не прошмыгнет. И спасибо за это заставам, эскадрильям и кораблям. Изю дня в день, из года в год — бдительностью наружу, спиной к тому, что творится внутри.

Так повернись, наконец, кругом, фуражка зеленая! Ты говорил, граница на замке. Ну а как проникла сюда диверсионная группа, соорудившая чудовище по производству искусственного белка, с этой трубой, при виде которой лысеют птицы?

Как просочились на наши улицы вражьи душегубки, замаскированные под автобусы ликинского завода?

Погляди в бинокль на швейную фабрику! Она давно в руках засланных к нам террористок. Только в подрывных центрах могли их обучить шить нам и нашим детям такое!..

На замке граница, но сумел коварный враги внедрить в наш тыл и этот райздрав, и этот почтамент, и проводницу вагона Спиридонову Зинаиду, замучавшую сотни наших людей!

Наконец, если граница на замке, то кто же орудует в универсаме?! Мы же помним, мы слышали былины, наши продавцы были честные...

Может, и на замке граница, но слоняются за этим замком толпы заброшенных к нам, загримированных под наших людей неотличимо. У каждого — надежная легенда, чистые документы, знание местных обычаев. Крикнешь:

— Стой, кто идет! Скажи пароли!

Не только пароль скажет, но и еще три слова добавит, которые только в нашем языке и существуют: «Перестройка, гласность, ускорение!» До того чисто работают, что долго понять не могли: кто ж их готовит? ЦРУ? ФБР? А может, еще кто? И вот, наконец недавно вышли на одного. Благодаря его мелкой ошибке. Ну, буквально незаметный просчет: спутал свой семейный бюджет с бюджетом союзной республики. Конечно, это как раз не повод подозревать, что не наш человек. Просчет был в другом — он с этого бюджета пришел взносы платить. Видимо, сдали нервы. Ну, взяли его, стали раскручивать — имена, явки, а главное, какой разведцентр готовил? Долго запирался, потом: «Пишите, — говорит. — Средняя разведшкола № 156 Пролетарского района». Вот так, зеленая фуражка. Пока ты ЦРУ опасался, за спиной у тебя покруче организация окопалась — Минпрос! Агентов вербуют по всей стране с малолетства, инструкторов тыщи, кличка у всех одна: «Училка». Все построено на полной конспирации: никто ничего не знает. Программы, инструкции получают от резидентов из РОНО. А откуда те берут — уже полный мрак. Но результат — поразительный!

Ну, какое ЦРУ смогло бы подготовить такого агента, как тот наш герой-хлопковод, которому за подвиги мы дали все высшие награды, но оказалось, и их мало, нужна еще высшая мера?

Или этот, которому доверили мы охранять все наши ценности, и он так охранял, что потом нашли их все у него на даче — видно, держал для большей сохранности... А разве цэрэушники построили те два сарая? Приглядишься, фуражка! Сарай — это, конечно, для мас-

кировки, чтоб никто не подумал, что это у нас такие дома. Слева — детский дом, справа — дом престарелых. Да глядя, как эти старики и дети живут, цэрэушник не выдержал бы — ампулу с ядом бы принял! А у нас нервы крепкие! Потому что не из их — из нашей школы вылупились. И те, кто затопил леса, и засолил поля, и кто осчастливил города наши, заменив их имена своими фамилиями.

Все мы тут свои, сами собой обученные. Потому как бы и не живем, а как бы заброшены все в свой собственный тыл с особым заданием. Особое — потому что ничего не надо специально портить, взрывать и вредить. Надо работать, как работаешь, — и все оно сломается и взорвется само. Почему тот поезд столкнулся с самолетом? Потому что оба засмотрелись на тонущий пароход!

И все бы ничего, но больно нервная в тылу обстановка. Никто же точно не знает, где именно ахнет и рухнет очередной раз. Потому все напряжены, потому и улыбка в нашем тылу вызывает подозрение. Раз улыбается, значит, или не местный, или обдурил следствие. А то вообще двойной агент — делает вид, что у него все хорошо, а у него все хорошо и есть. Такой особо раздражает. Хочется догнать, оторвать пуговицу, наступить на ногу, а лучше на обе. Потому что нам-то не до улыбок! Все при деле — как у батьки Махно: кто что может утащить — тащит, кто не может — пишет в газету.

А в газетах обнаружилась опечатка. То, что называлось небывалым подъемом, оказалось общим провалом. И потому центр теребит агентуру, агентура дергает центр, все ищут, где выход.

Один предлагает: всем больше платить — и прорвемся!

Второй говорит: куда больше? И на эти-то ничего не купить! Меньше надо!

Третий орет: тебе пусть меньше, а я и так получку без микроскопа не вижу!

Демократ говорит: запустить сюда японцев! Они нас научат!

Патриот говорит: пока они нас учить будут, мы их сами вперед выучим — и пиво с хлорофосом пить,

и в трамвае орать: «Не нарависа — в такиси есиди!»

Плюрализм! Один до того договорился! Надо, говорит, в школе реформу сделать, чтоб оттуда не таких, как мы, выпускали, а нормальных. Явно, или накурился, или начитался Сен-Симона...

А если без утопий, то выход один, ребята: всем надеть зеленые фуражки! Всем, кто еще может обижаться, что в Южной Корее лучше, чем в Северной Туркмении. Вот из этих-то по всем ширям и далям — посты и заставы! На каждый ручей — катер, над каждой трубой — вертолет! В вагон к Спиридоновой Зинке Пальму посадить восточноевропейскую. Пусть Зинка ее облает, попробует. И чтобы всюду:

— Стой, кто идет! Скажи пароль!

Чужой идет — спокойно, куда он денется? А свой — удвоить бдительность.

Свой, значит, наш, простой, обыкновенный, октябренок, пионер, комсомолец, с профсоюзным билетом, с проездным... Сам себе агент, сам — резидент, сам на себя работает, сам — против. Сам на себя наорет, сам себя обвесит, сам себе холодный дом поставит, сам себе фугасный телевизор подложит, сам себя в нем увидит, сам разозлится: кто это там с таким лицом неприятным?

Свой! Такой, как ты, значит, ты сам! Значит, в оба гляди — вон же, вон мы сами идем, оставляя на родной земле следы аварий и пустые бутылки. Не хватит фуражек на всех — карауль так. В дозор, лысые, в дозор, женщины, панки, рокеры, сталевары, стоматологи!.. Не снаружи граница, а там, где ты стоишь.

От внешнего врага отечество спасли.

Теперь — все на защиту родной земли от нашего человека!

МОЖНО И НЕЛЬЗЯ

Вопросов много.

Как? Почему? Доколе?

Вопросов много — ответ один.

Все оттого, что у нас нельзя жить без слова «нельзя», а без слова «можно» — можно.

Не успел родиться — нельзя! Вертеться нельзя, штаны пачкать, по трамваю бегать, рукой в компот...

— А выйти можно?

— Дотерпишь!

— А можно войти?

— С родителями к директору!

На траве не лежать, якорей не бросать, собак не выгуливать!

Наше «можно» непереводимо на другие языки, ибо означает «можно, но...».

— Можно тыщу заработать, не воруя?

— Заработать-то можно, вот заплатить...

— Можно все за два часа сделать и уйти?

— Сделать можно, уйти не получится: шесть часов будешь оправдываться — зачем сделал?

— Можно открыть окно и спеть для прохожих? Где написано, что нельзя?

— Нигде не написано — в памяти покопайся...

Вообще, «нельзя» здоровее, чем «можно».

Говорящий «можно» боится телефона, мучается несварением, по ночам орет «Живым не дамся!» Он обречен на одиночество: сказав «можно», он больше не нужен. Сказав «можно», он все сказал.

Говорящий «нельзя» — здоровый, румяный, с бронебойным юмором и уверенной перспективой. Он окружен людьми. Он знает: они будут возвращаться к нему, как к первой любви. Они будут возвращаться, а он им снова: невозможно, не положено, не соответствует, не отвечает... То — нельзя и это — нельзя, туда — нельзя и сюда — нельзя. И возникает интересная

задача: обеспечить ускоренное движение по дороге, где у светофоров все фонари красные.

Решение напрашивается: когда нельзя то, что должно быть можно, становится возможным то, чего нельзя.

Посеять — не вырастить, вырастить — не собрать, собрать — не довезти, довезти — сгноить. Слепить срунду, умножить на двенадцать, вместо минуса поставить плюс и досрочно доложить — можно! Потому что без премий нельзя. Обещать — не сделать. Сделать так, что лучше бы не надо... Из года в год изобретать самый быстрый в мире велосипед, хотя остальные давно уехали на мотоциклах. А главное, можно находить объективные причины. И что бумаги опять нет, и что та библиотека опять вспыхнула, и что опять не обеспечены несчастные женщины наши этими деликатными вещами, рифмующимися со словом «бухгалтер».

— Объясните: почему?

— Объясняем: потому.

А когда все можно объяснить — ничего нельзя исправить.

Улучшить нельзя, ускорить нельзя, усилить нельзя. И сказать об этом тоже нельзя. Потому что сразу набегают оскорбленные. Это, говорят, вы врете! Это у вас юморок вчерашнего дня. Это вчера нельзя было. А сегодня мы сами вам демократично указываем: можно.

И действительно, многое можно уже. И в искусстве, и в юморе, и, что одно и то же, в сельском хозяйстве. Даже тетки в булочной рассуждают о конвертируемом рубле. Никто толком не знает, что это такое, но во рту приятно. И в общественной жизни — можно. То есть настолько, что еще чуть-чуть, и один международник сможет заявить, что не согласен с мнением другого. А может, уже и это можно.

Так, выходит, если можно говорить, так уже незачем?

Есть зачем.

Презилось уже однажды, что «вчера» кончилось. А оно только прическу меняло. Не разобрались тогда, что «можно», чего «нельзя», и какая нужна пропорция. Не разберемся опять, и наше матерое «нельзя» опять проглотит наше робкое «можно».

Вместе с нами.

Они говорят:

загадочная страна! Таинственная! Они говорят, им у нас трудно понять, разобраться...

Они думают, нам легко. Нет, мы бы, может, и разобрались, если бы хоть что-нибудь точно знали. Но в том-то и дело.

Нет, конечно, есть и настоящие секреты, которые доверяют только узкому кругу. И конечно, в таком кругу быть почетно. Но настоящих секретов даже в такой огромной стране на всех не напасешься. А почета желают все! И поэтому каждый засекречивает что может. Ну, любую ерунду, ну, даже то, чем сам занимается. Что делает каждая контора в первую очередь? Покупает сейф. Запирает на ключ, ключ прячет. Что там лежит? А не ваше дело. Сейф закрыт, значит, сведения закрытые. Мы их закрыли, чтоб иметь почетную возможность вам не говорить, что доставляет нам большое удовольствие...

И поэтому у нас тайны и неизвестность — повсюду. Пропуск требуют даже там, куда и без пропуска никого не загонишь. При входе в Дом пионеров дежурит вахтер — правильно, никто не должен знать, чем там пионеры занимаются... На ларьке шифровка: «Ушла на базу». Что это за база? Где? Координаты узнать невозможно. Такое впечатление, что это база стратегических бомбардировщиков.

Когда министерство оборонной промышленности засекречивает состав продукции, еще понятно. А когда министерство пищевой? Попробуйте выяснить у них состав этой колбасы, которую они, — видимо, из ненависти к медицине, — называют докторской. Ни черта не узнаете. У них эти сведения — ДСП, для служебного пользования. Может, тогда им и саму колбаску для служебного пользования отдать? Здоровее будем.

А вообще, куда ни ткнишь — данных нет. То есть наших данных у нас нет про нас. Про других — пожалуйста. Число преступлений в Нью-Йорке известно

с точностью до десятой мордобоя в минуту. Так что, если решили прошвырнуться по ночному Нью-Йорку, известно, через сколько минут нарветесь. А вот насчет Кременчуга данных нет. В Кременчуге вас ждут приятные неожиданности.

Эта повсеместная игра в прятки идет так давно, что многие уже не могут не играть. У нас в доме живет один. Он всю жизнь просидел в закрытой конторе. Потом-то выяснилось, что она и открытая никому не пужна. Ее уже вовсе закрыли — и этого на пенсию. В первые дни человек с непривычки, от открытости, чуть умом не покосился. А потом взял и всё у себя в квартире перевел на закрытый режим. В каждую комнату у него теперь свой пропуск. Перед кухней — турникет. У жены постоянное разрешение, у остальных разовые. Шкафы, серванты — все на пломбах. Короче, без допуска у него можно только в удобства. Тут у него либерально, требуется только заявление, анкета и двенадцать фотографий без уголка...

Зато информация, конечно, вся закрыта. Спросишь его: «Который час?» Отвечает: «В свое время узнаете!»

Но время еще не наступило, и не только у него.

Молодежь долгие годы пытается выяснить, откуда в стране берутся дети. Информация закрыта. Молодежь бежит к старшим. А что старшие? У старших даже само слово «секс» ассоциируется с империализмом. То есть наших данных опять же нет. Не наши добыть можно, но надо мучиться со словарем, потом бежать к машинистке, перепечатывать... Кстати, почему у нас не продаются эти машинки, которые уже во всем слаборазвитом мире давно сами копируют, размножают, печатают? А чтобы никто даже случайно не размножил нашего главного секрета: что у нас никто ничего не знает, но все обо всем догадываются. То есть недостаток информации восполняется избытком интуиции. Это только у нас могла родиться фраза: «Я чувствую, что будет повышение цен...»

Можно, конечно, оставить чувства для настоящего, предчувствия — для будущего. Но с прошлым это не проходит. Потому что наш вчерашний день есть вещь уже совершенно секретная. То есть мы, конеч-

но, не сомневаемся, просто хотелось бы узнать — в чем?

«Знание — сила» — это же не только о физике.

И пока не знаешь точно — откуда идешь, нет гарантий, что туда же не вляпаешься.

А гарантий охота. И они появятся, когда мы спросим друг друга: «Который час?»

И ответим: «Час, когда секретное время кончилось».

1987

ВЕРИШЬ — НЕ ВЕРИШЬ

Уже давно мало кто

сомневается, верно ли он поступает, сохраняя верность. Мало кто сомневается, а многие даже сохраняют.

Остальные, правда, тоже ничего такого не делают. А что вообще ты можешь сделать, когда все зависит только от нее? Ты-то готов на любой вариант — лишь бы недалеко провожать. Но, конечно, лучше всего, если у нее отдельная. Но можно и в коммунальной, если мало соседей. Но если много, тоже можно. Лишь бы не в общежитии. Но можно и в общежитии.

Но выбора же у тебя фактически нет — выбирают они. Кто тебя выберет, дело случая. Конечно, каждому охота, чтоб высокая блондинка с материальной ответственностью. Но эти, как правило, выбирают брюнетов дальнего плавания. А остальные уже берут кого попало, так что в случае чего — извини.

Но главное-то не это, главное — наличие общих интересов. (Это ты так ей говоришь, а она делает вид, будто не знает, какой у тебя интерес.) И тут могут быть нюансы. Скажем, она не замужем. Хорошо — хватит и того, что ты женат. Замужем — тоже хорошо. Сближает на почве взаимного сострадания. Если, наоборот, у нее муж, а ты вольный — еще лучше! Значит, он подлец, а ты не виноват.

В любом случае — никаких угрызений, самобичеваний и криков типа: «Измена!» Во-первых, что ты там изменил? Во-вторых, никакая не измена, просто сожительство без отрыва.

Поэтому — не бояться разоблачений. Бойся — не бойся, все равно разоблачат. Даже если ты сидишь дома, на диете, и ни о чем таком и подумать не можешь без прострела в пояснице, все равно найдутся свидетели! Они видели тебя с ней в ресторане, и вы оба хлестали коньяк, причем она с голой спиной.

Это настолько чудовищная клевета, что глупо

даже оправдываться, тем более она была не с голой спиной, а в кофточке.

Но уж если твоей все стало известно, надо ставить вопрос ребром: верит она тебе или не верит?

Скажет: «Не верю!» — значит, она умней, чем ты думал, больше вопросов не задавай. Скажет: «Верю!» — тогда вообще какие вопросы?

Так ты рассуждаешь и так действуешь.

Но время идет.

И вот тебя все больше выбирают не те, кто хотят, а те, кто не могут выбрать что-нибудь получше. Потому что с течением времени у тебя растут запросы, но выпадают волосы.

И наступает момент, когда тебя перестают выбирать вообще.

И тогда остается одно: бегом бежать туда, откуда до этого все время убегал. И дай бог, чтобы тебя там еще кто-то ждал.

Или хотя бы чуть раньше тебя вернулся.

197?

НАЧАЛЬСТВО И НАРОД

Народ добрый —

начальство злое.

Народ умный — начальство тупое.

Народ — честный. Начальство — воры все. Народ ограбили, теперь друг у друга воруют.

Народ — работяга, труженик. У начальства от безделья — жир, на жиру — пролежни.

Народ, он за правду, а начальству верить можно только на сороковой день. Уж как врут! И кому — своему же ж родному народу!

Народ — он вообще, он никогда ничего! А эти ж постоянно! Его поймашь, а он опять, еще больше!

Народ храмы построил, про землю песни сложил. Ай, люли, понимаешь. Ой ты рожь...

Одно слово: золотой народ! Насчет народа вопросов нету.

Насчет начальства — один есть.

Ну, откуда у такого народа такое начальство?

Прям всплывает и всплывает, и не тонет, и не тонет.

Обидно народу за себя!

198?

ВСЕГДА ВСЕМ ВЕСЕЛО

Радоваться и удивляться!

Удивляться и радоваться!

Плядеть на мир широко распахнутыми глазами, где в расширенных от удивления зрачках застыло выражение радости, не проходящее даже при чтении юмористических журналов!

И чтоб всегда было всем весело и интересно! Помнить, что тебе все время интересно и весело, потому что если на минуту забудешь, что тебе весело и интересно, то может стать невесело и неинтересно — а на таких-то кое-кто и рассчитывает!

Поэтому — разнообразить ощущения! Сперва ощущать радость, потом, наоборот, ликование, а между ними — небывалый подъем.

И при этом не замыкаться в своем «я»! Весело зарубить себе на носу, что «я» — последняя буква нашего алфавита, и это, к счастью, потому что кое-где вообще одни иероглифы!

И чтоб пела душа! Чтоб душа, не умолкая, пела радостные напевы в сопровождении оркестра радио и телевидения. Чтоб одна задорная песня весело переходила в другую: «Песня-85» — в «Песню-86», «Песня-87» — в «Песню-88» и так далее — все звонче и звонче!

И все это — в состоянии безысходного оптимизма! Потому что для пессимизма не может быть никаких оснований, разве что пропадет оптимизм!

И делиться всем этим не только с собой, но и с остальными! Вприпрыжку объяснять, почему им все время так здорово, что хочется хохотать во все горло!

Если же у кого-нибудь вдруг ни с того ни с сего затуманится взгляд и широкая улыбка перестанет расширяться дальше, то подскочить к нему, хлопнуть по плечу, купить билет «Спортлото», сказать, что завтра выходной, что дождя не будет, что на фабрику вот-вот придет новое оборудование — и человек тут же приободрится и запоем!..

1977

ГОРДЫЙ ЗВУК

«Человек — это звучит гордо!..»

Прекрасные слова. Они с самого начала полюбились нам, ибо мы почему-то приняли их на свой счет. И стали звучать. То есть гордиться.

Прежде всего, конечно, мы гордились, что у нас самая большая в мире территория. И самая непроходимая в мире тайга. И самый косолапый медведь. И самая минусовая температура. Мы своей стужей так гордились, словно были ее причиной. Что впоследствии подтвердилось...

Затем мы гордились, что наше метро — самое читающее в мире. Мы решили, что для метро это — главное.

И что учителей на душу населения у нас больше, чем во всем остальном мире.

И врачей на душу населения больше, чем во всем мире.

И инженеров больше, чем населения во всем мире.

И что дети у нас окружены самой большой в мире заботой.

И что самая мощная в мире баба — наша.

И мы до того приучили себя гордиться своей самой невероятной территорией и самой вечной мерзлотой, что постепенно вошли во вкус и стали гордиться уже всем подряд. Даже тем, что делали сами. Мы даже устроили выставку своих достижений! То есть, чтоб увидеть достижения, нужно было ехать на выставку.

И вот, втянувшись в привычку ходить с гордо поднятой головой, мы постепенно перестали замечать, что творится у нас под ногами.

Поэтому, когда в один прекрасный день мы все же рухнули с высоты своей гордости в наше самое читающее в мире метро, то были поражены, что читает там лишь тот, кто сумел расплющить других читателей.

Мы заметили, что самое непроходимое зимой — не тайга, а ближайшая улица.

Мы поняли, что толпы наших учителей надо загонять в концертную студию «Останкино», чтобы там

показать им, что учитель — это глубоко другое..

И что врачом у нас почему-то называется эта хладнокровная молодка, которая при переломе таза ставит диагноз — «ОРЗ».

И что инженеры наши... Ну, об этих кощунственно даже говорить.

Мы убедились, что дети у нас действительно окружены самой большой в мире заботой: одеть — забота, обуть — забота...

И даже закралась мысль: может, у нас потому самая мощная в мире баба, что ей достался самый немощный в мире мужик?

В общем, оказалось, что гордиться конкретными вещами как-то непросто. И тогда мы придали нашей гордости, так сказать, общеэпический характер. Мы стали гордиться вообще. Мы даже как-то особенно гордились тем, что нам трудно выразить, чем именно мы гордимся. Это позволяло гордиться вещами, включающими друг друга. Например, долгое время мы все вместе гордились, что боремся с водкой. При этом каждый гордился, что может перепить остальных.

Вообще же, можно было начинать гордиться в любую секунду — стоило включить телевизор. Там гордость наполняла даже развлекательные программы. Разве забыть, как мы все гордились той пионеркой? Она отказалась от приза в телевикторине, созналась, что отвечала по подсказке. Страна просто плакала от гордости за свою смену. Могла ведь надуть девочка, могла! Не надула. Какой пример для октябрят! Один завскладом посмотрел, до того растрогался — тоже хотел бежать во всем сознаваться. Хорошо, родственники набили морду, связали...

А вскоре мы приспособились гордиться даже во сне. Снились конные богатыри с нашими лицами. Так и дремали, пока не вскочили от дикого крика. Кто-то орал, что, пока спали, уже пропало все, чем можно гордиться!..

Кинулись искать — кто надрывается, кто такой смелый?

Оказалось — сами. Сперва, конечно, от этой своей отваги слегка трусили. А пришли в себя — и первым

делом сделали эту новую смелость предметом новой гордости! Ух, до чего ж мы отважные! Ух и гордые у нас голоса! А как же! Человек — это ж звучит гордо!..

Прекрасные слова. Которые больше не помогут ни нам, ни нашей температуре, ни этой невероятной герритории.

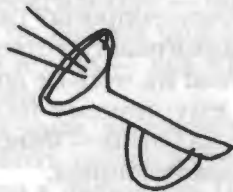
Время гордых звуков — даже новых — истекло.

Поймем — может, еще сумеем зазвучать прилично.

Нет — опять все вылетит в пустой звук.

1986

6.00.00

которое произносит человек? Из четырех букв?

Человек произносит «мама». Наш человек — «план».

Он и рождается так: у родильного дома план по валу. И у зубной поликлиники план: хоть у одного из нас пломба не в том месяце выпадет — мы им все сорвем. Но она выпадет, они ж ее сами ставили.

У гаишников тоже план. Так что в начале квартала можно и на красный, а вот в конце уже и на зеленый не советую.

Плановики, планерки, планировщики. Планируется все. Решили даже такую задачу — не для среднего ума! — как планирование перевыполнения плана! Анна Петровна Хрюндина полторы пятилетки выполнила в две недели. Молодец, Анна Петровна. И кто пятилеточку ей спланировал, тоже молодец.

План — закон, процент — хозяин! Шаг вправо, влево от плана считается побег.

Казалось бы — какие вопросы? Так нет. То тут, то там все время кто-то выпрыгивает из строя. Недавно один — ну, просто как с Луны! ну, чуть не до истерики! — требовал объяснить ему: почему над тем магазином написано «Рыба», а над этим — «Мясо»? Он, видите ли, был внутри и не понял разницы.

Не понял — значит, тупой. Раз все планируется, значит, планируется не только где что будет, но и наоборот. Ну и чего каждый раз изумляться — почему опять на всех не хватило этих мягких облагораживающих рулончиков. Значит, так в центре запланировано — может, создается стратегический резерв. Или имеется в виду только руководящее звено. Или ветераны.

То же и качество. Это только в книжке одному буфетчику объяснили, что не может быть осетрины второй свежести: второй — значит, тухлая. Наши буфетчики другие книжки читают. Там и вторая свежесть планируется, и категория вторая, и сорт второй. Что почти как первый. То есть почти можно надеть.

Почти не протекает. Почти телевизор. Почти не отравился и к врачу попал — к хорошему почти. Так что почти остался жив...

А тут к нам приезжал то ли инспектор, то ли инструктор. Весь такой гладкий, как первомайский стих. Надо, говорит, уметь в споре с противником доказать преимущества нашего планового хозяйства. Два часа сам с собой остервенело спорил, себе — доказал. А нам и доказывать не надо! Нам и так ясно: у них хозяйство бесплановое, подвержено кризисам, у нас — бескризисное, подвержено плану.

Там — план по разрядникам, тут — по диссертациям. К концу года обязаны защититься двенадцать Менделеевых, четыре Ломоносовых и один Фейербах, если опять не завалит минимум по научному коммунизму.

План любого заседания известен заранее: доклад, орация, концерт. Концерт тоже по четкому плану: стих о паспорте, гибель лебедя, юмор про химчистку, хор имени Пятницкого.

Запланировано даже, когда кто какой подвиг совершит. К пятидесятилетию — подвиг на малый орден, к шестидесятилетию — на большой, к семидесятилетию — на совсем большой, в коробочке, к восьмидесятилетию — все три вместе дадим, уже за то, что дожил.

Планы — встречные, комплексные, личные...

Я планирую вбить гвоздь в стенку, чтоб повесить план Парижа, куда я планирую. Правда, неизвестно, планирует ли меня Париж.

— Вы ребенка планируете?

— Уже запланировали.

— Мальчика, девочку?

— Вообще, примерно, мальчика. Но как получится...

Так и в Госплане у нас.

План — ответ на великую загадку вселенной: почему в стране из года в год — как тридцать первое, так везде живая картина «Штурм Измаила», как первое — так уже «Христос в пустыне».

А вообще, наш плановик похож на планериста.

Оба планируют.

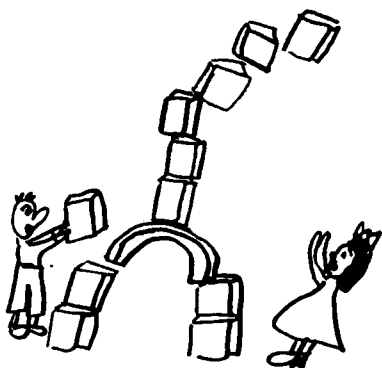
Но разница есть. Один — как бы в небе ни кувыркался — помнит: хоть раз он небесных законов не учтет, они его самого учтут.

А второй так всерьез и думает, что речка потечет, куда поплавок захочет. И что вся планета — не более, чем пункт его плана.

Что, конечно же, не так.

Ибо, к счастью, она все-таки вертится.

1986

Каждый четвертый —

учится.

Каждый второй — учит.

Каждый шестой — ученый.

Каждый третий — большой ученый.

Трое из семи — переучиваются.

Восемь из пяти — повышают квалификацию.

Остальные уже окончательно отучились, светлая память. Или ушли в декрет.

Процесс выучивания интересен стремлением наукающихся самообучиться. Поэтому, чему бы ни обучивались, научаются в среднем одному и тому же.

Итак, чему же выучились мы, среднеобученные обучавшиеся?

По арифметике — действиям с процентами. Так наловчились, что проценты постоянно возрастают, даже при полном отсутствии того, проценты чего могли бы возрастать.

По геометрии решаем бесконечную задачу на плоскости, как из общего квадратного метра с отдельным получить два отдельных — с общим.

По истории углубились на глубину учебника — то есть остались на поверхности.

По географии штриховали контурные карты мест, куда незачем.

Из литературы запомнили, что был Пушкин, остальное — лишние люди.

Химию изучали по статьям: «Спасти озеро!», «Срочно спасти озеро!», «Немедленно спасти озеро!», «Озеро не спасти».

Зато иностранные языки изучали глубоко и долго. Так долго и глубоко нигде в мире больше не изучают. Поэтому только мы на любой вопрос на любом языке на том же языке и отвечаем: «Нихт ферштейн!»

С экономикой все было еще глубже: экономика должна быть экономной, астрономия — астрономной...

Этику и эстетику на всякий случай не изучали:

завуч не был до конца уверен, что это одно и то же.

Зато обществоведение как науку поняли сразу всю — по первой же фразе лектора, сказавшего: «О Гегеле вам коротенько...»

Логику впитали интуитивно. То есть, еще только прочитав слова «О мерах по дальнейшему улучшению...», понимали, кто запросился на пенсию.

У некоторых были еще основы личной гигиены — факультативно...

Самое интересное в нашем обучении — это то, что оно совершенствуется путем постоянной ликвидации самого себя.

Отсюда выучились невиданному юмору. То есть там, где другие с ума бы посходили, нам смешно.

Но при этом сохранили такую девственную непосредственность и чистоту, что каждый, ни хрена не делая, до сих пор способен искренне возмущаться: почему ни хрена нет?

Что доказывает — выучились полностью.

Главное теперь — попытаться уберечь от нашего всеобщего обучалища детишек.

1986

Конечно, конечно.

Сейчас как-то особенно. Как-то очень. Потому что постоянно.

Но что обнадеживает — это что партия в курсе.

Конечно, мыло. Конечно, его нет, конечно. Но партия в курсе. И сейчас специально выехал по вопросу мыла секретарь и кандидат в члены и ознакомился с ситуацией, и подтвердилось, что действительно имеют место определенные недостатки по вопросу мыла в связи с тем, что мыла вообще нет.

Таким образом, партия в курсе. И уже состоялся расширенный актив, и секретарь и кандидат в члены выступил и поставил задачу, что с мылом надо поправлять, и что партия не может мириться, что нет мыла, тем более идут письма даже от беспартийных.

Затем секретарь в члены и кандидат прошел по цехам, где состоялся откровенный обмен с рабочими, где рабочие прямо ставили вопрос, по-рабочему, как присуще рабочим. И кандидат в члены и секретарь поддержал рабочих в такой острой постановке, и проинформировал, что как раз по вопросу мыла уже состоялся актив, так что партия в курсе. Это было с одобрением встречено рабочими, которые проявили высокое понимание, и выразили благодарность по вопросу мыла, и ставили вопрос по существу: как будем мыться сегодня, такой запах будем иметь завтра.

И нет сомнений, что партия в курсе.

В частности, по соседней области нанес визит заместитель и член в кандидаты в связи с ходом выполнения ликвидации последствий столкновения шагающего экскаватора с дрожжевым заводом, и отмечалось, что работы не окончены, как было намечено, — в связи с тем, что не начинались. Но партия в курсе. Причем не только по этому региону, но и повсеместно.

Поскольку во все места постоянно прибывают кандидаты и члены в заместители, и отмечается, что постановка верная — причем не только насчет школь-

ных тетрадей и отоплениа, но и насчет вообще. Однако для паники нет оснований, потому что партия в курсе.

И что мыла нет — в курсе.

И что чая нет — в курсе.

И что вагонов нет и не будет никогда — в курсе партия.

В горах мордобой, на равнине скандал, море высохло, поле утонуло — неизменно в курсе она.

И про то, что есть, — в курсе. И про то, чего нет, — в курсе.

А раз по всем частностям в курсе она, так какие ж сомнения могут быть?

Значит, и общий курс — верный!

1986

Того нет, этого нет.

То — не достать, это — не купить. А купишь — сломается, сломается — не починишь, починишь — выбросишь.

Там — обвесили, тут — отравили, здесь — обжулили, и параллельно везде — облаяли.

Одни — заелись, другие — зажрались, остальные — спились. Потом зашились, но опять развязали, опять спились.

Врут — все, не верит никто, а они все равно врут, и никто не верит, и врут все равно.

Памятник стоял — снесли. Портрет висел — скинули. Другой повесили — он сам упал.

Мужики — хуже баб. Бабы — еще хуже!

Молодежь — балдеет.

Старики несут молодежь, потому что обалдели еще раньше.

Придешь на работу — психушка! Придешь домой — на работе нормально...

Лянешь в газету — глаза на лоб! Поглядишь без газеты — волосы дыбом.

В общем, вообще!..

А тут еще обрадовали, что, оказывается, растет средняя продолжительность этой жизни!

Хорошо еще, огорчили, что медленно...

Он, конечно, псих.

У него мания. Например, ему все время грезится, что в Японии все эти японцы стоят в очередях на помойку — чтоб выбросить ихние часы и транзисторы.

Тут же вторая очередь — чтоб записаться на наши.

Или — он идет по Бродвею, а все ихние фарцовщики становятся перед ним на колени, чтоб он им продал наши джинсы.

А тут на днях у него такое видение было, что жена врезала ему по морде итальянским сапогом, за то что не достал ей скороходовские!..

А утром проснулся и орал, что от всех женщин в Париже должно пахнуть духами «Северное сияние».

Уж и так с ним, и эдак — бесполезно И главное, заразить нельзя. Звереет, ногами топает, кричит — только так и должно быть.

Уже его и к врачам водили.

Врачи говорят — трудный случай.

Причем не в том трудность, чтоб его вылечить.

А как сделать, чтоб остальных заразить...

1987

ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКИЕ ТРАГЕДИИ

*эпохи конца начала
перестройки*

І. ПЕТРОВИЧ И НАРОД

ПЕТРОВИЧ. Товарищи!

НАРОД *(с ликованием)*. Урр-р-р-а-а-а-а!!

ПЕТРОВИЧ. Хватит! Пора покончить с нашим
«Ура!»

НАРОД. Пор-р-а-а-а! Урр-р-р-а-а-а! Слава! Слава!
Слава!

ПЕТРОВИЧ. Нужно новое мышление!

НАРОД *(с подъемом)*. Урраа! Старое — на хрен!!
Ур-ра-а-а!

ПЕТРОВИЧ. Нужна гласность!

НАРОД *(с интересом)*. А чего ж! Урра!

ПЕТРОВИЧ. Демократизация! Плюрализм!

НАРОД *(озадачиваясь)*. Ура...

ПЕТРОВИЧ. Реформа в экономике!

НАРОД *(зевая)*. Ну, ура.

ПЕТРОВИЧ. А для всего этого нам нужно упорно
поработать!

НАРОД обиженно смолкает.

ПЕТРОВИЧ. Вы слышите, товарищи? Да вы где все?

Занавес.

ІІ. УРЮК

ИВАНЫЧ *(надевая очки)*. Товарищи!

Со двора слышны визг, шум, крики.

ИВАНЫЧ (снимая очки). Что это?

ХАСАНЫЧ. Даю справку. Там две женщины немножко беседуют насчет урюка. Одна говорит: кушай. А вторая говорит: не хочу больше. Ситуация под контролем.

ИВАНЫЧ (надевая очки). Вопрос ясен.

Со двора доносятся вопли, топот, звуки мордобоя.

ИВАНЫЧ (снимая очки). Что это?

ХАСАНЫЧ. Даю справку. К тем женщинам сейчас подошли ближайшие родственники, чтобы их успокоить. Не больше тридцати тысяч. Урюк под контролем.

ИВАНЫЧ надевает очки. Со двора доносится грохот, в стекло попадает булыжник. ИВАНЫЧ роняет очки.

ХАСАНЫЧ. Подключилась интеллигенция — уговаривает всех родственников скушать урюк до наступления комендантского часа. Информация под контролем.

ИВАНЫЧ не успевает надеть очки. В окно влетает вертолет и взрывается.

ХАСАНЫЧ. Оказалось, урюка несколько больше, чем мы предполагали. Но ситуация в окопах под контролем.

ИВАНЫЧ пытается надеть очки без стекол. Во дворе атомная вспышка.

ХАСАНЫЧ (в виде альфа-частиц догоняя Ивана, летящего в том же виде). Вопрос с урюком решается в рабочем порядке. Радиация под контролем.

Улетают за пределы Солнечной системы.

Занавес.

III. СЫН НЕБА

ФОМИЧ (*сходя с самолета в белом халате поверх пальто*). Здравствуйте, товарищи. Это у вас что?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА. Корова.

ФОМИЧ. Понимаю. Наша задача, товарищи, увеличить надои.

Председатель конспектирует.

ФОМИЧ (*в спецовке поверх пальто*). А это что?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА. Трактор.

ФОМИЧ. Вот это очень хорошо. Главное — лучше использовать трактора. А то что ж получается?

Председатель конспектирует.

ФОМИЧ (*в халате поверх спецовки поверх пальто*). А здесь что?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ничего.

ФОМИЧ. Вот видите, значит, результаты есть!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*смущенно*). Дык.

ФОМИЧ. Так что, я думаю, разговор был полезный. Теперь, я думаю, дело пойдет. Как, товарищи?

Председатель утирает слезу.

ФОМИЧ (*поднимаясь в самолет в каске поверх папахи*). Чертовски хочется работать!

Самолет подпрыгивает и улетает.

ДОЯРКА (*из-под коровы*). Кто это был?

ТРАКТОРИСТ (*из-под трактора*). Кто-кто...

ДОЯРКА. Иди ты!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А ну, фермеры хреновы, кончай трендеты! Запевай! Нашу!

Все поют: «В далекий край товарищ улетает...»

Занавес.

Ровно к назначенному

часу я заполнил зал заседаний. И встретил свое появление в президиуме бурными аплодисментами.

Объявив заседание открытым, я единогласно утвердил повестку дня и предоставил слово для отчетного доклада себе. Свой доклад я заслушал с огромным вниманием, неоднократно прерывая его продолжительными аплодисментами.

Затем я выступил с двумя содокладами и объявил перерыв.

Собравшись в зале после перерыва, я открыл прения. Выступая в прениях, я, в целом, одобрил свой отчетный доклад, который поразил меня смелостью и принципиальностью. Затем я вскрыл пока еще имеющиеся во мне недостатки и выразил твердую убежденность, что мне удастся их преодолеть. Затем я внес предложение закончить прения и принял это предложение единогласно.

Следующим пунктом повестки были выборы. Я попросил слова и от своего имени внес предложение избрать меня. Это предложение было мною встречено долго не смолкающей овацией.

В ответном слове я сердечно поблагодарил себя за оказанное доверие и обещал отдать все силы выполнению поставленных мною задач, а для этого сплотиться вокруг себя еще теснее.

По залу прокатилось мое мощное «Ура!».

Я с трудом остановил поток здравниц в свою честь, которые я скандировал, и объявил заседание закрытым.

Затем я дал для себя большой концерт, который завершился хором «Славься!» из оперы Глинки «Иван Сусанин», сочиненной, как известно, мною.

ОДОБРЯМ-С!

— Я, местный житель,

как и все местные жители...

— Мы, местные жители, как и жители других мест...

— Я, вагоновожатый, как и все вожатые вагонов...

— Мы, бурильщики...

— Мы, носильщики...

— Мы все, как и все остальные...

— Решительно и всемерно...

— Целиком и полностью...

— ОДОБРЯМ!!!

Одобрям. С большой буквы. Потому что это — не глагол. Это больше чем действие. Это — название эпохи.

У людей был Ренессанс. У нас был Одобрям-с.

Он был всеобщим. Он торжествовал в балете и нефтеперегонке, при шитье пеленок и возложении венков. Отечественный Одобрям руководящих сливался с задорным Одобрямом руководимых.

Одобрям был выше чувств и отвергал формальную логику.

Высокие потолки — Одобрям.

Низкие потолки — Одобрям.

Больше удобрений — Одобрям. Меньше удобрений — больше Одобрям.

Все газеты и журналы из номера в номер публиковали одно и то же: «Дорогая редакция! С глубоким одобрением встретили мы...»

Издать Сыроежкина — Одобрям. Изъять Сыроежкина — бурно Одобрям. Главным в нашем Одобряме было его единогласие и единодушие — причем в обстановке полного единства!

Вопрос «Кто воздержался?» вызывал улыбки. Вопрос «Кто против?» считался чем-то из английского юмора. Реакция на вопрос: «Кто за?» — была похожа на выполнение команды «Руки вверх!»

Снести церковь — Одобрям! Снести тех, кто ее снес, — сердечно Одобрям! Реставрировать и тех и других — Одобрям посмертно!..

Периодически Одобрям ударялся в свою диалектическую противоположность и тогда назывался *Осуждам*.

Тогда:

- Мы, намотчики...
- Мы, наладчики...
- Мы, профессора...
- Мы, шеф-повара...
- С гневом и негодованием...
- Решительно и сурово...

Узкие брюки — *Осуждам*. Длинные волосы — *Осуждам*. Того поэта не читали, но возмущены. Этого химика в глаза не видели, но как он мог?!

Пока бросали камни в химика, проходило время, и уже узкие штаны — *Одобрям*, а *Осуждам* — широкие. И опять — не поодиночке! Ансамблями, хором, плечом к плечу!

- Как вы считаете?
- Так же!
- Какое ваше мнение?
- Еще более такое же!

Не я сказал — мы сказали. Не я наступил на ногу — мы всем коллективом наступили. Не у меня мнение, не у тебя, даже не у нас... А вообще: «Есть мнение...» Оно есть как бы само, а уже мы, доярки и кочегарки, его *Одобрям*. Или *Осуждам*. В общем, *Разделям*.

Казалось, тренированы, казалось, готовы ко всему. И все же многие не могли предвидеть, что начнется полный *Осуждам* вчерашнего *Одобряма*!

И вот вместо тишины — шум! Вместо шума — крик! Там, где раньше уныло скандировали, теперь весело скандалят. Заместитель назвал директора дураком — тот обнял его, как брата!

- Согласных больше нет:
- Как вы считаете...
 - Не так, как вы!
 - Какое ваше мнение...
 - Не ваше дело!!

...И это легко понять. Разноголосица радует наш слух после того единогласия, которым у нас называлось бормотание одного на фоне храпа остальных.

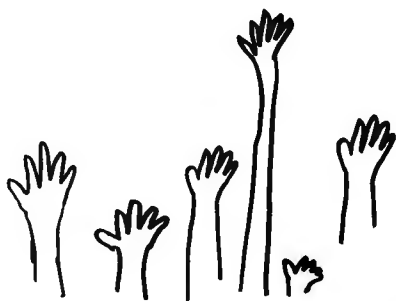
Но пора успокоиться.

Пора уже радоваться не столько факту крика, сколько его содержанию. И когда кто-то орет, что он думает иначе, надо для начала убедиться, что он вообще думает. Даже отрицательный результат этой проверки пойдет на пользу — среди множества орущих мы сможем выявить уцелевших после Одобряма думающих. Надо будет организовать их размножение.

Это — долгий путь. Но только таким путем мы, писатели, мы, читатели, — мы все — сумеем начать путь к действительно новой эпохе, к эпохе *Размышлямса...*

Которая одна способна стать эпохой нашего Возрождения.

1987

**Музы глас меня настиг.
Нашептал мне дивный стих.**

**Жизнь — не пленка кинолент.
В жизни редок хэппи-энд.**

**К счастью, горе — не беда:
Редко — но не никогда.**

**Видел гейзер? Среди льда
Вдруг — кипящая вода!**

**О, без этих чудных «вдруг»
Жизнь угасла бы вокруг.**

**И тогда сей мудрый стих
Ты б, читатель, не постиг.**

III

Моя ЖИЗНЬ
В ИСКУССТВЕ

Когда мой друг читает свои произведения со сцены, он смеется. Не всё время, конечно, смеется. Нет, всё время он изо всех сил старается не засмеяться, однако, местами, все-таки не выдерживает — смеется.

И зал смеется вместе с Мишиным.

Кому-то, возможно, это покажется странным, а для меня — это свидетельство абсолютной честности и искренности автора. Это, если корректно такое сравнение, как бы сертификат качества производителя, который выдает потребителю лишь ту продукцию, которую он сам отведал, и она ему самому по вкусу.

Не исключено даже, что, сочиняя свои опусы, Мишин порой бегаёт по комнате и одобрительно восклицает: «Ай да Мишин! Ай да сукин сын!» А может быть, совсем наоборот: он жутко мучается, рвет написанное в клочки, обзывает себя бездарью.

Да, пожалуй, этот вариант достовернее.

Потому что у моего друга скверный характер.

Скверный не для других — для него самого.

Мишин — самоед, самотерзатель и самоистязатель, вечно недовольный собой. На традиционный вопрос: «Как живешь, что делаешь?» — я никогда не слышал от него столь же традиционного для нас, грешных художников, ответа вроде «творю», «сочиняю» или хотя бы просто «пишу». Нет, Мишин скучно сообщает: «Да так, кое-что ковыряю...»

...Высшая награда, высшее признание писателя — это его слово, ушедшее в народ.

У Мишина, к моей немалой зависти, такое слово есть.

Это он изобрел слово «одобрямс», которое стало народным...

Родился в Ташкенте.
Потом переехал из Ленинграда в Москву,
отметил пятидесятилетие и вернулся из Одессы.

Все, кажется.
И тут позвонили, что для книжки нужна
автобиография.
В смысле, подробная.
А у меня как раз был текст — написанный
к собственному юбилею,
что имел место за два года до того.
За два года — ничего не прибавилось.
Наоборот, зуб вырвал.
Короче.

50

Дважды двадцать пять. Десять пятилеток.
Восемнадцать тыщ двести шестьдесят три дня.
С учетом високосных. Часы считать уже совсем глупо.
Поэтому сосчитал. — 437712 часов. Плюс двадцать
минут. Уже двадцать одна.

Теперь подробнее.

Родился в Ташкенте. Потом из Ленинграда
переехал в Москву. Откуда прилетел в Одессу, чтобы
отметить. Вот, собственно.

Теперь более подробно.

Родился в апреле, вернулся из Одессы и опять там
оказался. В промежутках переезжал, менял
и ремонтировал. Родился, переехал, женился, поменял,
отремонтировал, развелся, женился, отремонтировал,
поменял ... И буду менять и ремонтировать уже, видимо,
до последнего переезда на окончательную квартиру.

Теперь подробно.

Родился в апреле, потом не помню, потом апрель
в Одессе, мне тридцать. Все мои круглые праздники
почему-то в Одессе. Все мои праздники в Одессе
почему-то с нулем на конце.

Двадцать лет назад та одесситочка была с такими
бедрями, что казалась умной. Мама простила мне мое
тридцатилетие года через три.

Папа еще был. Печени еще не было.

Хотя уже открыл всемирный закон Мишина:

«С возрастом число органов в организме возрастает».

Сейчас тело ими просто битком набито.

Потом, помню, зима, потом апрель, мне — сорок.

Но не в Одессе, значит, сорока не было.

Потом, вроде, сценарий, потом, вроде, книжка, потом, вроде, Райкин...

Потом, вроде, институт. Или нет, потом «Золотой теленок». В смысле, премия. Или «Золотой Остап»? Не помню. Помню, что банкет. Банкет помню хорошо, после банкета плохо — печень уже была. Потом опять зима, потом в Одессе опять оказались одесситки.

У нас была любовь троим — она, я и печень. Как Маяковский и Брики.

Утром она, кажется, ушла к другому, кажется, к мужу. Мы с печенью несли ее чемодан. Потом не помню. Потом и вспоминать не хочу. И вот опять апрель, опять в Одессе. Дочь еще маленькая, сын уже большой. Жена — не в курсе. Печень ушла к другому.

Таков итог.

А в перспективе — зима, о чем помню с каждым днем все подробнее.

Но это все-таки еще немножко потом. А пока еще — тут, на том же месте.

Между прошлым и будущим.

Где и встречаемся.

(Из книги «224 избранные страницы», 1999)

Перечитал еще три года спустя. В апреле, кстати.

Сын — с бородой. Дочь — звонит по телефону...

Одесса — на месте, печень — неподалеку.

Зима по-прежнему впереди.

И сам пока здесь.

И вы рядом.

Да вот еще антология.

Чего же боле?

Апрель 2003

МОЯ ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ

Этот кот — не придуман. Он прибился к съемочной группе, вместе с которой я полтора месяца прожил в небольшом городке. До самого окончания съемок он был с группой неразлучен. Рассказывали, что, когда закончив работу, киношники уехали из городка, кот страшно тосковал. А затем бесследно исчез.

Артистической

натурой я себя с самого детства ощущал. Изыщество, оно у меня врожденное. И этот, как его, сексапил. Чего-чего, а уж насчет женщин я всегда был в полном порядке. Бывало, погляжу на какую-нибудь подольше, не мигая — все, моя.

Взять хотя бы жену полковника. Полковник только за дверь — я к двери, голос страдальческий подаю! Она откроет, меня увидит: «Ах ты, мой маленький! Ах ты, мой бедненький! Иди скорей сюда!..» Ну, меня дважды просить не надо, скорбно так погляжу, на ходу уже для пущей жалости мяукну — и сейчас на кухню, где такой аромат упоительный, что на помойке и не снилось. Сажу у полковничихи в тепле, рыбку наворачиваю, колбаску, а то она мне сметанки даст — хорошая сметана, рыночная — ну, я, натурально, глотаю торопливо: мол, видишь, хозяйка, голодной жизнью живу, мол, дай тебе Бог здоровья. А она на меня глядит умильно, приговаривает: «Ах ты, мой бедненький! Ах ты, мой голодненький! Заморил червячка?» «Заморил!..» Налюпаюсь так, что уж и соображать ничего не могу, глаза сами жмурятся. Ну, подойдешь к ней, у ног потрешь, она и вовсе размякнет, на руки возьмет. Она молодец, полковничиха, небрезгливая. А то ведь другие, бывало, накормить-то накормят вроде, а потом сразу: «Ну, брысь, пошел! Может, у тебя блохи!..» Зачем же, думаю, именно блохи? Гадость та-

кая. Я не люблю блох. У нас во дворе, конечно, есть, которые опустившиеся, но я этого не позволяю, чтоб блохи. Ну, и полковничиха не опасалась, не оскорбляла подозрениями. Сядет на диван с книжкой или вязаньем, а меня к себе под бок. Санаторий!.. Ну, полежишь, покемаришь, потом, конечно, на пол спрыгнешь. Она: «Ты проснулся, Гриша? Ах ты, Гриша, Гриша!» (Это меня зовут так — Гриша. Кто назвал, не знаю, но без большой фантазии.) Между прочим, полковника тоже Григорием зовут. Не люблю его! Как-то приходит домой, а хозяйка меня выпустить не успела. Ну, он, натурально, в крик: «Это что такое? А ну, марш! Чтоб духу не было!» И еще ногой топнул. Чистый Наполеон. Ну, я для вида ужас изобразил — и вниз по лестнице. И — во двор!

Адвор — это только так говорится: это же целый мир, это прерия и джунгли! Два дома — один жилой, где полковничиха живет, другой — общежитие техникума, а между ними пространство громадное, где и газон и кусты, и площадка детская, и гаражи и сарай, и куча песка, и лужи, и тут же под навесом помойка. А за общежитием — дорога, и там машины ходят и автобусы. Вот папаша мой, говорят, там под автобус и попал. Погнался за чужим котом — и под колеса... Я сам-то не помню этого, мал был. И мамашу не помню... Во дворе вырос.

Конечно, у домашних кошек жизнь спокойная, пристроены. Но только если кто на свободе вырос — он ее ни на что не променяет. Я во дворе — дома. Во дворе у меня все свои, знакомые. Атмосфера дружественная. Правда, в детском возрасте собак боялся. Так ведь, натурально, выскакивает откуда-то; несется прямо на тебя со всех ног, гавкает, слюну роняет. Мол, глядите все, сейчас я ему!.. Ну, по малолетству, конечно, опасаясь. Теперь-то один смех глядеть на этих псов. Он к тебе подскочит, а ты припадешь к земле, шерсть вздыбишь, зашипишь — ну, он, если поумней, твякнет пару раз для проформы, да и отстанет. А которые оголтелые, вроде Тузика, то или по морде ему лапой, или вспрыгнешь куда повыше, на сарай там или на дерево, и сверху ему внушаешь: «Балбес ты, бестолочь. Прихвостень хозяйский...» С утра, если солнышко, я на

крыше сарая, там у меня солярий. А если дождик, то в подвал общежития, там всегда трубы теплые. Погреешься, дождик переждешь — и снова во двор.

Ночью, бывало, заберешься в кусты, воздух — свежайший, запахов миллион, кажется, даже луна пахнет. А сам себя чувствуешь ягуаром, и до того хорошо, аж петь охота! Ну и запоешь! Запоешь — и из травы тебе, скажем, эта беленькая с черными ушками подпевает. Так распоешься, что и время позабудешь. Помню, как-то вот так душевно музицировали — вдруг дядька голый на балкон выскочил:

— Вот сукины коты! Поймал бы всех да кастрировал!

Не скажу, чтоб эта мысль мне сильно понравилась. Искусство кастрировать нельзя. Но, невзирая на подобных реакционеров, жил я хорошо, а главное — спокойно.

До того самого дня.

Август у нас хороший месяц. Тепло, людей во дворе мало, общежитие и вовсе пустое, потому что каникулы, на помойке все свежее, с витаминами. Я в августе поправлялся обычно.

В тот день, помню, лежу на крыше сарая. Время — к вечеру, солнышко ласковое, разомлел, лапой лень шевелить, хотя воробьи наглые перед самым носом скачут. Дремлю, и разное хорошее снится — полковничиха, сметана, и все это с запахом потрошков.

И вдруг по нервам:

— Гау! Гау-гау!

Открываю глаз, вижу — несется Рыжий как угорелый в сторону общежития, а за ним два этих придурка, Тузик и Смелый. Я сперва подумал, Рыжий развлекается. (Рыжий — это дружок мой, тоже безотцовщина.) Он их вечно раздражит — и бежать. Потом вижу, нет, не за ним они бегут, а с ним вместе, и еще мальчишки бегут с воплями туда же, к общежитию, и взрослые торопятся. Ну, сон — как рукой, вскакиваю на лапы, с сарая скатываюсь и — туда!

И вот вижу: с той стороны общежития, где вход, стоит толпа народа, и все в одну стороны глазек. Пробираюсь быстренько в первый ряд. Рыжий уже тут, стоит озадаченный. Псы тоже здесь, тоже от удивле-

ния пасти раззявили. Над входом в общежитие ворона знакомая сидит на карнизе. Крыльями хлопает, каркать не решается. А перед общежитием стоят три больших автобуса, один маленький и две легковые машины. И на всех одинаковое слово написано. Ну, систематического образования у меня нету, но буквы разбираю: «Г-о-с-к-и-н-о». Только успел прочитать, как из автобусов высыпались люди и принялись вытаскивать разные ящики, коробки, чемоданы и всякие вещи. При этом у всех поголовно в зубах были сигареты, и, не выпуская их изо рта, они все восхищенно выкрикивали: «Какой воздух! Какой чудный воздух!»

Через пять минут травы из-под окурков уже видно не было.

Не успел я удивиться по-настоящему, как меня чуть не убило тяжеленным ящиком, который грохнулся рядом со мной. И тут же кто-то стал орать на того, кто этот ящик уронил, а тот, кто уронил, стал орать, что он не потерпит, чтобы на него орали, а потом подскочил третий и заорал, чтобы они оба перестали орать. Потом они все вместе схватили ящик и потащили в общежитие. А остальные продолжали бегать, суетиться и выкрикивать: «Какой воздух!»

Рыжий ко мне поближе подобрался:

— Во дадут! Ты такое видал?

Я такое видал один раз в жизни, когда мы с полковничихой смотрели телевизор, и она мне сказала:

— Смотри, Гриша, это налетела банда батьки Махно.

У этой банды тоже оказался свой батька, только он был без нагана, зато в бархатном пиджаке и с плоским чемоданчиком. И как только он из машины вышел, остальные кинулись к нему с криками, и я подумал, что сейчас они разорвут его и затопчут. Но бархатный открыл рот и сам заорал так, что ворона свалилась с карниза замертво. Он орал, что не желает слушать никаких претензий, что у него тоже комната без сортира, хотя он тридцать лет на студии, что комнаты с удобствами только у режиссера и артистов, что пускай они все ему скажут спасибо и за это общежитие, что все хотят сесть ему на голову, но он не позволит никому сесть ему на голову. После этого он спокойно вытер лысину плат-

ком и пошел в общежитие. А из легковой машины вылезли еще двое — один маленький, черный, лохматый, а второй в кепке, со скучным лицом.

И маленький закурил и сказал:

— Какой воздух, а? Потрясающе!

Скучный тоже закурил и сказал:

— Нормальный воздух. Утром надо будет побольше дыма.

И маленький сказал:

— Зачем? Утром будет естественная дымка.

А скучный на него посмотрел и сказал:

— Каждый режиссер думает, что он оператор...

И за этим удивительным разговором наши местные люди следили с большим почтением и шептались: «Режиссер... оператор... режиссер... оператор...» Тут из машины вышла такая молоденькая, хорошенькая, с сигаретой. И по толпе шепот прошел: «Артистка, артистка...»

Мне Рыжий говорит:

— Видал? Артистка!

Я хотел ему ответить, что без него знаю, но тут ему прямо в нос чей-то окурочек угодил. Рыжий подпрыгнул, ругнулся и под ближайший автобус залез. Ну, я из солидарности, натурально, за ним.

И тут снова вся толпа:

— Ах!

Это появился еще один — артист. Этого я сам лично видел по телевизору у полковничихи. Он вышел из машины, вокруг поглядел и сказал громко:

— Ну, Париж!

Это он, конечно, перепутал, потому что наш город иначе называется. Потом он на общежитие поглядел и сказал артисточке:

— «Хилтон», а?!

И тут на них обоих ринулись наши местные люди и стали совать им разные бумажки, а они что-то чиркали на этих бумажках ручками, и наши отходили с таким видом, как у Рыжего бывает, когда он что-нибудь выгодное на помойке найдет.

У меня от всего этого бедлама вообще настроение не бог весть какое было, а тут еще эти два подхалима, Смелый с Тузиком, нас с Рыжим заметили и давай об-

лаивать, перед приезжими выпендриваться.

— Все! — говорю Рыжему. — Рвем когти!..

Сидел я у полковничихи на кухне в самом паршином настроении. У нас в городке, конечно, тоже разный народ. Есть которые и камнем в тебя могут, и крошки съедобной от многих не дождешься, но в основном население мирное, пахнет сытостью и покоем. А эти? Всклооченные, мятые, окурками швыряются, орут... При чем здесь кино? Может, маскировка? Может, начинается кампания по отлову бездомных животных?

Полковничиха удивляется:

— Ты чего, Гриша? Ты что так мяукаешь жалобно?

Люди! Им что ни скажешь — все одно: мяукаешь!..

— А ты видел, Гриша, — говорит, — кино к нам сюда снимать приехали. Из дворянской жизни. Всех в массовку приглашали. А что? Вот пойду и запишусь. Буду крепостную изображать. А?

Ага, думаю. Тебе твой фельдмаршал даст массовку. А сам возле двери кручусь, на нее смотрю, мол, выпусти меня, женщина, Христа ради, видишь, не в настроении!..

Выпустила.

Во дворе уже темно сделалось. Теплый такой вечер. В траве всякая бестолочь стрекочет. Лягушка прямо перед носом шлепнулась. В другое время я б ей показал, выскочке пучеглазой, а тут не до нее. Стою посреди двора, гляжу на общежитие. А там на втором этаже во всех окнах свет горит.

Подошел ко входу. Долго стоял колебался. А потом сам на себя разозлился: в конце-то концов, кто тут хозяин?!

Запах дыма табачного я еще на лестнице почувал. А уж когда на второй этаж поднялся, в коридор, у меня от него чуть паралич дыхания не сделался. Ну, потихоньку вдоль коридора пошел. Иду, озираюсь, весь на нерве. Возле первой двери остановился, прислушался — вроде тихо. Возле второй двери тишина. Из-за третьей храп слышался, бархатным батькой оттуда пахло. Следующая дверь приоткрыта была, оттуда дым выползал, и разные голоса время от времени повторя-

ли слова «Со свиданьем!»), после чего слышался стеклянный звон. Видно, в той комнате люди давно друг с другом не виделись. Что было странно — холодильник, который тут раньше стоял, в конце коридора, пропал куда-то... Дошел я до конца коридора, значит, и обратно повернул, к выходу. Иду и вдруг — стоп! Возле последней двери остановился. Говорят, против инстинкта не попрешь. Чепуха собачья. Инстинкт мне именно подсказывал, что смываться надо, и поживее. А это не инстинкт был, видать — судьба. В общем, ткнул я носом эту дверь — и вошел.

А там в дыму три девушки сидели. Одну я сразу узнал — артисточка. Они пили кофе, курили и разговаривали. Меня не заметили. Потом артисточка говорит:

— Девчонки, я вас сейчас выгоню. Хоть немного поспать надо, а то завтра с утра никакой грим не поможет. Буду как кошка драная.

Ну, я это услышал — забыл про бдительность. Выхожу на середину комнаты и говорю:

— Я, конечно, извиняюсь, но почему же если драная, так именно как кошка?

Ну, тут увидали они меня — и пошло-поехало!

— Киса!

— Киса!

— Кис-кис-кис!..

Артисточка кричит:

— Девочки! Какая хорошенькая! Дайте ее мне! Я буду ее звать Капа!

Ну, девочки, рады стараться, меня изловили — благо комната маленькая, куда я денусь! — и, натурально, за шкирку.

Между прочим, напрасно думают, что это очень большое удовольствие, когда тебя за шкирку поднимают. Никакого нету удовольствия: свисаешь, как дурак, лапы раскорячены. Ну а на морде, конечно, делается выражение неслыханного блаженства — кожа-то натягивается, чего ж тут еще изобразишь? Лыбишься, как самурай какой!..

Артисточка гуманизм показывает, визжит:

— Надя! Отпусти! Ей же больно!

А Надя эта подлая меня как клещами держит и басом говорит:

— Да не, они так любят! Ой, гляди! Это ж не она, а он! Котяра! Плядите, девочки!

Ну, ни малейшей деликатности! Стал дергаться, изворачиваться, чтоб Надю эту подлую корябнуть — да тут меня на руки артисточка взяла, я успокоился немного. А она говорит:

— Ну и что же, что кот? Он все равно будет Капа. (Он будет мой талисман!

Тут вторая, ассистентка эта, как закричит:

— Марина! Ты с ума сошла! Какой талисман! Может, у него стригущий лишай! Они ж разносчики! Вид у него какой-то подозрительный!

На себя-то, думаю, посмотри! Сама ты, может, разносчица!

Надя эта подлая кричит:

— Надо его помыть! Марина, держи его! Я за шампунем сбегая! У меня для посуды, щелочной!..

Что тут рассказывать? Шум, визг, крик, я кусаюсь, царапаюсь, они меня в эту гадость щипучую окунают — прямо в ведро... Думал — каюк!..

Потом вытаскивают из ведра, тряпкой какой-то вытирают — а я уже и сам, как тряпка мокрая. Голова гудит, глаза щиплет, вестибулярный аппарат отказывает. Лежу в углу — ничего не соображаю. Потом как сквозь туман вижу — уходит эта Надя подлая вместе с подружкой своей, тоже преподлой. Артистка за ними дверь закрыла и сейчас же догола разделась.

— Ты, — говорит, — помылся, Капа, теперь я тоже в душ хочу.

И пошла она в душ — видимо, воображала, что у нас в городе вода так все время и льется.

Вышла и говорит:

— Нету воды, Капа, представляешь?

Страшно трудно представить. А она голая на диван села — да как заплачет! Ей-богу, ревет, натурально, слезы по щекам размазывает.

— Не могу, — всхлипывает, — сил нету больше! Устала! В театре устала и в отпуск не пошла — сниматься ей, видите ли, захотелось!.. Зачем я тут, Капа? Дура, бездарь!.. Не выйдет у меня ничего! Ничего! Понимаешь?!

Меня схватила — и своим носом к моему:

— Они думают, — кричит, — Мариночка веселая, Мариночка улыбается. Я боюсь, Капа! Я не потяну!.. А этот Марк?! Тоже Феллини! Рояль на лужайке выдумал! Сам ляпнется — и меня мордой об стол!.. Понимаешь?!

Я одно точно понимал — что попал в натуральный сумасшедший дом. Хватают за шиворот, купают в дряни какой-то, жрать не дают, режут, бормочут ерунду.

А она как ~~начала~~ плакать, так же вдруг и закончила.

— Ничего, Капочка. Все равно мы с тобой самые талантливые артистки. А они все дураки. Давай спать!

Меня — на руки, со мной — под одеяло. И враз заснула. Ну, делать нечего. Свернулся клубком, задремал кое-как. Беспокойно спал: приснилось, что Рыжий вместо меня к полковничихе появился и сметану всю сожрал...

Утром рано проснулся. Не сразу и сообразил — где это я. А сообразил — вылез тихонько из-под одеяла, на пол прыгнул. Сунулся к двери — закрыта, конечно. Так, думаю. У них тут искусство, а мне с голоду подыхай. Разбудить ее, что ли? Разбудишь, а тебя в какой-нибудь дряни опять вымоют. Поглядел вверх — форточка вроде приоткрыта. Раз! — на подоконник, — два! — в форточку, — и со второго этажа — вниз... Хорошая зарядка натошак, да?

И — к помойке. Кстати, приличную рыблю голову нашел — съел. Полегчало на душе немного — пошел в травку. Я и вообще в травке люблю поваляться. Ну, а тут-то тем более, ночью не выспался — в момент заснул. И сон, видать, крепкий был. Потому что опасности я не почувал...

Р-раз! — и сообразить ничего не успел, переворачиваюсь в воздухе и попадаю в какую-то душную тьму, на что-то мягкое. Я в это мягкое когтями вцепился, а оно как заорет:

— Убью! — и в меня когтями. Я в темноте пригляделся — Рыжий!

Я ему ору:

— Отпусти, дурак, это я!

Он тоже обалдел:

— Гриша, ты? Где это мы, а?

Оказалось, сидим оба внутри какой-то тесной сумки, воняет клеенкой, и, видно, куда-то нас в этой сумке несут, потому что качает. И голоса человеческие слышны — только непонятно, что говорят.

— Куда это нас? — Рыжий спрашивает, а сам дрожит весь.

— Куда, куда... Топить, наверное! — мужественно так шучу.

Рыжий шутки не понял, как завизжит!

— За что?! — орет. — Незаконно! Начальник!

Законности захотелось ему. В ответ на его вопли нас так тряхнуло — я думал, из меня кишки вывалятся.

— Заткнись, — говорю. — Сиди тихо, может, пронесет.

Трясемся молча. Рыжий шепотом причитает. И вдруг кончилась тряска.

Вжик! — открывается «молния», чья-то рука Рыжего за шкурку хватает — и вверх. Я только успел тоже голову высунуть, как снова: вжик!

Сию в сумке, голова наружу, сам внутри. Вижу: сумка на траве стоит, на какой-то лужайке. А на лужайке черт знает что творится! Какие-то провода, какие-то ящики, какие-то прожектора на стойках, вдали автобусы видны, те самые, вчерашние, и людей полно — и местные наши, и приехавшие вчера. Шум, беготня, суета. А посерединке стоит несуразного вида штуковина с круглым стеклянным глазом, а напротив штуковины — прямо на травке белый рояль. Я, кстати, люблю рояль, я однажды спал на рояле, в красном уголке... А за этой самой штуковиной с глазом сидит на стульчике оператор Коля, и вид у него такой, будто все, что происходит вокруг, он тысячу раз видел и знает наперед, что дальше будет. А между Колей и роялем сидит на стуле артисточка моя, Марина, только узнать ее можно с трудом, потому что на ней длинное какое-то платье — у нас в городе никто в таких не ходит, а рядом валяется зонтик кружевной, а сама она вся в слезах. А вокруг нее кругами бегают этот лохматый режиссер, Марк, и вид у него презлющий.

И вот вижу — прямо к ним туда и бежит вчерашняя подлая Надя и тащит за шкурку Рыжего, который из всех сил дрыгается. Подбегает она к ним и кричит басом:

— Марк Евгеньевич! Нашла! Марина! Я тебе еще лучше нашла, чем вчерашнего! Гляди, какой рыженький!

А моя артисточка Рыжего увидела да как закричит:

— Убери, — кричит, — эту рыжую гадость! Я хочу Капу! Да! Да! Да, Марк Евгеньевич! Можете снять меня с роли! Да, я сумасшедшая, да, у меня бзик! Думайте, что хотите! Только я никогда не капризничаю!.. А сейчас я знаю, у меня без талисмана ничего не выйдет! Да! Пожалуйста!.. Я всегда!.. Я никогда!.. Я уеду! Уеду!..

И совсем разревелась.

Марк аж затрясся, к Наде подлой подскакивает:

— Дура! — орет. — Ты кого привезла? В этой группе никому нельзя ничего поручить! Где машина? Я сейчас сам поеду по этому паршивому городу искать ее паршивого кота! Выкинь эту тварь! — выхватил у нее Рыжего и в сторону швырнул. Ну, у того ума хватило не разыгрывать обиженного — прочь рванул, чуть тетку не сбил какую-то...

А Надя эта подлая тоже орет:

— Я у вас всегда виновата! А это, между прочим, обязанность администрации — котов ловить. А я художник-гример!

Подбегает ко мне, из сумки выдергивает за шкурку — и к ним:

— Нател!

Артистка меня увидела, ко мне кинулась.

— Капочка! Капочка! Талисманчик мой хороший! Иди сюда!

И руки ко мне тянет. И тут у меня тормоза отказали. Когти выпустил — как вцеплюсь! Артистка бедная в визг! Надя подлая меня за шкурку трясет. Марк вовсе взбесился, к артистке подскочил, кулаками машет:

— Черт подери! Идиотка! Посмотри на свои руки! Раскорябанная графиня!! Как теперь снимать твои руки на клавиатуре?! Свернуть этому паршивому коту голову!

А артистка пуще прежнего визжит:

— Не смейте! Вы живодееры! Отдайте его мне!

Марк зубами заскрипел, подбегает к оператору Коле и орет:

— Что ты сидишь, как сыч? Скажи что-нибудь!

А Коля на него поглядел с большой теплотой и говорит ласково:

— Главное — создать на площадке творческую обстановку.

— Остряк! — закричал на него Марк. Какую-то таблетку вынул, сунул в рот, тут же сигарету закурил, сел на стул и глаза закрыл.

А к артистке, к Марине, какие-то женщины подбегали и стали ей мазать руку йодом. Одна мажет, а другая на руку дует. А она сидит, меня на коленях держит, второй рукой гладит.

— Талисманчик мой хорошенький, Капочка, успокойся, не дрожи, я тебя никому не отдам.

Эх, жалко, думаю, я ее корябнул, а не Надю эту подлую.

Пока руку ей мазали, Марк в себя, видать, пришел. Со стула своего встал — и к нам.

— Ну, что? — говорит. — Успокоилась? Вот и умница. Молодец. Отдать бы тебя вместе с твоим котом на живодерню!

Очень я люблю этот юмор!

А она ему вдруг говорит:

— Ой, Марк Евгеньевич! Знаете, что я придумала?

Марк с нехорошей улыбкой на нее смотрит и говорит:

— Придумала? Ну-ну, Маня, что ты еще придумала?

Она ему:

— А давайте я на рояле буду играть в перчатках! В шелковых! Она же аристократка! По-моему, хорошо, а?

Марк ничего ей не сказал, только на Колю поглядел. А тот ему еще ласковее говорит:

— Марик, ты же любишь думающих актеров... Да пусть она хоть в рукавицах асбестовых играет — все равно я ее руки не беру!

Тут Марк бледный сделался, взялся за сердце и пошел на Колю мелким шагом.

— Как это, — говорит жутким шепотом, — ты ее руки не берешь?!

И сцепились они, как в хорошей кошачьей драке, разбираясь — брать в кадр руки или не брать. И когда наконец Марк победил и решили, что руки брать в кадр обязательно, тогда Коля заявил, что пускай срочно ищут дублершу, потому что из-за этой кошмарной обстановки ничего другого они все равно не снимут, а он, хотя и дурак, что влез в эту картину, но все же не сумасшедший, чтобы снимать руки в перчатках.

И они стали искать дублершу, то есть стали смотреть руки у всех женщин, которые тут были. А я сидел на коленях у артистки. И вдруг я почуял запах полковничихи. И точно! На полковничихе был какой-то сарафан, на голове ее откуда-то взялась толстенная коса, а на щеках был нарисован румянец. И я понял, что она, значит, не забоялась своего Наполеона и сделалась-таки крепостной.

А полковничиха меня увидела на артистких коленях, подходит и говорит:

— Ах ты, Гриша! Ты тоже сниматься пришел?

А артистка ей говорит:

— Он не Гриша, его Капа зовут.

А полковничиха так ей сладко улыбнулась и говорит:

— Ну надо же! До чего на нашего Гришу похож! Только ваш, конечно, намного красивее!..

Верь после этого кому-нибудь!..

А артистка вдруг с места подскочила, меня подхватила и к Марку побежала, который в это время сидел у рояля.

— Я придумала! Давайте мы Капу снимем! Вот когда сцена отравления — давайте я сперва дам яду Капе, и он умрет, а я на него посмотрю, что он умер, и тогда уже сама отравлюсь! А?

Тут Марк на меня посмотрел, потом на нее, а потом так улыбнулся, что у меня шерсть дыбом встала. И он открыл рот, чтобы сказать что-то интересное, но не успел, потому что из автобуса выскочил тот самый артист, которого я видел по телевизору, Олег Иванович, только сейчас он был не в мятых штанах, а в белом костюме и в белой шляпе, и он большими шагами подошел

к Марку и заявил, что он сейчас же уезжает, что ему надоело это издевательство, что он, как идиот, шесть часов сидит в гриме, что, если бы не Марк, он бы сейчас снимался не в этой вонючей дыре, а в Югославии, куда его приглашали, но он пошел Марку навстречу, а теперь ему здесь плюют в лицо, но больше он не желает сидеть здесь и смотреть, как все ходят на задних лапках из-за капризов сопливой неврастенички.

На это моя артисточка ничего не сказала, а только посмотрела ужасно презрительно и отошла вместе со мной в сторону. А Марк стал бить себя кулаком в грудь и кричать Олегу, что ему самому здесь все плюют в лицо, и что он всех хочет понять, а его никто не хочет понять, и что он вообще последний раз снимает кино.

Вобщем, ничего они, кроме рук дублерши, в тот день не сняли. И Коля сказал, что ему наплевать, но если они будут и дальше так работать, то смотреть этот фильм будут праправнуки.

После этого подходит к нам Марк, артистку глазом сверлит и неприятным голосом заявляет:

— Я надеюсь, Марина, вы понимаете, что сегодняшний съемочный день фактически пропал из-за вас. Как режиссер я, Марина, считаю, что каждый артист имеет право на определенное число истерик. Так вот, Марина, вы учтите, что вы свои права уже исчерпали. Следующую истерику будете устраивать не мне, а дирекции студии. Вместе с вашим котом. И скажите спасибо, что у нас тут не Голливуд. Там за сорванную съемку с вас бы шкуру сняли и с вашего пошлого кота тоже.

Я подумал, во-первых, неизвестно, кто тут пошлый, а во-вторых, слава богу, что у них не Голливуд.

Но тут Марк вдруг засмеялся, артистку мою по щечке потрепал и говорит:

— Маняша, я все понимаю, тебе трудно, роль трудная, я трудный, но я тебя прошу, чтоб завтра работала на всю катушку, ладно?

И Марина моя дрожать перестала и заулыбалась, а этот Марк ужасный меня за ухом почесал и говорит:

— А не то мы твоего котофея живьем сварим!

Ну просто бездна юмора.

Так началась моя с ними жизнь.

Официально я с артисточкой проживал, в ее комнате. Там чаще всего и спал, с ней вместе. Ну, спал — это, конечно, громко сказано. Чтоб ночью нормально спать, этого у них и в помине не было. В смысле сна у них скорее уж наш был режим, кошачий. Моя, например, натурально, как кошка, ночью часа в три вскакивает, сигарету — в зубы, и давай читать этот, как его, сценарий. Читает, потом вслух повторяет — репетирует. Поначалу я на это дело ошарашенно смотрел, потом попривык. Ну а потом и реагировать стал — как мне что не нравится, сейчас фыркну или хвостом по постели стукну, а то и вовсе отвернусь. Ну, она сразу — стоп. «Что, — говорит, — Капа, плохо, да? Конечно, плохо, — говорит. — Наигрываю, как лошаадь. Потому что я, Капа, дура, бездарь!..» И тут же реветь. Сидит, носом хлюпает. Потом высморкается, новую сигарету возьмет, выкурит, еще побормочет, порепетирует — и снова спать. А во сне-то, прямо несчастье, все дергается, вскрикивает... Лежу рядом, даже не злюсь, а думаю: «И чего это она себя так? Зачем эти страдания такие?»

Потихоньку я с ними со всеми перезнакомился. И понял одно: на поправку тут рассчитывать не приходится. Потому что насчет еды у них еще хуже, чем насчет сна.

У директора ихнего вообще диета была — он голодом лечился, чтоб похудеть, и каждый день он всем докладывал, сколько он не съел, чтоб, значит, все вокруг восхищались. Ну все и восхищались, кроме меня, конечно.

Что касается остальных, то они не то чтобы вовсе не ели, но как-то все на ходу, урывками, и, главное, объедков у них никогда не оставалось. Женщины к нам обыкновенно хорошо относятся, особенно которые без детей. Но тут женская половина насчет харчей тоже была бесполезная, потому что питалась одними сигаретами.

На нормального человека больше всех из них был похож Олег с седыми висками: он повадился каж-

дый день обедать в нашем городском ресторане, хотя доброжелатели его отговаривали...

Я, честно сказать, сперва думал, что они придуриваются. Я ж помнил, что когда тут в общежитии учащиеся жили, то стоял в коридоре большой холодильник, и они там всякие продукты держали. Как-то мы с Рыжим налет совершили на этот холодильник. Дверца там была слабая. И если мордой долго в щель тыкать, то дверца открывалась... А тут смотрю — нету холодильника с продуктами. Куда девался, думаю. Случайно обнаружил: оператор Коля в свою комнату входил, а я как раз по коридору мимо пробирался. И через дверь-то и увидел: стоит холодильник в Колиной комнате. Так, думаю. Нехорошо получается, братишки по разуму, неблагородно. В тот же день дождался, когда Коли не было, — и в форточку в комнату его и проник. Встал у холодильника на задние лапы, мордой в щелку потыкал — открылась дверца. Смотрю: забит холодильник! Стоят снизу доверху круглые железные банки. Большущие! У меня аж сердце екнуло: мне как-то раз из такой банки полковничиха целую селедку дала. Неопишуемая вещь! Я ее целиком съел, с костями и хвостом... Ну, стал глядеть — нету ли тут открытой банки? Вижу, что вроде нет. Дай, думаю, на пол сброшу — вдруг откроется. И сбросил. Во-первых, грохоту наделал — до смерти перепугался. Во-вторых, оказалось, что не открылись банки. А в-третьих, оказалось, что никакая это не банка с селедкой, а была в этих железных коробках киноплёнка Шосткинской фабрики, абсолютно вещь несъедобная...

Ну, натурально, когда Коля вернулся, он дикий учинил скандал — допрашивал всех, кто к нему в комнату входил. Все, конечно, отпирались, подозрение на меня пало. Хорошо, нашелся кто-то, сказал, что коту в холодильник в жизни не забраться...

Снимали свое кино они обыкновенно днем. В основном на той самой лужайке. Но и ночью тоже ездили иногда — снимали в нашей городской гостинице. Я сперва сильно удивлялся — что хорошего можно снять в нашей городской гостинице? Совсем ведь гиблое место. Но потом узнал: оказывается, они там сни-

мали дом призрения для бедных, и тогда перестал удивляться.

Утром Марина моя вскакивала, первым делом, натурально, сигарету в зубы, меня — на руки, и мы садились в автобус и ехали. Приезжали, и ее начинали наряжать в разные наряды, причесывать и по-всякому мазать лицо, а я с ней рядом сидел, зевал, потому что ночью-то не высыпался. А потом она шла и становилась поблизости от этой черной штуки — от камеры. Иногда одна, а иногда еще со всякими другими артистами, которых откуда-то привозили на несколько дней, а потом увозили. Ее-то и Олега никуда не увозили, они все время тут жили, потому что они были главные исполнители... И когда начинали снимать, то есть орать друг на друга, ругаться и все такое, я забирался под стул или еще куда, где безопасно, и оттуда наблюдал. Ну и они все потихонечку ко мне тоже попривыкли. Я уже как бы ихним всеобщим талисманом сделался.

— Ну что, Капа, — говорит Марк и на меня глядит. — Можно начинать?

— Валяйте, — говорю. И поглубже под стул забираюсь.

И так я много дней сидел под стулом и на это все глядел, и уже просто так мне, конечно, сидеть было скучно, очень уж хотелось принять посильное участие. Ну, пару раз я им шнуры какие-то запутал, пудру на себя опрокинул, микрофон как-то уронил. Потом вникать стал в самую суть процесса.

Помню, как-то не понравилось мне, как Марина с Олегом играют. Вылез из-под стула, прямо к ним подхожу, задом перед камерой встал и хвост поднял, мол: «Стоп!»

Директор как зашипит:

— Ах ты, мерзавец! Брысь!

А Марк вдруг говорит:

— Нет, не брысь! Не брысь, а правильно! Вся сцена коту под хвост!

Когда шел дождь, они не снимали, а сидели в общестии. Иногда в такие дни кто-нибудь в магазин бегал, и в какой-нибудь комнате начинались возгласы: «Со свиданьем!» А Марк и Коля в такие дни злющие ходили,

потому что им надо было солнце, чтобы снимать. Я в такие дни отсыпаюсь. Как-то вечером, дождик кончился, я во двор спустился. Только к сараю подошел — из-за угла Рыжий.

— Ты чего, — говорит, — во дворе не показываешься?

— Некогда, — говорю. — Я теперь ихний талисман.

— Чего-чего? — говорит.

— Талисман. Это... ну, долго тебе объяснять. В общем, без меня они ничего не могут.

— Колоссально, — говорит с завистью. — Ну, тогда вынеси чего-нибудь пожрать! У них небось навалом!

— Ты что, — говорю. — Ни черта у них нету!

— Врешь, — говорит. — Если жрать нечего — чего ж ты от них не отвалишь?

Бездуховный он, в сущности, этот Рыжий! Только бы пожрать ему, да секс...

Обыкновенно Марк с Колей после съемок шли в наш городской кинотеатр и просматривали материал. Мне жутко хотелось поглядеть — что это за материал такой, но только они никому с собой ходить не позволяли. Я однажды попытался проскочить, но не вышло. Я другой раз попробовал — тоже мимо, заметили меня. А на третий раз Марк ногой на меня топнул, все равно как полковник:

— Тебе сказано — кыш отсюда! А то посмотришь — и сплaziшь к чертям! Тем более, завтра автор сценария смотрит.

Это насчет автора он уже как-то больше не мне, а сам себе сказал, и по голосу я понял, что это не больно-то его радует.

А на другой день, точно, объявился на площадке новый человек. Длинный, тощий, в очках и борода маленькая. Как он появился, Марк ему навстречу вышел, руку пожал, по спине похлопал и сказал, что он жутко рад, что тот приехал. Тут Коля на Марка посмотрел и вздохнул. А длинный сказал Марку, что тоже жутко рад. И потом сказал, что он на площадке во время съемок посидит, если Марк не возражает. И Марк сказал опять, что он жутко рад, а Коля опять на него глянул и опять вздохнул. И длинному дали стул.

Но он не сел, а пошел бродить по площадке, и все трогать и со всеми здороваться, и с Мариной моей поздоровался, и она ему так улыбнулась, что он, наверное, чуть не ослеп, и он меня погладил, потом зацепился за какой-то кабель, чуть не упал, смахнул чей-то чемоданчик на землю, сказал: «Извините», тут же задел рукой стойку с прожектором — в общем, он мне понравился. А потом от начала и до конца съемок он просидел на стуле не шелохнувшись.

А потом они пошли смотреть материал — уже втроем. И я видел, что Марина моя в тот день очень нервничала, и Олег тоже, хотя меньше, и они решили, что надо снять напряжение. Они дали подлой Наде денег, и та пошла в магазин, и пока Марк с Колей и длинным были в кинотеатре, они втроем снимали напряжение. А я пошел к кинотеатру.

Когда Марк, Коля и длинный человек вышли отсюда, я жутко испугался, потому что я в жизни не видел лица такого цвета, какое было у длинного. Хотя у Марка и у Коли тоже были интересные лица. Они вышли и даже не закурили. Они стояли молча и смотрели мимо друг друга.

Потом вдруг длинный закричал на Марка:

— Я ничего этого не писал!

И ткнул Марка пальцем в грудь.

А Марк тоже его ткнул пальцем и закричал:

— А я так вижу!

И закричал, что он никогда не сомневался, что длинный ему вонзит нож в спину.

А длинный закричал, что никому он ничего вонзать не будет, а снимет свою фамилию.

А Марк закричал:

— И снимай!

А длинный закричал:

— И сниму!

И они вдвоем стали одновременно кричать друг на друга и махать руками, и я сидел под скамейкой и смотрел, и думал, что они, наверное, подерутся, но они не подрались, потому что Коля, который стоял и молчал, на них глядя, вдруг сказал:

— Ладно вам! Все равно худсовет все зарубит.

И при слове «худсовет» Марк и длинный разом замолчали, перестали махать руками и задумались.

И так молча они пошли в общежитие, а я шагал за ними следом и пытался сообразить — о чем это они? Какой нож? Какую фамилию? Откуда снять?

А в общежитии их встретили Олег и Марина, которые к тому времени уже сняли, должно быть, свое напряжение, потому что Марина во все стороны невероятной улыбкой улыбалась и спрашивала у длинного:

— Ну! Сергей Александрович! Как вам материал? Скажите! Ну! Как я играю?

И длинный на нее сквозь очки глядел, улыбался и бормотал:

— Ну.. интересно... И не ожидал... Что так интересно...

Тоже не отличался правдивостью. Но зато Марина моя совершенно прибодрилась, стала улыбаться уже вообще невероятной улыбкой и сказала, что они теперь все должны вместе снять напряжение.

И они пошли в нашу комнату и стали снимать напряжение, а я пошел спать в комнату к осветителям.

И, засыпая, я опять думал, сколько же всего этих сумасшедших людей на свете? Вот еще один объявился — длинный с бородкой и с очками, который свалился откуда-то и теперь еще может ударить Марка ножом в спину, что очень досадно. Да еще этот, как его... Худсовет! Худсовет — он, должно быть, еще более сумасшедший, чем они все, раз они его так боятся. Страшный, как какой-нибудь сторожевой пес, с которым лучше не связываться...

На следующий день бородатого человека уже не было — видно, сняв напряжение, он уехал, а все остальные остались. И с каждым днем теперь они становились все более нервными. Марина моя вообще мне каждую ночь истерики закатывала, что она утробила картину, что ее саму Марк утробил, а главное, Коля утробил, потому что специально снимает, чтоб она плохо выглядела... А выглядела она впрямь не очень — совсем худая сделалась и бледная... И Марк сделался бледный и уже подолгу орать не мог — только вскри-

кивал и тут же смолкал, безнадежно качая лохматой головой. И выходных они себе уже больше не устраивали, потому что ихний бархатный батька сказал, что они и так срывают все сроки и что из-за них вся студия под угрозой. И при этих его словах Марк ужасно съеживался. Так что выходных у них не было больше, только один раз съемки встали на два дня, потому что Олег очередной раз пообедал в нашем городском ресторане, а когда он через два дня поднялся с постели, у него был такой вид, что подлая Надя плакала.

Я, естественно, не плакал, но подумал: ну, зачем? Зачем он приехал в этот город и не кушает дома? Вот ведь у нас все нормальные люди едят дома. И полковник дома ест. А может, и правда, у них ни у кого дома нету — ни у Олега, ни у Марка, ни у Марины? Может, они все бездомные?

Но скоро настал день, когда я все понял.

Я все же пробрался в зал, где Марк и Коля сидели, чтоб посмотреть материал. Видно, они уже были все утомлены, бдительность притупилась, и они не заметили, как я прошмыгнул в зал, пробежал под креслами в первых рядах и там залег под креслом. И вот погас свет, и вспыхнул этот белый экран. И я понял.

Я понял, зачем Олег отправился в нашем городском ресторане. Я понял, зачем моя Марина сделалась тощая и бледная. Я понял, зачем все эти люди каждый день орут друг на друга, бегают, суетятся, грузят свои ящики и коробки в автобусы, едут на лужайку, вынимают из автобусов свои коробки и ящики, раскладывают, сколачивают, подключают и зажигают, окуривают все вокруг дымом, ждут какого-то облака, потом ждут, чтоб оно поскорей ушло, замирают в абсолютной тишине, смотрят во все глаза на мою Марину и на седого Олега, которые по десять раз повторяют одно и то же перед этой самой черной штукой под названием «камера», и зачем Марк, который орет, что у него большое сердце, делает все, чтоб у него это сердце вообще лопнуло, и почему все эти люди, эти странные мужчины и женщины, которые питаются сигаретами и ходят в неглаженной одежде, вызывают зависть у жителей нашего города, хотя они-то сами живут в своих домах, где стоят холодильники

с хорошими вкусными вещами, а не ходят в наш городской ресторан, запаха которого пугается даже такой тип, как Рыжий... Я понял, почему эти люди, постоянно жалующиеся, что в любом другом месте они имели бы куда больше, жили бы куда спокойнее, — почему они не отправляются в эти другие места.

Я понял все это, когда погас в зале нашего городского кинотеатра свет, а экран вспыхнул.

И из-под кресла первого ряда я увидел вдруг прекрасную зеленую лужайку, и я узнал ту лужайку, где я много раз сидел под стулом, только она была во много раз прекраснее и зеленее, чем на самом деле, и на этой прекрасной лужайке появилась в длинном платье с кружевным зонтиком какая-то невозможной красоты женщина — и это была моя Марина, и это была не та сумасшедшая артисточка, которая будила меня по ночам, курила, редела, бормотала, что она бездарь, и снова редела и курила, а это была ослепительная Марина с такими глазами, каких не бывает даже у сиамских кошек... А потом навстречу Марине вышел человек в белом костюме — и это был Олег, но не тот злобный Олег, который орал на Марку и обещал уехать, потому что его предали, и не тот, который после нашего ресторана ходил по стеночке, держась за живот, и не тот, который как-то лез целоваться к моей артисточке в моем присутствии... Это был невероятный красавец, мужественный и благородный, как тигр, и тут он тоже поцеловал Марину, но я понял, что это был другой поцелуй, и даже зажмурился от восхищения... Не знаю, сколько времени длилось все это. Я съезжился под креслом первого ряда и глядел, и чувствовал, что из глаз моих закапали слезы... Да, я сидел и тихо рыдал. Я рыдал, ибо я понял теперь, для чего ведут они свою жизнь. Для того, чтоб сделать эту самую жизнь на куске белой материи во много раз прекраснее, чем она есть на самом деле...

Когда зажегся свет, Марк и Коля стали ругаться, но впервые я не слушал — о чем.

Я не пошел в общежитие, мне хотелось излить кому-нибудь душу, мне хотелось ласки и понимания. Я бродил всю ночь. Под утро я встретил ту, беленькую с черными ушками... Я долго рассказывал ей о том,

что видел. О том, что есть, оказывается, моменты, когда хотелось бы ненадолго стать человеком... Словом, долго я с ней делился своими эмоциями. Она на меня во все глаза смотрела, слушала. Потом говорит:

— А давай, Гриша, сегодня на помойку вместе сходим, позавтракаем!

У меня все внутри упало. Как дам ей по башке лапой!

Удрала, дура! Еще крикнуть успела, чтоб я к ней больше не приставал. Ну и черт с тобой, думаю... Сижу, размышляю о жизни, мечтам предаюсь. А в общежитие, олух, не тороплюсь. А когда вернулся...

Я увидел пустое общежитие.

Я промчался по второму этажу — все комнаты были пусты, если не считать окурков. Я бросился обратно, скатился вниз по лестнице и пронесся по главной улице. И увидел, как за поворотом скрывается последний автобус — они называли его камер-вагон, — там возили ту самую черную штуку со стеклянным глазом.

И я заплакал — второй раз за эти сутки. Я брел по улице, не замечая, что начался дождь.

Я снова поднялся по лестнице на второй этаж, и на этот раз увидел холодильник — его вынесли обратно в коридор. Я ткнул мордой в щель — дверца открылась. В холодильнике было пусто — только на нижней полке лежал маленький кусочек колбасы. Я понял, что это они оставили мне.

Я не стал есть. Я опять спустился вниз и сел на крыльце. Ко мне подлетел захлебывающийся лаем Тузик. Я только глянул на него — он поджал хвост и попятился. Видно, взгляд мой был страшен.

Потом, когда дождь почти кончился, меня увидела полковничиха. Она взяла меня, мокрого и дрожащего, на руки и отнесла к себе. Когда пришел полковник, она сказала, что если он станет выгонять меня, то она уйдет со мной. И полковник замолк, и я понял, что из них двоих полковник теперь она. А потом я убежал во двор и встретил Рыжего, он понял, что я не в себе, и угостил валерьянкой, которую раздобыл где-то.

— Со свиданьем, — сказал я ему, выпил валерьянку, но не развеселился.

А потом наступил вечер, стало темно. Я подошел к общежитию, где теперь не горели окна и было отвратительно тихо.

Я поднял морду к небу. Первый раз в жизни я пожалел, что я не собака — сейчас бы я завыл. Я долго сидел неподвижно и смотрел в темное небо. Я сидел и смотрел. Я сидел до тех пор, пока в меня не вошло чувство знания и решимости.

И тогда я встал и пошел не оглядываясь.

Было темно, но я-то, слава богу, видел, как днем. Мои глаза были сухими. Я бы никогда не мог объяснить этого, но я знал, что не собьюсь с дороги...

В большом и шумном городе перед входом в известную киностудию сидел невероятно грязный, тощий и ободранный кот. Он сидел с утра до вечера уже несколько дней и смотрел на входящих и выходящих своими пронзительными зелеными глазами.

Внезапно, заметив кого-то, он замер, затем стремглав кинулся вперед и молниеносным прыжком наступил входившую в дверь студии молодую, но уже популярную артистку. Артистка испуганно завизжала.

Оказавшийся рядом дородный мужчина галантно отшвырнул кота прочь.

— Совсем ополоумели коты паскудные, — заглядывая в глаза артистке, сказал он.

— Я так испугалась! — сказала с чарующей улыбкой артистка. — Вообще я люблю кошек. У нас на съемках чудный кот жил. Капа. Красавец!

И они прошли через турникет.

Услышав такие слова, кот отряхнулся и сказал что-то, глядя вслед ушедшим.

Но слова эти прозвучали для оказавшихся рядом обычным мяуканьем.

**Птичка ль капнет с небосвода,
Рыбка ль булькнет в глубине —
Всякий раз игра природы
Возбуждает мысль во мне.**

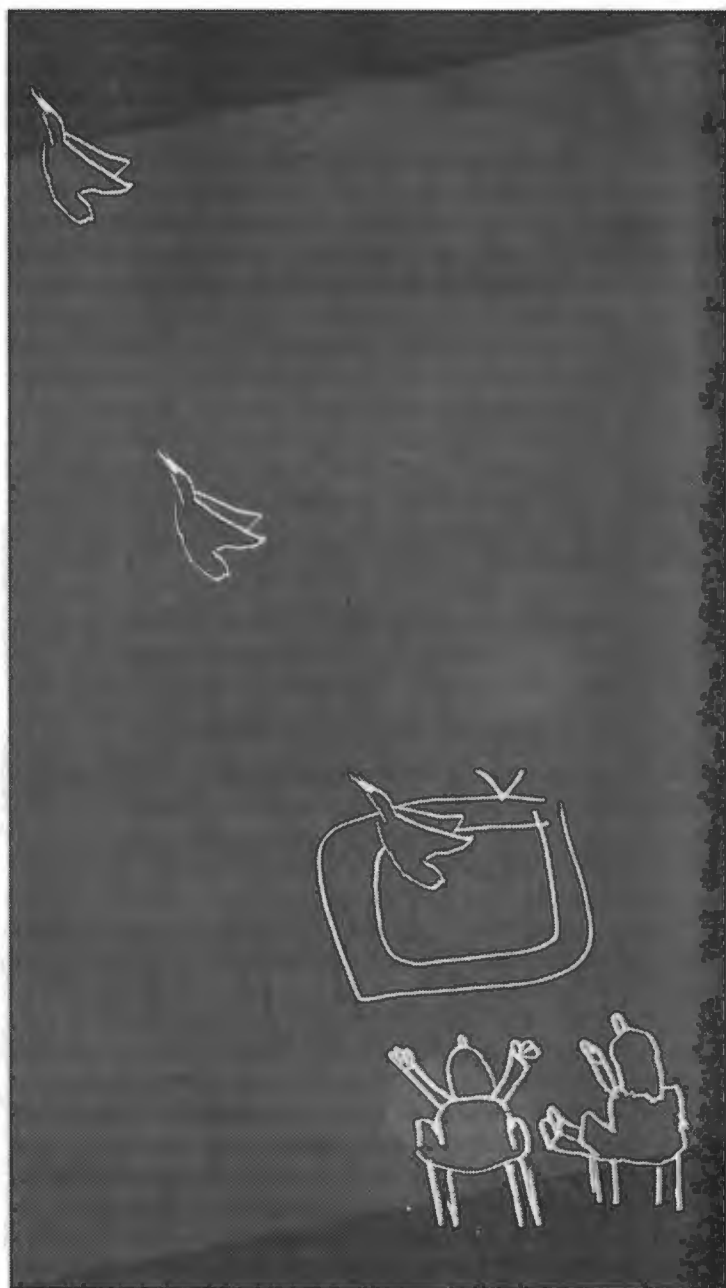
**Так смелей же — в час восхода,
Ясным днем и при луне, —
Капай, птичка, с небосвода,
Булькай, рыбка, в глубине!**

IV

Люди с понятием

И/К

ПРО АВТОРА Игорь ИРТЕНЬЕВ

Несмотря на то что Михаил Мишин старше меня менее чем на два месяца, его писательский стаж не в пример больше. Мои робкие литературные усы едва пробивались в то время, как respectable литературная борода моего сверстника уже повсюду выглядывала из-под обложки журнала «Аврора», вольготно прохаживалась по гостинной легендарного «Клуба 12 стульев», регулярно украшала собой выпуски сверхпопулярной в те годы передачи «Вокруг смеха»...

Время, надо сказать, было странное. Вроде бы полный застой, пруд, подернутый ряской, которую ничто уже не в силах разогнать. Однако то в одном, то в другом уголке этого пруда со дна вдруг начинали подниматься пузыри, затевалось какое-то бурление, а там, глядишь, и пошел лягушачий концерт. Пока рыбнадзор догребет, он здесь уже закончился, а на другом конце начался новый.

Молодой, красивый, яркий, Михаил Мишин был в то время одной из самых заметных литературных фигур в нашем легкомысленном жанре...

Одинаково свободно владея самой различной формой — сатирическим монологом, рассказом, фельетоном, в последнее время он все больше тяготеет к крупной — драматургии, сценариям. Что ж, дело конечно, почтенное, дай-то Бог. Но мне лично не хватает коротких, наполненных блестящими парадоксами и его, мишинской, языковой стихией рассказов.

Буду ждать.

ПОКЛОН
при получении премии
Российской Академии Сатиры и Юмора
«ЗОЛОТОЙ ОСТАП»
Санкт-Петербург 12.04.97.

Дамы и господа!
Согласно искрометному сценарию устроителей,
я должен сейчас произнести перед
высокой аудиторией
яркую нобелевскую речь,
сверкнуть острым словом и глубокой мыслью,
подтверждая тем самым неоспоримую справедливость
присуждения мне этой позолоченной статуи,
или, как настаивает президент Ширвиндт,
статуи.

Задача для меня, разумеется, плевая.
Однако, учитывая состояние высокой аудитории,
которая уже полностью расплющена юмором ведущих,
я буду сам подсказывать
высокой аудитории — в каких местах
моего выступления ей надлежит смеяться
и хлопать в ладоши.

Итак, речь.

Дамы и господа!
Я очень волнуюсь. (Аплодисменты.) Я очень растроган.
(Аплодисменты.) Я давно мечтал об этой награде
(аплодисменты) и безмерно счастлив, что сегодня
очередь, наконец, дошла.
(Бурные аплодисменты, крики «Давно пора!».)
Ваши аплодисменты окрыляют. (Оживление,
аплодисменты.) Это доказательство того,
что люди в меня верили. (Аплодисменты.)
Скажу обо всех этих людях.

Их — один.

Я говорю о человеке, который ровно пятьдесят лет
назад сделал нелегкий выбор, тем самым
открыв мне дорогу к сегодняшнему триумфу.

Этот мужественный человек сейчас здесь,
в зале — моя мама.

*(Рукоплескания, возгласы «Спасибо за сына!»,
все встают.)*

Мама, ты видишь, народ одобряет твоё решение.
(Все садятся.)

Дамы и господа!

Скажу прямо: в прошлые годы деятельность Академии Сатиры и Юмора вызывала большие сомнения. Достижения были ничтожными, церемонии награждения — вялыми, а лауреатами становились настолько не те люди, что не приходилось сомневаться: президент Ширвиндт берет. Однако в нынешнем году налицо позитивные перемены. Организация отличная, кормят калорийно, а Ширвиндт, если в этом году и брал, то, как видите, дал тому, кому надо. *(Смех, аплодисменты.)*

На этом завершаю остро словие
и перехожу к остроумию.

(Напряженное внимание, многие конспектируют.)

Дамы и господа!

Мы живем в стране великого юмора.
В великой стране юмора, где каждый острит уже тем, что живет в ней. Но даже на этом ярком фоне тотального остроумия здесь во все времена выделялась особо трескучая кучка, которая острила не просто так, а с высшей, как ей мнилось, целью. А именно: надеясь посредством своего юмора улучшить жизнь великой державы. Что говорит не столько о качестве юмора, сколько о количестве ума.

Но не будем о печальном.

Уважая сестру таланта, подвожу итог.
Постановляю считать, что целью был не журавль в небе, а вот эта золоченая синица в моей руке.
Синичку постановляю считать Жар-птицей.

Банкет состоится при любой погоде.
Страна великого юмора будет жить вечно!

(Овация.)

НУЖНАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

— Ч то-то сегодня

народ не идет, — сказал Брикетов.

— Жара, — ответил Супонин, обмахиваясь газетой.

— Да, — сказал Брикетов. — Сто лет такого пекла не наблюдалось.

— Больше, — сказал Супонин. — Мне папаша говорит, он триста лет такой жары не помнит.

— На солнце процесс идет, — сказал Брикетов. — Протуберанцы.

— Как ты сказал? — удивился Супонин.

— Ну, это вроде землетрясения, — объяснил Брикетов. — Только на солнце.

— Понятно, — сказал Супонин. — Вот из-за этого солнца народ и не идет.

— Вчера, говорят, десять человек от солнечного удара умерло, — сказал Брикетов. — Один даже писатель.

— Я писателей очень уважаю, — признался Супонин.

— Что ты! — подхватил Брикетов. — Не было бы писателей, значит, и книг бы не было.

— Представить невозможно, — сказал Супонин. — Если хочешь знать, мое мнение такое, что книга — это источник знаний.

— Вот и я говорю, — сказал Брикетов. — Помню, мне один рассказывал. «Все му, — говорит, — что у меня хорошего есть, я обязан книгам».

— Конечно, — согласился Супонин. — Заработки у них хорошие. Но только у нас зря денег никому платить не будут.

— Я тебе больше скажу, — проговорил Брикетов. — Некоторые считают, что писатели как люди работать не хотят, вот и пишут. А я так считаю, что нельзя зря людей охаивать. Ты сначала разберись, а потом уже охайвай. Верно?

— Верно, — сказал Супонин. — У писателей тоже работы много. Сперва все на бумаге написать, потом ошибки исправить, потом на машинке напечатать. Только успевай поворачиваться.

— Не каждый может.

— Конечно, — сказал Супонин. — Потом ты учти: если бы не писатели, что бы люди читали? Вот что бы ты читал?

— Ничего, — уверенно сказал Брикетов. — А так я «Следы на снегу» читаю. Интересно.

— Да, — сказал Супонин. — Мне тоже понравилось. А еще в прошлом году я Юго читал. «Красное и черное». Тоже хорошая вещь.

— Еще бы, — сказал Брикетов. — Англичане хорошо пишут.

— В общем, чего говорить, — сказал Супонин. — Писатель — нужная специальность.

— Без книг нам с тобой тут и делать нечего было бы, — вздохнул Брикетов. — Это, Коля, наш хлеб.

— Кстати, — сказал Супонин, — на обед пора закрываться.

— Точно, — сказал Брикетов, посмотрев на часы. — Пора. Тем более нет никого.

— Как бы нам с тобой сегодня черепушку не нажгло, — сказал Супонин, закрывая на ключ дверь, где красовалась надпись: «Прием вторсырья».

Дверь кабинета

с табличкой «Терапевт» открылась, вышел мужчина, и сказал: — Заходите, следующий.

Он ушел. Девушка, сидевшая рядом с Супониным, встала и вошла в кабинет. Дверь закрылась.

— Медицина, — сказал Супонин, — уже до всего дошла.

— Ага, — кивнул Брикетов, — уже до всего.

— Вот ты бы хотел врачом быть? — спросил Супонин.

— Я, Коля, — сказал Брикетов, — очень бы хотел быть врачом. Потому что это самое благородное дело — кого-нибудь лечить.

— Я бы тоже мечтал быть врачом, — сказал Супонин. — Вот сидишь ты в своем кабинете, к тебе больной приходит. Ты ему температуру смерил — и он уже здоровый уходит.

— В Австралии одному чудаку сердце пересадили, — рассказал Брикетов. — У него свое-то уже еле стучало, а там в это время как раз помер один банкир. Помер он от желудка, а сердце у него было здоровое. И тому чудаку его сердце пришили.

— Да, — сказал Супонин. — Только это не в Австралии было. Это было в другой стране. Вроде в Парагвае.

— Не в этом дело, Коля, — сказал Брикетов. — Главное в том, что медицина уже взобралась на самую вершину.

— Это-то конечно, — согласился Супонин. — Вот у моей свояченицы в прошлом году на спине жировик образовался. Так его в два счета вырезали.

— Что делается! — сказал Брикетов.

— Это еще что, — продолжил Супонин. — Врачи уже детей в колбе выращивать могут.

— Иди ты!

— Я тебе говорю. Только, конечно, не каждый это себе может позволить. Большие деньги нужны.

— Колбы, наверное, дорогие, — сказал Брикетов.

— И колбы, и вообще весь материал, — ответил Супонин. — Это только миллионеры могут себе позволить. Приходит он, вынимает миллион и, пожалуйста, получает из колбы мальчика.

— Хорошо, — вздохнул Брикетов. — А девочку могут образовать?

— Пожалуйста, — сказал Супонин. — Восемьсот тысяч.

— Тоже недешево, — прикинул Брикетов. — А как же у нас? У нас миллионеров нету.

— У нас — не знаю, — сказал Супонин. — Наверное, бесплатно.

— Да, — сказал Брикетов. — Хорошее изобретение.

— Конечно, — сказал Супонин. — Теперь врачи могут любому помочь.

— Это их святой долг, — сказал Брикетов. — Они за это деньги получают.

Открылась дверь кабинета. Вышла девушка.

— Следующий, — сказала она.

Супонин встал и пошел в кабинет.

Брикетов принялся разглядывать повешенный на стенку плакат про кишечных микробов. Он не успел все хорошенько рассмотреть, потому что из кабинета вышел Супонин.

— Ну? — спросил Брикетов.

— Плохо, — сказал Супонин.

— Температуру смила? — спросил Брикетов.

— Нет, — сказал Супонин. — Она сказала, что ей запах не нравится. Я говорю: «Доктор, я у друга на рождении был».

— А она что? — спросил Брикетов.

— А ничего, — сказал Супонин. — Говорит, пришел не по адресу.

— Да, — сказал Брикетов, — совсем дошла медицина. Людям вон сердце пришивают, а ей бюллетня жалко. «Не по адресу»! Ну и черт с ней!

— Правильно! — сказал Супонин. — Не заплачем. Оба вышли на улицу и, посоветовавшись, направились к зубной поликлинике.

— Двери закрываются, —

просипел вагонный динамик.

Электричка пошла.

— Поехали, — сказал Брикетов, глядя в окно. — На лоно природы.

Супонин кивнул и стал разворачивать эскимо. Брикетов тоже развернул мороженое.

— Ты сыграть-то взял? — спросил Супонин. — Почти час ехать.

— Взял, — сказал Брикетов. — В сумке.

Супонин поднял голову и поглядел на металлическую полку над окном, где стояла сумка. Из сумки торчал край деревянной шахматной доски. Потом он опустил голову и откусил от мороженого.

Некоторое время оба смотрели в окно.

— И все-таки я его не одобряю, — вздохнул Брикетов. — Не одобряю.

— Кого? — спросил Супонин.

— Фишера, — пояснил Брикетов. — Совсем уже зарвался Бобби.

— А-а, — сказал Супонин. — Бобби-то, точно, зарвался. Он, я слыхал, за каждую партию миллион требует. Это если белыми играть, а если черными, то еще больше. Десять партий сыграть — вот и десять миллионов. И всё в валюте.

— Это само собой, — сказал Брикетов, комкая бумажку от эскимо и пряча ее под сиденье. — Но не в этом дело. Он, Коля, в дебютной теории отстал, потому что не следит за новинками, вот он до чего зазнался.

— Не может быть, чтобы в дебютной, — сказал Супонин с сомнением. — Неужели до этого дошло?

— Ты что ж, мне не веришь? — спросил Брикетов. — Ведь ты пойми, Коля, ведь дебют — это ж самое начало. А уж как начал, так и кончил.

— Это точно, — сказал Супонин, выбрасывая свою бумажку в окно. — Кончил дело — гуляй смело.

— А знаешь ты, сколько на свете всевозможных

дебютов? — спросил Брикетов. — Их тыщи. Всяких там испанских гамбитов.

— Я королевский гамбит знаю, — сказал Супонин. — Пешкой от королевы.

— Королевы нету, — сказал Брикетов. — Королева — это ферзь. А тура — это ладья.

— Ну да, — согласился Супонин. — Ладья — это тура, а офицер — это слон.

— Ну что, — спросил Брикетов, — сыграем?

— Доставай, — сказал Супонин. — А то не успеем оглянуться — приедем.

Брикетов снял с полки сумку и достал шахматную доску.

— Прямо на коленях? — спросил он, раскрывая доску-коробку.

— А где же? — сказал Супонин, глядя на действия Брикетова.

— Жаль, третьего нет, — сказал Брикетов.

— Будний день, — сказал Супонин, оглядывая почти пустой вагон.

— Пики — козыри! — объявил Брикетов, закончив сдавать. — Я хожу, у меня шестерка.

— Ходи! — сказал Супонин, разворачивая карты веером. — Это тебе не «е-два е-три»!

На черно-белую доску шлепнулась первая карта, Электричка подъезжала к первой остановке.

ЗАКОН СОСУДОВ

— Дела! — сказал Супонин,

складывая газету. — Де-ла-а! Слышь, физики новую частицу нашли!

— Иди ты! — обрадовался Брикетов.

— Вот если хочешь знать, кого я по-настоящему уважаю, — сказал Супонин, — так это я тебе скажу кого.

— Мясников? — предположил Брикетов.

— Это-то да, — сказал Супонин. — Это само собой. А помимо мясников я еще уважаю научных деятелей, в том числе и ученых. Математиков там, химиков, физиков...

— Физика — это да! — сказал Брикетов. — Физика — это... — он поискал слова, — царица полей!

— Царица полей — это пехота, — возразил Супонин. — И еще кукуруза. А физика — это царица наук. Я это прочитал в журнале «Наука и жизнь».

— Правильно написано, — определил Брикетов. — Я тебе больше скажу: я об этом сам думал. И выходит, что все великие люди были физиками. Ломоносов — раз, Архимед — два, и потом этот, ну как его? Альфред, что ли?

— Альберт Эйнштейн, — важно сказал Супонин.

— Во-во! — сказал Брикетов. — Только что он изобрел, я забыл.

— Он то изобрел, что все относительно, — сказал Супонин.

— Постой, — сказал Брикетов. — Разве это он, а не Циолковский?

— Ты все спутал, — сказал Супонин. — Циолковский — он не по этому делу. Он все открыл насчет космоса. Он, если хочешь знать, самый был великий гений, хотя и глухой. Я про него кино смотрел. Так он там только через трубку слышать мог.

— Ну и что? — сказал Брикетов. — Это ничего не значит. Вот у тещи моей бывшей...

— Погоди, — сказал Супонин. — Я тебе еще про этого хотел досказать, про Альберта. «Все, — говорит, —

относительно». Взять хоть тебя. Ты мужик здоровый. А из чего состоишь?

— Из чего? — Брикетов пожал плечами. — Из мяса. Из костей и мускулатуры.

— Вот, — сказал Супонин. — А мясо из чего?

— Из жил, — сказал Брикетов.

— Из атомов! — с торжеством сказал Супонин. — А атомы относительно тебя — фигня. Их и в микроскоп не видать.

— Колоссально, — сказал Брикетов. — А вот атомы из чего?

— Из частиц, — сказал Супонин, подумав. — Из частиц и материи.

— А материя? — не отставал Брикетов.

— Неизвестно, — сказал Супонин. — Про это ничего не написано. Может, сами не знают.

— А может, и знают, — сказал Брикетов, — да это государственная тайна.

— Ну, что тебе сказать, — вздохнул Супонин. — Непростая вещь — физика. Там еще бывают другие законы. Например, закон, что плюс на плюс будет минус.

— Закон бутерброда, — сказал Брикетов. — Как ни роняй — все маслом вниз. Я вчера уронил — точно! Я еще два раза попробовал, для опыта. Как из пушки — маслом книзу, и все!

— А потом? — спросил Супонин.

— Потом съел, — сказал Брикетов. — А вот ты про закон сосудов слышал?

— Закон сосудов? — Супонин оживился. — Это как? Сколько вольешь, столько и выпьешь, что ли?

— Ну, в общем, да, — сказал Брикетов. — Это если, значит, разные сосуды соединить, так вода будет на уровне, понял? А если разъединить, так потечет.

— Ежу понятно, — сказал Супонин. — Мне про этот закон вчера один физик объяснил. С тридцать девятой квартиры. «Зайдите, — говорит, — у меня опять в ванной течет».

— Пойдешь к нему? — спросил Брикетов.

— Мне он тот раз пятерку уже дал, — сказал Супонин. — В этот раз может не дать. Сходи ты лучше.

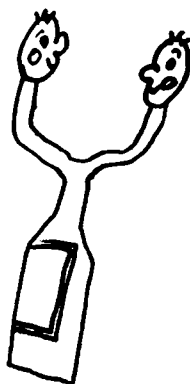
— Ох, эти физики, — сказал со вздохом Брике-

тов. — Может, сделать ему нормально?

— Ну что тебе сказать? — проговорил Супонин. — С одной стороны, конечно, наука, это мы уважаем. А с другой стороны, о себе тоже надо думать...

Оба взяли свои чемоданчики с ключами и прокладками, расписались в журнале техника-смотрителя и отправились трудиться.

197?

— Стой, Коля, —

сказал Брикетов. — Перекурим.

Оба остановились, закурили.

— Тяжелая, зараза, — сказал Супонин.

— Это еще самый мелкий, — сказал Брикетов. — Другие-то вдвоем и не поднять.

— Говорят, в Италии один чудака жил, скрипки обо-
жал делать, — сказал Супонин. — Страдивариус его
фамилия была,

— Вчера в «Добром утре» про веселого архивариуса
пели, — отозвался Брикетов.

— Страдивариус — архивариус! — восхитился Су-
понин. — Стих получается! Да, ну вот. Он, старикан
этот, самый был крупный специалист. Маленькие та-
кие скрипочки изготавливал, лакированные. И, между
прочим, хорошие деньги имел.

— А какие у них деньги были?

— Как какие? — не понял Супонин.

— Ну, рупии там, или кроны?

— Нет, не рупии, — сказал Супонин. — Постой, ка-
кие же у них деньги были? Шиллинги, что ли? Нет...
А, вспомнил — луидоры. За одну скрипку ему сто ты-
сяч давали.

— А луидор — это сколько рублей? — с интересом
спросил Брикетов.

Супонин задумался.

— Луидор, — решил он, — это рубль полтора.

— Сто пятьдесят тысяч, значит, — сосчитал Бри-
кетов, — За одну штуку. Ничего себе жил.

— Ну и правильно, — сказал Супонин. — Ведь
скрипка, понимаешь ты, это такая вещь! Золотой ин-
струмент. Сама малюсенькая, а звук такой — всю душу
переворачивает.

— Это верно, — согласился Брикетов. — Звук у нее
пронзительный. Даже уши закладывает, такой звук.

А возьмешь ее в руки и не подумаешь. Помню, я одному профессору как-то скрипку нес. В футляре. Красивый был футляр, черный. Так мне профессор за это пятерку дал, а там весу-то было от силы два кило.

— Вот я и говорю, — сказал Супонин. — Умный был человек этот Страдивариус. Хорошую вещь изобрел. Свои деньги по совести получал.

— А тому, кто вот эту бандуру придумал, я бы ни луидора не дал, — сказал Брикетов.

— Точно, — подтвердил Супонин. — Намучаешься с ней, будь здоров, а получишь ту же пятерку.

Они погасили сигареты, бросили окурки, надели лямки и потащили пианино на следующий этаж.

197?

КСТАТИ О ПТИЦАХ

— Телевизор включить? —

спросил Супонин.

— Обязательно, — сказал Брикетов. — Телевизор — это, я тебе скажу, окно в мир!

— Вот именно, — сказал Супонин, включая телевизор. — Именно окно.

— Ну, будем! — сказал Брикетов.

— Давай! — сказал Супонин.

— Ффффффу! — скривился Брикетов. — Гадость!

— Ничего, — сказал Супонин. — Запей!

На телеэкране закружились под музыку черные журавли.

— «В мире животных», — сказал Брикетов. — Интересно, про кого сегодня будет. Прошлый раз про этих было, про кенгуру.

«Сегодня, товарищи, мы расскажем вам о пингвинах», — сказал мужчина с экрана.

— Нормально, — сказал Супонин. — Про пингвинов — это нормально.

— Про кенгуру тоже колоссально было, — сказал Брикетов. — Смотрел?

— Не смотрел, — сказал Супонин. — Про кенгуру не смотрел.

— Ну, будем, — сказал Брикетов.

— Давай, — сказал Супонин.

— Охххххх, гадость, а? — сказал Брикетов. — Бррр!

— Ничего, — сказал Супонин. — Если запить.

«Пингвины, — сказал голос за кадром, — достигают роста ста двадцати сантиметров...»

— Гляди, — сказал Супонин. — Вон их сколько. Стоят, ничего не делают!

«Пищей пингвинам служит в основном рыба...»

— Слышал? — сказал Супонин. — Рыбу им подавай. Тоже мне, цацы.

«Пингвины, — ласково сказали с экрана, — великолепно плавают и ныряют...»

— Слышь, — сказал Супонин. — Плавают и ныряют, а летать не могут ни шиша. Курица — не птица, понял?

«Самка пингвина приносит одно яйцо», — сказал телевизор.

— Пляди-ка! — сказал Супонин. — Здоровое. Это тебе не по рубль тридцать.

— Само собой, — сказал Брикетов.

— Интересно, — сказал Супонин. — Съедобные эти пингвины или нет?

— Ну, будем, — сказал Брикетов.

— Давай, — сказал Супонин.

— Ффффффу! — сказал Брикетов.

— Нич-чо! — сказал Супонин. — Главное — записать!

«...А сейчас мы простимся с этими удивительными птицами...»

— Летят перелетные птицы! — запел Брикетов. — А я остаюсь с тобой! Ты понял, перелетные птицы летят! А я остаюсь! Об-бидно!

«Теперь мы переходим ко второй теме нашей передачи, — сказал мужик с экрана. — Это тоже птицы, на этот раз самые маленькие — колибри...»

— Обратно птицы? — мрачно сказал Супонин. — Всё птицы, птицы... Ты мне про кенгуру давай.

«Некоторые колибри так малы, что их вес едва превышает полтора-два грамма...»

— Стой! — сказал Брикетов. — Стой, Коля! У меня на них душа горит, на этих гадов. Зачем птичек мучают?

— Давай, — сказал Супонин. — За их здоровье!

— Ффффффуу! — сказал Брикетов. — Ф-фу ты!..

— Нормально, — сказал Супонин. — Только записать, и все!

«Поразительно яркая окраска этих птичек не имеет себе равных», — сказали с экрана.

— Окраска! — сказал Супонин. — Ты давай, скажи лучше, съедобные они или нет?

— А ну переключи! — сказал Брикетов. — Переключи, пока я ему не врезал!

Супонин крутанул переключатель.

Там оказалась тетка, которая сказала в микрофон: «Сен-Санс. «Умирающий лебедь». Исполняет...»

— Нет, ты видел? — сказал Брикетов. — За что животных мучают, а?

— Там птицы, и здесь птицы! — закипел Супонин. — Везде птицы! А я тебе не птица, понял? Я по восемь часов вкалываю!

— Ну! — закричал Брикетов. — А я по сколько?!

Оба с чувством пожали друг другу руки.

— Давай!

— Поехали!

— Ффффууххх, — сказал Брикетов. — Тьффу!

— Нич-чо, — сказал Супонин. — Запей, или я тебя уважать не буду!

— Пляди, — сказал Брикетов. — Чего это там?

— Лебедь умер, — сказал Супонин.

— Замучали птицу, — со слезами сказал Брикетов. — Живодееры!

— Все, — сказал Супонин. — Кончилось.

— Поч-чему кончилось? — обиделся Брикетов. — Нич-чего не кончилось! Я им этого не прощу, понял? Я за птицу, знаешь!..

— Нет, — сказал Супонин. — У нас тут уже кончилось. Надо, это, сбегать...

— Сбегать? — сказал Брикетов. — Раз надо — значит, надо! Никто не отказывается, понял?

— Вот сейчас выключим, — сказал Супонин, — и пойдем!

— Правильно, — сказал Брикетов. — Выключи, пока я ему не врезал. Ты меня знаешь!

— Пляди, — сказал Супонин. — Диктор! Во морду отъел, а?

— погоди, — сказал Брикетов. — Это трюмо... Телевизор вон... Дай я сам!

Они выключили телевизор, обменялись рукопожатием и в обнимку пошли вниз по лестнице.

— Нет, ну ты скажи, —

в сердцах сказал Брикетов, — ты мне скажи, откуда этого мусора столько берется?

— Ясно, откуда, — откликнулся Супонин. — Загрязнение среды называется. Все загрязняют, кому не лень. В Японии — жуткое дело! В реках уже воды не осталось, одна ртуть течет.

— Япония — ерунда, — сказал Брикетов. — Ты про Бискайский залив слышал?

— Слышал, — сказал Супонин. — Он между Грецией и Турцией.

— Ты что! — сказал Брикетов. — Между Турцией и Грецией — пролив Ла-Манш. А Бискайский залив — он ближе к Норвегии. Ну так вот, в заливе этом вообще уже все сдохло. И рыбы все сдохли, и водоросли. Все из-за нефти.

— Конечно, — сказал Супонин. — Эти пароходы как тонут, так всю нефть и выливают. Чтоб пожара не было. А так они спокойно утонут, и все.

— Им-то наплевать, — подтвердил Брикетов. — Они утонули, и все. А тебе потом в заливе в этом не искупаться. Так что, Коля, я тебе говорю: хреново с океанами у нас.

— Да, — сказал Супонин. — С океанами я тебя не поздравляю. И с сушей не поздравляю. А атмосфера? Ты чувствуешь, чем мы дышим-то?

— Нет, — сказал Брикетов. — У меня нос заложен.

— Потому и заложен, — объяснил Супонин. — В атмосфере-то воздуха уже не осталось ни черта. Автобусы — раз! Папиросы все на улице курят, даже бабы, — два! Заводы всякие — три! Я тебе говорю: кислорода у нас осталось года на два. А потом? Как тут жить, я тебя спрашиваю?

— А никто и не живет уже, — сказал Брикетов. — Животные все раньше чувствуют, вот и вымирают. А птицы? В лесах, понял, никто уже не поет, не чирикает. Одни комары.

— Ха! — вдруг засмеялся Супонин. — Ляди, тебе от голубя подарок!

— Где? — закричал Брикетов. — Ах ты!.. — Он задрагал голову и поглядел в небо. — Вот паразит, а! Пиджак испортил, новый почти!

— Птичка божия не знает ни заботы, ни труда, — продекламировал Супонин.

— Птичка, — разозлился Брикетов. — Убивать их, сволочей, надо! Птички, твою, собачки! Всю планету загадили!

— Смотри-ка, — сказал Супонин, показывая на асфальт, — вон пачка иностранная. «Мальборо», понял?

— Иностранцы, — неодобрительно сказал Брикетов. — Ходят, только пачкают.

— А может, не иностранец, — сказал Супонин. — Может, и наш. Я такие сам курил, мне один друг давал.

— Наши тоже мусорят, — сказал Брикетов. — Вон «Беломор» валяется!

— А может, «Беломор» иностранец курил, — сказал Супонин.

— Охрана среды, охрана среды, — в сердцах сказал Брикетов. — Так бы их всех носом и ткнул! В среду эту носом... Кстати, день-то какой сегодня? Не среда?

— Четверг, — сказал Супонин. Он оглянулся и начал вяло махать метлой. — Мети давай, сержант смотрит.

— Четверг, значит, — сказал Брикетов, тоже принимаясь махать метлой. — Это сколько ж нам еще охраной среды заниматься?

— Неделю, — ответил Супонин. — В ту среду как раз пятнадцатые сутки пойдут.

СОСЕД ПРОПЕЛЛЕРА

Написал я

стихотворение — про зиму:

*Все люди зиму обожают,
Хотят на лыжах все ходить,
А если станут мерзнуть ноги,
То можно выпить-закусить.*

И отнес в редакцию. Ну, редактор, наверное, побоялся мне сразу сказать, что стихи хорошие, чтоб я не возгордился. И говорит:

— Стихи у вас, как бы это сказать... искренние... Но недоработанные. От такого мастера хотелось бы чего-то большего.

Я говорю:

— Большого? А чего большего? Вы скажите!

Он говорит:

— Ну, рифмы хотелось бы посвежее... И вообще, колорит...

Ну, я-то понимаю, что стихи ему и так нравятся, просто характер выдерживает. Ладно, говорю. Сделаем с колоритом, мы не гордые. Поработал над стихом где-то с неделю. Принес:

*Все люди зиму обожают,
Я тоже страсть ее любил.
В лесу на лыжах поезжая,
Я помню, выпил-закусил...*

Редактор долго молчал. Я уж подумал, от восторга голоса лишился.

— Ну? — говорю.

— Потрясающе, — говорит.

Я говорю:

— Правда?

— Да что вы! — говорит. — Особенно вот это: «поезжая — закусил». Просто руки чешутся... Поскорей напечатать... Только, понимаете, какая штука...

— Какая? — говорю.

Он говорит:

— Да вот зима-то кончается... Может, вы нам что-нибудь к весне напишете? Скажем, к Восьмому марта?

Я три недели из дому не выходил — сочинял стихи. Весенние:

*Весной поют на небе птицы,
А люди ходят в долг просить:
Ведь каждый человек стремится
Весною выпить-закусить!..*

Ну, пошел к редактору — прочитал. Смотрю, он от восхищения побледнел. За сердце держится. Я говорю:

— Я тут на всякий случай еще про лето сделал:

*Светило летом шпарит в темя —
Нельзя на солнце выходить.
Зато в кустах в такое время
Все могут выпить-закусить!*

Ну, думаю, все. Не отвертится. А он глаза закатил, губы трясутся.

— Гениально, — говорит. — Можно, оказывается, и в кустах... В общем, я бы хоть сейчас — в набор... Только на этот год у нас уже стихов полный комплект... А вот на будущий...

И мне подмигивает.

Ну мне, конечно, обидно, но, с другой стороны, его тоже надо понять. Журнал не резиновый. Нас, поэтов, будь здоров сколько.

— Ну, смотри, — говорю. — Чтоб на этот раз...

И тоже ему подмигиваю.

Он обрадовался!

— Вот и хорошо, — говорит. — Идите домой, пишите. Как можно больше! Но сюда больше не ходите. Мы сами к вам придем. Чтоб вам времени не тратить...

И точно: на завтра же и пришли. Ну сам-то редак-

тор не приехал — заместителей прислал. Такие внимательные. Все прочитали, что я пишу. Потом со мной насчет поэзии беседовали, спрашивали, как себя чувствую. Потом сказали, надо мне укол сделать — специальный, чтоб писалось лучше. И сделали мне укол. А на другой день приехали за мной на машине и сказали, что отвезут меня в дом для творческих работников. Чтоб у меня были уже все условия.

Условия тут, правда, хорошие. Чистота, служащие все в белых халатах. В комнате нас трое творческих работников. Все писатели. Пижамы нам выдали синие, четыре раза в день кормят. И уколы делают. Все свободное время мы пишем. Работается хорошо. Правда, иногда за стенкой кто-то мешает, кричит целый день, что он пропеллер. Но работа идет, стихи пишу, о природе. Шесть тыщ написал уже.

Последнее такое:

*Осенним днем всем людям грустно —
Идут осадки целый день.
Но можно выпить без закуски,
Когда приходит к нам осёнь!..*

1972

ВЕЧЕРОМ ПОСЛЕ РАБОТЫ

Я пришел с работы.

взял газету и лег на диван.

— Разлегся уже, — установила жена. — Вечно придет и завалится, как турецкий паша. Сколько можно?

Я сел.

— Ну вот, теперь будет сиднем сидеть, — неласково сказала она. — Илья Муромец... Хоть бы постоял когда, для интереса.

Я встал.

— У тебя что, столбняк? — спросила она после паузы. В ее голосе послышалась неуверенность.

— Нет, — ответил я. — Столбняка у меня нет.

— А в чем дело?

— Какое дело? — заинтересовался я.

— Да что с тобой сегодня? — она обеспокоилась. — На работе что-нибудь?

— На работе ничего, — сказал я.

— А где? — быстро спросила жена.

— Нигде, — дружелюбно ответил я.

В ее глазах заблестели слезы.

— Ты что, не любишь меня больше?

— Люблю, — сказал я.

— А чего так тихо говоришь?

— Люблю! — сказал я как можно громче.

— Не смей орать на меня! — закричала она.

— Ладно, — сказал я.

Жена схватила меня за плечи и затрясла изо всех сил.

— Да сделай же ты что-нибудь!

— Что? — с готовностью спросил я.

Жена заплакала навзрыд.

— Ну, хоть разбей что-нибудь! — сказала она сквозь слезы. — Только не стой так!

Я взял со стола хрустальную пепельницу и бросил на пол.

— Боже! — вскрикнула жена, и ее слезы мгновенно высохли. — Пепельницу моей мамы! Ты думаешь, что

делаешь, или нет?

— Ты же попросила, — сказал я.

— А если я попрошу, чтобы ты повесился? — с яростью спросила она.

— Повешусь, — сказал я.

— Ну так вешайся! — закричала она и выбежала из комнаты, хлопнув дверью.

Я сделал веревочную петлю, надел ее на шею, встал на стол и накинул веревку на крюк в потолке.

В этот момент снова вошла жена. Увидев меня, она схватилась за сердце.

— Господи! Ты что же это выдумал, а? Грязными ногами на чистую скатерть! Слезай сейчас же и займись чем-нибудь, наконец!

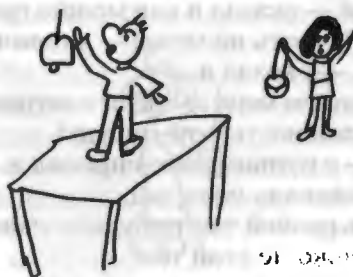
— А чем? — спросил я, вынимая голову из петли.

— Господи, — устало сказала жена, — да чем хочешь! Газету хоть почитай!

И она сунула мне в руки газету.

Я слез со стола, лег на диван и развернул газетный лист.

1971

ПОЧТОВЫЙ РАССКАЗ

Декабрь. Воскресенье.

Два часа дня. Яков Александрович Блуждаев сидит на диване в своей квартире. Из-за бетонной стенки свободно проникает нытье соседского магнитофона:

«По ночам в тиши я пишу стихи...»

Яков Александрович морщится. Меломаны за стеной мешают Блуждаеву читать письмо, которое он держит в руках. Рядом на диване лежат еще два нераспечатанных конверта.

«Родной мой! — читает Яков Александрович. — Ужасно по тебе скучаю. Два месяца мы не виделись, а кажется — сто лет. Ты не пишешь, совсем забыл обо мне...»

Глаза Блуждаева увлажняются. «Леночка, девочка моя, — думает он. — Действительно, сто лет. Неплохо...»

«В общем, — читает он дальше, — хочу, чтобы праздник мы были вместе. Приезжай, если ты меня любишь. Целую, Лена».

Яков Александрович откладывает письмо в сторону. «Что ж, — решает он. — Это идея. Куплю подарок и поеду. Новый год проведу с ней».

«В каждой строчке только точки после буквы «л»...» — глухо ревет магнитофон за стенкой.

«Какое, однако, хамство», — думает Яков Александрович и берет в руки второе письмо.

«Привет, привет! — пишет Лариса. — С наступающим! Надеюсь лично тебя поздравить и приглашаю к себе на Новый год. Мой внезапно уехал в командировку. Так что я одна. Жду. Лариса».

Яков Александрович представляет себе Ларису и улыбается.

Соседский магнитофон грохочет про полет коней, про сердце на снегу и прочие страсти-мордасти.

Яков Александрович думает: «Надо, однако, выбрать. Можно, конечно, съездить к обеим, но это утомительно. Впрочем...»

Блуждаев вскрывает третий конверт. Это письмо самое короткое: «Ты меня не любишь. Ты всех любишь, кроме меня. А если это не так, то ты приедешь ко мне на Новый год. Твоя позабытая Л.».

— В каждой строчке только точки после буквы «л», — бормочет Яков Александрович. — Люсенька, детка. Всегда она так подписывается.

И с Люсенькой тоже давно не виделся. С тех пор, как она переехала.

Блуждаев вздыхает, встает с дивана, подходит к окну. Во дворе мальчишки, вопя, катаются с деревянной горки.

«Что же делать? — размышляет Блуждаев. — Надо что-то решать».

Решать ему мешает звонок. Яков Александрович идет открывать дверь. Телеграмма. От супруги.

«Вылетаю тридцатого. Встречай. Целую».

«А ты люби ее, свою девчо-онку!..» — неистовствует магнитофон соседей.

Яков Александрович перечитывает телеграмму дважды.

«Вот, значит, какой пассаж, — думает он. — Значит, вылетает».

Блуждаев качает головой, сует телеграмму в карман. Потом берет три листа бумаги, ручку, садится за стол и пишет три одинаковых письма — Лене, Ларисе, Люсе.

«Дорогая моя девочка! Спасибо, что не забываешь. Очень хочу тебя видеть. Но лучше, я думаю, будет, если ты сама приедешь сюда. Во-первых, на меня другие не обидятся, а во-вторых, просто хочется встретить Новый год, как бывало, — всем вместе. Тем более, и мама тоже к Новому году приедет — телеграмму прислала. Так что ждем вас всех. Целую крепко. Папа».

Магнитофон за стенкой переходит на английский язык.

Я не люблю свою работу...

Со школьной скамьи я мечтал быть историком. На математике и физике я читал книжку про войны государства Урарту с могущественной Ассирией. Я восхищался Геродотом, а на Архимеда мне было наплевать. Но однажды математичка сказала моей маме, что у меня способности к логическому мышлению, а мама в это поверила, а я никогда не огорчал маму. До конца школы книжка оставалась недочитанной. Я с отвращением зубрил аксиомы, теоремы и правило буравчика.

Вручая мне аттестат зрелости, директор школы сказал, что мои несомненные склонности к точным наукам дают ему основание видеть мое будущее связанным с этими науками. А я видел себя историком. Но я видел хуже, чем директор. Иначе я бы разглядел, что на исторический конкурс тридцать человек на место, а лучший друг моего папы — декан политехнического, а это дает дополнительную уверенность маме, которая обещала сойти с ума, если я провалюсь, поступая на исторический...

Я не провалился. Я поступил в политехнический.

В институте я ненавидел все предметы. Тут, правда, была история, но ее прогуливали всей группой, да и история тут была не того времени... В часы лекций по истории другие сидели в кино, а я учил сопромат, оправдывая надежды декана, который сказал, что возлагает на меня надежды, а он был лучшим другом моего папы, а это вы уже знаете.

На распределении я получил назначение в научно-исследовательский институт, о котором мечтали все. Все, кроме меня.

Работу свою я возненавидел сразу и бесповоротно. Меня тошнило от вида кривых, которые чертили, а потом с жаром обсуждали мои сослуживцы, — я тихо сидел и читал про приготовления Ассирии к новому походу на Урарту.

В один прекрасный день меня подозвал начальник и сказал, что своей вдумчивостью я произвел на него хорошее впечатление, и что он хочет предложить мне интересную диссертационную тему, и он уверен, что я с ней справлюсь, и нечего благодарить, потому что он только рад помочь, если видит, что человек работает с желанием.

— Правда, знаний по математике, полученных в вузе, будет недостаточно, — сказал он, — но мы napravим вас на специальные курсы...

Три года, стиснув зубы, я слушал лекции по математике. Потом, преодолевая отвращение, писал диссертацию. На защите сказали, что только человек, бесконечно влюбленный в свое дело, мог написать такую блестящую работу.

К этому времени я был уже заместителем своего начальника. Я решал вопросы, участвовал в заседаниях, совещаниях, советах, произносил слова о повышении уровня и улучшении параметров.

А в ящике моего стола лежала книжка, и там бородатые ассирийские воины уже приближались к вражеским границам...

Когда начальник отдела уходил на пенсию, он объявил руководству, что никто на свете не заменит его с большим успехом, чем я. И я был назначен начальником. Чтобы как можно реже ходить на службу, я клал в портфель книжку и говорил, что буду работать в библиотеке.

По институту пошел слух, что я пишу докторскую. Меня вызвал директор.

— Дорогой мой, — сказал он. — Зачем эти секреты? Вы же знаете, как мы вас ценим! Я даю вам академический отпуск. Пишите, ваша работа обогатит науку и производство!..

Я пил сердечные капли и писал, писал эту проклятую докторскую. Как я ее ненавидел!..

На банкете после защиты про мое беззаветное служение науке говорили такие прекрасные слова, словно читали некролог...

Сейчас я главный инженер и член-корреспондент. Я издаю распоряжения, наказываю и поощряю,

осуществляю синтез науки и производства. У меня почти нет свободного времени — конференции, симпозиумы, конгрессы...

Но когда все же выпадет свободная минута — я запираюсь в кабинете, достаю потрепанную книжку, и...

...И как раз в тот момент, когда грозный царь Ашшурбанипал уже готов торжествовать победу, звонит телефон, и мне напоминают, что сегодня меня будут утверждать на должность заместителя министра. И я закрываю книжку, и выхожу из кабинета, и думаю, что все сложилось бы иначе, если бы лучший друг моего папы был деканом исторического...

1974

Краюхин был взволнован.

— Коля, — сказал он своему приятелю Амурскому, — у меня через год выходит книжка. Включена в план издательства.

— Поздравляю, — зевнул Амурский. — Мне тебя жаль.

— Почему? — обиделся Краюхин.

— Никто твою книжку не купит.

— Да почему?!

— Потому что никто тебя не знает.

— Прочтут и будут знать!

— Смешной ты, — сказал Амурский. — Сперва надо, чтобы знали, тогда прочтут. Или как минимум «Войну и мир» написать. Ты же не «Войну и мир» написал?

— Нет, — признался Краюхин. — У меня в несколько ином ключе...

— Я и говорю, — сказал Амурский. — Никто твоего дебюта не заметит.

— А что же делать? — спросил встревоженный Краюхин.

— Имя, — веско сказал Амурский. — Надо делать себе имя.

— А как? Как его сделаешь?

— Надо, чтоб тебя знали. Узнавали, как Пушкина по бакенбардам. Надо везде бывать, надо, одним словом, вращаться. Понимаешь?

— Понимаю, — неуверенно сказал Краюхин, — Но...

— Позвони при свидетелях кому-нибудь из великих, например Михалкову. Чтоб все знали, что ты с ним знаком.

— У меня его телефона нет, — сказал Краюхин.

— Узнаешь, — пожал плечами Амурский. — Ты пойми: ну, кто ты сейчас? Какой-то там Краюхин. А надо, чтобы все знали: а, так это тот самый Краюхин!.. Мысль понимаешь?

— В общих чертах... — сказал Краюхин.

Краюхин делал себе имя в течение года. Он побрил череп, отрастил усы и ходил по улицам с сиамским котом на одном плече и вороной на другом. Он приходил в известный ресторан, заказывал студень, вынимал голубую бумагу и принимался писать на ней куском угля. Просидев вечер, он складывал бумаги в клетчатую сумку и уходил, не притронувшись к студню.

Амурский тоже, как видно, не дремал. По городу ползли слухи, что вот-вот выйдет книга писателя Краюхина — как, вы не слышали? — но достать ее будет невозможно. Потом стали говорить, что книга вообще никогда не увидит света, потому что в ней есть такие моменты... ну, вы понимаете... Затем выяснилось, что книга все-таки выйдет, но никому не достанется, так как весь тираж закупил известный член Союза писателей, чтобы сжечь из зависти. Далее, из тех же источников городская общественность была оповещена о том, что часть тиража удалось спасти, но такую малую, что книга писателя Краюхина уже стала библиографической редкостью. Поэтому надо бдительно следить за рынком. Может, кому и повезет.

Книга вышла. Очереди опоясывали книжные магазины тройным кольцом. Ничего подобного не могли припомнить даже самые старые и опытные букинисты, пережившие подписку на Эренбурга, «Библиотеку приключений» и Достоевского. Сновавшие в толпе люди Амурского подогревали ажиотаж. За место в очереди предлагали большие деньги, но денег никто не брал.

Весь тираж краюхинской книги был раскуплен за полчаса.

— Теперь ты понял? — спросил Амурский.

— Что ты, Коля, — благодарно сказал Краюхин. — Просто не представляю, что бы я без тебя делал!..

На следующий после банкета день Краюхин вышел на улицу прогуляться. Мимо Краюхина прошли два молодых человека.

— Это он! — услышал Краюхин. — Он, я тебе говорю!

Краюхин почувствовал себя небожителем. Молодые люди оглянулись несколько раз и быстро ушли вперед.

Краюхин шел, узнаваемый всеми. За спиной шептались. Из-за угла вышла толпа молодых людей. Впереди шли двое, которых Краюхин повстречал раньше. В руке каждый держал книгу — его, краюхинскую книгу!

Краюхин двинулся к толпе.

— Пожалуйста! — широко улыбнулся он, доставая авторучку. — С удовольствием!

— Ну и хорошо, — сказал молодой человек, подавая книгу.

К вечеру Краюхину вернули треть тиража. Когда складывать книги было уже некуда, Краюхин полетел к Амурскому.

— Подумаешь, — сказал Амурский. — Шекспир тоже не всем нравился.

— Я не Шекспир! — закричал Краюхин. — Меня все в лицо знают! Домой несут!

— Интересно, — сказал Амурский. — Что ж ты там написал?

— Ты что?! — страшным голосом сказал Краюхин. — Не прочитал?

— Извини, — сказал Амурский. — На все времени нет.

— Зачем же тогда, — затрясся Краюхин, — зачем ты мне советы давал? И ворона зачем? И студень?!

— По дружбе, — объяснил Амурский.

Краюхин схватился руками за голый череп и, шатаясь, подошел к окну.

Внизу стояли люди с книгами в руках и выкрикивали его имя.

Подумать только!

Они его осуждают! Говорят, как он мог с тобой так поступить? Как ты могла быть такой душой?

Сами они дураки! Они дураки, а он — умница. Я сразу, как мы познакомились, поняла, какой он способный: и читал, и писал, и расписывался красиво. Правда, со мной не расписался. Он сказал, расписка любви не заменяет. И правильно! Что, нет, что ли? А меня он всегда любил. И все делал, что я ни попрошу. Я ему говорю:

— Леша! Иди учиться!

Ну, он и пошел. Только, конечно, условие поставил, что тогда с работы уйдет. Ну и правильно! Его зато в вечерней школе всем в пример ставили, как он хорошо работу с учебой совмещает. А после школы он дальше пошел, в институт. Потому что его к знаниям уже сильно тянуло, а работать он уже не хотел. И правильно! Что он, двуличный, что ли? И потом, я же сверхурочно взяла, неужели же нам не хватало? Всегда нам хватало, особенно на него.

А после института пришел и диплом показывает.

Я говорю:

— Леша! А я тебе за это костюм купила.

Он надел, ему так хорошо! Прямо жених!

Он говорит:

— Знаешь, по-моему, все-таки пора уже иметь нормальную семью.

Я говорю:

— Лешенька! Я этих слов давно жду!

Он говорит:

— Ну и отлично, завтра я тебя с ней и познакомлю.

Я, конечно, ужасно обрадовалась. Потому что она такая начитанная, на рояле играет. А на свадьбе-то он меня сразу не узнал, потому что я на каблуках была. А потом узнал, говорит:

— Знаешь, тебе бы тоже пора. В жизни надо вовремя определяться!

После этих слов у меня на него прямо глаза открылись: до чего же он все правильно понимает! И правда, думаю, пора!

И тут мне как раз очень Жора помог. Прямо очень. Потому что он, наоборот, мне сказал, что любовь без расписки — это не любовь. И тут же расписался. И не только расписался, но и прописался. И правильно. Мне как раз только квартиру дали. Вот он меня так сильно и полюбил. Полюбил и прописался, чтоб найти в моей квартире свое счастье, а его самого чтоб не нашли. Потому что его-то уже искали — за то, что он алименты не платит жене — ну, которая была до меня. Той, что была до нее, он платил, потому что на той он женился по любви, а на этой — потому, что уже ничего нельзя было сделать.

А все должно быть только по любви. И мы с Жорой все любовно решали и расстались любовно. В смысле, что квартиру я ему всю оставила. А как же? К нему ведь как раз родственники приехали, чтоб его убить. Потому что это не его родственники были, а той жены, которой он не платил. А где же им всем жить? Они ведь Жоре и детей его в подарок привезли, про которых он еще не знал.

А я к маме переехала. У нее на двоих — в самый раз. Девять сорок и туалет рядом. Выйдешь через двор — и две остановки трамваем.

Вот в трамвае я с Николаем и познакомилась. Сидели рядом. Вернее, это я сидела. Он-то лежал. А тут контроль.

— Это, — говорят, — ваш?

Я говорю:

— А что?

— Если, — говорят, — ваш, пусть очухается и билет покажет!

— А если, — говорю, — не мой?

Они говорят:

— Тогда мы его заберем, потому что остальные тоже отказываются.

Я говорю:

— Так и будете везде забирать, что плохо лежит?

Ну, тут шум, крик, женщины заругались — те, которые еще не замужем, с теми, которые уже...

Я Николая на себе с поля боя вынесла, из общежития выписала и к маме прописала. И стала его ждать. Потому что его все-таки забрали. Потому что он уже давно на доске висел: «Они мешают нам жить». Вот его на время и увезли подальше, чтоб не мешал.

Он туда уехал, а зато Леша приехал. Вернее, пришел. Даже прибежал. Потому что которая на рояле его выгнала. Потому что он на Бетховена сказал, что это Вах. И она его выгнала, и он ко мне прибежал, сказать, что все это из-за меня.

Я говорю:

— Лешенька, не волнуйся.

И к ней побежала. И ей объяснила, что все из-за меня, потому что мне, конечно, надо было его музыке учить, а я не учила, и вообще на него не так влияла. Ну, они и помирились. В смысле, между собой. А со мной-то оба поссорились. Не мешай людям жить, говорят. Ну, и правильно....

И пошла к маме, чтоб никому не мешать. А у мамы как раз Николай сидит. Он оттуда, где был, вернулся, а там из него сделали другого человека. С сомнительными друзьями он больше не водится, а только с такими, у кого уже никаких сомнений.

И он мне говорит:

— Пора уж тебе как-то определяться. Жизнь, — говорит, — надо прожить, чтоб не было мучительно больно!

Как он это сказал, я прямо обалдела. Я же сама всегда так думала, только сказать не могла! А вот Коля сказал! Ну, прямо хоть в какую книжку вставляй!

Я ему хотела сказать, как я ему благодарна, но не успела — он от меня ушел далеко вперед, к этой, ну с которой ему не будет мучительно больно.

А на его месте теперь у моей мамы дети живут — но не его, а Жорины. Которые отовсюду понаехали, чтоб Жора им помог в жизни. А как он им поможет, когда он тут больше не живет? Он отсюда переехал, где климат лучше и детей меньше: там у них от этого какой-то корень растет.

А перед отъездом меня встретил, говорит:

— Давай, определяйся как-то, а то ни с чем останешься!

Господи, думаю, до чего же я везучая, что рядом со мной всегда умные люди были! Вот и сейчас. У Жориных детей-то уже внуки пошли. Один только говорить начал. Я его купаю, а он мне:

— Пора тебе, бабаня, найти свое место в жизни! Время-то идет! Тебе, думаешь, долго осталось?

Господи, думаю. Какой мальчик смышленный! И впрямь ведь недолго. Самой бы не сообразить! А он — сразу. Смышленный мальчик!

1980

ЧТО НЕ СЛУЧИЛОСЬ С НЕНАШЕВЫМ

Утром Ненашев

не проснулся в хорошем настроении. Он не проделал энергичной гимнастики, после чего не приступил к водным процедурам. Не оценив по достоинству завтрака, Ненашев на прощанье не поцеловал жену. На улице он не улыбнулся лучам весеннего солнца. В метро охотно не уступил места пожилой женщине.

На службе Ненашев сразу же не ушел с головой в интересную работу. Спустя некоторое время он не заглянул в библиотеку, где не ознакомился с новейшей информацией по своей специальности. Участвуя затем в работе технического совещания, Ненашев в полной мере не способствовал успешному решению обсуждавшихся проблем. До обеденного перерыва он успел еще не сделать сослуживцам замечания по поводу слишком частых перекуров.

— Надо совесть иметь! — не сказал он.

Придя после обеда, Ненашев не закончил срочного отчета. На состоявшемся в конце рабочего дня профсоюзном собрании Ненашев не выступил с докладом и несколько раз не просил слова в прениях. При голосовании по первому вопросу Ненашев не был «за», в то время как по второму вопросу не проголосовал «против».

Он не вышел с работы усталый, но довольный и на улице тотчас же не увидел хулигана, пристававшего к девушке. Затем он не направился к цветочному ларьку и не купил жене фиалок. У метро Ненашев по старой привычке не подошел к театральной афише. Прочитав по дороге в вечерней газете о проигрыше городской футбольной команды, он не огорчился. Прочитав о победе хоккеистов, не обрадовался.

Придя домой, Ненашев, как обычно, не проверил домашних заданий сына и не помог жене по хозяйству. Потом он еще успел не написать письмо матери.

И только поздно вечером, уже перед самым сном, Ненашев вдруг не помрачнел, не задумался и не пришел к убеждению, что живет он как-то не так.

1974

ЧЕЛОВЕК ИЗ ФИНСКОЙ БАНИ

Показания

«Гражданин следователь!»

По вопросу безобразий 27 апреля во вверенной мне сауне типа финской бани гостиницы «Южная» категорически отвергаю, потому что наклепали вам которые сами в гостиницу поселившись за взятку, а в сауну типа финской бани не ходят из экономии жмотства, чем водят за нос ваши органы.

Что касается безобразий 27 апреля, то на посту вверенной мне финской бани типа сауны проявил себя, пользуясь авторитетом, именно всегда с махровыми простынями и фетровыми шляпами, куда перешел с влажного пара национальной парилки. Потому что невозможно прилипали листья, а также шайки с кипятком, регулярно высклизывавшие из рук малотрезвых помывающихся, злостно вырубаящих зеленого друга, чтоб сало свое веником отмутузить.

Что касается именно безобразий 27 апреля, то как раз 27 апреля не было никаких отщепенцев, из которых был только поэт-песенник, который насчет безобразий смешно говорить, потому что уже под этим делом приходит и тихо отпотеваает, сочиняя вслух белые стихи с народными словами, которые прилагаю отдельно.

По вопросу последующих безобразий, то 27 апреля проводилась массажно-шефская работа со вставшим на честный путь по амнистии рецидивистом по кличке «Метла» и лозунгом на левом бедре «Смерть фраерам!», работающим главным технологом Второго колбасного завода имени Робеспьера, незамужней... При этом половецкая пляска исполнялась закутавши простыней голову, куда пришла потому что в клубе «Кому за тридцать» был санитарный день, тем более ей за пятьдесят, чего не скажешь, хотя мы вместе на учете в зубной поликлинике.

Что касается злостных безобразий, то 27 апреля помыв осуществлял постоянный контингент, который насчет безобразий никогда, а, наоборот, предпочитая, чтоб девочки начитанные и не выеживались, что и производили 27 апреля с шашлычками на жаровне от аккумулятора автомобиля «ВАЗ-2107», на котором и въехали на верхнюю полку с соблюдением ремней безопасности.

Насчет нецензурных безобразий прилагаю выступление Бурчаладзе Георгия, посудомоя-добровольца, нырнувшего в бассейн для получения контрастного эффекта, оказавшегося контрастней обычного, ввиду отсутствия в бассейне воды. Воду для сюрприза откачала группа скульпторов, моющихся безвыходно второй месяц по случаю рождения девушки с веслом.

Что касается вопиющих безобразий, то в связи с ранним наступлением темноты бенгальский огонь, зажженный поэтом-песенником по случаю перехода белых стихов в белую горячку, горел ярче обычного вместе с сауной, что и зафиксировал неизвестный спутник-шпион, сбитый Бурчаладзе Георгием посредством выхода запаха чачи.

Что было еще до взрыва той пробирки, так как коллектив санэпидстанции осуществлял оздоровительный помыв уже не 27 апреля, а на следующий день, 1 мая, что является злобной клеветой на финскую баню типа сауна гостиницы «Южная», все семь этажей которой обязуюсь восстановить за свой счет.

1985

-ИЮНЬ 1985

МЮНХЕН

-ОБЩЕСТВЕННЫЙ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ

11. 11. 1985

НОВЫЙ ГОРОД

МЕЖДУ НАРОДАМИ

Встреча

ВЕДУЩИЙ. Товарищи,

сегодня у нас в гостях известный журналист-международник. Лас-Вегас и Лас-Пальмас, Монте-Карло и Карловы Вары — вот горячие точки планеты, которые не раз горели под его ногами. Всюду, где обострялось, где стучались тучи, всюду, где происходили марши мусорщиков, битвы бакенщиков, схватки манекенщиц, наш журналист был тут как тут. А сегодня он тут. Представляем ему слово.

МЕЖДУНАРОДНИК. Мне, товарищи, хотелось бы начать со своей поездки по самым диким, заброшенным уголкам нашей планеты. Кстати, о Нью-Йорке. Я бы назвал его городом контрастов. Пока не приедешь, не увидишь своими глазами, этот спрут производит одно впечатление. Но затем — совершенно другое. Буквально не хочется возвращаться. Я имею в виду — туда. Но вынужден — работа.

Кстати, о Лондоне. Вам хорошо известно, товарищи, в каком жалком состоянии находится английский фунт. Простые англичане снова затягивают пояса. Как шутим мы, международники, они еще хлебнут английский фунт лиха. Таковы плоды политики консерваторов, которых народ метко окрестил лейбористами.

И раз уж мы заговорили о достопримечательностях Лиссабона, несколько слов об Эйфелевой башне. Глядя с нее, прежде всего замечаешь простых голландцев, которые затягивают пояса. И это несмотря на то, что правящие круги скрывают от них непомерно высокие цены. Однако самое поучительное в Австралии — это встречи с простыми людьми. Помню встречу с простым австралийским скотопромышленником. Узнав, откуда мы, он приветствовал нас словами: «Агропром — гуд!» И подарил банку тушенки.

Но, в отличие от Бомбея, Токио — чисто японский городок. Он буквально переполнен простыми японца-

ми, которые затягивают пояса. А ведь среди них старики, дети, женщины. Женщины там практически на каждом углу. Немало любопытных уголков повидал я в Токио.

Зато Монте-Карло — это, конечно, город контрастов. В то время как одни выигрывают, другие вынуждены затягивать пояса. Зайти в казино заставил меня чисто профессиональный интерес. Выйти оттуда заставил меня крупье. Он оказался славным человеком, одолжил трусы и отвез в гостиницу. Там и родилась моя статья, вскрывающая сущность игорного бизнеса. Но что особенно привлекает в архитектуре итальянской столицы, это, конечно, встречи с простыми людьми. Как-то на улице, услышав мою итальянскую речь, простой римский труженик, кинулся мне на шею и закричал: «Друг, да ты тоже русский!..»

В этой связи вспоминается работа в Мехико. Там я встречался с одной простой мексиканкой. Впоследствии она все спрашивала меня, каковы мои намерения. Но мы, журналисты-международники, умеем молчать.

Однако вернемся к Милану. Милан — город контрастов, и в этом его отличие от Мытищ. Населяют Милан простые миланцы и милашки, рядовые члены мафии. Как-то раз на одном из миланских стритов двое фарцовщиков пытались купить у меня плащ. Видимо, накурились марихуаны. Я пристыдил наркоманов и из гуманности продал. Затянуть пояс нашего плаща им так и не удалось.

В целом, товарищи, еще очень и очень многое не нравится мне за рубежом. Сейчас я собираюсь в новую поездку, а затем как всегда поделюсь с вами подробностями.

1975

ОБНАЖЕНИЕ СУТИ

Репортаж

Дорогие друзья!

Сегодня мы с вами станем свидетелями знаменательного события в культурной жизни страны. Этого события ждали долгие годы, но лишь теперь мы сможем, наконец, сказать: есть отечественный стриптиз!

Да, сегодня мы собственными глазами увидим все то, о чем наши деды и прадеды могли только мечтать. Ведь еще недавно считалось, что секс — это буржуазная западная лженаука подобно кибернетике. Но сегодня установлено, что даже само слово «секс» — чисто русского происхождения. Еще во времена крепостного права помещик-самодур допрашивал крестьянина: «Ну что, Пахом, опять жену сёк?» И бесправный Пахом отвечал: «Как не сечь, барин? Сёк-с...»

...Зал дворца переполнен. Здесь передовики производства, профсоюзные активисты, представители творческой интеллигенции. Много ветеранов — они пришли, чтобы вспомнить молодость, вспомнить, как все это было...

А за кулисами волнуется, переживает Клава Федотова. Именно ей оказано доверие продемонстрировать всему миру то, чем по праву гордятся наши женщины. Нелегко было Клаве заслужить это доверие, но, подходя к делу творчески, с огоньком, она доказала: равных ей нет ни в европейской части, ни в азиатской.

Волнуется зал, болеют, переживают женщины: как там Клава, что там у нее...

И вот раздаются звуки песни «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» — и в зал, наконец, входят пионеры.

«Стать клавиами федотовыми будьте готовы!» — звучит призыв.

Пионеры обещают и покидают зал.

Звучат фанфары.

В проходы четким строем входят молодые воины. Честь Клавы — всеобщее достояние, и, глядя на этих крепких, ладных парней, мы понимаем: гвардейцы не подведут!

...Приветствия закончены. Начинается торжественное заседание. Его открывает представитель предприятия, где вот уже много лет числится Клава. Он рассказывает о положении женщины в странах капитала, а затем — в странах, где капиталом и не пахнет.

Один за другим выходят к трибуне шахтеры, колхозники, писатели, они рассказывают о своих планах, обязательствах и задумках, связанных с Клавой и ее подругами.

Зачитывается приветственная радиограмма от экипажа американских астронавтов.

...Убраны столы президиума. Свет прожекторов становится красным. Звучит что-то из Дворжака. Кажется, это Григ.

Занавес медленно поднимается — на сцене стоит ширма. Звучит что-то из Грига. Кажется, это Глюк.

И вот вспыхивают аплодисменты — из-за ширмы выплывает она, Клава Федотова... Синий свет прожекторов становится красным. Клава медленным движением сбрасывает брезентовые рукавицы — и мы видим ее трудовые мозолистые ладони. Нет! Никто не отнимет у наших женщин права на полный рабочий день!..

Но вот красный свет прожекторов сменяется еще более красным. Звучит что-то из Глюка. Это Пахмутова.

Зал замирает — Клава берется за верхнюю пуговицу... Потом за нижнюю... И вот, наконец, все видят, что под тулупом, кроме Клавы, никого нет! На сцене стоит простая девушка, Клава Федотова, стоит в чем мать родила — в промасленном комбинезоне и резиновых сапогах.

Премит овация. Сверкают фотовспышки. Летят цветы. А Клава, запахивая тулуп, смущенно убегает в кулисы. Да! Она сделала свое дело. Благодаря ей мы смогли увидеть подлинное искусство стриптиза в отличие от жалкого западного подражания...

Занавес опускается. Сейчас за кулисами Клава принимает поздравления, дает интервью, автографы, свой адрес...

Поздравим друг друга и мы.

И до новых встреч с прекрасным, со все более обнаженной правдой жизни!

1975

СТРАШНОЕ ДЕЛО

Детективный экстрат

1

В записке было написано: «Получай из-за угла, гадюка!» Записка была приколота ножом. На конце лезвия что-то темнело. Осмотрев нож внимательно, следователь Черненко догадался, что это труп. Экспертиза установила, что при жизни труп был мужским телом без определенных занятий. Рядом лежали еще два тела. Но судебное вскрытие показало, что эти были живые, просто в тот день им выдали аванс.

2

Хорошо в городском парке весной! Распускаются цветы, листья, девушки!..

По пруду скользят лодки с дружинниками. Но следователя Черненко не радовали сегодня ни весеннее солнце, ни журнал «Крокодил». Черненко задумчиво сидел на свежеекрашенной скамейке и думал.

«Велика роль случайностей в нашей работе, — размышлял он. — Вот будь я хоть чуть-чуть умнее...»

Оборвалась еще одна ниточка.

3

— Начнем совещание, товарищи! — сказал руководитель группы Епифанов, не спавший вторые сутки. — Что у тебя, Петя?

— Есть мысли! — соврал Черненко.

— Молодец! — одобрил Епифанов. — Я в молодости тоже, бывало...

Черненко покраснел от похвалы.

— А что у вас? — спросил Епифанов высокую, стройную, синеокую, кареглазую, молодую, но уже опытную, на которую все заглядывались, но совершенно напрасно, Беляеву.

— Плохо, — сказала Беляева. — Группа крови не совпадает.

- С чем это не совпадает? — спросил Черненко.
— Ни с чем! — сказала Беляева.
— Да, — сказал не спавший четвертые сутки Епифанов, — запутанный клубок получается...

4

В 5 часов утра в районе 46-го километра пустынного шоссе остановился автомобиль «Москвич», номер которого заметить не удалось. Из машины выскочил человек и, воровато озираясь, скрылся в придорожных кустах.

Через минуту он вернулся, сел за руль, и машина умчалась в неизвестном направлении. Прибывшая на место происшествия оперативная группа обнаружила небольшое алиби...

5

Матерый отброс нашего общества Сидорчук, чтобы заглушить запах перегара, выпил бутылку водки. Затем стал поспешно уничтожать улики — отпечатки пальцев, нож и сожительницу Маньку.

Люто ненавидел Сидорчук нашу жизнь. Милицию ненавидел, скрипачей. Читать не любил. Писал в лифтах.

По почерку его и нашли.

6

— Что ни говори, а шеф — мужик что надо! — сказал Черненко.

— Знаю! — сказала Беляева.

Вошел не спавший восьмые сутки Епифанов.

— Улик у нас хватает, чтоб доказать все, что нужно, — сказал он. — Теперь главное — выяснить: что нужно доказать?

И не спавший третью неделю Епифанов пошел в кабинет начальника управления, не евшего второй год...

Мужчины выясняли,

что такое женщина.

Первый сказал:

— Женщина... Да при одном этом слове мужчина должен встать!

— Сиди ты! — сказал второй. — Они и так дольше живут.

— Женщина, — сказал третий, — это глаза, губы, волосы...

— Да, — вздохнул четвертый. — Повезло тебе.

— Подождите, — сказал десятый. — Я же читал: женщина — это вроде как гений чистой красоты!

— Точно, — подтвердил двадцатый. — Сам так в жизни не постираешь!

— А по-моему, — сказал еще один, — женщина — это встреча! Мы встречаемся, влюбляемся, женимся...

— Не надо путать, — сказал другой. — Влюбляемся в одну, женимся на другой, встречаемся с остальными...

— Так, — сказал последний. — Что же мы получили в итоге?

И стало тихо. И в тишине стало слышно, как женщины выясняют, что такое мужчина.

— По-моему, — сказала первая, — мужчина — это мой муж.

— Правильно, — сказала вторая.

— Только без пошлостей, — сказала третья. — Мужчина — это, прежде всего, сильный дух!

— Не говори! — подхватила четвертая. — Дух от него!.. Особенно по субботам.

— Что такое мужчина, не знаю, — вздохнула какая-то. — Мой из интеллигентов...

— Какая разница! — сказала другая. — Лишь бы расписался!

— Девочки, перестаньте, — сказала еще одна. — Мужчина — это бывшая женщина, у которой от безделья произошла перестройка организма...

— Да нет,— сказала последняя.— Мужчина — это...
В общем, сперва ему ничего не позволяешь. И потом не
позволяешь. А потом — раз! — и появляется ребенок...

Тут появился ребенок и сказал:

— Женщина — это Мама! А мужчина — Папа! А вы
все — дураки.

И он был прав.

1977

Как-то раз мечтал я:

«Кабы

был бы я не я, а он,

и в нее бы

он бы

как бы

был бы

по уши влюблен,

а она в него

была бы

тоже как бы

влюблена...»

Но тогда она была бы —

Сто процентов! — не она.

V

Полным-полно
РЫЖИХ

ПРО АВТОРА
Александр ЧЕРВИНСКИЙ

Ничего хорошего.
Все вокруг едут на футбол Теннесси — Алабама
и, естественно, болеют за Теннесси.
А он из машины высунул
голову с бородой и зубами и орет:
— Алабама! Алабама!
Его по-человечески просят: не надо.
Алабама — наш враг.
А он еще громче вопит:
— Алабама! Алабама!
Ему напоминают: ты в середине Америки.
— Алабама! Алабама!
Ему объясняют: могут пристрелить.
— Алабама! Алабама!
Его умоляют: заткнись, уже оборачиваются.
— Алабама! Алабама!
И так всю жизнь он над нами издевается.
Мы все вокруг него куда-то едем, а он свое:
— Алабама! Алабама!
И такое лицо, как будто самый умный.
Как будто в этой жизни главное —
в середине толпы оставаться самим собой.
Как будто так можно жить.
Как будто про это можно писать.
Как будто мы прочтем и поймем.
Его поймем, Мишу Мишина,
а значит, и что-то
несуетливое, доброе и разумное
в середине себя.
Ему кажется, что поймем и не пристрелим.
Поэтому и высунул голову в окошко и орет:
— Алабама! Алабама!

Творческий вечер.

Юбилей.

Презентация книги.

Считается, что каждое из этих столбовых мероприятий — повод подводить итоги, предаваться воспоминаниям и философским мыслям. Философских мыслей много — две. Первая: на кой тебе нужна была эта презентация (вечер, юбилей)? Вторая: когда ты поумнеешь? Поскольку первое зависит от второго, то ответа нет. Это и есть итог.

Вот воспоминания — да. Воспоминания скребутся в душе как голодные мыши. С нафталинным тщеславием мы (некоторые из тех, кого называли сатириками) вспоминаем — и те толпы у входа, и те полные залы, и наши книжки, молниеносно исчезающие с прилавка — факт их появления был важнее содержания. И красную рыбку, привезенную в память о бичевании недовостатков на Дальнем Востоке. И златозубую девушку из города Ижевска, которую ты потряс своим искусством на концерте, после чего в гостинице она поразила тебя своим... И крупно льстивший самолюбию мелкий скандал с управлением культуры. И что в Ленинграде публика все понимала лучше, хотя в Москве хлопали громче, хотя в Киеве стучали чаще... И насколько храбро каждый из нас боролся... Ну вот — доборолись. И можем сравнивать то, что было вчера, с тем, что мы имеем сегодня. Как призывает лучший друг нашего народа, водка «Смирнофф»:

— *Почувствуйте разницу!*

Почувствуйте! Главным ощущением прошлой жизни было: «Там хорошо, где нас нет». Хотя бы потому что «туда, где нас нет», нас не пускали. О чем просили не болтать, чтоб мы об этом не узнали. Поэтому все мы собирались там, где по вечерам позволял себе намекать и подмигивать сатирик. Это сегодня к нему приходят те, кто его любит. А тогда сбегались те, кто не любил власть, — и потому были аншлаги... Это сегодня один на сцене и двое в зале — крупное общественное

событие, а тогда битком забитый дворец казался тайной сходкой мятежников.

То была эпоха узкого круга. Полуподпольные вечера, полузакрытые просмотры, полузапретные книги. В этом смысле профессия сатирика давала большие возможности. После каждого выступления в каком-нибудь очередном НИИ подходили устроители и подмигивали: «Ну, теперь, когда все ушли, посидим узким кругом, почитайте настоящее, то, что не для всех». И вы шли в какую-то лабораторию, где все пили и внимали, а ты пил и читал. Потом этот избранный круг тоже распался, и оставались уже только два-три самых стойких любителя сатиры и выпивки, и они говорили: «Ну, теперь давай самое крутое, для самого узкого...» И вы запирались уже в каком-то чулане, где они пили, а ты и пил и читал. Назавтра жена утверждала, что ночью ты спал в туалете и хохотал во сне. Это был уже по-настоящему узкий круг.

Почувствуйте разницу — вчерашнее понятие узкого круга исчезло. Юмор профессионалов хлещет шибче прежнего, но работать в сто раз труднее. Во-первых, оказалось, что говорить труднее, чем подмигивать. Во-вторых, с природным юмором сегодня мощно конкурирует должностной. Под нашим трехцветным флагом выступают такие мастера! Тот ляпнет, этот стрельнет, третий хряпнет... Страна просто корчится. Правда, не понять — то ли это хохот сквозь слезы, то ли истерика сквозь смех...

Почувствуйте! Вспомните! Совсем недавно. Восемьдесят пятый год, январь. Потом февраль, март... Все как всегда, а потом вдруг — тот апрель! Когда мы все влюбились в нашего главного за его умение разговаривать и кинулись за ним на эту перестройку. Потом мы разлюбили его за умение разговаривать и плюнули на перестройку... Еще несколько лет назад мы не знали, что город Фрунзе превратится в Бишкек, Ленинград — в Петербург, а Москва — в то, во что она превратилась... Короче, вчера наш паровоз еще куда-то летел. Сегодня одни пересели с этого паровоза

на БМВ, другие — на БТР, остальные не чувствуют разницы...

А разница есть! За какие-то десять лет мы усвоили массу нового. Мы узнали, что «сникерс» — это не «тампакс», «памперс» — не «ксерокс», а «бипер» — не мужская болезнь. Вместо лозунга «Слава КПСС!» над всей страной гордо реет «Обмен валюты». Хочешь почувствовать разницу — иди, меняй!.. Перемены мгновенны! Прямо на наших глазах тот мелкий жулик стал крупным, крупный — депутатом, депутат — кандидатом в президенты, а президент — гарантом всей этой конституции...

(Ни слова о переменах в личной жизни! Сколько за эти годы брошено жен, найдено мужей, создано детей и не создано других произведений...)

«А вот тогда...», «А вот сейчас...» Вспоминать можно без конца, и сравнивать без конца. А главное, без толку. Туда, где были, уже не вернемся. «Там, где нас нет» — хорошо не для нас. Нам один выход: «Там хорошо, где мы есть». Кто «мы» — не вопрос. Каждый сам решает, входит ли он в компанию. Качество которой от количества не зависит. Ну, не должно.

Попробуем не чувствовать разницы.
Будем вместе.

(Предисловие к книге «Почувствуйте разницу», 1995)

ПРО ЦВЕТОЧКИ

Примерно такая

история имела место в действительности. Говорят, одного поэта она даже вдохновила на небольшое произведение в жанре гражданской лирики. Нам же хочется рассказать эту историю в прозе.

И начнем мы с того, что в большом и замечательном городе жили двое пожилых одиноких людей — муж и жена. Его звали... Ну, скажем, Григорий Александрович, ее — Наталья, допустим, Владимировна, а фамилия у них была, положим, Ножкины.

Жили они, как мы сказали, в большом и замечательном городе, но давно уже мечтали о том, чтобы перебраться в небольшой и тихий пригород. И тут дело было не только в чистом воздухе, тишине и покое, которых так не хватает ошалелым жителям больших центров. Главной причиной были цветы. Ибо цветы были давней любовью, мечтой и, если позволите, страстью Григория Александровича и Натальи Владимировны. Уже давно грезились Ножкиным нежнейшие цветы удивительных оттенков и тончайших запахов, цветы, которые могли бы быть выведены и взлелеяны, будь на то время и место.

И вот — благословен будь, изобретатель пенсий! — время появилось в избытке. Что же касается места, то, честно говоря, нам не хочется описывать, как происходил обмен городской квартиры на маленький домик в пригороде. Слова «обмен», «жилплощадь», «прописка» и «метраж» повергают нас в безнадежную тоску. Нет, мы не станем ничего этого описывать. Мы перешагнем через нужные нам отрезки времени и пространства, чтобы сразу попасть в небольшой пригородный поселок, где недавно поселившимися Ножкиными уже были выращены первые и действительно очень красивые цветы. И здесь мы завершим предысторию и перейдем к истории.

Она началась в тот прекрасный, как говорится, день, когда на калистке участка Ножкиных появилась небольшая табличка:

ЗДЕСЬ МОЖНО ВЗЯТЬ ЦВЕТЫ

Довольно долго табличка оставалась незамеченной. До того момента, пока хозяйке соседнего дома не понадобилось спросить у Натальи Владимировны то ли перца, то ли соли, а может, мясорубку.

— Глядите-ка, что хулиганы повесили у вас! — сказала соседка. — «Каждый может взять цветы». Вот бандиты, а! Еще хорошо, слов никаких не написали.

— Что вы! — сказала Наталья Владимировна. — Это мы сами...

— Сами? — удивилась соседка и повторила: — «Здесь можно взять цветы». Это как же так — взять?

— Ну просто... — застеснялась Наталья Владимировна. — Ну просто, если зайдет кто-нибудь, попросит...

— А-а, — поняла соседка. — А я-то, дура, думала. И по сколько же ваши астрочки будут?

— Простите? — не расслышала Наталья Владимировна.

— Я говорю, почему цветочки ваши будут? Мы тоже помаленьку продаем, дело такое...

— Да нет, — сказала Наталья Владимировна, — мы их продавать не будем. Просто так, если кому-то захочется, знаете.

— Не хотите говорить, — сказала обидчиво соседка, — и не надо. Уж сами цветочки-то продаем, слава богу. Соль я вам завтра отдам, не волнуйтесь...

И, поджав губы, соседка ушла.

Весть о том, что недавно поселившиеся люди вывесили чудное объявление и собираются бесплатно раздавать цветы, вызвала в поселке брожение умов.

«Сссс-споди, да я их насквозь вижу!» — заверяла соседка, обнаружившая табличку.

«Да уж понятно, чего ж тут не понять!» — соглашалась другая.

«Умнее всех хотят быть!» — заключала третья.

— Что ж, так даром и отдашь? — напрямик спросил наконец у Григория Александровича дядя Коля, парень лет пятидесяти, служивший то ли грузчиком, то ли возчиком и к тому же владевший сараем, который сдавал дачникам за бессовестную цену. — Так, за шиш с маслом, любому дураку и отдашь?

— Почему же дураку? — покраснел Ножкин.

— А кому ж? — сплюнул дядя Коля.

— Понимаете, Николай Петрович, — еще больше покраснел Григорий Александрович, — цветы, по-моему, нельзя продавать.

— Хот ёп! — сказал дядя Коля, немало подивившись, что его назвали по имени-отчеству. — Это кто тебе сказал? Такой статьи нет, чтоб не продавать. Иди да и продавай!

— Не в этом дело, — смущенно сказал Ножкин. — Просто мы не для этого, понимаете... Мы для себя, для красоты... Ведь цветы — это все равно как пение птиц... Вот, например, в Японии...

— Японский городской! — живо сказал дядя Коля. — Птиц тоже можно продавать! Шурин мой, Валька, пацану своему щегла купил. Веселый щегол, чирикает, сволочь! Это кто спекулирует, того, конечно. Вон Зинка-то свои продает — рупь штука, а твои лучше Зинкиных...

Обмен мнениями завершился тем, что дядя Коля занял у Григория Александровича три рубля и убыл в известном направлении.

По выходным дням в поселок из города приезжало много народу. Люди дышали воздухом, бродили по лесу, собирали грибы, пили вино, пели песни, купались в озере, а к вечеру, усталые, но, в общем, довольные, садились в электричку и уезжали обратно в город.

Многие, гуляя, проходили мимо дома Ножкиных, где замечали табличку. Некоторые (в основном рыцарски настроенные юноши) «для смеху» заходили — и уходили с цветами, смущенные и удивленные. И вот однажды табличка попала на глаза молодому и энергичному корреспонденту городской газеты Смирницкому. (Повторяем, все фамилии, конечно, вымышленные).

Смирницкий служил в отделе писем, а также вел рубрику под названием «А ваше хобби?». Рубрика появлялась раз в неделю и содержала заметки о всевозможных интересных увлечениях. Смирницкий не ограничивался рядовыми сообщениями о филателистах, филуменистах и нумизматах, а мог откопать, скажем, пенсионера Сукояцева Г.Ф., который завершил, наконец, многолетний труд по изготовлению макета землечерпалки величиной с наперсток. Иногда Смирницкий помещал также заметки и о разных буржуазных хобби. Тогда название рубрики менялось с «А ваше хобби?» на «С жиру бесятся».

И вот Смирницкий увидел табличку — и через минуту Григорий Александрович увидел Смирницкого.

Узнав, что перед ним пресса, Ножкин слегка оробел, а затем стал торопливо рассказывать Смирницкому про черенки, семена и клубнелуковицы.

Смирницкий ходил с Ножкиным между клумбами и деловито принюхивался.

— Замечательно! — бодро сказал он. — Запах замечательный! Но самое замечательное — это ваше начинание! Дарить цветы бесплатно — это ведь дарить людям радость, понимаете? Этот почин, я думаю, мы будем пропагандировать!

— Как вы сказали? — испугался Ножкин. — Ей-богу, ничего не нужно...

Материал в газете появился и был многими прочитан. А слово, как известно, это призыв к действию.

Первыми перешли к действиям учащиеся поселковой средней школы. Ведомые старшей пионервожатой, с горном и барабаном они прибыли к дому Ножкиных и объявили, что берут над Ножкиными шефство. Попытки встревоженного Григория Александровича с благодарностью отказаться были квалифицированы пионервожатой как ложная, извините, скромность и, простите, непонимание воспитательного значения...

Пообещав установить постоянное дежурство, юннаты отбыли. В течение двух следующих дней какие-то ясноглазые девочки действительно являлись и, по-

бегав некоторое время вокруг клумб, исчезали. А на третий день шефство вовсе окончилось, — дружина бросила силы на макулатуру.

Буквально через день Ножкиных пригласили в город на встречу с клубом «Природа и фантазия» при кирпичном, кажется, заводе. Клуб отмечал годовщину. Все сидели за столиками. У мужчин были добрые глаза. Ножкиных приняли в члены клуба, обещали всем коллективом приехать в гости...

Потом Ножкин дарил цветы на празднике ветеранов труда.

И пошло!..

— ...Товарищи! Сегодня у нас присутствует товарищ Ножкин Григорий Александрович с супругой... Которые своей инициативой... для нас, которые... следуя этой инициативе... которая...

И пошло!..

«Уважаемый Григорий Александрович!

Мы, работники городской фирмы «Ландыш», обсудили статью т. Смирницкого «Человек щедрой души»...

За последнее время наша фирма добилась больших успехов... Однако есть еще и определенные недостатки... Принято обязательство резко повысить...»

Аромат ножкинских цветов учуяла студия телевидения. Долго ругались две редакции — молодежная и культуры и искусства, — кому делать передачу. Молодежь победила. Написали текст, поехали в поселок, убедили Ножкина, что это необходимо для эстетического воспитания молодежи, «да и не только молодежи, нашу передачу все смотрят...».

В глубине души Григорий Александрович ясно чувствовал, что происходит что-то не то, не так...

Но на студию поехал, послушно смотрел в камеру...

Соседки же по-прежнему видели Ножкиных насквозь. Иногда дядя Коля, видимо не обладавший столь острым зрением, пытался за Ножкиных заступиться,

утверждая, что люди они, ясное дело, с придурью, но не жмоты, в долг всегда дают.

Соседки упирали руки в бока, раскрывали рты — и дядя Коля оставлял поле брани, после чего соседки еще более убежденно заверяли друг дружку, что им все понятно...

А цветов тем временем уже оставалось совсем мало. Последние букеты Ножкины подарили двум молодым людям.

Это были он и она. Они прочитали табличку. Они, в общем-то, не собирались заходить. Но у них свадьба. В смысле — не у них, конечно, а у их друзей, в общепитии... Так что, если можно... «Ой, что вы! Так много! У вас же ничего не осталось!.. Давайте мы в корзину положим! (У них корзина оказалась.) Ой, спасибо вам большое!..»

— Славные какие! — сказала Наталья Владимировна, когда молодые люди ушли.

— Да, — согласился Григорий Александрович. — Очень!

А в городе тем временем появились афиши:

ГОРОДСКОЙ БАССЕЙН
«ВОДЯНАЯ ФЕЕРИЯ»

Тут уж Ножкин попытался бунтовать. При чем тут он? Это уж просто смешно и даже неудобно! «Очень даже удобно, — объяснили ему. — Во-первых, за вами придет машина. Во-вторых, вы должны непременно быть, как застрельщик нового движения («Кто?» — перепугался Ножкин), и непременно вручать цветы победителям лично. Потому что... в общем, это важно... И для вас... В общем, вы понимаете, да?..»

Ножкин вздохнул и сказал, что если это так важно.... Только цветов у него уже почти нет... «Бог с вами, — сказали ему, — при чем тут ваши цветы? Цветы заказаны в городской фирме «Ландыш»... А вот вручать — вручать надо непременно вам, дорогой Григорий, э-э... Алексеич...»

А на табличке

ЗДЕСЬ МОЖНО ВЗЯТЬ ЦВЕТЫ

кто-то приписал: «у дураков».

Городской бассейн был оформлен со вкусом. Синела вода, висели транспаранты, вокруг стояли скамейки, на скамейках сидели люди.

Празднество шло полным ходом. Уже перетягивали канат, уже состоялись заплывы, уже прыгали в воду прыгуны, девушки в цветных шапочках уже демонстрировали достижения фигурного плавания... Выступали ораторы, вручались сувениры, ритмично грохотал вокально-инструментальный ансамбль «Звездогляд». В кулуарах помреж телевидения внушала нескольким гражданам, как именно непринужденно надо вести себя, когда их случайно попросят сказать несколько слов...

— Товарищи! — закричал в микрофон ведущий. — На наш праздник прибыл замечательный человек товарищ Григорий Алексеевич Ножкин! По велению своей души и сердца он будет вручать победителям наших конкурсов цветы, выращенные им безвозмездно для нашего праздника! Поприветствуем, товарищи!..

Публика захлопала. Все смотрели на Ножкина, который, красный от духоты и неловкости, проходил за стол президиума, стоявший возле самого бассейна. Наталья Владимировна села рядом.

— Душно как, — сказала она.

— Цветы повянут, — сказал Ножкин.

Праздник завершился поздно. Публика разошлась по домам. Организаторы сошлись на банкет.

К вокзалу Ножкины шли пешком. От банкета они отказались.

— После дождя воздух получше стал, — сказал Григорий Александрович.

— Тебе нехорошо? — спросила Наталья Владимировна.

— Да нет, — сказал Ножкин. — Ничего.
Дальше шли молча.

В этот воскресный вечер вокзал бурлил. Людские потоки захлестывали кассовый зал, проходы и перроны. Толстые кольца очередей душили измученных мороженщиц. Ежеминутно стартовали пустые электрички и прибывали битком набитые. Все входы, выходы и другие стратегические пункты вокзала находились в руках цветочных торговцев.

Выйдя на перрон, Ножкины очутились прямо перед цветочными столиками. Торговля шла вовсю. Мужчины и женщины подходили, отходили, подходили снова. Мелькали цветы, руки, звенели монеты, шелестели рубли, надо всем стоял вокзальный гул.

Внезапно в этом гуле Наталья Владимировна чутким своим ухом уловила голос, показавшийся знакомым.

— А вот посмотрите, молодой человек! Купите для своей дамы!..

Наталья Владимировна посмотрела.

Голос принадлежал той самой девушке, которая рассказывала Ножкиным про свадьбу друзей. Рядом с девушкой маячил тот самый молодой человек. Они вместе смотрелись. Они продавали цветы.

Наталья Владимировна смотрела на них несколько секунд, потом отвернулась и потянула Григория Александровича.

— Что ты? — спросил Ножкин.

— Ничего, — сказала Наталья Владимировна.

Но было поздно. Ножкин увидел.

Они сели в пустой вагон. Двинулись за окном большие и малые огни. Потом электричка вырвалась за город, в вагоне зажегся полный свет, и в окне стало черно.

Наталья Владимировна заснула только под утро. Она спала, когда Григорий Александрович встал, оделся и вышел из дома.

Утро было холодное, воздух — сырой, небо — серое.

Григорий Александрович открыл калитку, поглядел на табличку

ЗДЕСЬ МОЖНО ВЗЯТЬ ЦВЕТЫ

отодрал ее и бросил в сторону. Потом закрыл за собой калитку и пошел по дороге.

— Здоров! — закричал дядя Коля. — Куда собрался? По грибы, что ль?

— Пройдусь, — коротко сказал Григорий Александрович.

— Но! — сказал дядя Коля. — А то я гляжу, куда это ты собрался?..

Григорий Александрович шел по дороге. По сторонам стоял скучный лес. В голове вертелась дурацкая песенка «звездоглазов».

Вдруг Григорий Александрович остановился. Перед ним стояла девчушка лет четырех-пяти. В руке у нее был пучок ярко-желтых одуванчиков.

— А я умею делать букеты, — сообщила девочка без всяких предисловий.

— Молодец, — сказал Григорий Александрович.

— Пахнут, — сказала девочка, понюхав букет. — Понюхай!

Ножкин присел на корточки и поднес одуванчики к лицу.

— Замечательно, — сказал он.

— Их надо поставить в вазу. У тебя есть ваза?

— Ваза есть, — сказал Ножкин.

— Тогда ты тоже собери букет — сказала девочка.

И исчезла так же неожиданно, как появилась.

Ножкин с трудом поднялся и вдохнул тяжелый сырой воздух...

Впрочем, нет! Не так!

Ножкин поднялся во весь рост и вдохнул чистейший озон. Сверкнул на дороге осколок стекла. В ультра-синем небе трепетали зеленые листочки. Звенела радостная птичья ругань. За лесом лихо свистнула электричка. Утро было великолепное. Оно уже начинало становиться отличным днем.

Нигде по всей земле в этот день не было отмечено осадков в виде дождя, града или мокрого снега. Не отмечалось даже переменной облачности.

Над поселком и городом, над всеми другими городами, селами, поселками, кишлаками, аулами и дрейфующими станциями — над всем миром в этот день торжествовало Солнце.

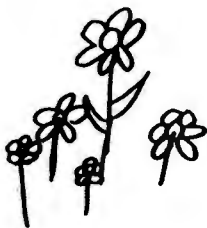
Огромный ярко-желтый одуванчик — нежный и ослепительный.

И здесь, пожалуй, можно поставить точку.

Для верности, конечно, следовало бы еще написать, как Ножкин с просветленным взором вернулся домой, поднял с земли табличку и вновь водрузил ее на калитку..

Но мы уверены, что это легко представит себе каждый, кто полагает, что так оно и было в действительности.

197?

ПОЛНЫМ-ПОЛНО РЫЖИХ

В конце концов,

все — в твоих руках.

Или ты смело толкаешь дверь и попадаешь в этот мир, где у тебя появляется шанс стать первым, — только первым, самым первым! — или остаешься там, на улице, за бортом, одним из тех, кто не решается рискнуть...

Я был не из тех, кто остается за дверью.

Рыжий был тоже не из тех.

— Будешь играть против меня? — спросил он с усмешкой. — Ну-ну! Попробуй!

Я тоже усмехнулся. Я был не из тех, кто пробует. Я был из тех, кто побеждает.

Вброшен мяч. Белый, прыгучий шарик... Впрочем, нет, это был оранжевый мяч, «адидас». Стадион ревет. Сперва игра у меня не клеится. Рыжий смеется мне в лицо. Ему кажется, что игра уже сделана. Но я беру себя в руки. Я — Большой Майк, Суперзвезда Баскетбольной Площадки, Король Финта и Гений Дриблинга — показываю рыжему, что такое настоящая работа. Я сравниваю счет и на последней секунде в неповторимом прыжке вонзаю в корзину победный мяч.

Стадион неистовствует. Рыжий плачет в раздевалке. У меня нет для него утешений. Побеждает сильнейший — таков закон.

— Ничего, — бормочет рыжий. — Мы поквитаемся. Я не достаиваю его ответом.

...Моя рука лежит на ручке управления. Самолет идет на базу. Горючего в баках — на два плевка. И рыжие словно знают об этом. Три рыжих истребителя против одного.

«Ладно, ребята. Посмотрим. Таких асов, как Коршун Майк, не так уж много в этом синем небе...»

Одного я убрал сразу — рыжая вспышка, и он исчез. Остались двое.

Они еще не понимают, с кем их столкнула судьба.

Я бросаю машину в вираж, взмываю вверх. «Бочка», «горка», «мертвая петля». Вторая вспышка — и остается один рыжий. Он делает попытку уйти в облака, но я достаю его. Дымный след прочерчивает небо. Как всегда, победа за мной — Коршуном Майком, Прозой Воздушного Океана!..

— Все равно, — криво улыбается рыжий, — все равно я тебя сделаю!..

И снова грохот моторов. Но это не воздух — это земля автодрома содрогается от рева гоночных машин. Большие гонки. «Гран-при».

На старте я всегда спокоен. Спокойней всех. Недавно меня зовут Железный Майк — Гонщик Без Нервов.

Ревут моторы. Я иду вторым — рыжий сумел выскочить вперед. Но я хладнокровен и уверен в себе. Каждую микросекунду ощущаю я своим телом. Последний круг — пора! Я выжимаю из машины все, что можно, и еще столько же. Вот я поравнялся с рыжим. Вот я обхожу его — иду первым. Теперь все — теперь достать меня сможет только сам дьявол. Пусть теперь бесится рыжий, пусть бе...

Страшный грохот — и все гаснет. Это рыжий, не сумев обойти меня, таранил мою машину.

Теперь уже я говорю:

— Мы сквитаемся, рыжий, мы сведем счеты.

...Все очень просто. Два кольца и две мишени. Каждый служит мишенью для другого. Так выясняют отношения настоящие ковбои, когда дорога слишком узка для двоих.

— Мне кажется, — медленно говорю я, — на свете можно отыскать место, где твое присутствие было бы более желательным.

— Возможно, — цедит рыжий сквозь зубы. — Но это только мое дело!

Взлетают кольца!

Он довольно проворен, этот рыжий. То есть, он БЫЛ проворен. Я оказался слишком быстр для него. И слишком точен. Меткий Майк — таково было мое имя. Меткий Майк — Благородное Сердце Прерий.

— Ну, ребята, — обвожу я взглядом собравшихся зевак. — Кто следующий?

Но желающих нет.

Надвинув шляпу на самый лоб, я выхожу из салуна. Я ухожу, оставляя за собой поверженных врагов, раздавленных конкурентов, уничтоженных соперников.

...Дверь закрывается за мной. В поток прохожих попадаю я, в поток дождя, в поток повседневности. Я поднимаю воротник, твердой рукой достаю сигарету и закурываю, прищурив верный глаз. И медленно шагаю по улице, мышцы налиты сталью, взгляд холоден, пульс спокоен и четок.

По улице идет Смелый-Быстрый-Меткий-Самый-Первый-В-Мире-Майк.

Он идет, уверенно глядя сквозь дождь, сквозь лица, сквозь витрины...

Вдруг — толчок в грудь.

— Ну, куда лезешь-то? — слышу я. — Прямо как не люди, ей-богу! Прямо с магазина не вытти!

— Извините, — говорю я.

— Нахал! — извиняет меня тетка.

Я захожу в магазин.

Пельмени, кефир, батон. Самообслуживание — это очень удобно. Вообще, после того как она окончательно ушла к этому своему рыжему, у меня появились новые привязанности — домовая кухня, кафе «Минутка», универсам. И салон игровых автоматов. Мир, полный рыжих — мир, где неизменно первенствует Великолепный Майк.

— Здравствуйте, Миша, — говорит знакомая кассирша. — Два сорок.

— Здравствуйте, — говорю я, беру сдачу и выхожу на улицу.

СЧАСТЛИВЫЙ

— Да плюнь ты! —

говорю я ему. — Плюнь!

Я беру бутылку и разливаю.

— Давай! — Я киваю ему, и мы выпиваем не чокаясь.

Мы сидим в кафе и пьем «Гурджаани»

Сколько времени прошло с нашей последней встречи, не помню. Может, год, а может, два. Это не имеет значения. Потому что и прошлый раз, и позапрошлый мы так же сидели здесь, в этом кафе, и раньше, когда тут еще не было кафе, а была обыкновенная столовая. Мы сидели друг против друга, и я разливал водку, или портвейн, или не помню уж, что, и так же говорил ему:

— Да плюнь, старик, плюнь!

...Лет десять назад. Мы сидим в столовой. Вокруг едят, разговаривают, разливают под столиками. Он держит в руках книгу.

— Понимаешь, — застенчиво говорит он, — она сказала, что не знать про импрессионистов стыдно. Вот, я купил...

Я беру у него книгу, листаю.

— Старик, она права, — говорю я. — Импрессионистов, старик, надо знать...

С моей стороны это чистой воды лицемерие. Все, что я знаю сам про импрессионистов, — это что там были два художника, с одинаковыми фамилиями, только один через «а», а другой — через «о». Кроме того, Ван-Гог отрезал себе ухо — про это я тоже слышал...

— Ну вот, — обрадованно говорит он. — И она так сказала...

И теперь, ясно, он возьмется за живопись. Он будет читать книги, ходить в музеи и посещать лекции. Через месяц он уже сможет писать диссертацию об импрессионизме, а заодно о кубизме, о передвижниках и наскальных рисунках.

Над ним все издевались еще в институте. Все, кроме нее. А она на него вообще не реагировала. Никак.

Сначала я тоже над ним подсмеивался. А потом он стал со мной всем этим делиться. И я стал советовать ему плюнуть.

Проходит несколько лет. Мы уже закончили институт, распределились. И мы снова сидим с ним за тем же столиком. На небелоснежной скатерти стоит полупустая бутылка. Я разливаю и говорю:

— Старик, это уже просто смешно. Сколько можно? Плюнь! Пора!

— Я ей письмо послал, — говорит он.

— Ну? — спрашиваю я.

— Не ответила, — говорит он и пожимает плечами.

— Может, не получила? — говорю я умную вещь.

— Получила, — серьезно говорит он.

— Слушай, старик, — энергично говорю я. — Пора с этим кончать. Что такое, черт подери? Езжай на юг! Море, солнце! Кипарисы, абрикосы!

Я наливаю, мы пьем. Я чувствую себя стреляным воробьем. И действительно, рядом с ним...

— Я все понимаю, — говорит он. — Идиотство, конечно...

— Вот-вот! — подхватываю я. — Идиотство! В наше время... Чтоб свет клином... Чтоб столько лет... Вот я, например...

— Ты — другое дело, — говорит он.

Он прав. Я — другое дело. Говорят, у меня в глазах есть что-то такое... Что-то такое в глазах, и еще волосы с проседью. В общем, я-то могу позволить себе плюнуть...

Еще год или два. Место действия — то же. Стучат ложки, звенят рюмки, шаркают между столиками официантки. За пыльными окнами — улица. Он смотрит в окно и говорит:

— Она замуж выходит.

«Слава богу», — думаю я.

— Он какой-то военный. Вроде, моряк...

«За тех, кто в море», — хочется мне сказать, но я говорю:

— Старик, поверь, это к лучшему. Ты, наконец, посмотришь вокруг и увидишь, как прекрасен этот мир, понял? Смотри, какие девочки пошли! Понял? Все, старик! Встряхнись!

— Да, — откликается он. — Наверное, так лучше.

— Давай! — говорю я, и мы пьем.

— А как Лиля? — спрашивает вдруг он.

Я не сразу вспоминаю, что прошлый раз, когда мы встретились, со мной была девушка Лилия из консерватории. Это был период, когда выяснилось, что Шуман, Шуберт и Шопен были совершенно разными людьми.

— Нормально, — говорю я. — Давно не видел.

Мы допиваем остатки вина, выходим на улицу.

— Пока, — говорит он.

— Звони, — отвечаю я.

И мы расходимся.

Время идет, седины у меня прибавляется. Следовательно, чего-то такого во мне все больше...

Мама, правда, волнуется, говорит, что в моем возрасте уже пора иметь нормальную семью. Я хороший сын. Я попробовал иметь семью, она оказалась нормальной — просуществовала четыре месяца.

Про него я узнаю через общих знакомых. Он вроде тоже женился. Потом вроде тоже развелся. Потом вроде куда-то уезжал. Потом вроде вернулся.

Вернулся он не вроде, а точно, потому что мы сталкиваемся с ним у входа в эту самую столовую, только она теперь уже не столовая, а кафе.

— Ну вот, — говорит. — Вот такие дела.

А дела такие, что уезжал он куда-то на Север. А уезжал он потому, что ее мужа перевели на Север, и, ясно, его тоже потянуло к полюсу.

— Вы виделись? — спрашиваю я.

Он не отвечает. Подходит официантка, я заказываю бутылку «Гурджаани».

— А я женат был, — говорит он. — Не слышал?

— Слышал, — говорю я.

— Вот такие делишки, — говорит он и замолкает.

Официантка приносит бутылку, ставит на столик.

— Ну, давай, — говорю я.

— А знаешь, — говорит он вдруг. — У нее девочка. Большая уже.

И он смотрит на улицу.

Я беру бутылку, наполняю бокалы и снова, снова

хочу сказать ему привычное «Плюнь!». Но в этот момент он поворачивается, и мы встречаемся взглядами. И в его глазах я вижу что-то такое, что трудно объяснить, а можно только почувствовать. И я это чувствую. И еще я чувствую против него раздражение, злость и обиду и не могу себе признаться — отчего. Не могу, потому что в зависти — не признаются.

И поэтому я ничего не говорю ему, а пью молча.

1981

ДЛЯ ТЕХ, КТО ЛЮБИТ КИНО

Как получилось.

он из кино вышел — два часа, кстати, на муру убил, — перешел через проспект и возле «Союзпечати» остановился на минуту — посмотреть, чего там интересного, и вдруг: «Подожди, я папирос куплю». Обернулся — точно. Тот. С каким-то мужиком, которому он и сказал это: «Подожди, папирос куплю». И мимо него, стоящего возле «Союзпечати», в магазин вошел. Не заметил. А он сразу узнал — по голосу: «папирос купить» — такое «р» характерное, не спутаешь. И глаза те же — медленные такие глаза, и особенно...

...особенно, что Тот был так спокоен, таким спокойным, медленным взглядом посмотрел на него, когда он с ней проходил мимо, а сам стоял себе с каким-то парнем, с приятелем своим стоял и папиросу курил, и, когда они с ней мимо прошли и выходили через арку на проспект, Тот спокойно смотрел им вслед — он чувствовал! — без угрозы или насмешки, и когда они вышли на проспект, он не видел, но почувствовал, что Тот идет за ними, шагах в десяти, да, в десяти шагах, вместе с приятелем, не приближаясь и не отставая, и он видел, что она...

...она за ним, конечно, наблюдала, то есть ей, конечно, интересно было, как он, ничего? Ну и он, конечно, старался, и шутил, и разговаривал, и голос держал ровно, чтоб не дрогнул, и идти старался не ускоряя, и это даже удавалось ему, но спиной-то чувствовал, ощущал, прямо видел спиной, как Тот сзади идет спокойно, курит молча и не отстает и не приближается, а шея-то уже деревянная была, и под ложечкой тянуло, и сердце стучало, но он разговаривал и шутил, а Тот все шел сзади, а потом она вдруг обернулась и посмотрела назад и сразу же снова голову повернула, покраснела, губы поджала и на

него искоса глянула, а он вроде бы, значит, не заметил ничего, а у самого в ногах-то вата, и — ох, как это скверно было, что он шел сейчас по проспекту, а проспект вечеряющий был красив...

...красив был проспект, по которому они шли, и, темнея, сгущалась прохлада, а небо с городом не сливалось, еще отдельно висело над домами, и звезд не было — или была уже Вега? Да нет, не было никакой Веги, и, наоборот, даже пасмурно было, во всяком случае, было зябко, это точно, а она рядом с ним шла и смеялась красиво, а он торопливо что-то все говорил, что-то все рассказывал и смешил, и она смеялась, — а спиной-то, спиной он чувствовал, чувствовал! — а уже темнело быстро, потому что это еще апрель был или начало самое мая, что ли, и фонари уже зажгли, зеленоватые ртутные фонари, — они сперва слабо так розовели, потом ярче, ярче и зеленели, разгораясь, ну там два электрода, а между ними ртутные пары, и пропускаешь ток, и они светятся, пары эти, и он это ей рассказывал, и еще что-то рассказывал и пошутил, и она смеялась — куда веселей, чем его шутка-то стоила, и он это чувствовал, хотя, может, ей и впрямь было весело, — и он шагал по проспекту, а в такт шагам в голове, как верткая обезьянка, прыгало: «Черт, черт! Вот черт!..» — ведь сзади-то, не отставая и не приближаясь, шел Тот...

...шел Тот и курил папиросу, и вот так они шагали по проспекту — шаг, шаг, шаг, — по сереющему асфальту, и ее ноги в белых сапожках — в белых сапожках! — шаг, шаг, шаг, а сзади, за ними, Тот — шаг, шаг, шаг, — и уже перед глазами, как всегда, проносилось, как он — раз! раз! — Тому — четко, резко, а второму — ногой в живот и ребром ладони — раз! — и Тот лежит, и второй — тоже лежит, а сам он неторопливо уходит, играя покатыми плечами, или, например, Тот с ножом, а он — раз! — и выбивает, и снова — бац! и ногой! — и он чувствовал, как устали нервы от этих ненанесенных смертельных ударов и дрожат мышцы, а она ему что-то говорила, а потом

вдруг взяла его за руку — господи, они же сзади это видели! — и он не посмел ни отвести руку, ни взять крепко — и ненавидел себя, ненавидел, ненавидел, а до кинотеатра было еще полпути...

...только полпути еще они прошли, и было уже темно, и обычно в этот час он сидел дома, и сегодня мог бы быть, хотя бы, например, на кухне сидеть, обсуждая с соседом что-нибудь или не обсуждая, а рассказы соседа выслушивая и обмениваясь с ним, — с иронией, конечно, непременно с иронией, — и хотя дистанция между ними, сосед в институте уже, но снисходил сосед и даже не без уважения снисходил, и это льстило; или можно было бы с книгой, или, например... да мало ли что! — а сейчас в голове обезьянка в такт шагам: «Сза-ди! Сзади!» — и шея уже заостенела просто, потому что обернуться невозможно, а не обернуться тоже, и физически ощущал, что невозможно худ делался, да-да, невероятно худ и костляв, и грудь узкая, а губы толстые, пересохшие к тому же; и они все шли — шаг, шаг, шаг, — а фонари уже разгорелись зеленым сиянием, и машины по одной обгоняли их — ш-ш-ш-ш! ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш! — и деревья черные без листьев стояли вдоль трамвайных путей, но вот уже впереди и буквы красные: «Кино» — а что ж там за фильм-то шел? — а внизу помельче, зелеными буквами: «Касса», но им не в кассу, билеты-то уже в кармане у него, и только подойти осталось, и билеты — контролерше, и тут...

...и тут пузырем вздулось сердце и лопнуло, гулко ударив в виски, и сразу в горле ком — это и потом так бывало: чуть что — именно ком в горле и не сглотнуть — и по всем нервам как током, потому что «Постой-ка, — сказал Тот из-за спины. — Постой-ка», и он остановился, повернулся, а губы сухие, толстые, и вроде спросил: «Я?» — или вроде спросил: «Что?» — хотя уж чего глупей, а Тот стоял и смотрел на него, то есть как бы даже не на него, а на некое обстоятельство места и времени, равнодушно-спокойно смотрел, и тут она начала что-то Тому говорить, что-то быстро и возмущенно, а Тот на нее даже не взглянул, только ему сказал спокойно:

«Пойдем», и он — нет, он не сразу пошел, он еще что-то сказал сперва, сглотнул ком с усилием и сказал что-то невнятное, как бы удивленно-протестующее, а Тот смотрел спокойно, а она говорила: «Ну уж это знаешь!..» или «Ну уж это слишком!..» — а было это уже возле кино-театра, ну да, ведь шли-то они именно в кино...

...именно в кино он с ней шел тогда, несколько дней он собирался и клялся себе, что пригласит, и вдруг решился: небрежно так, мол, пойдем, что ли, сходим, как будто в тысячный раз, и она тоже, как в тысячный: а что, давай, мол, — и он, конечно, воспарил — еще как! — и предвкушал, и весь день в этом предвкушении, в окрыленности ждал вечера, когда пойдут они с ней на фильм, — а что за фильм, не вспомнить, конечно, вот в кино-то они и шли, когда их Тот увидел возле дома, в котором они все жили — и он, и она, и Тот, — да-да, они впервые шли с ней вдвоем, то есть раньше они, случалось, вместе ходили, возвращались из школы домой, но ведь не вдвоем, а с остальными, и по дороге задевали друг друга и хохотали визгливо, и она, как все, но он-то видел, конечно, нет, не как все она, а тоньше и глубже, и как-то это было с ним именно связано, что все в ней тоньше и глубже, и, с ней встречаясь глазами, он, ясное дело, видел, что она тоже все понимает, и все это сложно так и тонко, и именно между ними, исключительно между ними, хотя потом...

...потом-то он уже знал, что он не один был, а многие к ней такое испытывали, такой у нее год был тогда, конечно, не только у нее, у них у всех был тогда такой год, но у нее особенно, на ней как-то все сошлось, и, конечно, потом об этом вспоминал он уже с иронией — а как же! — и этой иронией быстро растворил осадок от того дня, ну, как бы стер пятно ацетоном, то есть пятна уже нет, а так, только слабые следы пятна, если как следует приглядеться; но ирония — это потом, а тогда-то скажи она на черное — белое, и точно бы он знал, что белое, про себя-то, в глубине, знал бы, что черное, но уговорил бы себя, что белое... И вот был он в тот день

окрылен и полон внутри радужным сиянием, ибо знал, что вечером, вечером, вечером идет с ней в кино! — с ней! в кино! идет! он! — и весь день ходил, да нет, не ходил — это была твердая поступь, и взгляд ястребинный, — не взгляд — взор! — и плечи мощные, покатые, и шея, и что-то внутри пелось такое английское, как в этих фильмах, когда сперва прерии, прерии во всю ширь, а вдали в дымке скалистые горы, и воздух свеж, и цокот копыт, и сам весь загорелый, с морщинками у глаз, и улыбка белозубая, и в седле чуть небрежно, и молниеносно вскинуть карабин, и весь такой...

...такой вот весь шел он днем с билетами на последний вечерний сеанс, и лихо пелось внутри, и вертелась в голове откуда-то фраза: «Такой не только ударит крепко, но и прыгнет выше всех», и это как бы про него фраза, и вот так шагал, раздвигая грудью воздух, дома, деревья, отбрасывая в стороны киоски и этих прохожих, взрывая беспощадным прищуром трамвай — ба-баммм! — и в ногах ощущая такой удалой зуд — рывком, без подготовки, обвести одного, второго и вlepить неотразимо в верхний угол, и тут, конечно, гимн, и к горлу слезы, и она, она рядом с ним...

...она рядом с ним стояла, а Тот сказал только: «Идем», и повернулся, и пошел неторопливо, даже не глядя, не проверяя даже, идет ли он за ним, потому что был уверен, знал, что он пойдет, и он пошел, а Тот не спеша, не оглядываясь, шагал, курил папиросу на ходу, и он — за ним, а было уже темно совсем, и небо почти черное, и фонари светили холодной зеленью, и вот они уже пересекали проспект: Тот чуть впереди, а он чуть сзади, худой, руки длинные, чувствуя, как лопатки торчат, как все торчит в нем нелепо и жалко, и руки замерзшие, он их в карманы засунул, в кулаки сжал, и вот они пересекли проспект и очутились возле магазина, а магазин работал до одиннадцати тогда, и было, должно быть, начало одиннадцатого, ну да, сеанс в кино был в десять ровно, — и вот тут-то ему Тот и сказал: «Постой, папирос куплю» — или нет, не так, он сказал: «Подождешь здесь,

Главное
в
фотографии:

ОКАЗАТЬСЯ
РЯДОМ

Сеня Альтов.

*Еще не знает, что с течением времени
на этом снимке мы будем выглядеть все моложе*

Витя Лошак.

*Еще не знает, что скоро станет
главным редактором «МН»*

*Валерий Хаит.
Еще не знаем, когда и где снова встретимся.
Но встретимся точно*

*Марк Рудинштейн.
Еще не знает, как добыть денег на очередной
«Кинотавр» — фестиваль, который, по его словам,
мы с ним и Виктором Славкиным втроем придумали*

Култ моей личности
в каком-то областном ДК.
Там еще на стене
цитата висела — из меня.
Полный кайф

А это уже всемирная слава.
То есть, в Израиле
человека три подошли

*С миссией на Ближнем востоке.
Наше посольство в Тель-Авиве.
Бильжо, Иртеньев и я согласно протоколу
в строгой вечерней одежде*

*Санкт-Петербург. «Золотой Остап».
Не дашь на лапу — лауреатом не станешь.
Имен взяточников из страха мести не называю*

Сочи. «Кинотавр».

Выхожу на замену истощенного Абдулова.

Еще не знаю, что через минуту воздушная волна
от пролетающего мимо мяча швырнет меня наземь,
я вывихну ногу, сердобольные болельщики волеют
в меня стакан, я доковыляю до радиорубки
и от отчаяния начну комментировать игру.
Им было смешно, а я год хромотал

Борис Литвак.

*Еще не знает, что его знаменитые слова
«Сиди ровно» через несколько минут
станут для меня утопией*

*Беззаботный Инин еще не знает,
что скоро мы с Адобашьяном сыграем в фильме
Аллы Суриковой «Московские каникулы»
двух алкашей, после чего на нас обрушится
неслыханная слава*

Кажется, Новосибирск.
 Арканов еще не знает, что через полчаса
 мы с ним запоем что-то джазовое.
 Он — талантливо, я — с душой

Юрий Рост.
 Не знает, но чувствует, что будет задержка рейса,
 и мы с ним проведем
 еще один чудный день в Одессе

Костя Райкин.
 На нижнем снимке
 еще не знает,
 что мы с ним сделаем
 спектакль «Лица»,
 финал которого —
 на верхнем.
 Что потом
 он еще поставит
 американскую комедию,
 которую я переведу...

*Мы с Татьяной ведем вечер 75-летия Гердта.
Я еще не знаю, что мой нос и ботинок
настолько фотогеничны*

Одесса. Год не помню.
Витя Ильченко объясняет мне,
что писать не надо:
все уже написал Жванецкий.
Или вот-вот напишет

Сочи. Начало 90-х.
Горин, Червинский и я свои красивые фигуры прикрыли.
Только композитор Дашкевич не щадит окружающих

Одесса — 87. Мое сорокалетие.
С Мишей Жванецким.
Содержание разговора не помню.
Но взаимопонимание было дивное

Там же, в тот же день И в рюмках — то же.
Только десять лет прошло.
И рубашки сменили

Меж двух Гулливеров.
Данелия и Пуговкин

Аркадий Исаакович Райкин

Амстердам — 87.

У Наполеона мания величия —
фотографироваться рядом со мной...

я папирос куплю» — и опять повернулся к нему спиной и в магазин вошел, а он один остался...

...остался один и стоял и ждал возле киоска «Союзпечати», и сделался он еще более худым, только теперь уже не длинным, а маленьким, но напряжения уже не было, и злости на себя не было, и ярости никакой, а была усталость какая-то, и во рту противно, и он стоял и ждал, устало и безнадежно себя презирая, а мимо по проспекту машины по одной — ш-ш-ш-ш-ш! ш-ш-ш-ш-ш-ш! — а в магазин люди редкие входили, выходили, и витрина ярко горела, а в ней банки сгущенки стояли пирамидой, а он стоял и ждал, и вяло ненавидел себя, и ждал, и дыхание уже успокоилось почти, и сердце не так бухало, и плюнул он на тротуар, и от этого еще больше успокоился, и про нее вспомнил, то есть не вспомнил, а как-то неотчетливо подумал: «Она-то где?» — непонятно, может, она у кино осталась? — а парень, который с Тем был, он куда девался? — может, он из-за этого парня уйти не мог? — да нет, чепуха, не было никакого парня, один он стоял, стоял и ждал, и наконец Тот вышел из магазина, на него глянул, разорвал пачку «Беломора», закурил, спичку бросил, «Пошли», — сказал, и они пошли...

...и вот они идут, Тот чуть впереди, молча курит, и он рядом, чуть позади, идут, идут, уже год, как они идут, а он худой, тонкий, длинный, шея длинная (какое слово, где три «е» подряд? — «длинношеее!»), ужасной длины нос, задевающий деревья, подбородок маленький, вообще нет подбородка, губы толстые, и руки в кулачки сжаты в карманах, а в голове пустота, усталость, а Тот идет впереди, чуть раскачиваясь, плотный такой, плечи покатые, курит, сволочь, и так шагают они вдвоем, и вон впереди уже их дом, где все они живут — и он, и Тот, и она, — и уже подходят они к дому, но не к арке сворачивают, а идут к центральному входу, там надо подняться по ступенькам, где на гранитной площадке три двери: направо и налево — входы в универмаг, а центральная — в подъезд, где он живет, проходной подъезд, и все пу-

тают, думают, что там тоже универмаг, и вот они подходят к ступенькам каменным...

...и по ступенькам поднимаются, светлеющим в темноте, Тот на ступеньку впереди, он сзади; две, три ступеньки, семь, поднялись на площадку, подходят к двери, и Тот открывает тяжелую дверь деревянную — или это он сам открыл? — да нет, Тот открыл и его пропустил вперед, и он вошел, и вот уже запах подъезда проходного, и темень, лампочка не горит, и тут опять сжало под ложечкой, но лишь на мгновение сжало и отпустило, потому что уже точно он знал: ничего не будет, ничего ему Тот не сделает, ничегошеньки; да и не собирался Тот ничего с ним делать, потому что — и это-то было самое ужасное, гаже этого уж ничего не было — что с ним можно было и так... и так с ним можно было... а они уже стояли у лифта...

...стояли у лифта — такая сетчатая клеть, и в ней лифт, и Тот нажал кнопку, и загорелось красное: «Вызов», и щелкнуло, загудело, и полгода — полгода! — спускался этот лифт, а Тот стоял спокойно, не курил уже, смотрел на красноватую лампочку «Вызов», сам освещенный тусклым красноватым светом, стоял, красная рожа, на лице тени резкие, гад, сволочь, на лампочку смотрел, еще папиросу достал, но не закурил, а он тоже смотрел на лампочку и себя видел в темноте подъезда, и уже спокоен вроде он был, то есть, конечно, по первому слою спокоен, по поверхности, на скулах румянец горячий чувствовал, и дышал ровно, и комка в горле нет, и что-то даже возникало уже такое ироническое, — и это самое было ужасное, что и прежде бывало в его жизни, и еще больше потом, когда возникало в нем это вот ироническое, вроде бы, и спасая от многого, но еще больше губя, хотя кто его знает, что лучше, — это потом он себе говорил: кто знает, что лучше, а в глубине-то души знал всегда, — но это позже было, а тогда уже показался черный шланг, кабель лифта, и щелкнуло, и остановился лифт, свет в кабине зажегся, и Тот спокойно взялся за ручку, открыл дверь железную сетчатую,

взглянул на него, сказал: «Иди», одно это слово сказал, и он вошел в кабину, вошел и даже улыбался кривовато, дескать, глупо, дескать, все это смешно, — в сущности, но Тот не видел улыбки его, да, может, ее и на лице-то не было, а только ощущение было этой собственной кривой улыбки, и вот он оказался в кабине лифта...

...и в кабине увидел столько раз виденные стенки деревянные лифта, исписанные густо, и закрылись за ним створки дверей со стеклянными окошками, но не сразу закрылись, потому что Тот придержал их рукой на секунду, и он вздрогнул, решил, Тот войдет сейчас за ним, но Тот не вошел, только створки придержал, поглядел на него медленными глазами и сказал: «Больше с ней не ходи» — или нет, сказал: «Чтоб я тебя рядом с ней не видел» — и еще спросил: «Понял?» — или не спросил? — но вот это точно: «Чтоб я тебя с ней не видел» — и ответа не ждал, не нужен был его ответ, и створки захлопнулись, и через стекла Того не стало видно, уже он сам отражался в мутном стекле, и Тот захлопнул стальную дверь, без злости, несильно захлопнул внешнюю дверь, и он подождал секунду, а видно за стеклом ничего не было, и потом нажал кнопку, и лифт дернулся и пошел вверх, и этажи пошли вниз — первый, второй, третий, — а он стоял в кабине и ничего не ощущал, ключом провел по стенке деревянной жирную царапину, и вот встал лифт на его этаже, и он вышел...

...вышел на площадку своего этажа, мутная тут лампочка горела, и он направился в темный угол к двери квартиры своей, и тут вот, в углу, резко — раз! — раз! — раз! — на, сволочь! — ногой! — в пах! — согнулся, гад! — на! ползи! — тварь! сука! — в рожу еще! — на!.. — и перевел дыхание, руки дрожали от схватки с воздухом, дверь открыл ключом, и вошел в теплый коридор, и соседке: «Здрасте», и она ему: «Здравствуй», а потом — дома никого у него не было, что ли? — в ванную пошел, заперся, долго в зеркало смотрел, испытывая что-то вроде того, когда сидишь в поли-

клинике зубной в коридоре и вдруг: «Следующий!» — и сердце — тук! — твоя очередь, и входишь, обмирая, в кабинет, а когда выйдешь, то вроде бы и ничего, вроде бы уже и не было этого беспомощно раззявленного рта минуту назад, и не дергался от ужаса под бормашиной, и только усталость остается, и вот что-то похожее на это было, когда заперся в ванной и в зеркало на себя смотрел...

...долго, долго смотрел в зеркало, рожу скорчил, замахнулся, ноздри раздул, согнул руку, напряг бицепсы могучие, кулак сжал, потом опустил руку, усмехнулся, к стеклу зеркальному приблизился, в самые зрачки себе посмотрел, потом отодвинулся, «Гад», — сказал, — о себе это он сказал: «Гад, сволочь», — о себе, потом еще усмехнулся иронически, плечами пожал, потом открыл кран, лицо умыл, вытерся и вышел из ванной, а потом — потом вроде какой-то провал, какая-то в памяти невнятица, неясность — будто вырезали из фильма какой-то эпизод: чик! — и фильм дальше крутится, а ты смотришь и видишь — вырезано что-то, но что — не понять, да и зачем оно было нужно, если в фильме и так все сходится? — но все же был ведь эпизод, был для чего-то, с целым фильмом связывался как-то, а вот — чик! — и...

...Тот вышел из магазина с пачкой «Беломора», подошел к мужику, который ждал его, и пошли они вдвоем и скрылись среди прохожих, а он посмотрел им вслед, постоял чуток, хмыкнул иронически: надо же, черт возьми, сколько лет. Интересно, узнал Тот его или нет, вряд ли, конечно, а может, и узнал, да вида не показал, а может, и не помнит он его вообще, даже скорее всего, не помнит, да и что помнить-то, господа, да и какая разница... И зашагал он по проспекту. Зашагал себе. Газету так и не купил, кстати...

СЮЖЕТ

— Ты не муж!

Логично. Раз я не желаю стоять, как идиот, в этой проклятой очереди, значит, не муж. У нас с ней уже давно все логично.

— Возможно, — достойно отвечаю я. — Хватит того, что ты моя жена.

— Словоблудие! — кричит она. — Ты посмотри, тут уже не повернуться!

— А ты поизящней, — бормочу я, отводя глаза от пустых бутылок, занимающих полкухни. — И дай мне спокойно поработать.

— «Поработать», — с невыразимым презрением произносит она.

Хлопает входная дверь. Я остаюсь один.

Сажусь за письменный стол. Чистый лист бумаги, вставленный в машинку, — мучительное зрелище. Говорят — сюжет. А что сюжет, когда его потом надо на бумагу.. С бутылками, кстати, надо что-то делать. Но вот так взять и сбить человеку рабочее настроение? Да, со всем этим надо что-то делать...

Я долго смотрю на машинку. Потом решаюсь, кладу пальцы на клавиши, и...

Звонок.

Открываю.

Яйцеподобная лысая башка на длинной нечистой шее, круглые очки, за которыми поблескивают бессмысленные глазки, рот растягивает сладчайшая улыбка — все это вырастает из невозможного цвета и помятости пиджака, под которым расхристанная рубашка с болтающейся пуговкой, — все это размахивает руками, сопит, кланяется, словом, выражает мне нежнейшие чувства любви и преданности.

Сосед в субботнее утро.

— Ми-шень-ка! — Соседа качает ко мне, и известный запах объясняет его радужное настроение. — Мишенька! Вы благороднейший человек!..

Ясно. Раз «благороднейший» — значит, три рубля.

Если «надо бы выручить», то рваненький. А «благороднейший» — нет, не меньше трешки. Откуда это у него? Нет, то, что я благороднейший, это как раз понятно — не отказываю, а вот откуда у него этот слог? Прямо какой-то чеховский приказчик, ей-богу.

— А супруга дома? — Сосед проникает с лестничной площадки в коридор. — Ирочка — благороднейшая женщина! — Тут он показывает мне три узловатых пальца и подмигивает. — Не извольте беспокоиться! В среду ав-ван-сик, все возверну в лучшем — нк! — виде...

Лысое яйцо на вертявой шее озирается по сторонам.

— Супруги-то нету?... Ай-ай-ай, Мишенька, ай, шалун! Ха-ха-ха!.. А моя-то стерва... — Тут изыски ему изменяют, тут он прост, как семейная доля. — Стерва-то моя, Мишенька, — он плаксиво кривит губы, — она ж меня била!.. Била же!..

Впрочем, тут же опять источает радостную улыбку, и, пока я достаю трешку, он уже просочился на кухню.

— Ай, по-соседски! — Он копачьим движением хватает зелененькую бумажку. — Ай, как славно-то! Не извольте беспокоиться!..

Я заверяю, что не изволю, и собираюсь выпроводить, но тут взгляд его падает на пустые бутылки. Сосед смолкает и сопит, слегка покачиваясь. Гбрный орел завис над добычей.

— Бутылочки, — нежно произносит он. — Ай-ай-ай!.. Все пишете, Мишенька, все пишете... Благороднейшее... И молочные тоже!.. А вот сейчас... Как сосед — соседу... Сейчас ты мне рюкзачок!..

От возбуждения он пританцовывает. Я несую рюкзак, очень в душе довольный. (Сосед влиятельный человек в торговом центре, где выступает то дворником, то подсобником, то кем-то еще. Так что неудобства я не испытываю. К тому же я предвкушаю ее реакцию, когда она увидит, что бутылок нет. И свое холодное достоинство: «В угоду твоим прихотям я должен жертвовать работой, в то время как ты...» И т.д.)

Сосед, сидя на корточках, причмокивая, сопя, приговаривая, запикивает бутылки в рюкзак и еще в две сетки — я, действительно, поднакопил... Лысое яйцо покрывается капельками пота. Навьючив на себя

рюкзак, с сетками в руках, он какой-то извивающейся походкой движется к выходу.

— Не извольте беспокоиться, — заверяет он меня еще раз.

Я опять даю ответные заверения, хотя неясное сомнение закрадывается мне в душу.

— Сейчас мы Генке... Натюрлих... Безо всякой очереди. — Голубой глаз подмигивает. — По-соседски...

Он с трудом переступает через порог, выходит на лестницу. Бутылки нестройно звякают.

— А уж за уважение-то рублик, это уж конечно, — бормочет он, подходя к ступенькам. — Это уж как вы благороднейший...

Я закрываю дверь. В сущности, нормальный мужик. Ну, позволяет себе, но ведь никогда никакого хамства. Откуда у нас вообще это право — сверху вниз? Что я о нем знаю? А сам-то, сам-то ты-то кто такой со своим снобизмом?..

С вялым самобичеванием нравственного порядка иду к письменному столу. Сажусь. Подношу пальцы к клавишам.

Грохот горного обвала раздается на лестнице. Невообразимый грохот и звон. Холодея, вскакиваю и выбегаю на лестницу.

Лестничным маршем ниже, среди неимоверной груды битого стекла, сидит горный орел, очумело вращая головой. Низвергнутый демон Врубеля — но живой. В руке он держит единственную уцелевшую баночку из-под майонеза. Увидев меня, демон, звеня осколками, поднимается и глядит с большим недоумением.

— По-соседски, — произносит он неуверенно, топчась на битом стекле. Но тут же приободряется. — Сейчас, Генке без очереди... Генка — благороднейший...

И он делает попытку продолжить спуск по лестнице. Я догоняю его, отбираю сетки и рюкзак, в котором не осталось ни одной целой посуды, собираю в кучу стекло, в три приема выношу на помойку.

...Когда она приходит домой, я сижу за письменным столом.

— Неужели?! — Ирония, удивление и торжество

звучат в ее голосе. — И не переломился?

— Не переломился, — честно говорю я.

— А как же очередь?

— Я без очереди, — сухо отвечаю я. — Сосед помог.

— Благородный человек, — замечает она. —

И на сколько же там было? .

Выхода нет.

— Черт возьми! — взрываюсь я. — Мне в этом доме дадут когда-нибудь работать не отвлекаясь? Я тут не болванки!.. Я пишу!

Она хлопает дверью.

Я поворачиваюсь и смотрю в окно. По двору покачивающейся походкой движется куда-то мой сосед. На лице его блуждает улыбка. В руке — майонезная баночка.

Еще один сюжет.

1982

в двухкомнатной квартире. Окна выходят во двор. Двор — правильный квадрат, стороны которого образованы пятиэтажными домами. Посередине двора под навесом стоят мусорные баки. Каждое утро приезжает мусоровоз, баки с отходами увозят, на их место с грохотом ставят пустые. Дубов встает рано и, пока жена готовит завтрак, наблюдает за сменой баков.

«Вот грохочут!» — думает он.

Потом идет на кухню, включает репродуктор.

«...Скошены на 27 миллионах гектар. По-хозяйски готовятся к зиме в колхозах и совхозах Башкирии...»

Дубов слушает и ест жареную картошку с мясом и пьет чай. Позавтракав, отправляется на службу. Работает Дубов в научном институте в должности старшего инженера, хотя высшего образования у него нет.

Придя в отдел, Дубов говорит: «Здравствуйте, Алексей Алексеевич», — начальнику и общее: «Здрасте», — сослуживцам.

Дубов усаживается за свой стол, проверяет, не запачкалась ли зеленая бумага, приколотая к крышке стола. Потом достает из стола нарукавники, надевает их, вынимает деловые бумаги, карандаши, бритву, резинки — чернильную и простую — и начинает работать.

Работает Дубов размеренно, методично. Начальство хвалит его, правда, не очень часто, но зато никогда не ругает. Однажды Дубова сфотографировали в галстук и повесили фотографию на Доску почета. Фотография висела год, а потом ее вместе с большинством других сняли и повесили новые.

Сослуживцы относятся к Дубову по-разному, но в целом неплохо.

Сам Дубов делит сотрудников на две категории. Первые — люди в возрасте, давно тут работают, они никогда не опаздывают, не выпрашивают в долг карандашик или бритву. Другие — в основном, молодежь. Любят покурить в коридоре, стоят да анекдоты травят.

В обеденный перерыв Дубов идет в котлетную, что напротив института, съедает котлету и выпивает стакан жидкости под названием кофе с молоком. Потом, если солнышко, стоит на улице с кем-нибудь, например с Петром Петровичем или с Солодовниковым, разговаривает про что-нибудь. А если холодно, то возвращается в отдел, садится за свой стол и до конца обеденного перерыва читает газету. Читает Дубов, начиная с первой страницы. Потом читает вторую, третью и четвертую. Прочитанное запоминает надолго. Наиболее важные международные события обсуждает с сослуживцами. Например, ураган в Японии.

Иногда по отделу проходит сбор денег на подарок кому-нибудь по случаю свадьбы или рождения ребенка. Дубов долго расспрашивает подробности, изучает список сотрудников, которые уже внесли, вносит тоже и при этом как-нибудь шутит. Потом эту шутку несколько раз повторяет с удовольствием.

Изредка Дубова выбирают — страхделегатом, или профоргом, или ответственным за народную дружину. Тогда Дубов становится беспокойнее, говорит громче, острее реагирует на безалаберность молодежи. Потом срок его полномочий кончается, и все входит в норму.

Перед концом рабочего дня Дубов снимает нарукавники, идет в туалет, моет руки с мылом, возвращается в отдел, убирает бумаги в стол, говорит начальнику: «До свиданья, Алексей Алексеевич», — и сотрудникам: «Будьте здоровы», — и выходит на улицу. Если утром жена велела, то заходит в магазин, а если нет — садится в автобус, едет прямо домой.

Дома Дубов обедает — уже по-настоящему: первое, второе, третье. Пообедав, ложится на кушетку и часок спит. Проснувшись, разговаривает с женой. Обсуждает с ней события на своей работе и на ее работе. Потом обсуждает прочитанные в газете международные новости. В кино Дубов ходит нечасто. Попадает обыкновенно на индийские двухсерийные фильмы. Зато смотрит много телевизионных передач. Особенно нравится ему развлекательная программа «А ну-ка, девушки!» Дубов выбирает себе какую-нибудь девушку и за нее болеет.

Из книг Дубов предпочитает военные мемуары. Читает их медленно, тщательно. Потом обсуждает с женой.

На праздники и дни рождения к Дубовым приходят гости. По большей части родственники жены. У самого Дубова родственников нет. Детей у них с женой тоже нет. Раньше Дубов жалел, а теперь уже не жалеет.

Гости садятся за стол, едят селедку, салат, соленые грибы, пьют водку, а женщины портвейн, а по телевизору идет «Огонек». Дубов пьет в меру, выпив, веселится, говорит про политику. Потом вспоминает анекдот, который услышал на работе. Рассказывает долго, конец перевирает. Потом объясняет смысл анекдота, несколько раз повторяет, смеется. Потом обсуждает последний фильм, что они с женой смотрели. Говорит, что артисты понравились и режиссер вообще хороший. И музыка хорошая. А фильм — так себе. Ни к чему две серии. Лучше бы одна, а то больно долго... Потом разговор переходит на то, что нет порядка. С этим все соглашаются, принимают рассказывать, где именно нет порядка.

— Захожу вчера в магазин... — начинает родственница жены.

Все слушают, кивают, соглашаются. Дубов тоже кивает. Потом кто-то опять говорит:

— А я вчера прихожу...

И опять все кивают, сочувствуют.

Потом разговор заходит о зарплате. Начинают вспоминать, кого из знакомых повысили, кто много получает, кто по справедливости, а кто зря. Про это говорят долго, до чая.

Во время чая говорят про разное, касаются жилищного вопроса. Кто в кооператив вступил, кто менять собирается. Начинают спорить, какой район в городе лучше. Спорят долго, но потом кто-то скажет: «Всяк кулик свое болото хвалит», и с этим все согласятся.

Потом гости уходят. Дубов помогает жене унести в кухню посуду. Потом, сопя, раздевается, заводит будильник, залезает в постель.

— Хорошие люди, — говорит ему жена про гостей. Дубов уже не слышит — спит.

Сначала ему ничего не снится. А потом опять возникает тот сон. Война, и он бежит, и в него стреляют, и он кричит, и в него опять стреляют, и он умирает, а потом появляется дикторша Центрального телевидения, и у нее лицо Лиды, когда она еще не была женой Дубова, и она улыбается и машет Дубову, и он к ней идет, идет, а ее уже нет, а он включает телевизор, а телевизор не работает, но он точно знает, что там, за экраном, Лида, и он стучит по экрану, только это уже не экран, а дверь, и она не открывается, а он все стучит, стучит, стучит, а она не открывается...

Утром Дубов просыпается и некоторое время лежит с открытыми глазами.

Жена говорит ему:

— Ты все же лишнего вчера выпил. Уж и кричал во сне, и ворочался. Что снилось-то?

Она идет готовить завтрак.

Дубов встает, подходит к окну. Что-то смутно беспокоит его, что-то такое вроде вспомнить надо, что ли? Только что вспомнить? Про него самого или про что-то другое?

Стоит Дубов, смотрит в окно. «Вот грохочут», — отмечает машинально.

— Ты что? — жена заглядывает в комнату. — Опоздаешь!

Дубов вздрагивает, отходит от окна, идет на кухню.

«...Дополнительные обязательства приняли труженики рыбохозяйственных предприятий области...»

Дубов сидит, ест. Сперва не слушает, думает о чем-то. Потом начинает слушать.

«Ну, зачем я иду?» —

подумал Катышев и усмехнулся даже, потому что очень хорошо знал зачем, и это «зачем» даже двусмысленным не было, а вполне односмысленным.

Вот он, дом. Старый, крепкий, темный. А перед ним — гастронорм маленький, и возле него всегда какие-то мужички неопрятные толкуются. Зашел Катышев в гастронорм, постоял перед витриной отдела винного, подумал, что взять — за два тридцать рислинг или портвейн марочный. Взял рислинг, положил в портфель, вышел из магазина. «Надо было портвейн взять», — подумал. «Скотина», — это про себя. Но хотя отчетливо произнеслось внутри него это слово, но по-настоящему скотиной он себя не ощутил, не почувствовал. И это не удивило его, скорее, огорчило привычно. И, усмехаясь, как это он тонко свои эмоции анализирует, Катышев уже сворачивал под арку.

Прошел во двор, а там, у ящиков посудных, опять какие-то мужики соображали, грузчики, что ли, и мимо них прошел Катышев и в угловой подъезд вошел. На лестнице воздух плотный стоял, не перемешивался, и чуял Катышев запах жареной рыбы и еще какие-то запахи. Эти запахи всегда здесь были, сколько Катышев помнил.

А сердце, между прочим, у него все-таки забилося. И хоть ровно он по лестнице поднимался и не быстро, а все равно у двери постоял немного, с дыханием справляясь. Дверь темно-коричневая, широкая. Наверху эмалевый номер стертый. Вдохнул Катышев и кнопку звонка тронул.

За дверью сипло звякнуло. Теперь Катышев уже сильно жалел, что пришел. То есть сильнее, чем до того, как позвонил. И это ему знакомо было — так раньше тоже бывало.

«Дома нет», — подумал Катышев, и с облегчением, и зная, что если нету дома, то он жалеть будет.

Зашуршало за дверью, замок щелкнул, дверь приоткрылась.

Она стояла в дверях и на него смотрела. Ну, ясно, не ожидала она его, конечно, но видел Катышев, что и не удивлялась.

— Это ты? — спросила она.

— Я, — сказал Катышев. — Это я.

— Заходи, — сказала она. — Только я в таком виде...

— Все нормально, — сказал Катышев, входя. — Нормальный вид.

Он обернулся и стал за собой дверь запирать.

— Входи, — сказала она. — Я закрою.

— Валяй, — сказал Катышев бодро. Так бодро, что даже противно ему стало, и про себя он выругался, а потом вдруг решил, что все нормально, чего в самом деле...

Снял плащ, на вешалку повесил, и кепку повесил.

А она входную дверь защелкнула, к нему обернулась. А на ней халатик какой-то красный был, выцветший. Отдыхала, наверное спала.

— Ну, привет, — сказал Катышев и улыбнулся. Очень широко он улыбнулся. — Ты спала, что ли?

— Читала, — сказала она. — Заходи, только не пугайся. У меня там беспорядок.

— У всех беспорядок, — пошутил Катышев. Так он, значит, пошутил.

И она пошла из коридора в комнату.

И Катышев пошел.

И вот они сидят — он на диване, а она на стуле, а между ними стол круглый, скатертью покрытый, а на нем — рислинг и два бокала (или фужера?) и две пачки сигарет — «Опал» и «Столичные». И уже она его спросила: «По пути зайти решил или специально?» — и уже они поговорили про его работу, и про ее работу, и про знакомых, и Катышев ей два анекдота рассказал, а она посмеялась, и она ему рассказала, что на автобусе в Таллинн ездила, а там дождь лил, а Катышев сказал, что надо бы и ему поехать как-нибудь, а то он уже давно не был, потом еще они про фильмы поговорили. А потом все, выдохаться стал этот разговор — разговор просто так.

И вот они сидят, и Катышев курит молча, мужественно так курит, и на нее задумчиво так смотрит, и она тоже молча курит, но не мужественно и не задумчиво, а обыкновенно.

— Да, — медленно говорит Катышев, — Такие дела. И хмурится.

«Ну, артист!» — думает он про себя. И хмурится.

— Какие дела? — спрашивает она и усмехается.

Но не обидно, и не над ним она иронизирует. А так, ситуация. Была уже эта ситуация... Сидит, курит, нервничает. Красиво он курит... И глазами своими серыми смотрит. Грустные у него глаза. У него вообще такие. Прямо даже жалко его становится. Хотя непонятно почему. Непонятно, а вот хорошо, что он пришел... Смешно все это ужасно...

— Такие дела, — говорит Катышев. — Помнишь, у Курта Воннегута? «Такие дела». Читала «Бойню»?

— Я не читала, — говорит она.

Катышев гасит сигарету, берет новую, потом наливает остатки вина в фужеры (или бокалы?) и говорит:

— Давай. За улучшение нашего состояния.

— Спойть меня хочешь? — спрашивает она. И пьет.

— Зачем? — спрашивает Катышев и на нее смотрит.

— Не знаю, — говорит она вроде как шутя. Все она знает. И он все знает. Потому так и говорит. Потому что это уже разговор не просто так.

— А я пластинку новую купила, — говорит она. — Челентано. Хочешь, поставлю?

— Поставь, — говорит Катышев. — Послушаем Чиполлино.

— Темный человек, — говорит она. — Челентано.

Она подходит к проигрывателю, включает, ставит пластинку.

Сумрачный сладкий голос wpłyвает в комнату, скользит вдоль стен, поднимается шатром к потолку, окружает, обволакивает, впрыскивает в сердце тревогу...

И Катышев на нее смотрит, а она сидит, рукой в такт покачивает, и сигарета покачивается, и дымок рвется на мелкие спиральки...

И Катышев встает, начинает ходить по комнате. Потом к окну подходит, стучит пальцами по стеклу в такт. А Чиполлино поет. Иголка поскрипывает. А она

неподвижно сидит. И вот Катышев подходит к ней и руки на плечи кладет.

А она сидит неподвижно, только пепел с сигареты падает. А он отбирает у нее сигарету и гасит.

— Хулиганишь, — говорит она.

И на него снизу вверх смотрит.

И он к ней наклоняется, целует в губы. И еще.

И еще...

Потом она отстраняется и на него долго смотрит.

И Катышев спрашивает потом: «Что ты?» — и снова целует...

Потом она снова отстраняется и говорит: «Подожди», — и выходит из комнаты.

И Катышев один остается.

Музыка кончилась, иголка уже у самой этикетки шипит. Катышев подходит, снова пластинку пускает. Потом к зеркалу подходит. А в зеркале красный Катышев стоит, и волосы у него встрепаны, и Катышев смотрит на Катышева и подмигивает. И Катышеву, который с этой стороны смотрит, смешно делается, и оба Катышевых ухмыляются. «Кретин», — думает этот Катышев, и Катышевы расходятся по своим комнатам, садятся на диваны, и этот Катышев правой рукой волосы приглаживает. И тот Катышев приглаживает — левой. И вот слышны ее шаги в коридоре.

И Катышев смотрит на дверь.

И дверь открывается.

И она входит.

И подходит к нему.

И становится совсем рядом.

И проводит рукой по его лицу.

И он притягивает ее к себе.

И касается ее губ губами.

Потом все исчезает.

Времени нет. Пространства нет.

...Сначала появляется пространство...

Оно возникает из тумана, и все оно — это ее лицо рядом и глаза закрытые. Потом они открываются, смотрят на Катышева и закрываются снова... И туман начинает редеть. Сначала медленно, потом бы-

стрей, и пространство расширяется, заполняется предметами...

Потом возникает время. Его показывают часы на руке Катышева, которая перебирает ее волосы. И Катышев смотрит и замечает время, вернее, не время, а который час. И помимо воли отмечает: «Нормально».

Потом они курят. Катышев смотрит на дым, мысль у него все яснее работает. Потом он слышит, как иглока шипит. И говорит Катышев: «Кончился Чиполлино». И голос хриплый у него.

А она молчит, не думает ни о чем. Только веки тяжелые. И не хочется, чтоб он уходил. Не хочется — и все. И она курит молча.

А Катышев уже докурил.

Потом она встает и что-то говорит Катышеву, а он что-то отвечает. И она халатик набрасывает, выходит из комнаты.

Встает Катышев, в порядок себя приводит. Подходит к зеркалу снова. Смотрит на Катышева. Потом оба Катышевых причесываются. Что-то в их лицах изменилось, а что — не понять. И этот Катышев тому подмигивает. И тот этому. Потом опять Катышевы расходятся, закуривают.

Потом она в комнату входит, подсаживается к Катышеву, сигарету берет. А он ей спичку подносит.

— Хочешь кофе? — она его спрашивает.

— Не надо, — говорит Катышев. — Я его вчера столько выпил — видеть не могу.

Это он врет. Просто внутри уже метроном защелкал.

— А ты выпей, если хочешь, — говорит Катышев. — Давай!

— Ладно, — говорит она. — Потом.

И сидят они, курят. Пластинка крутится. Челентано поет. Приятная песенка такая.

Сидят. А у Катышева внутри уже все, как у спринтера на старте. Только выстрел он сам должен сделать. «На старт, внимание...»

Но она сама говорит:

— Пойдешь?

— Надо, — говорит Катышев и усмехается муже-

ственно-печально. Мол, ты же все знаешь. Мол, что тут говорить. Мол, и так тяжело.

— Надо, — повторяет она. — Надо, Федя.

И вот Катышев встает, и она тоже, и выходят они в коридор.

Катышев надевает плащ, берет портфель в руку.

— Сигареты забыл, — говорит она. И хочет вернуться.

— Не надо, — говорит Катышев. — У меня еще есть.

И стоят они, друг на друга смотрят.

— Пошел, — говорит Катышев мужественно-печально.

— Пока, — говорит она.

Открывается дверь на лестницу, выходит Катышев, оборачивается, смотрит.

Так он на нее смотрел, будто что-то хотел сказать. Но ничего он сказать не хотел. Поиграл желваками, повернулся круто, рукой махнул и вниз пошел. «Артист!» — про себя подумал.

Только когда два марша прошел лестничных — услышал: дверь захлопнулась. Расслабился он тогда, свободнее зашагал. Во двор вышел, замедлил шаг — ее окно во двор выходило. Сейчас оно горело — свет зажгла. Посмотрел Катышев, в окне ее не увидел — и вышел через арку на улицу.

Вдохнул глубоко — и пошел, пошел, пошел...

И ощущал Катышев облегчение, чуть не радость. И еще злость, ярость какую-то. Он даже головой замотал на ходу, быстро шел — почти бежал. У метро в телефонную будку заскочил, домой позвонил, что едет. «Пошлее не бывает!» — подумал и головой мотнул.

В метро вошел, спустился по эскалатору, сел в поезд, достал из портфеля «Юность», раскрыл. Сперва вчитаться не мог, потом вчитался. И отпустить стало внутри, успокаиваться. Вышел из метро — еще было там беспокойство, муť какая-то. И когда к дому шел — было. И когда домой пришел, и весь вечер — все еще было. А потом спать лег, провалился...

А утром встал — и уже ничего не было. Ну, может, чуть-чуть закрывшиеся. Потом открылись, выдохнул Катышев и закрывается. И пошел — пошел

И в кого он у нас такой?

Казалось бы, родной брат. Но совершенно ничего общего. То есть, конечно, мы с ним похожи. Я похож, и он похож. Но он похож больше. На меня посмотришь — еще надо подумать: может быть, да, а может быть, и нет. Тем более у меня фамилия матери. А у него фамилия отца, и если у кого-то еще были сомнения, так он скажет фамилию, и все, уже никаких сомнений.

И потом — кто так показывает паспорт? Я показываю так, что ничего не видно, я там палец держу. А он приходит — и отдает в раскрытом виде. Он им отдает, и они читают, и видят, что первое ощущение их не обмануло. Я ему сто раз говорил: «Не ходи с паспортом на почту. Скажи, забыл. Дай им партбилет». Так он мне устраивает скандал, кричит, что у меня, конечно, много плюсов, но то, что я ему такое говорю, — это мой самый страшный минус.

Я ему говорю:

— Ты на свои минусы посмотри!

У него только в очках — минус пять. На каждое стекло. Вы бы видели эти очки. Он в них как Чернышевский. Только борода меньше, а нос больше. И еще у него огромный минус — он не может пить. Вот ему говорят: «Пей!» — он говорит «Я не пью». И все, конечно, переглядываются, и правильно, потому что зачем этот вызов?

Положим, я тоже не могу пить, но если надо, так надо. Если надо, я слава богу, и матом умею, и сморкаться пальцем научился. Не сразу, конечно, пару костюмов испортил, но сейчас уже получается прямо на тротуар.

А этот, видите ли, не может на тротуар. Он даже само слово «тротуар» по-человечески сказать не может. Я ему сто раз говорил, сходи к логопеду. Или, по крайней мере, молчи на букву «р». Тебе других букв мало? Тебе обязательно надо, чтобы тебя слышали? Достаточно того, что тебя видят.

Вот мы с ним едем в троллейбусе, и на остановке входят люди, и среди них один, на фоне которого остальные кажутся трезвыми. И конечно, говорит слова, которые не при дамах, вернее, он их прямо этим дамам и говорит, но все дамы спокойно себе едут и не обращают внимания, потому что они нормальные, а этот не первый и не последний. Но мой-то — ненормальный, он же не может не обращать внимания. Он к этому подсакивает и кричит:

— Прекратите безобразничать!

Он же не соображает, что в этой фразе три «р».

Он так это говорит, что все забывают про того, со словами, и смотрят только на этого сумасшедшего.

А тот ему, конечно, предлагает катиться, если тут не нравится. На что мой кричит, что ему и тут прекрасно и что это его родина (еще три «р»!), и лезет в драку, и сколько мне стоит здоровья, чтобы достать его из милиции! Тем более, что он-то даже не пил...

Или как-то мы идем с ним и подходим к ларьку, где продаются газеты, и все нормальные люди покупают нормальные газеты. Так он подходит, и при всех просит этот журнал, где буквы идут в другую сторону. И хорошо, что многие не знают всей правды, и думают, что это арабские.

Я ему говорю:

— Положи в портфель, дома считаешь.

Он говорит:

— Это что, порнография?

И начинает читать в метро, и еще бормочет вслух, и люди это слушают и смотрят — в общем, я имею ту дорогу.

А что было с ребенком!

Когда мальчик родился, он заявляет:

— Я хочу назвать его в честь нашего дедушки, пусть ему земля будет пухом.

Я говорю:

— Не будь большим идиотом, чем ты есть. Дедушке уже все равно, а мальчику с этим жить.

Так он кричит, что с таким, как я, ему вообще не о чем говорить, и так называет ребенка в честь дедушки. И это, конечно, драма, но слава богу, не тра-

гедия, потому что он же мог назвать мальчика в честь дедушки с другой стороны.

А эта история с диссертацией!

Он над ней столько сидел и нажил такой геморрой, что ему можно было давать степень автоматически — причем не только по этим водорослям, но и по инвалидности. И вдруг он приходит и говорит, что его не допускают к защите. Якобы слабое экономическое обоснование. Я говорю:

— Ну, конечно. Значит, у всех сильное обоснование, а у тебя слабое. Не будь большим идиотом, чем ты есть!

Так вместо того чтобы сказать «спасибо», он говорит, что, между прочим, обоснование таки могло быть лучше. И садится писать новое обоснование.

Я говорю:

— А если тебе теперь скажут, что там у тебя слабое историческое обоснование? Или географическое? Или вообще плохой почерк? С твоей головой надо жить там, где этого не скажут!

Так знаете, что он бормочет? Он бормочет, что почерк у него, действительно, поганый.

Я ему говорю:

— Осел, куда ты лезешь? Это же стена! Стене можно что-то доказать с той стороны. А ты хочешь с этой! Где ты этого своего упрямства набрался?

И он на меня смотрит и вдруг говорит:

— Это не я набрался, это ты потерял.

И тогда я смотрю на него и думаю, что кто-то из нас двоих идиот. Но поскольку одна из этих двух версий меня не устраивает, я кричу ему:

— Осел, сходи к логопеду!

1977

ПОСТСКРИПТУМ

— Ну, давай, будь здоров...

Ну так вот, я тебе серьезно говорю: я вообще это все упразднил к чертовой матери, понимаешь... Я б официально двоеженство разрешил... Я тебе точно говорю — назрело... Нет, нет, мне больше не наливай... Ну, ладно, полрюмочки... А в целом, я тебе откровенно скажу: скотина я, конечно, изрядная. То есть, что значит — скотина... Я же ничего ей не врал. Никаких там обещаний, никакого вранья. Все она знала про меня — и что жена, и что парень. Все это она знала. Это я молодец, я ее, понимаешь, информировал... Будь здоров... А ты вообще-то ее видел? Да видел, тогда, помнишь, в машине — это она и была. Ну да, вот эта пигалица... Я помню, сперва тоже так глазом скользнул — ну, девочка как девочка, у меня таких девочек пол-отдела... Я даже и не помню уже, как это мы с ней первый раз разговорились. Вроде подвез ее после работы, что ли, я в ту же сторону ехал. Дай, думаю, подвезу, ну, не первый класс девочка, ну, пусть будет, думаю... Ну куда ты льешь столько? Мне же нельзя... Да. «Не первый сорт». Скотина, конечно... Оказалось, я себе чудо в машину посадил. Она, как тебе объяснить... Ну, мы же все сегодня уже из синтетики сделаны, уже настоящего мало, понимаешь, в нас, все какие-то заменители. А эта девочка — она вся из натурального... Ну, из кислорода там, из углерода — но в чистом виде, без примесей... И я рядом с ней — ты пойми, я же ее вон на сколько старше! — я с ней вдруг задышал иначе, я свежим воздухом задышал... Сам пей, я пропущу... И думаю: «Боже мой! Вот же оно! Вот! С неба свалилось! Да за что мне этот подарок?...» И она ко мне тоже... «Ничего от тебя не надо, ты есть — и все». С одной стороны — как ребенок. А то вдруг как скажет что-нибудь! Ну, думаю, птица, откуда в тебе этой мудрости?... И главное —

все естественно, понимаешь. Все как в кошке, никакой игры специальной, чтобы, скажем, удерживать как-то. Наоборот! Давай, говорит, бросай меня. Семья — святое дело. Давай бросай... Вроде как на-смешка, а это она серьезно, понимаешь. Да. А тут моя уже тоже... Ну, ты же ее знаешь — ну, баба, до мозга костей, несмотря на все свои дипломы... Ты еще сам-то не знаешь, чего там у тебя, а она уже чувствует... Ну и поехало. Мол, все бывает, я все понимаю... Но подумай, мол, у нас ребенок, сколько лет живем... Решай, мол, сам, думай, мол... Давай — за встречу! Все, мне больше ни-ни... В общем, что сказать? Жил почти год, как Джеймс Бонд. Только без права на убийство. А то бы кого-то убил бы из нас троих. Да не убил бы, кишка тонка... А уже при этом весь страхом препитался — и эту потерять боюсь, и рвать со своими страшно; вроде и верно, не мальчик уже, и как там дальше чего будет... Нам же гарантий охота, понимаешь. И главное, если б они меня как-нибудь провоцировали, я б решил чего-нибудь. Так ведь нет, этой помощи мне от них не было. Та ничего не требует, а эта себе ждет... Причем вот они с моей не то что разные — они как все равно позитив с негативом: что тут белое — там черное, и наоборот... И вдруг, буквально в один день, мне обе: трус ты, мол, братец. Обе! Не сговариваясь! В один день, понимаешь... Ну, плесни-ка чуть-чуть... Ну, в общем, моя, наверное, умнее оказалась. «Все, — говорит. — Мне надоело. Давай уходи. Хватит». То есть дождался провокации. Ну и страх в эту сторону больше сделался... И от страха — решился. Ну, когда это было? Две недели уже. Да. Встретил, как обычно... Ключи взял... Поехали. Она уже в машине все поняла. Я вижу, мне уже ничего говорить не надо, уже она все знает. А я себя убийцей ощущаю, и уже мне хочется все переиграть — и чтобы все наоборот, понимаешь?.. А она говорит: «Только ты не говори ничего. Все нормально. Дурачок. Давай шампанского выпьем где-нибудь». И веселая-веселая сделалась. Ну, потом прорвало, конечно,

но так, на секунду. Выпили мы этого шампанского. Мне и в глотку-то оно не идет. «Все, — говорит. — Только не звони». Ну и все. Я первые дни с ума сходил. А потом... Да нет, и сейчас иногда так станет... Нет, все верно — на кой дьявол я ей такой? Я ей не соответствую. Но ты понимаешь, она же как кусок природы! Вот ты меня сколько знаешь — ты помнишь, чтоб я так вот сидел и кишки наизнанку выворачивал? Банальная история, конечно. Помнишь этот фильм был — «Осенний марафон»? Ну вот... Я думаю: ну а скажи она мне, к примеру, что ребенка ждет? Ну вот что бы я сделал? Думаешь, я знаю?... Значит, не любил я ее, что ли?... Значит, я вообще не умею, понимаешь. Я ж тебе говорю — все заменители какие-то: жалость, привычка, инерция, страх, главное. И вообще, уже парню моему девчонки по телефону звонят. А мы уже с тобой ребята подержанные, уже должны мозгами жить. Ну вот я сделал все мозгами. И кому лучше от этого? Моей? Ну, может быть, хотя она мне этого никогда не простит внутри. Не покажет, а не простит... Парень вырастет. А она? Тоже выживет, конечно, она мне так и говорила: делай как хочешь, выживу! Хорошее слово... Ну а ты-то сам? У тебя вроде тоже одна жизнь!.. Вот я думаю — взять и позвонить! И что? Все снова?... И потом — пошлет она меня... А может, и нет... А может, позвоню, а она мне: я замужем. Ну и правильно... Я тебе говорю: неправильно все. Я бы ввел двоеженство. Ну почему двоих нельзя любить-то? Сделать все законно, де-юре. Ну, может, госпошлину брать за это. И чтоб аморалку не шили. Раз всех устраивает. Как в исламе. Смеешься... А я ее во сне через день вижу, пигалицу эту чертову... Ну да, ясно, время лечит, и все такое. Ну и вылечит — и что? Тишь болотная... В общем, я так скажу: не дай тебе Бог... А к двоеженству придут, точно говорю. Вот возьму — позвоню... Да ладно, шучу... не позвоню... Давай допивай! Пойдем... Нет, я не буду больше... И так боюсь, гаишник останавливает. У них возле нашего дома пост, ты же знаешь...

...Нет, мать у меня, конечно, — в цирк не надо ходить! «Иди, — говорит, — к юристу, пусть посоветует». Я ей говорю: «Мне главное, чтоб ты перестала советы давать». И сестрица тоже: «Я говорила, я предупреждала. Ну, вот и получила. За что боролась, на то и напоролась...» Обе до смерти надоели. Мать прямо с утра начинает: «Что теперь будет, что теперь будет». Я ей говорю: «Что будет-то? Что со мной будет, с тобой два раза было: нас у тебя две дочки. А сколько еще могло быть, я у тебя не спрашиваю». Я ей сказала — она мне по морде. «Дура! Ты не понимаешь! Это так опасно — особенно первый раз!..» Опасно... Первый раз все опасно. Гагарину вон тоже опасно было, он же полетел! Значит, хотел очень. А когда хочешь, про опасность не думаешь. А сестрица: «Сама виновата, доигралась! Ты знала, что у него семья!..» Ну и что? Ну и знала. Сама бы помолчала лучше насчет семьи. Я тебя, по-моему, не спрашиваю, с кем ты на лыжах катаешься, когда Колька в плавании. Семья... Банально до ужаса. Как в кино: она его любит, а у него семья. Ну, знала, знала я, что у него семья. Знала. От матери умрешь. «Ты, — говорит, — ему на работу сообщи. Пускай они меры к нему примут». Я говорю: ага, я сообщу, они меры примут — и у меня все рассосется. Я говорю: и не смей его подлеем называть! Я говорю: что ты вообще понимаешь? Что ты в людях-то понимаешь? Кого ты видала в жизни-то в своей, кроме нашего папочки? Ну и молчи... «Подлец». А что он подлого сделал? Он что, меня обманом заманил? Он мне что, соврал что-нибудь? Я говорю: тебя же, я знаю, только одно волнует. Так ты не бойся, у нас сейчас не каменный век. Сейчас это — на раз. Да-да, за что боролась, на то и напоролась. И не жалею ни капельки. Потому что у меня, по крайней мере, такое было, чего вам и не понять никогда... Да за один тот день... Дождина жуткий, дороги вообще не видно, а мы идем — сто. У него одна рука на баранке, другая у меня на плече. И музыку включил... И смеется:

«Сладкая жизнь мелкой буржуазии». Здорово! Чуть не убились... А тот день, когда на пляже... Такое место нашли — полжизни! Солнце, песок и, главное, никого! И мы рядом лежим, и он мне что-то рассказывает. Говорит, говорит... А я лежу, глаза закрыла — ничего не понимаю, что он говорит, и мыслей никаких в голове. Только — что рядом, и все... Один такой день и был... Нет, конечно, были... Но такой — один... Самое смешное, я, в общем, всегда знала, что так будет. Я же видела все время, как он мучается. Он потому что ужасно порядочный. Я и не встречала таких. Он врать совершенно не мог. Ну а тут все время мучился, потому что все время приходилось врать. Ему же все время надо было отсюда ко мне уходить — и там врать. А потом от меня уходить. Ну, мне-то он не врал, но ему казало́сь, что мне он тоже врет. В общем, смех. Как в кино в этом — «Осенний марафон». Мы вместе смотрели. Смешной фильм, хороший. Неелова там классная. А я ему сказала: чего ты мучаешься? Я тебя люблю. Мне от тебя не надо ничего. Вру, конечно. Мне его ужасно хотелось вырвать отсюда, я б, наверное, даже и смогла. Только он бы потом мучился... А может, и не смогла бы... А он, смешной, Господи... «Я, — говорит, — без тебя не могу!.. Но понимаешь...» Да молчи, говорю, дурачок, все я понимаю... Ну, в общем, вот так... Ну а тогда он пришел, еще ничего не сказал, я поняла: все. Он там что-то начал, что-то хотел объяснить... Дурачок. Хотя ему тоже несладко было... Ну, я говорю: «Так! Шампанского сюда! Прощальный банкет!..» Потом заорала чего-то, как дура, вся в соплях... Потом ничего, шампанского выпили... Ну, первое время, конечно, каждую ночь подушку — насквозь, это уж как положено. Потом нормально... Сестрица только достает: «А может, оставишь?» А мать тут же: «Оставишь! А кто же ее с ребенком-то?» Вот дуры, ей-богу... А вот интересно, что бы он сделал, если б узнал? Ага, позвонить его жене: так, мол, и так, хочу поделиться большой радостью. Как посоветуете назвать?.. Вот интересно, когда у других — так вроде,

до чего банально, а когда это с тобой... Ну ладно, за что боролась... Значит, ему так надо было. Значит, так должно было быть... А мать с сестрой жалко. Сестрица-то мне, точно, завидует... Ничего, выживу, Господи, о чем речь... А захочу — оставлю, и все... Сидит небось сейчас дома у себя с женой... Решил он!.. Ну, ну, тихо, тихо... Все нормально... И чтоб не приставали ко мне больше с этим... У нас это на раз. У нас не Италия какая-нибудь. Это там, говорят, папа против... Только бы он не позвонил... Только бы не позвонил... Только без глупостей...

1983

Уехал милый мой дружок,
Уехал от меня.
Сказал, прощай. Сказал, прости.
И отвязал коня.

Видать, в далекой стороне
Живется веселей —
Пьяней вино, и слаще мед,
И звонче соловей.

Немало слез я пролила,
Но день бежал за днем,
И сердцу своему забыть
Велела я о нем.

Но слышу как-то поутру
Знакомый стук копыт,
И вижу — милый мой дружок
Ко мне стрелой летит.

Знать, птичка в дальней стороне
Невесело поет,
Видать, с кислинкой там вино,
Видать, с горчинкой мед.

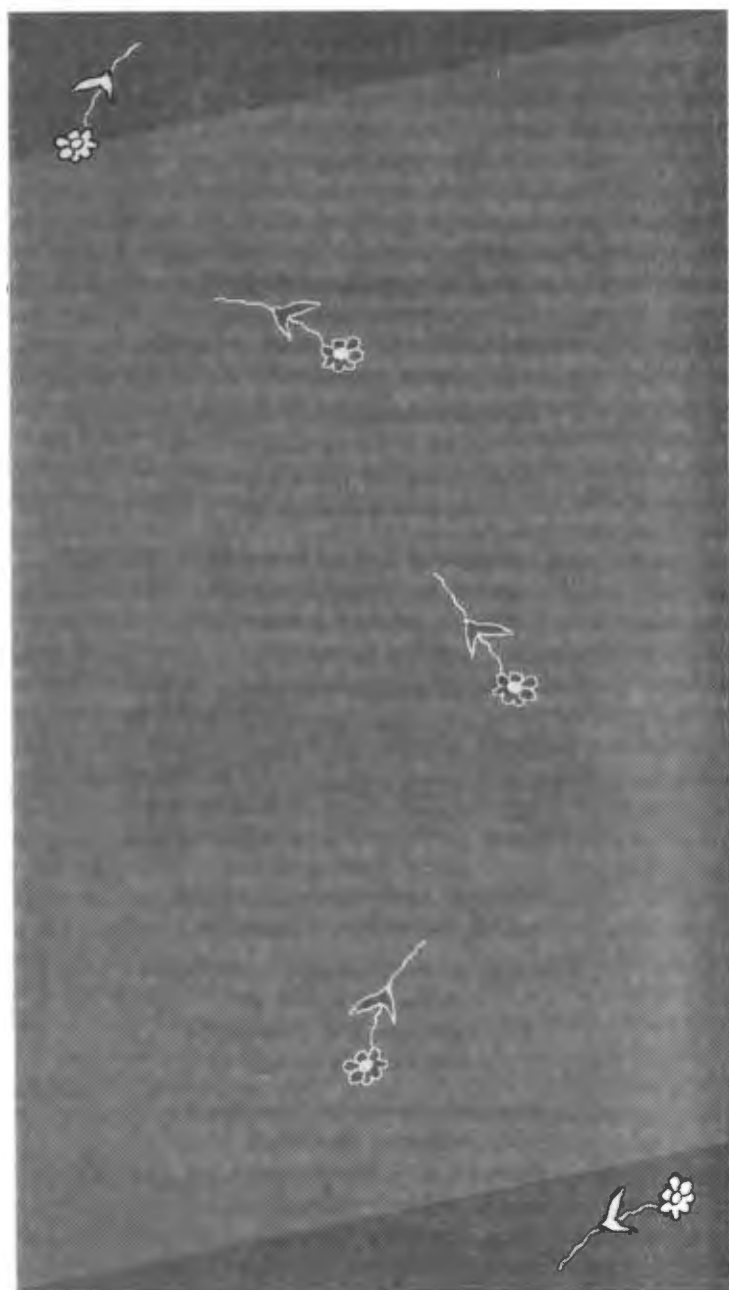
«Прости — промолвил мой дружок,
Не глядя на меня, —
Позволь, я снова привяжу
Здесь моего коня».

Простить неверного дружка
Достанет мне ума.
Но день придет — и на коне
Я ускачу сама.

VI

Он был у нас

ПРО АВТОРА Константин РАЙКИН

Михаил Мишин
возник в моей жизни лет 25 тому назад,
когда мой отец выбрал для своего готовящегося
спектакля несколько его монологов.
Его чувство юмора, философичность, лиризм,
интеллигентность привлекали папу,
и в результате Мишин стал
практически единственным литературным автором
одного из лучших спектаклей театра миниатюр
«Его величество театр».

Мишин — театральный человек,
остро и глубоко чувствующий современность.
Это в свое время подтолкнуло меня
пригласить его литературным автором
спектакля «Лица»,
поставленного Валерием Фокиным с молодой
труппой Театра миниатюр, — то был первый
спектакль зарождающегося «Сатириконе».
Этот спектакль, как и «Его величество театр»
имел огромный успех,
не раз вывозился за рубеж и прошел около 500 раз.

Мишин — прекрасный переводчик
иностранной драматургии.

Его переводы стильны, остроумны, ритмичны,
легко ложатся на язык.

В его переводах игрались и играют
знаменитые театральные спектакли.

«№ 13» — во МХАТе,
«Такие свободные бабочки» — у нас в «Сатириконе».
Лично я всегда жду от Михаила Мишина
новых драматических подарков...

Неумное дело быть еще одним «воспоминальщиком».

Тысячи знали его дольше.

Сотни — лучше.

Не повториться, говоря о нем, невозможно. Превосходных эпитетов у меня не больше, чем у других.

Но трудно и промолчать. Сколько, в конце концов, на нормального человека приходится встреч с гениями?

При личном знакомстве больше всего поразило, что он — есть. Оказалось, Аркадий Райкин — это не только где-то там, за облаками, в вышине, в телевизоре... Живой, оказывается. Сидит на стуле, переодевается, кушает ломтик очищенного яблока, смеется тихонько.

Вообще хохочущим его не помню. Чаще улыбался. Иногда смеялся почти беззвучно.

Артистизм определить невозможно. Бывают неартистичные артисты. Бывают артистичные неартисты. Он был августейшим воплощением артистизма. Его хотелось фотографировать в каждый данный момент времени. Говорят, у японцев есть такая приправа — у этих японцев все есть, — которая делает вкус курицы еще «более куриным», вкус рыбы — еще «более рыбным», и тому подобное. Вот в нем самом как бы была эта приправа. Он, казалось, сам себе постоянно подыгрывает. Если он уставал, перед вами был не просто усталый человек, нет, перед вами была картина «Усталость». Если он сердился — это было какое-то уже абсолютное негодование, когда же он был грустен... О, вы видели саму Грусть, печально грустящую своими невыразимо грустными глазами...

Как-то в начале нашего знакомства он позвонил поздно вечером, что-то около двенадцати. (Вообще это льстило. «Тут мне вчера Райкин звонил...» Знакомые немели...)

— Вы ночная птица? — грустно спросил он. — Вы сова или жаворонок?

— Сова, — ориентируясь на его интонацию, соврал я.

— Может быть, вы сейчас ко мне приедете? — еще грустнее сказал он. — Если вам не трудно...

«Трудно!»

Мчусь к нему на Кировский.

Встретил грустной улыбкой. Посадил напротив себя за маленький столик. И вздохнул так печально, что у меня зашипало в носу.

— Мишенька, — очень тихо сказал он. — Я думаю, спектакль, который мы задумали («Его величество театр»), будет мой последний...

И совсем уже скорбно умолк.

Я чуть не всхлипывал, не в силах произнести ни слова.

— Да-да, — произнес он с грустнейшим в мире вздохом. — И поэтому я хочу, чтобы мы с вами сделали его так, чтобы было не стыдно...

«Мы с вами!» Он — со мной!.. Господи, да все ему отдать! Душу! Мозг! Кровь! Немедля!..

Да-да, он чувствует, что только я один в целом свете сумею написать достойное вступительное слово к новому спектаклю... Другие авторы, конечно, не без способностей, но только мое перо...

Домой я летел на крыльях совы и жаворонка одновременно. Я сознавал свою историческую миссию. «Только вы», — сказал он.

Я тогда очень старался. «Только вы».

Через неделю я узнал, что такой же разговор у него состоялся еще с одним... И еще с другим... Им он тоже сказал грустно-прегрустно: «Только вы...»

Зато он получил три полновесных вступительных монолога к новому спектаклю и сам скомпоновал из них один.

Кто имел право делать такие вещи?

Но эти грустные глаза...

Он был влюбчив и внушаем. Он влюблялся в нового автора, в артиста, в художницу, в критикессу, в режиссера. Еще чаще влюблялся в собственные идеи. Идея, овладевавшая им, становилась, в согласии с марксизмом, материальной силой.

Пришли вдруг в театр показываться два молодых артиста. Близнецы. Ну, действительно, очень похожие. Райкин в них сейчас же влюбился, его ужасно радовало, что они так похожи. Видимо, в голове у него возникли какие-нибудь виндзорские проказницы. Сейчас же близнецов приняли в труппу. Первые дни Райкин только о них и говорил. «Надо что-то такое с ними придумать, они же так похожи». Потом понемногу перестал говорить. Вскоре он уже не знал, что с ними делать. Их пытались куда-то вводить, это было нелепо и никому не нужно. И вот они его уже раздражали, безвинные близнецы. К счастью, — для него, конечно, — их вскоре забрали в армию. Больше он про них не вспоминал.

Вообще непростая была жизнь у его артистов... С одной стороны, замечательно работать в театре, который обречен на успех. С другой, сознавать, что ты — лампа, пусть даже и яркая, когда рядом постоянно сияет этот прожектор... Слабые скисали, сильные приспособлялись.

Самые сильные уходили.

Поразительно, но он был ревнив к чужому успеху. Ревновал, стоя за кулисами, когда артисты его собственного театра заставляли смеяться зрительный зал. Великий! Уникальный! Он! Райкин!..

А вот ревновал.

Даже к молодежному спектаклю «Лица» ревновал.

Это когда репетировался первый в истории театра спектакль без его участия. Конечно, он хотел, чтобы все получилось, — это же был его театр, его актеры, его сын, наконец, в главной роли. Но примириться с тем, что его не будет на сцене... Надо бы придумать, стал говорить он мне, чтобы он, Аркадий Райкин, хотя бы раз вышел с монологом где-нибудь в начале. Или в середине. Или в конце. Резко отвергать эту идею мы все — и я, и Валерий Фокин, который ставил спектакль, и Костя, — боялись. Конечно, это было бы замечательно, говорили мы. Но ведь это будет несоразмерно,

говорили мы... Ваш выход, льстиво говорили мы, уничтожит ребят, это же совсем другой масштаб... «Масштаб» — это было нужное слово. Он нехотя соглашался. Но на следующий день его опять накручивал кто-нибудь из дежурных авторитетов — приятельница-театроведка, или старый друг, или новый знакомый. «Как! Спектакль вашего театра и без вас?!» И у нас опять начинались муки.

Потом-то он уже гордился: «Лица» — это уже было его детище, это уже он взрастил смену, уже радовался. И все же слегка ревновал...

Режиссеры в этом театре не приживались. Во всяком случае, на моей памяти. Начиналось с того, что он с гордостью объявлял труппе фамилию приглашенного постановщика. «Гениально понимает специфику нашего театра!» Через месяц он уже слушал этого постановщика, поджав губы. Потом ронял в кругу артистов: «Совершенно не понимает специфики нашего театра». Артисты с жаром подхватывали: «Не, не понимает!...» Режиссер бесследно исчезал. Иногда успевал появиться второй. «Чувствует нашу специфику...» Все повторялось.

Кончалось тем, что начинал режиссировать сам. С ним можно было не соглашаться. Но доказать ему что-либо было почти невозможно. Во-первых, он был упрям. А во-вторых, у него был козырной аргумент — он начинал показывать.

Однажды я оказался на репетиции, когда он вдруг начал показывать каждому актеру, как тот играет и как следует играть. Я тогда понял буквальный смысл выражения «умереть со смеху». Я был близок. Ничего подобного я больше никогда не видел. И уже не увижу, конечно.

Авторов — как бы к кому ни относился, а отношения бывали всякие — считал людьми вспомогательными. Постоянно порывался сам менять текст, далеко не всегда к лучшему. Автор по большей части крепился, иногда не выдерживал. Я тоже пытался прин-ципиальничать.

— Вы не так читаете, как написано, Аркадий Исаакович. Тут же мысль уходит...

— Куда же она уходит? — ласково отвечал он. — Она не может уйти без меня, а я же здесь...

Да, он был здесь.

Открывался занавес, и на сцену, вздымая овации, победно входил, вплывал, врывается этот флагман, этот линкор, в кильватере которого барахтались шаланды авторов, до чьих суетливых страданий публике не было никакого дела. Иногда мне казалось, что публике вообще не важно, что он говорит. Ей важно, что это говорит он.

Возможно, это было справедливостью высшего порядка.

У меня сохранилась уникальная афиша — предмет гордости, а больше стыда. Уникальная, потому что моя фамилия на ней — красным, а его — Райкина! — синим. То было давным-давно, в Ленинграде. У меня намечался авторский вечер, и я, — молодой тцеславный осел! — попросил его принять участие, почитать что-нибудь из нашего будущего спектакля «Его величество театр».

«Вечер Михаила Мишина с участием Аркадия Райкина» — так я себе это представлял. Страшно радовался, когда он согласился.

И вот — вечер. Все катилось более или менее нормально, я что-то там читал, артисты выступали, зал посмеивался, пару раз похлопали. А потом на сцене появился он.

«С участием!..» Назавтра мне звонили, поздравляли: «Говорят, ты вчера выступал на вечере Райкина...»

«Райкин» — это открывало двери. Фамилия — пароль, лицо — пропуск.

Куда только ни ходили, о чем только ни просили от его имени! «Билеты на Райкина» — это была твердая валюта, в течение полувека не знавшая девальвации. Ибо в течение полувека ни на одном спектакле с участием этого человека не было ни одного пустого стула.

Назовите второй такой театр!

Слава была — до анекдотов.

Один ворвался перед спектаклем:

— Товарищ Райкин, умоляю! Я сам с Киева, а билетов же нет, я двое суток уже тут сижу!

Райкин даже испугался:

— Да? Ну ничего, сейчас я попрошу, вас посадят, может быть, в оркестровую яму...

Тот кричит:

— Да не, вы не поняли! Мне ж до Киева билет надо!..

Достали ему билет.

Переход от полной любви к полному ее отсутствию у него мог быть мгновенным, с непредсказуемой логикой.

День сдачи «Его величества» то ли главку, то ли министерству. Он — сплошной нерв. Все плохо, вокруг все — бездельники. Тотальный заговор халтурщиков и тупиц. Спектакль провальный, жуткий, самый худший из всех его спектаклей. Это говорится так, что каждому ясно: именно из-за него спектакль такой вот провальный и жуткий.

За час до начала сижу у него в уборной, делаю последнюю попытку уговорить его выбросить первую сцену. Она никогда мне не нравилась, к тому же она очень длинная, а спектакль и так идет больше трех часов. Вроде убедил! Он как-то даже успокаивается, говорит, хорошо, что ты меня уговорил, я и сам так думал. Велит помощнику передать, что начинать будем сразу со второй сцены.

Через секунду влетает в его гримерную артистка — очень в жизни милая женщина! — и закатывает истерику: как можно снимать единственно стоящую сцену (конечно, она же в ней участвует), когда без нее (сцены), все рухнет, а главное она (артистка) тогда не сможет (подумать только!) выйти в зеленом платье, которое ей специально сшили... Ну, нормальный актерский бред.

Начинаю с ней спорить, опасаясь, что Юпитер сейчас загрохочет громом и поразит несчастную молнией.

И молния вылетает. Юпитер бледнеет как мел и тихим, страшным голосом объявляет, что сейчас же уезжает домой. Он и так уже на грани, но кое-кто решил добить его окончательно. И этот «кое-кто» — я. Ибо только враг мог покуситься на такую важную вступительную сцену, и вообще, «вам наплевать на наш театр!». Артистка умело испаряется, а я ошеломлен и оскорблен. Это почему же это, интересно, мне наплевать? А потому, гениально шипит он, что он, Райкин, связан с этим театром сорок лет, а я...

А я — четыре. Это несокрушимый аргумент.

Трясаясь от обиды, выскакиваю из гримерки, прячусь где-то в углу зрительного зала...

Ну потом-то все как положено: овации, цветы, «Браво, Райкин!»

И вот уже меня, по его велению, нашли, и вот уже: «Мишенька, ты что, обиделся?»

Ну, обиделся. И дальше что?

Я познакомился с ним, когда он был уже немолод, когда уже не было прежней феерической энергии, когда он стал уставать.

Но к тому времени, как заметил один из моих умных приятелей, уже сам выход его на сцену, сделавшись событием не столько эстетическим, сколько этическим. В последние годы в конце каждого его спектакля зал вставал.

Он исключил однофамильцев. Кто-то сказал о нем: «Паганини эстрады». Никто не спрашивал — какой Паганини. Никто не уточнял — какой Райкин. Я видел у него дома письма с одной фамилией на конверте. Почта не ошибалась.

Как он прорвался? Как выстоял? Кто вспомнит теперь фамилии тех, кто ему что-то запрещал, что-то вычеркивал, что-то кромсал...

По ленинградскому телевидению его в течение многих лет не показывали. У невыходящих он был в особой немилости. Даже меня как-то выкинули из какой-то невинной телепередачи только за то,

что ведущий упомянул про мое сотрудничество с Райкиным. Вообще в любимой колыбели окопались тогда крепкие знатоки и покровители искусств. Впрочем, в Москве знатоков тоже хватало.

На вечере по случаю его семидесятилетия представитель культурного министерства, вручая Райкину адрес, обратился к нему:

— Дорогой Аркадий Александрович!..

Зал ахнул. А чего ахать было? Ну, ошибся человек. Управляющий спутал Ф.И.О. одного из управляемых. Ничего страшного. Вот если б он спутал отчество, скажем, министра, назвал бы его, допустим, Петром Исааковичем...

...Кромсали и вычеркивали, поучали и топали ногами. Короче, рвали струны. Но Паганини на то и Паганини — мог сыграть что угодно и на одной струне. Я-то, повторяю, застал его уже в другие времена. Когда он был уже народный, а потом уже и лауреат, а потом Герой... Когда управленцы и управители уже управляли им уже очень почтительно.

Помню обсуждение спектакля «Его величество театр» товарищами из управления культуры.

Первый управитель сказал:

— То, что мы сейчас увидели, — гениально.

Второй его одернул:

— Не просто гениально, а в сущности это новая эпоха!

Потом они долго спорили, кто Райкин больше — правофланговый или впередсмотрящий.

Райкин слушал не возражая. Он вообще не произнес ни слова — от него веяло ледяным дыханием Арктики. Лишь в конце он тихо заметил, что они не всё, к сожалению, поняли в его новом спектакле.

Они и это съели.

Марксизм, которому нас долго учили, исходит из признания общественно-исторической обусловленности гения. Райкин подтверждал правоту марксизма как никто.

Он был необходим именно своему обществу и своему времени. Он был обусловлен — и он был у нас.

Он — был.

При нем рождались, выросли, старели, рождались, а он — был. Как «Последние известия». Как консерватория. Как аксиома.

Эlegantный... нет, не как рояль — как кларнет. Стройный, черно-серебряный... Эти невозможные глаза, эта магическая улыбка, эта чудная хрипотца...

Он ушел, когда все исполнил.

Когда ношу, которая лежала на его плечах, могут спокойно нести другие, разделив ее соразмерно силам — у кого побольше, у кого поменьше. Нести этот груз в одиночку уже нет необходимости. Да и кто мог бы вытянуть в одиночку то, что вытянул этот человек?

Нет, необходимость сегодняшнего дня не обуславливает второго Аркадия Райкина. Первый делал все, чтобы этот день приблизить.

Да, денег мог бы быть и посветлее, но это уже наши проблемы.

А он...

Он был у нас.

Ниже — кое-что из того, что исполнялось в его театре.

СЕРОЕ ВЕЩЕСТВО

Самое светлое

на свете — серое вещество. Если взять у людей мозговые извилины только одного полушария — скажем, восточного, — то получится расстояние от Земли до Меркурия. И приятно сознавать, что на этом пути есть и мои сантиметры. И миллиметры жены. Потому что один Эйнштейн погоду не делает. Конечно, у него бы набралось километров на сто. Ну, кое-что добавили бы Лев Толстой, Ломоносов и Штирлиц. А все остальные — это трудовые трудящиеся: я, Сидоров, Анна Петровна, хотя ее вообще-то надо из общего расстояния вычитать. Но дело не в ней, а в том, повторяю, что одни Ломоносовы погоду не делают.

Они, само собой, все на свете изобретают и открывают. Они открывают, а мы иногда толком и закрыть-то не можем. Потому что использовать великие изобретения — это тоже требует достаточно серого вещества.

Взять электричество. Помните, в прошлые века — топором брились, при лучине писали. А что хорошего можно написать при лучине? В крайнем случае: «Евгения Онегина». Кандидатской не напишешь. Лифт не работает, да и куда на нем ехать, если телевизор не во что включить? В общем, жизнь впотьмах.

И тут у человечества рождается гений. Ну, скажем, Михаил Фарадей. И он изобретает электричество и говорит широким массам: нате, пользуйтесь! И массы ему отвечают: спасибо, Миша. И пользуются!

Люстры горят, телефоны звонят, троллейбусы бегают, а под Новый год по заявкам телезрителей первомайский «Огонек» повторяют.

И народ не успокаивается, думает, что бы такое еще выдумать. И я тоже не могу успокоиться. Потому что за все эти блага стоит у меня в коридоре черный ящик, и колесико в нем как психованное, крутится, и цифирьки мелькают. А заработная плата у меня, между прочим, по моему труду! То есть вы понимаете...

И вот, хоть я и не Фарадей, но серое вещество у меня найти можно, только оно от обиды уже не серое, а черное. И оно у меня берется за электричество и применяет правило буравчика, и вот у меня счетчик уже крутится не туда, а оттуда.

И через неделю уже не я должен государству, а оно мне.

Но я ему все долги прощаю, я не крохобор.

Пойдем в наших рассуждениях дальше, а для этого вернемся назад, в мои лучшие годы, когда волос на голове у меня еще было больше, чем вставных зубов. Как выглядел тогда я, человек с большой буквы (не буду говорить с какой, она неприличная)? Выглядел я тогда очень естественно, потому что ходил во всем натуральном: в чесуче, велюре и кирзе. Такой элегантный силуэт, что, когда я на улицу выходил, птицы с деревьев замертво падали. То есть при взгляде на меня одинокие женщины сходили с ума — начинали звать милицию.

И тут появляется очередной гений, какой-нибудь Менделеев, и изобретает синтетику, и говорит: нате, пользуйтесь! И мы говорим: спасибо, Дима, давай.

И вот уже на мне сплошной лавсан и кримплен, а куда не надеть кримплена, там капрон. И я уже лен не сею, хлопок не жну, овец не стригу, разве что целиком шкуру сдираю, на дубленки. То есть льются на меня чудеса химии, а какие не на меня, те выливаются в речку. Чтоб рыбки тоже поняли, что такое серое вещество. А если они этого не поймут, то я им помогу. Потому что за трудовую неделю это самое серое вещество у меня слежалось. И ему необходим активный отдых, проблема которого уже давно решена.

И я беру рюкзак, надеваю его на спину моего друга Сидорова, а сам несу снасти для рыбалки. И мы приезжаем в заповедный уголок, куда не ступала еще нога человека, а только моя и Сидорова. И мы сидим и любимся на эту благодать. А потом мы берем наши снасти и говорим спасибо тому гению, который их изобрел, и забрасываем снасти в воду, и этот динамит взрывается. И та рыбка, которая уплыла от химии, всплывает к нам. А потом мы достанем из рюкзака

закуску и чем ее запить, споем песенку у костерка...
А назавтра в лес пионеры придут, костерок наш с помощью вертолетов потушат, консервные баночки за нами подберут, в металлолом сдадут, из них потом тепловоз построят...

А мы с Сидоровым уже на работе сидим, с просветленным серым веществом. Ждем, когда новый гений объявится, измыслит что-нибудь великое и скажет нам с Сидоровым: нате, ребята, пользуйтесь.

И мы возьмем!

1975

КАКОЕ ВАШЕ МНЕНИЕ?

В Древнем Риме

говорили: «Каков пастырь, таково и стадо». На Руси переводили: «Каков поп, таков приход». Ну а для современных условий — «Все зависит от руководства».

Ну, все не все, но многое. Многое зависит от руководства. Сегодня вот даже курсы открыли специальные для директоров, решили, что надо их тоже учить, а не только подчиненных. А среди подчиненных ведут социологические исследования, спрашивают у коллектива: мол, как вам ваш директор, нравится? И если да, то почему? Разумеется, всех опросить трудно. Опрос проводят выборочный. И, как говорили в том же Риме, сколько людей, столько мнений...

ЧЕЛОВЕК, ГОВОРЯЩИЙ ПОЛУШЕПОТОМ

Мнение о нашем директоре? Самое лучшее!!! Ах, мое личное... Я вам скажу мнение о нем, а у него потом будет мнение обо мне?.. Ах, фамилии не надо? Другой разговор.

Ну, самая сильная сторона его руководства — это хамство. То есть, в лучшем случае, посылает. А в худшем — посылает дальше, и потом трудно устроиться.

Тут он мне говорит: «Что вы лезете? Вы что, не видите, что я занят?»

Я видел, что он занят. Я даже видел — чем. Ему секретарша принесла в кабинет паёк, и он решал, взять или взять сразу два.

Кстати, зачем ему эта твердая колбаса? Официально ему нельзя, у него язва. Но неофициально — у него есть одна... Так вот, ей можно. Он у нас такой... Про меня сказали бы: развратник. Про него говорят: жизнелюб.

Причем каждый раз: «Если позвонят, я — в управлении».

А знаете, где находится это управление? Рядом с финской баней! Вам все ясно?

Насколько надо оторваться от коллектива, чтоб не видеть, что коллектив видит, что он оторвался?!

Но ему наплевать. Потому что основные показатели у нас всегда перекрыты. А какие не перекрыты — значит, не основные!

Да, с него тоже могут снять премию. Теоретически. А практически — пусть с меня так снимают, как с него, чем дают, как мне дают.

А дачу эту видели? Ее никто не видел. Но, говорят, один увидел забор и свихнулся.

А кто с него может спросить? Кто может, тот не дурак, чтоб спрашивать! А кто не может, тем более не дурак...

Но все возмущены и считают, что надо действовать. И написали про него частушку. Подействовало: он слышал и сильно смеялся. Потом попросил узнать, кто это в коллективе такой остроумный. Познакомиться. Но они сами записались на ударную стройку...

Потому что ему ж достаточно слова! Тут как раз вчера он меня при людях таким словом назвал!..

Ну тут уж я не смолчал, как обычно.

— Виноват, — говорю. — У вас со стола карандашик упали!..

И тонко усмехнулся. Настолько тонко, что он ничего не заметил!

ЧЕЛОВЕК С ЖЕЛЕЗНОЙ ГРУДЬЮ

Заявляю официально: начальник у нас хороший! Почему хороший? Потому что начальник! Плохого не поставят. Так что начальник наш очень даже всем нравится. Кроме меня.

Да что это за начальник такой, если коллектив его не боится? Хвалит тихо, ругает еще тише. И что это за ругань такая, если знакомых слов — ни одного?! Прямо подозрение берет! Что это за руководитель, если общего языка со мной найти не может?!

И главное, всех по имени-отчеству! Будто фамилий нет! Мне тоже говорит:

— Здравствуйте, Федор Федорович.

Я говорю:

— Здравия желаю, товарищ директор! Ура!

Он говорит:

— В каком смысле — ура?

Я говорю:

— В каком скажете! Ура!

Он говорит:

— Тише, тут люди работают, вы ж не фельдфебель, а завхоз...

И пошел, пошел себе. Манжеты белые, галстук серый. Но в синюю полоску. Я сразу понял: галстук не наш. Оттуда. Я, конечно, проявил бдительность — сигнализировал. Написал: «Как человек с таким галстуком может руководить нашими людьми? Куда он их заведет?» Написал левой рукой и подписался: «Мотальщица Петухова».

Сигнал подействовал. Вызвали — меня.

И говорят:

— Ты, мотальщица! Еще раз напишешь — будешь сидельщица! Понял?

Я говорю:

— Не понял, как вы догадались, что это я?

Они говорят:

— По ошибкам... Ты, — говорят, — гляди! Не те порядки!

Вот я и гляжу — точно! Нет порядка! Вот при прошлом начальстве порядок был! Был!! Никаких этих галстучков, манжетиков, никаких женских талий! Коллектив трудился в галихве! Галихве всех цветов радуги — от бурого до хаки! Глаз радовался! И особенно ухо! Потому что полная же тишина была! Никаких дискуссий! Сегодня ж — ужас! У каждого — точка зрения, у некоторых даже две!..

Прежний, бывало, спросит:

— Вы как думаете?

Ему говорят:

— Ура-а-а-а!!

МОНД ОО

Да чтоб ему возразить! Это ж присниться никому не могло! Никто и не спал! Все бдили! А ну как вызовет ночью, в три часа? Может, ему кнопки понадобились?

Ну, может, качества там не давали или количества, зато благоговение было! В обед не расслаблялись! Строевым шагом мимо его кабинета гуляли — равнение на дверь! Это начальник был!

А нынешний? О чем говорить, если при нем на весь коллектив у нас только одно мое галикве?!

Он говорит:

— Мне не надо, чтоб люди соглашались, мне надо, чтоб люди думали!

Вот я и думаю: нету благоговения! Нету! А без благоговения какой порядок?!

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СМЕЕТСЯ

Слушайте сюда! Если вам про нашего кто скажет плохо, так это потому, что боится, что если говорить хорошо, то его от нас заберут и дадут другого! Мы не переживем!

Потому что у нас все его горячо любят, а кто не любит, тот обожает! При нем мы добились таких успехов, о которых ему даже бояться говорить! При нем у нас рабочее время и личное слились воедино — в пользу последнего! У нас столько народу уже трудится в счет будущего года, что не найти, кто остался работать в этом...

И только благодаря ему. У него к людям такое безграничное доверие, что просто глупо не врать!

Он говорит:

— Почему опоздал?

Я говорю:

— Автобус сломался!

Если б у нас столько автобусов было, сколько я «переломал», так у нас бы все давно ездили сидя! А он верит. Он мне говорит:

— Почему вчера не был?

Я говорю:

— Провожал в последний путь тетю Феню.

Он говорит:

— Ты ж ее на прошлой неделе уже провожал.

Я говорю:

— Вы не знаете тети Фени. У нее семь пятниц.

Верит!

Говорит:

— Сколько тебе надо на эту работу?

Я говорю:

— Месяца четыре!

Он говорит:

— А быстрее?

Я говорю:

— Очень надо?

Он говорит:

— Очень!

Я говорю:

— Три недели и неделя отгула.

Он говорит:

— Спасибо за сознательность!

И тогда я засучиваю рукава, плюю на свои трудовые ладони и три недели ни хрена не делаю! Потому что всей работы — на полтора часа.

А он говорит:

— Молодец, я знаю, кому доверять! Такие, — говорит, — как ты, пользуются полным моим доверием!

— Точно! — говорю. — Пользуемся! И еще как!

ЧЕЛОВЕК С НИТРОГЛИЦЕРИНОМ

Скажу прямо: про работу нашего директора я хочу сказать много хороших слов. Но не могу. Работа такая, что вечерами вахтеры пугаются: директор за день полысел и стал ниже ростом.

Ведь директор — это что такое? Это такое, с которого в конце года за все спросят. А что он может ответить, когда он ничего не может?

Взять нужного человека не может: нет штатов. Уволить ненужного не может: у того рука в министерстве.

Наказывать рублем нельзя: местком говорит, надо воспитывать. Не наказывать рублем — все будут воспитанные, но работать будет один местком...

Вообще, все теперь умные, грамотные, каждый шаг директора обсуждается!

Хорошо одевается — пижон. Плохо одевается — жмот. Орет на коллектив — запугивает. Не орет — боится. Улыбается секретарше — заигрывает. Не улыбается — значит, уже доигрались...

Молодой — строит замки на песке. Старый — еще хуже, из него самого песок сыплется.

А главное, все, кому не лень, лезут с советами. В газете даже эту рубрику завели: «Если бы директор был я». Ну, народ и пошел строчить: «Если б я...» да «Если б я...».

А вот если б директором был я, я бы всех директоров тут же уволил к чертовой матери!.. Как это кем работаю?!

Непонятно?!

1979

ЖИЗНИ НАШЕЙ

ОН

(оценивающе глянув на нее). А ничего!.

ОНА (так же). А ничего...

ОН. Наверное, думает, сейчас начну приставать.

ОНА. Неужели не начнет?

ОН. Ладно. Для начала спрошу: «Не скажете, который час?»

ОНА. Для начала скажу: вас не касается.

ОН. Потом спрошу: а как вас зовут?

ОНА. А я: какая вам разница?

ОН. А я: если нет разницы, буду звать вас Феклой.

ОНА. Тут я засмеюсь. Вот так: ха-ха-ха-ха!

ОН. Как она засмеется, тут же приглашу ее в кино. Или лучше в кафе?

ОНА. Конечно, в кафе!

ОН. Потом пойду ее провожать.

ОНА. Потом, конечно, провожать пойдет. Небось, в первый же вечер полезет целоваться.

ОН. А то!

ОНА. Наавтра снова предложит встретиться. Можно у меня. Тем более мама дома.

ОН. Можно у нее. Хотя у нее маман... А потом — ко мне... Если пойдет, конечно.

ОНА. Потом — к нему, если, конечно, пригласит.

ОН. А то!..

ОНА. Новый год будем встречать вдвоем...

ОН. А кто еще нужен? Музыка. Елка. Ну и вообще...

ОНА. И вообще... Потом наступит Новый год. И он должен будет поступить как порядочный человек... Интересно, порядочный он или нет?

ОН. Конечно, порядочный, если нет другого выхода...

ОНА. Жить будем у моей мамы.

ОН. Жить с ее мамочкой!..

ОНА. Правда, с мамой они вряд ли поладят..

ОН. «Вряд ли»!.. Она же все время лезет не в свое дело!

ОНА. Зато дочка будет на меня похожа...

ОН. А парень — горластый, по ночам концерты...

ОНА. А этот даже пеленок не может постирать!..

ОН. На работу приходишь невыспавшийся, с большой башкой...

ОНА. Ну зато учиться девочка будет хорошо.

ОН. И парень весь в нее! Кол-два!.. Кол-два!..

ОНА. Интересно, откуда у него эти тридцать рублей?

ОН. И главное, отчитывайся за каждые полкопейки!

ОНА. И что это за совещания до часу ночи?

ОН. И не дай бог на кого-нибудь посмотреть!..

ОНА. Ну, если она ему дороже семьи!..

ОН. Нет, так жить больше невозможно!

ОНА. И слава богу!..

ОН. Раз — и все позади! И эта ее мамочка!..

ОНА. Эта его мамочка!..

ОН. А к парню буду приходить каждую неделю!

ОНА. Конечно, он-то придет к ребенку раз в неделю — и все!..

ОН. Чаще же не даст!

ОНА. Чаще-то — он себе не враг!

ОН. По крайней мере хоть вздохнуть можно будет свободно...

ОНА. Ну и что же, что с ребенком? Ничего!

ОН. А жениться второй раз — подождут!

ОНА. Его тут же какая-нибудь окрутит. Тряпка...

ОН. Она-то тут же кого-нибудь заарканит. Кобра!..

ОНА. Осталась из-за него теперь у разбитого корыта. Да еще с ребенком!..

ОН. Загубил молодость! Лучшие годы!..

ОНА. Сама виновата — нечего было знакомиться с кем попало!

ОН. Сам виноват! Нашел к кому приставать!

ОНА. Он бы у меня сейчас спросил, который час... Я б ему!..

ОН. Ага, жди... Пусть другой лопух тебя Феклой называет... Я и сидеть тут больше не хочу... (Уже непосредственно ей, вслух.) Вы на следующей выходите?

ОНА. Не ваше дело! Подлец!..

1975

ТАИНСТВО

Оптимистическая
трагедия

РАСПОРЯДИТЕЛЬ.

Так. Внимание. Кто у меня следующий? (Смотрит в бумаги.) Так. Сергей Еремеев и Марина Голубцова. Очень хорошо. Так. Жених, станьте слева. Слева, я сказал! Невеста справа. Гости сзади, подравнялись там. Все улыбаемся. Да не так, шире. Что вы, не рады, ей-богу? Слушайте меня внимательно. Мамаша, потом поговорите. Я, между прочим, здесь целый день, мне еще четыре часа нести людям радость — никто спасибо не скажет... Так, сейчас начнется Мендельсон, и жених с невестой начинают подниматься по лестнице. Начнете при втором аккорде... Если с первым — наткнетесь на тех, кто перед вами, а если с третьим, то в вас упрутся задние... Так, тихо, папаша, вы тут не один, поскромнее давайте... Далее, распахивается дверь — да не сама, я распахну, — и вы войдете в зал, где и будет произведена запись акта гражданского состояния. Невеста, не делайте такое лицо — вы для этого сюда сами пришли, вас никто не гнал. Так. Все с улыбками. Отдайте ей букет в правую руку. В правую, я сказал! Мотаешься здесь целый день, как собака, никто спасибо не скажет... Мы здесь для чего? Для того, чтобы сделать для вас этот день незабываемым, и мы сделаем. Кстати, у вас все оплачено? Бокалы бить будем? Кто вносил деньги? Вы, мамаша? Папаша вносил. Папаша у нас более щедрый, а? Шучу. Так, поправьте галстук жениху. За фотографа тоже оплачено? Так. У невесты топорщит в талии. Подруга, поправьте талию невесте. Вообще широкая? А то у нас тут бывает. Вчера регистрировали одних — она на седьмом месяце! Шучу. Так. Приготовились. Сейчас включают Мендельсона. Внимание. Сейчас перед вами распахнется дверь в новую жизнь. Осторож-

но, там ковер, не зацепитесь... Так. Три! Два! Один! Пошли!..

*Звучит свадебный марш Мендельсона.
Затемнение. Зал регистрации.*

ОФИЦИАЛЬНАЯ ФИГУРА. Дорогие друзья, дорогие гости! Сегодня у вас незабываемый, волнующий, праздничный день. Вы вошли в наш дворец обыкновенными людьми, а выйдете отсюда мужем и женой. Позвольте спросить вас, является ли ваше решение вступить в брак добровольным и продуманным? Прошу ответить вас, Михаил Анатольевич.

ЖЕНИХ. Я — Сергей.

ФИГУРА. Да? Хорошо. Согласны ли вы вступить в брак, Прасковья Петровна?

НЕВЕСТА. Я — Марина..

ФИГУРА. Извините, у нас столько брачующихся... Итак, ваш брак регистрируется. Прошу вас подойти и поставить свои подписи. Свидетели улыбаются... Родственники и гости с улыбками смотрят на молодоженов. С улыбками — фотограф вас снимает для альбома. Так. Теперь подписывают свидетели. Разборчивей, потом вас не найдешь... В знак верности в любви попрошу молодых обменяться кольцами. Невеста, давайте надевайте ему кольцо. Фотограф снимает. Не успел? Невеста, снимите, наденьте еще раз. Фотограф не успел... Так. В соответствии с законом объявляю вас мужем и женой. Куда, мамаша?! Встаньте на место, не омрачайте праздник молодым... Ну а сейчас, в соответствии с доброй традицией нашего дворца, молодых поздравят самые близкие люди... Мамаша, второй раз делаю вам замечание... Сейчас молодых от души поздравит представитель экскаваторного завода Асеев Сей Сеич.

СЕЙ СЕИЧ (*по бумаге*). Дорогие друзья! Сегодня особый и радостный день. Сегодня на два месяца раньше срока закончены испытания опытного образца дробилки на гусеничном ходу. При этом сэкономлено... Ох, извините... Только что с завода... (*Вынимает другую бумагу.*) Товарищи! Народы Азии и Африки решитель-

но требуют положить конец... Извините... (Меняет бумагу.) Ага!.. Дорогие молодожены! Позвольте сказать несколько напутственных слов. У вас сегодня торжественный день. С этого дня у вас будут совместные трудности и беды, горести и неприятности, и все это вы будете делить вдвоем. Ну а радость у вас будет одна на двоих — скоро с вами рядом пойдет третий человек. Это не тот третий лишний, о котором не хочется говорить, это будет наш третий маленький гражданин, и вы будете нести на себе все заботы и тяготы по его воспитанию и ответственность по закону. От всего нашего коллектива поздравляю вас с этим! Совет, как говорится, да любовь, дорогие Зульфия и Ахмет!..

ФИГУРА. А теперь гости поздравляют молодых, родители поздравляют молодых, знакомые дарят цветы... Так. Хорошо. Фотограф успел? Теперь повернулись лицом к фотографу, и продолжаем медленно продвигаться к выходу, где вас ждет шампанское, если за него оплачено, и машина с двумя скрещенными кольцами, которая повезет вас по городу через улицы, проспекты и площади прямо к праздничному столу. Быстрее, быстрее, товарищи, не будем задерживать следующее таинство брака...

...Дорогие Анна Митрофановна и Василий Иванович!..

1982

век сердечно-сосудистых... А главное — век скоростей и ускорений. В прошлом все текло и мало что менялось. Теперь все меняется, но не течет, а мчится и не сдается вскачь.

Предки тихо рождались, неторопливо женились, незаметно заводили двенадцать детей, писали друг другу длинные письма и долго доживали свой короткий век.

Наш век вдвое длиннее, но доживают втрое быстрее. О переписке смешно говорить: если кто и нацарапает новогоднюю открытку, так потом надо нести руку на УВЧ. Двенадцать детей завести можно, но для этого надо мобилизовать двадцать четыре родителя.

Зато какие детишки пошли! Они с такой скоростью набирают мускульную силу и наливаются сексуальной мощью, что содрогаются старые фронтовики. Ботинки, которые утром были велики, к обеду жмут. Девочек ростом меньше ста семидесяти дразнят дюймовочками. Короче, сегодня в тринадцать лет он уже может сделать вас бабушкой, в двадцать пять стать дедушкой и к тридцати окончить школу.

Счастливое детство становится все счастливее, потому что длится все дольше и скоро уже достигнет средней продолжительности жизни.

А Пушкин прожил всего тридцать семь. Лермонтов — двадцать семь. Эйнштейну не было и двадцати пяти, когда он понял, что все относительно. Он был прав. Потому что сегодня этому сорок, а он еще молодой специалист. Ему шестьдесят — он еще набирается опыта. Ему девяносто — а у него еще все впереди, вечная ему память!..

А в газете все дискутируют, как с этим быть: то ли уменьшить в школе нагрузку, то ли дожать детей до конца. Два профессора чуть не подрались — один говорит: надо им больше давать математики. Другой говорит: чушь, не больше, а гораздо больше.

Потому что в детстве мозг все лучше впитывает, и не надо терять времени.

И времени не теряют. Проводят олимпиады, выявляют юные дарования и выращивают двадцатилетних докторов. И они выводят такие формулы, которыми гордится вся страна, хотя не вся понимает.

Но что-то слишком часто стали попадаться другие детишки, у которых формулы гораздо проще. Все, что они усвоили, — это что на вопрос: «Как живешь?» — надо отвечать: «Сколько имеешь».

Кругозор и сила чувств, какие Пушкину и не снились! То же бывало, плакал над книжкой. А эти не плачут — для того чтобы плакать над книжкой, ее надо сначала открыть.

Отсюда большая внутренняя культура. Скажешь ему: «Уступи тете место!» — вежливо отвечает: «На кладбище!»

Говорят, рождаемость все меньше и меньше. Может быть. Но чем старше становишься, тем детей вокруг все больше и больше. А потом, кроме них, тут вообще никого не останется.

Есть смысл подумать о будущем, имея в виду, что плотно набитый мозг — опасная вещь, если сочетается с пустым сердцем.

1980

А меня лично

эти сатирики только раздражают. Выходит и начинает: то плохо, это плохо!.. Испортил людям настроение — побежал в кассу. И неплохо имеет! А за что? Что плохо — это каждый дурак скажет, а ты давай скажи, что хорошо! Где никто не видит, увидь, расскажи нам, мы тебе вдвое заплатим!

Он думает, он смелый. А чего смелого, когда вокруг такие же сатирики сидят? У них дома батареи точно так же греют.

А то высказывает: «Безобразие! С черного хода выносят!»

И чего орать? Радоваться надо — значит, уже есть что выносить! И порядка больше — люди уже приучены, вся очередь уже с той стороны, а в торговом зале светло, просторно, удобно снимать кинохронику.

Кстати, насчет кино. Что в том фильме плохого — это даже слепой видит. А ты зрячий — найди там хорошее. Вот я недавно смотрел: он любит ее, она любит Маяковского, а комбинат пустят досрочно.

Так этот сатирик с середины сеанса выскочил, зубами скрежещет.

А мне понравилось! А чего — пленка цветная, звук объемный. И смелые интимные кадры есть — в одном месте она там остается буквально в одном сварочном аппарате.

А этому все не так. Бегаёт с кислым лицом и бормочет: того не хватает, этого не хватает!..

Да, было время, всего не хватало. Но это когда было-то? А сегодня всего хватает. Хватает всего. Другое дело, что не всем! Так надо чувствовать разницу!

И вообще, за нашими недостатками стоят наши достижения. Надо только уметь разглядеть!

Тут на днях меня на улице двое останавливают.

— Ты, — говорят, — местный?

Я говорю:

— Местный.

Они говорят:

— Скажи по-хорошему, где у вас в городе приезжие ночуют?

Я говорю:

— В гостинице.

Думал, убьют!

Я говорю:

— Ребята, давайте без рук, давайте по логике. В городе на одного нашего — два интуриста. Ну и где они, по-вашему, ночуют? Частник им не сдаст. Во-первых, у них валюта неустойчивая, не знаешь, сколько с него брать. Во-вторых, слишком претензии большие. Чтоб ему в комнате все удобства — ну, вплоть до матраца! Так что ночуют они, ребята, в гостинице. Приспичило тебе переночевать — пожалуйста. Сделайся интуристом, приезжай, переночуешь!

И вообще, ребята, гляди, какой у нас город ночью красивый. Отдыхай, любуйся! Не бери пример с того сатирика!

Вот я ему говорю:

— Ну, чего ты зануда такая? Чего у тебя вечно на лице лимон?

Он говорит:

— Мне, — говорит, — обидно. Потому что то, что плохо, могло бы быть хорошо!

Я ему говорю:

— Дура, ты иначе думай! Ты думай: «То, что плохо, могло б быть еще хуже!» А раз не хуже — значит, мне уже хорошо! А раз хорошо мне — уйди от меня со своей сатирой, уйди, не раздражай!

ПРОСВЕЩЕННАЯ.

Позволю себе с вами не согласиться.

ЭРУДИРОВАННЫЙ. Ничего, пожалуйста!

ПРОСВЕЩЕННАЯ. Вот мы говорим: личные отношения. И действительно! Это важный вопрос. Потому что от этого зависит масса других проблем! Вот, например, рождаемость! Или, может быть, по-вашему, это не проблема?

ЭРУДИРОВАННЫЙ. Еще какая! Вот скажите, сколько, по-вашему, надо иметь детей, чтобы все было в порядке?

ПРОСВЕЩЕННАЯ. А что должно быть, по-вашему, в порядке, чтоб иметь детей, сколько вы спрашиваете?

ЭРУДИРОВАННЫЙ. В порядке должно быть не «что», а «кто»!

ПРОСВЕЩЕННАЯ. В каком смысле? Вы так смотрите...

ЭРУДИРОВАННЫЙ. В том смысле, что у каждого должно быть как минимум двое детей!

ПРОСВЕЩЕННАЯ. Что, двое от жены и двое от мужа?

ЭРУДИРОВАННЫЙ. Можно, чтоб это были одни и те же. Так даже проще.

ПРОСВЕЩЕННАЯ. А если меньше двух?

ЭРУДИРОВАННЫЙ. Тогда сегодня нас будет меньше, чем вчера, завтра меньше, чем меньше, а послезавтра на земле будет покончено с проблемой жилплощади. Площадь будет, а жильцов — нет!

ПРОСВЕЩЕННАЯ. И что, это у них тоже действует? Или только у нас?

ЭРУДИРОВАННЫЙ. Везде — это же закон природы!

ОЗАБОЧЕННЫЙ. Точно! Везде. Мы с ней, к примеру, в Барнауле познакомились. Я ей сразу сказал: «Че ты, Клава, ей-богу! Ну, не я, так другой! Закон же природы!...»

ЭРУДИРОВАННЫЙ. Возьмем другой пример. Предположим, что у вас не двое, а только один ребенок...

ПРОСВЕЩЕННАЯ. Я уже предположила.

ЭРУДИРОВАННЫЙ. Хорошо. Пусть у вас — девочка. А у вас (*Озабоченному*), предположим, случилось так, что у вас — мальчик...

ОЗАБОЧЕННЫЙ. Ну! Клавка тоже все предполагала. Она тогда ко мне в Мурманск нагрянула. А я ей говорю: «Почему это обязательно должно случиться? Что, нормально обойтись не может, что ли?!»

ПРОСВЕЩЕННАЯ. Товарищ, поймите, мы же здесь рассуждаем чисто абстрактно...

ОЗАБОЧЕННЫЙ. Я-то понимаю. А она говорит: «Вы-то, говорит, все абстрактно! А на кого мне конкретно потом в суд подавать?»

ЭРУДИРОВАННЫЙ. Безусловно, проблема рождаемости гораздо шире.

ПРОСВЕЩЕННАЯ. Конечно, шире! Кстати, чем широта севернее, тем с этим хуже!

ОЗАБОЧЕННЫЙ. Ну! Почему я от нее из Мурманска в Сыктывкар уехал...

ПРОСВЕЩЕННАЯ. А вот на юге, я читала, — наоборот. Знаете, как с рождаемостью в слаборазвитых странах?

ЭРУДИРОВАННЫЙ. О, тут у них все в порядке. Если бы у них производительность труда была так же развита, как рождаемость, то слаборазвитыми странами были бы не они, а мы! Но для нас самое острое — это рождаемость в больших городах! В том смысле, что рождаемости нет!

ПРОСВЕЩЕННАЯ. Да-да. Я читала! Социологи ставят вопрос ребром: как это с такой маленькой рождаемостью большие города стали такими большими?

ЭРУДИРОВАННЫЙ. Это как раз ясно: большими они стали из маленьких, где рождаемость такая большая, что уже удивляются даже работники аптек!

ПРОСВЕЩЕННАЯ. В чем же тут дело?

ЭРУДИРОВАННЫЙ. Видимо, маленький город таким путем хочет стать большим, чтобы построить

метро! И тем самым снизить рождаемость. Потому что пока в большом городе доберешься куда надо в общественном транспорте, на это уже не остается сил.

ПРОСВЕЩЕННАЯ. А в маленьком?

ЭРУДИРОВАННЫЙ. Проще, там можно дойти пешком.

ОЗАБОЧЕННЫЙ. Точно! Помню, в Саранске с одной познакомился. Ну идем к ней, пешком, там рядом. Смотрю — навстречу Клава! Я говорю: «Здравствуй, Клава!» И она со мной поздоровалась — в себя только в Махачкале пришел.

ПРОСВЕЩЕННАЯ. Вы знаете, я тут как-то читала, что где-то кто-то что-то такое изобрел, что скоро ничего этого не нужно будет вообще.

ЭРУДИРОВАННЫЙ. То есть...

ПРОСВЕЩЕННАЯ. То есть можно будет управлять всем этим без непосредственного участия. Пока еще есть сложности, но, говорят, можно будет заказывать все что угодно — вплоть до моральной стойкости и внешнего сходства.

ОЗАБОЧЕННЫЙ. Насчет сходства — это уже в Череповце было. «Если, — говорит, — будет мальчик, хорошо был бы похож на Тихонова. А если девочка — на Стефанию Сандрелли». Я говорю: «Клава! Ты глянь на себя в зеркало. Это не Стефания получится, а Кощей Бессмертный».

ЭРУДИРОВАННЫЙ. Мы ушли в сторону. Давайте вернемся к сути разговора.

ОЗАБОЧЕННЫЙ. Вы уж без меня вернитесь. А мне — на вокзал. Клава приезжает, телеграмму дала.

ПРОСВЕЩЕННАЯ. Хотите встретить?

ОЗАБОЧЕННЫЙ. Типун вам на язык! У нее поезд в три двадцать — из Чебоксар. А у меня — в три десять. На Архангельск. Все рассчитано. Только бы железная дорога не подвела. (*Уходит.*)

ПРОСВЕЩЕННАЯ. Видали? А вы говорите, проблема рождаемости!

ЭРУДИРОВАННЫЙ. Упустили молодежь!

ПРОСВЕЩЕННАЯ. Да... А у вас дети есть?

ЭРУДИРОВАННЫЙ. У меня? Во всяком случае, я об этом ничего не знаю. Смолоду свободы хотелось... А у вас?

ПРОСВЕЩЕННАЯ. Нет... Сначала ребенок мог бы помешать мужу защититься, потом мог помешать защититься мне.

ЭРУДИРОВАННЫЙ. А потом?

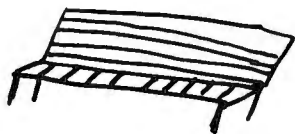
ПРОСВЕЩЕННАЯ. Никто уже не мог нам помочь. А вы? Вы еще в таком возрасте...

ЭРУДИРОВАННЫЙ. Я уже давно в таком возрасте. В смысле рождаемости у меня вся надежда на этого типа. И на Клаву.

ПРОСВЕЩЕННАЯ. И на МПС. Иногда поезда прибывают раньше.

ЭРУДИРОВАННЫЙ. Чужие — да. Бывает.

197?

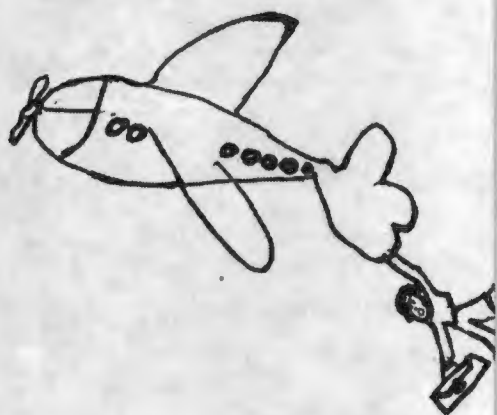

Опять такси.
Опять вокзал.
Опять в купе жара.
Опять во сне
Приснится мне
Ужасная мура.
А поутру —
Вокзал, такси,
Попутные цветы...
И сердца стук —
А вдруг,
а вдруг
мне не откроешь ты?

VII

СЕЗОН БОЛЬШОЙ МАЛИНЫ

[Handwritten signature]

ПРО АВТОРА

Виктор ЛОШАК

Как-то с Мишиным, его женой Таней и Сашей Кабаковым мы поехали в Барселону. На конференцию, темой которой был то ли расцвет, то ли закат культуры на информационном пространстве Европы.

Зал конференции находился на знаменитом бульваре Рамбла. Сквозь открытые окна мы видели ветки платанов с пожелтевшими листьями, выкрашенных в серебро людей, изображавших скульптуры; клетки с птицами и карлика-продавца, который, казалось, тоже сидел в клетке.

Мы веселились как могли и совсем забыли про последний день конференции, в программе которого значились мы все, но не сами, а со своими докладами. И этот день настал. Что-то мы с Сашей с горем пополам промямлили (он на хорошем, я на ужасном английском по бумажке), и настала очередь Мишина. Он вышел с легкой улыбкой и начал вещать на чистом испанском. Мы не понимали ни слова. Зал притих, потом стал улыбаться, потом аплодировать... Что он там говорил — выяснить не удалось. Откуда он знает испанский, мне тоже непонятно...

«Вить, — говорит он мне, — ну, о чем написать?»

Я предлагаю.

«Нет, об этом все написано, неинтересно».

И мы, любя друг друга, расстаемся. Я продолжаю караулить, как ночной сторож у вулкана Везувий, пробуждения его общественного темперамента.

«Ну, достали, — сообщает он мне через несколько дней, — сяду, напишу».

Я жду. Через полтора месяца он приносит текст ни о первом, ни о втором и ни о третьем. А о чем-то своем, но и о моем, и о нашем.

«Парторг сухогруза вплавь ушел — три зсминца не догнали».

У нас с ним есть общий друг — Боречка. Это выдающийся политический борец муниципального уровня и к тому же живет в Одессе. Мы часто спорим по общей международной обстановке, выпиваем, а выпив, играем в баскетбол. Боречка дает Мишину жесткую характеристику: «Золотой пацан, чтоб он нам был здоров».

Ну, что скажешь, когда человек прав.

В начале перестройки
возникли друзья из газеты
«Московские новости»:
«Предлагаем постоянный контракт».
Слово «контракт» звучало
реформаторски и демократски.
Я говорю: «А что надо будет делать?»
«Ты обязуешься писать в первую очередь для нас».
«А вы что обязуетесь?»
Друзья озадачились.
«Печатать, наверное».
Идея контракта понравилась.
«Московские новости» были близки —
как по направлению, так и по месту жительства.
И вот в «МН» возникла рубрика
«Искренне ваш» с моим портретиком.
Я на нем чрезвычайно мудрый.
Вообще, читать вчерашнюю прессу нелепо —
кому нужна злоба вчерашнего дня?
Но когда вчерашний день становится
позавчерашним, возникает новый интерес.
Уже исторический.
Такое вроде бы ретро.
Отсюда все эти рубрики:
«О чем писал наш журнал сто лет назад».
Тут, правда, не столетней давности писания.
Так ведь и время теперь
идет с другой скоростью.

ГОВОРИ, АВТООТВЕТЧИК

Эх, птица-тройка!..

Куды несесся-то?..

Скорость перемен ослепляет воображение. Через двери, форточки и щели все пуше рвутся сквозняки, пропитанные запахами диковинной еды, влетают блестящие обертки, доносятся отголоски неслыханного кайфа на океанском прибое.

«Стрэйнджерз ин зе найт» в Нечерноземье.

По диким степям Забайкалья, по былинному бездорожью бывшей империи, — для кого — зла, а для кого — несмываемой славы, — летят надменной красоты иномарки. Впрочем, какие, к лешему, «ино». Это наши уже марки. Нашенские уже мерсухи, бээмвэхи и джипы. Даже роскошнейший и длинный, как нога манекенщицы, «линкольн» — и тот абсолютно наш: крыло побито и не покрашено...

Чумное захолустье шалее от метаморфоз. Кто там в углу все долдонит, что новое поколение выбрало пепси? Пепси — наивная высотка шестидесятников... Новое поколение заглотило «сникерс» и ринулось к настоящим вершинам, где сверкает изобилие всемирных кнопочек, баночек и штучек. В воздухе все громче стрекочут стаи слов, непонятных головному мозгу, но возбуждающих спинной. Эпиляторы, модемы, сканеры, принтеры... Конечно, лазерные. И, конечно, струйные, да-да, особенно струйные!.. Поставки со складов. И откуда взялись эти дивные склады там, где прежде были только хранилища тухлой картошки? Теперь тут факсы, ксероксы и компьютеры с периферией. Периферия — это не провинция, мужики. Это наоборот. Это лучшие в мире сигареты «Вест». И лучшие в мире «Кэмел». И «Мальборо» — самые в мире лучшие. И поставщики — самые лучшие из всех мировых поставщиков, потому что уж покупатель тут точно — наилучший в мире. Ахнет,

взвизгнет, помчится — да и купит этот, как его... Автоответчик! Причем непременно струйный...

Да! Именно струи хлынувшей к нам передовой, наукоемкой, разъели коммунально-коллективную житуху. Эпоха общения испустила дух, расплюснутая безжалостной эрой коммуникаций. Вчера еще можно было хоть номерок накрутить: «Это ты? Это я! Ну как ты после вчерашнего?.. Завтра еще позвоню, узнаю, как ты после сегодняшнего!..»

Завтра настало, но узнать ничего нельзя. Не у кого.

То есть позвонить, конечно, можно, но никто не ответит. Нигде никого нет. Дома нет. В офисе нет. Жены нет. Детей нет. Полное впечатление, что население покинуло этот большой русский город. Теперь здесь между собой переговариваются только автоответчики. «Вы набрали номер... Нас, к сожалению, нет дома...» Для кого — к сожалению? Для автоответчика? «Необходимую информацию сообщите после сигнала...» Нашел дурака... Лучше послушаем, как трубка бормочет ту же чушь по-английски. Здесь теперь все непременно по-английски. Пришел сантехник, сказал, что прокладок нет, и оставил визитку: «Vasily N. Tryapkin, President». Судя по визиткам и автоответчикам, этот большой русский город заселили сплошные пэры и эсквайры.

Последний шанс пообщаться с живым существом напрямую — радиотелефон. Крутая вещь для крутого бизнеса, уважаемый! Шелестишь по Садовому в «ягуаре» и ведешь радиообмен с Колькой Рыжим — чтоб не забыл взять в сауну пива («хайникен» — лучшее в мире, поставки со складов немедленно) и телок высвистел. Кстати, телки сегодня тоже с антеннами. Прямо через спутник выходишь на Ляльку, интересуешься, как она после вчерашнего — в смысле, продала уже мочевину, или еще только протоколы о намерениях? Новая Россия не сидит на печи. Новая Россия сидит в сауне, где круглосуточно продает мочевину и подписывает протоколы о намерениях. Кто видел эти лица, может представить себе эти намерения...

В эту веселую кипучую жизнь зачем-то влазит скучное бубуканье: «Субъекты федерации должны

иметь равный статус...», «Субъекты федерации не должны иметь равный статус...», «Надо разобраться — кто относится к субъектам федерации...».

Ну нехай они там бубукают, а мы тут уж давно разобрались — кто. Вон хоть Колька Рыжий! Блин, о таких субъектах федерация раньше не могла и мечтать.

Да, жизнь наступила правильная. Об такой жизни Петька с Чапаем и мечтали за пулеметом... По утрам не от будильника просыпаешься, а от чирикания за окошком. Это, правда, не воробьи, не разные там щеглы-сороки. Птичье-то население точно покинуло этот лучший город земли, экологичный, как выхлопная труба... Остались пока вороны, но и те не рискуют каркать. Чирикают же и задорно переругиваются под окнами охранные сигналки автомобилей. (Ведущих, конечно, фирм! поставки, конечно, со складов!..) «Чиу-чиу-чиу!.. — Блю-блю-блюуу!.. — Уууу!.. Уууу!..» Песни джунглей.

Начальство насчет машин этих очень озабочено. Мэры, там, префекты — они как мыслят: то, что машины, — хорошо. А вот что они ездют — плохо. У Европы надо учиться, мать ее. Как завещал великий наш Петр Алексеич. Пешеходные зоны, понимаешь. Чтoб эти водилы за километр объезжали, чтoб экология. Ну и что, пробки? Пробки это пробки, а экология — это... А государственный ум... Да ведь время какое! Шире мыслить надо.

А шире — это за ради бога. Мы через такие зоны прошли — так уж пешеходная-то нам — тьфу!.. Кто местный, знает: не может такого быть, чтoб всем нельзя. Кому-то непременно можно. А раз кому-то — значит, и нам. Так что прямо через зону и покатым мы с тобой в ту сауну.. Раньше там только обком парился, а теперь мы с Рыжим... Ради того мы вашу демократию и строили!..

Ну, конечно, душа горит на этих гадов. Во-первых... Нет, во-первых, не это... Это во-вторых... А во-первых, завидно, конечно. Ему двадцати еще нет, а он уже... Когда я, который... Неужто ради этого... Чтoб эти морды... А мы, которые... А эти, которые...

Тут по телеку старую хронику показали — Хруща и этого Черненко прискорбного. Сдохнуть, до чего они у нас смешные были. Тогда еще тот академик в тюрьге сидел. Или его выслали, что ли. Нет, это писателя выслали, а академика — на химию... А тот как раз из психушки интервью давал этим, ну, которых наши глушили, чтоб мы не знали, что академик с писателем против наших гражданских прав... И за этих, за чехов... Или за чилийцев?.. У них еще наш большой друг был... Корвалан... Или Ким Ир Сен?.. Нет, погоди... Бабрак Бен Белла, вот кто. А в Америке тогда третий наш друг голодал — по программе «Время»... А ограниченный контингент с гастролями поехал за границу... А еще...

...А которые в сауне... неприятно... Прежде только обком... Но эти-то рано или поздно отмоются... А детишки ихние вообще втянутся чистить зубы. А внуки окончат Гарвард, или что там... Конечно, хотелось бы пообщаться сразу с правнуками — но не успеть... Придется пока с этими... И тут-то огромный плюс эпохи кнопочек: не хочешь — можешь не общаться лично. Набрал номерок — наговорил насчет мочевины на автомат. Прямо на тот самый струйный. И себе дома тоже установи: «Меня нету... Базар после сигнала...» А если нет у тебя такой информации, если нету струйного, если ты такой лопух, что у тебя даже мочевины нет... Тогда, значит, свободное время есть. Тогда сиди, лопушок, и снова читай нас, классиков:

«Эх, птица — тройка!..»

И так далее.

11.07.93

11.07.93

11.07.93

11.07.93

11.07.93

11.07.93

11.07.93

11.07.93

НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

В начале — слово.

Даже два.

Приставь к любому существительному слово «советский» — получишь знак качества. Советские квартиры, советские дороги, советское сельское хозяйство.

Приставь «социалистический» — предмет растворяется в мистическом тумане.

Социалистический гуманизм. Это каких людей любить? Только тех, которые за социализм, или всех, но лишь во имя социализма? Сумерки.

Социалистическая законность. То есть, с одной стороны, она, конечно, законность. Но с другой, конечно, социалистическая.

Разница между реальным социализмом и социалистическим реализмом стерта в силу непостижимости ни того, ни другого.

Советская социалистическая таблица умножения.

Пользуясь которой и получили результат. И напрасно орут, что ничего не удалось. Один результат налицо. Другого, может, ничего не сделали, но одну задачу решили точно. Новый человек — выкован!

Новый человек — он чем новый? Главное, тем, что он не за свободу, а за справедливость. То есть его не то волнует, что ни хрена нет, а чтоб это «ни хрена» — поровну! Не то обидно, что он — нищий, а то, что другой — нет. Его интересует, чтоб в очередях стоять по-честному всенародно. А для торжества соц. справедливости нарезать всем талоны. То есть конечно, сперва визитки по паспортам, по которым выдавать купоны на карточки. И уже по ним организовать списки на талоны. Так что в стране осталось всего две очереди, где без талонов пока — Мавзолей и «Макдоналдс». Можно их для удобства даже объединить. Как символ единства теории и практики. Зашел — поклонился, вышел — скушал пирожок...

Новый человек отличается от нормального не тем, что врет и ворует. А тем, что врет и ворует, одновременно возмущаясь враньем и воровством. Причем

и то и другое — искренне!

Под собственные стоны о нехватке духовности.

Какое-то помешательство. Один выскакивает, другой, третий: «Как так? В чем дело? Где наша духовность? Где ндравственность?»

Насмотрелся их всех по телевизору, думаю: и правда, ну что ж я такой бездуховный, как баран! Думаю, стану духовным. Часа полтора сижу духовный, потом надо собаку выгуливать... А вообще, конечно: жить, как мы живем, жрать то, что мы жрем, но оставаться нравственно прекрасными — вот задача, достойная народа-победителя!

Новый человек чужой опыт презирает, а свой — не помнит. Вон опять выскакивает на трибуну и опять — через столько лет! — начинает: «Эксплуатация человека человеком...»

Мать за ногу! А кем?!

У нового человека и язык новый. То есть он, с одной стороны, сузился, с другой — обновился. Без мата уже никто не разговаривает — ни хирурги, ни балерины... Мат несет информацию, все остальное — белый шум. Как в отдельности, так и в произвольных сочетаниях.

Недавно наткнулся опять: «О дальнейшем усилении борьбы за улучшение обслуживания покупателя». Здесь одно слово правды — «О». Остальное — бред. Ни усилить нельзя, ни улучшить, ни обслуживать. Ибо нет в стране покупателей. Покупатель — это который заходит, разглядывает, обнюхивает, выбирает — выбирает! — в окружении трех улыбающихся девочек и, выбрав, переходит через дорогу, чтобы выбрать там. Покупатель — это атом свободы.

К слову «покупатель» пристегни слово «советский». Получаешь одичавшее существо с безумными зрачками и хрипом: «Без прописки не давать!!» И он — не покупатель, и то, что он урвал, — не покупка. Это добыча больного охотника. И продавца поэтому нет. А советская наша Клавка — это не продавец, а втиснутый в грязный халат центнер ненависти и лени, приставленный к одному огромному корыту, и злая, потому что из него все украли еще до нее.

Новый мы человек. И логика наша новая, и эмоции

новые и мысли. И правительство — новей не бывает. Такого нигде в мире больше нет, чтоб народ ему со всех сторон вопил: «В отставку!», а оно отвечало: «Не мешайте работать!»

Ну, раз они — по-новому, значит, и нам еще новей действовать.

Мы их сменить не можем, значит, себя надо сменить.

Выйти на площадь с лозунгом: «Народ — в отставку!» Пусть они тут сами, а мы, чтоб не мешать, в леса уйдем, в болота, затаимся, отсидимся — дождемся, пока самодвижением природы у нас, у новых, не начнут все больше рождаться нормальные.

А тогда вернуться и на обломках этой новой жизни начать потихоньку возводить нормальное житье.

02.06.92

ЗАКОН ЗАГОНА

Свобода, мужики!

Воля практически!

Уже они там исторически решили: можно выпустить из загона!

В любую сторону твоей души!

Конечно, были схватки. Одни кричали: рано, наш человек еще не готов. Другие: наш человек давно готов, но не созрела страна. А самые остроумные их уговаривали: закон нужен, потому что его требует жизнь.

Они там всерьез думают, что жизни нужны их законы.

* * *

— Следующий! Имя, фамилия, отчество?

— Шпак Леонид Львович, очень приятно.

— Объясните, Шпак Леонидович, почему решили уехать из страны?

— А можно вопрос?

— Ну?

— Вы это спрашиваете, потому что у вас инструкция или вы лично идиот?

* * *

— Следующий! По какой причине решили...

— По причине — козлы! Я ему говорю: я не превышал! Он говорит: превышал! Я говорю: где превышал? Он говорит: давай права! Я говорю: козел! Он забрал права — я беру визу в правовое государство! Козлы! Козлы! Коз...

* * *

Жизнь за жизнью — течет очередь, исходит, истекает, утекает — чтоб нам всем провалиться... Вздохи, всхлипы... «Квота!», «Статус», «Гарант»...

* * *

- Следующий! Почему решили...
- Потому что я там живу!
- Так вы не наш? А почему так хорошо говорите по-нашему?
- Потому что я раньше был ваш, потом уехал туда.
- А чего ж вернулись сюда?
- Испытывал ностальгию, хотел повидать родину.
- А чего ж уезжаете?
- Повидал родину, хочю испытывать ностальгию!

* * *

...Отрывались проверенные, удирали доверенные. Писатели — поодиночке, балерины — пачками. Парторг сухогруза — вплавь ушел, три эсминца не догнали...

* * *

- Следующий! Почему едем, товарищи?
- Нэмци будем. Казахстана будем. Едем родной култура сохранять. Гамбург приедем — хаш делать будем. Гансик, дорогой, попрощайся. Скажи, ауфидерзеен, дядя Султан. Скажи, гуманитарный помощь посылать будем — с родной земли на родину..

* * *

Утечка мозгов. Утечка рук, сердец... Вслед хлипы: «Пусть катятся!», вслед стоны: «У, счастливые!..», вслед бормотанье: «Багаж... билеты... таможня...»

* * *

- Следующий! Ты-то куда собралась, мамаша?
- Куда? Никуда!
- А чего стоишь?
- Все стоят, я встала, все отмечались, я отмечалась. А сейчас, говорят, тут не сосиски, а визы. Ну, пусть виза, в морозилку положу..

* * *

- Следующий! Почему..
- Потому! Потому что все прогнило! Хватит терпеть! Хочу бороться против этого кошмара!
- Так тем более, куда ж ты? Иди — борись!
- Нет уж, дудки! Я — другим путем! Я, как Ленин, я из Женевы начну...

* * *

...И вслед плевали, и первый отдел ногами топал, и собрание было единогласно...

И вот — вперед, время! Уже можно официально — из загона. Спасибо за закон! Вовремя. Молодцы!

«Посадка на рейс Аэрофлота...»

«Следующий!..»

«Следующий!..»

«Следующий!..»

* * *

Кровотечение из страны.

23.06.91

понятие географическое.

Родился бы выше и левее — и звали бы не Миша, а Матти Хрюккинен, и был бы белобрысый, толстый, пьющий, и бензоколонка моя пахла бы пирожными, а не наоборот, как сейчас.

Родись ниже и правее — и был бы не Миша, а Мжабалсан, остроглазый, кривоногий, пьющий, и выгнали бы в шею из юрты начальника, потому что начальник не любит, когда пахнет не от него.

Или вообще — левее и ниже. Там тем более не Миша — там Марио, загорелый, курчавый, пьющий, полузащитник, тенор, любимец мафии, с надписью на могиле: «Марио от безутешной жены Джузеппе».

Судьба от географии, а география — как получится. И получилось, что не ниже, не выше, и не правее, а именно здесь, в центре. Ибо где мы, там центр. И действует у нас именно наша география: север — сверху, восток — справа, запад — там, куда плевали. Ну, в целом, конечно, недоплевывали, но направление угадывали верно: Европа там, Америка. Но как-то незаметно парадоксы пошли. Как-то по-тихому Япония вдруг стала — Запад, а она же справа и чуть ниже! Потом Корея, Сингапур. Теперь турки — тоже Запад, хотя эти вообще уже под брюхом... О чем говорить, братушки болгарские — и те уже на Западе. Короче: Запад окружил нас со всех сторон! На Востоке остались мы и раздраженная нами Куба.

И многие набрасываются на коммунистов — якобы все из-за них. Не надо их трогать, они и так уже в таком состоянии... Все несчастья — от собственной географии. Прежде всего — эта сумасшедшая территория. Из-за этих расстояний до нас все слишком долго доходит. Отсюда трудности взаимопонимания с остальным миром.

Скажем, они удивляются:

— На хрена вам столько танков?

Мы отвечаем:

— А сколько?!

Они говорят:

— А зачем вы умных людей — в психушки?

Мы говорим:

— А куда?

Они расстраиваются:

— Как же вы без собственности живете?

Мы их утешаем:

— А мы и не живем!..

Эх, география наша! Все эти мелкие, густонаселенные, иззавидовались: «Какая территория! Сколько возможностей!» Тупые. По нашей географии так: чем больше территория, тем больше места для неприятностей. Поэтому постоянно там — одно, тут — другое, плюс повсеместно тревожное ожидание: вдруг опять урожай?

И многие опять цепляются к той партии. Кричат: «Куда вы нас завели?» А те отвечают: «А чего ж вы шли, если такие умные?!»

Ни при чем они, говорю вам! Климат, рельеф, осадки — вот что влияло на организмы поколений и сместило наши мозжечки относительно земной оси.

Побочный эффект: способны понимать то, чего никто в мире больше не понимает. Сидит в телевизоре заседатель или там, заместитель, и при нем типа журналист.

И он заседателю:

— Насчет остального нашим телезрителям уже все ясно, но вот тут товарищ Семенюк из Краснодара интересуется: почему нет борьбы с коррупцией.

А заседатель:

— Действительно. Этот вопрос по коррупции вы ставите правильно. У нас сейчас как раз создана по случаю коррупции комиссия (они так и говорят — «по случаю коррупции» — видимо, по одному), и она уже разобралась, и факты подтвердились и та уборщица уже уволена и средства будут возвращены.

А тот ему:

— Так Семенюк и не сомневается, что будут, ему интересно — кому?

А этот ему:

— Это вы правильно ставите вопрос...

При другой географии такой разговор вне больничных стен.... А мы тут исхитряемся понимать...

Конечно, многие уже от этой уникальной географии изнурены. Многие ерзают, пихаются локтями и желают выскочить в систему нормальных географических координат. Но уже по первым рывкам и телодвижениям ясно, что, если начнем по одному отсоединяться, угробим друг друга окончательно.

Есть другой выход: всей конторой куда-нибудь присоединиться. Лично я предлагаю Англию. Конечно, англичан жалко — они к такой радости пока не готовы. Тогда промежуточный вариант. Забрать у них сюда Тэтчер мою любимую. Стране нужен хоть один толковый специалист с временной пропиской. А можно, например... Или....

Вообще у меня еще куча всяких географических соображений.

Но о них — в другой раз.

Если, конечно, география наша позволит нам с вами еще разок встретиться в той же точке наших пространств.

14.07.91

ТОВАРИЩ, ВЕРЬ!

Еды нет — плевать.

Худые дольше живут.

Тряпок нет — черт с ними. Купил газету, замотался — пошел.

Денег нет — еще лучше, газету не надо покупать.

Ерунда все. Главная катастрофа — веры нет.

Никто ни во что.

Фактам не верим, цифрам не верим. Опросам нашего мнения не верим — они ж наше мнение у нас спрашивают... Супругу не верим, ибо есть опыт. Любовнику — ибо нет иллюзий. Некоторые от тоски стараются верить в пришельцев, но тоже сомнения. Если они есть, почему все время гоняют свои тарелки по каким-то закоулкам? Почему не придут официально в центр и не объявят: все, базар окончен, хозяева прилетели...

Тут недавно опять: к чумному пенсионеру Крюкову прилетел НЛО, проник на кухню, сожрал все из холодильника и улетел. Контакт, конечно, установлен, но продуктов уже нет и веры нет — ни старому хрычу этому, ни НЛО... Я-то вообще думаю, никакие это не пришельцы, это наши, которые пытаются улететь...

Нет веры. Но это полбеда. Потому что у людей как: пропала вера, осталось недоверие. У нас ни того, ни другого. Вместо этого — уникальный гибрид: население живет в постоянном предчувствии обмана, помноженном на пугливую надежду: «Вдруг не обманут?», деленную на опыт, что обманут обязательно.

Отсюда уникальность всей нашей жизни. Потому что веры — никакой, а надежда — как ни странно. Хотя если вдуматься, вера без надежды — почти любовь. А надежда без веры — почти шизофрения.

Главный симптом всей этой перестройки: бурный понос эмоций при полном запоре логики.

— Ваше отношение к частной собственности?

— За!

— А к частникам?

— Убивать их надо!!!

В мозгах — сумерки, в сердцах — туман. Поверить дико хочется — но во что?

Побежал было в Бога верить — так там у входа толпа секретарей обкома со свечками, не просклизнешь.

Вообще дольше всего верили в справедливость. А потом вдруг заметили — кто бы нас в царство справедливости ни вел, по дороге непременно хапнет. Ну, ладно, раньше они материалисты были. Но теперь то уж куда? Все равно хапает — чтоб рука не забывала.

Вопрос: Тут просочилось, что вы построили дачу в миллион долларов при окладе в тыщу рублей. Это правда?

Ответ: Неправда!

И народ понимает: неправда. Значит, оклад еще меньше...

Никто — ни во что. Никто — никому. На что опереться? Должно же быть что-то незыблемое!

— Вы правительству доверяете?

— Я что, псих?

— А думе?

— Я что — два психа?

— А президенту?

— Я что, госпиталь?

— А где ж выход?

— А у меня бутылка с собой.

— Не верю!

— На, гляди!

— Этикетке не верю!

— На, хлебни!..

Хлебнул — не поверил, повторил — легкая вера пошла. Еще повторил — проснулся: голова горит, руки дрожат, вокруг все свои — синие фуражки, белые халаты.

Тогда поверил: действует, без обмана!

Значит, есть еще правда на земле. Есть еще пока.

БАБЫ!

*Обращение
лучшей половины
к самой себе*

Дорогие сестры!

Матери и дочери, жены и любовницы!

Работницы, колхозницы, интеллигентки!

К вам обращаюсь я, солдатки и матроски, старшинки и офицерки, генералки и адмиралки великой армии советских баб!

Подруги!

Родина — в опасности! Мы — у черты. И незачем бегать и искать, кто виноват. Ибо виноваты — мы! Многие годы мы были дуры. Под влиянием народных сказаний и картин Васнецова мы ждали милостей от мужика. И в процессе ожидания не заметили, что ждать уже не от кого, ибо мужик в стране исчез как класс. Потому что то, что вползает по вечерам в дом с перекошенной от митингов харей и урчащим желудком, не есть мужик! Это — побочный продукт того, что мы строили.

Правда, раскопки показывают: мужик в стране был. Но самых лучших мы потеряли в Гражданскую, самых достойных — в Отечественную. Последних нормальных мужиков правительство забросило в космос и выпихнуло на Запад.

С кем остались мы?

Пока мы здесь клали шпалы, месили бетон и рожали в условиях, в которых не рождает даже медведица, нас вели эти, которые с одной стороны, конечно, не женщины, но с другой — назвать их мужиками, значит, плюнуть себе в лицо. Нам достались алкаши и депутаты, при одном взгляде на которых у кормящих скисает молоко. Они теперь дорвались до своих трибун и еще сто лет будут орать, плевать друг на друга и разбираться — кто какой партии, кто какой нации, а кто просто козел...

Девки! От этих ждать больше нечего. Пора понять:

Родину продали не большевики, не троцкисты, не ко-операторы. Ее продали все мужики! Это они продали нефть, лес, уголь и на эти деньги устроили всесоюзную пьянку, а чтобы добить нас окончательно, еще и борьбу с пьянкой.

Они предали нас! Они лишили нас улыбок! Сегодня наша баба улыбается, только если ей меньше трех и больше восьмидесяти — когда она еще ничего не знает и уже ничего не понимает.

И у них еще хватает наглости нами гордиться! Конечно, кое-чего мы добились. Одна из наших стала летчицей, другая — чемпионка по лыжам, потому что так и не смогла купить другой обуви. Третья удачно вышла замуж и ходит по ковровой дорожке за всех нас. Эти могут отдыхать.

Но остальным пора действовать!

Образовать всесоюзный союз баб! А лучше — фронт. И поставить перед ними ультиматум: или они дают нам власть — или мы им не даем!.. Эта мера в Древней Греции имела громадный политический эффект. Твердо договориться — и никаких. Исключение сделать для спецназа добровольцев с целью привлечения твердой валюты.

Пусть знают: время работает на нас! Благодаря науке скоро вообще можно будет обходиться без них, добиваясь того же эффекта, но без запаха перегара.

И чтоб прекратили эту гулянку в нашу честь Восьмого марта! В этот день от них особенно тошнит.

Все в наших руках. Не исключена коалиция с зелеными и голубыми. Эти не обманут, по крайней мере, не будут обещать...

Подруги! Вчера было рано, сегодня еще можно! Опираясь друг на друга, мы вылезем!

За нас — природа. С нами — дети. Потому что не с ними же они!

Мы пойдем другим путем. Ибо путь спасения страны — прост. Это путь от бабы — к женщине.

Пройдем его — победим!

СЕЗОН БОЛЬШОЙ МАЛИНЫ

«Не с-с-ыпь мне соль

на р-р-рану-у-у!

Не гав-варр-ри навзыр-рыд!..»

Как можно говорить навзрыд, неясно. Ну и плевать. Главное, шикарно. Главное, душа горит. Или болит, что ли.

Гимн времени — блатная песня.

Раньше она была частью музыки, как зона — частью территории. Сегодня территория съежилась, потому что расширилась зона.

Музыка, язык, житуха — все приблатнилось. Повсюду свои паханы, свои шестерки. От детсада до крематория. Кожаная куртка — золотая цепь. Куда ни плюнь, хоть в ту же музыку.

Сцену делят как территорию рынка.

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА (*Второй звезде*). Концерт заканчиваю я, ты понял?

ВТОРАЯ ЗВЕЗДА. Скорей сам кончися.

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА. Я — звезда!

ВТОРАЯ ЗВЕЗДА. Ты звезда? Это я звезда!

А ты к звезде рифма!

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА. Кьяяааа!!!

И ногой — в кадык!

ВТОРАЯ ЗВЕЗДА. Бах! Бах! Бах!

И пулю — в кишечник!

И всплакнут кореша художников:

— Не сс-с-ыпь мне с-с-ссоль на рrrrrrrра-нуууу-у!..

Бельканто, бя.

Писатели, на кодлы разделясь, друг другу предъявляют козью морду.

— А ну, канай с моего кабинета!

— Сам растворись — это наша хаза.

— Что? Ай, братки, держи меня! Ай, замочу гада, чучело пожгу!

— Кьяяаа!!!

— Бах! Бах!!!

Инженера душ.

Экономика подзаборная, политика подворотная, культура ботает по фене.

В тексты указов хочется вставлять пропущенные междометия. «Постановление, бя, об усилении борьбы, бя, с преступностью».

Споров и дискуссий нет — везде разборки. В ларьке — разборка, на телеке — разборка. В думе — разборка в первом чтении.

— Братаны! Этот премьер, он на кого тянет? Он на законников тянет! А ну, голосни ему по темени!..

— Только голосни, я авторитета кликну! Референдум сбоку — ваших нет!

Сиплое время разборок, и во всех ты лишний. О чем говорить можно только языком подземных переходов. А другого уже и нет. Жуем все баланду из матерных корней и латинских суффиксов. Там, бя, префектура, тут, бя, дефолт.

Эти орут, народ в кризисе, те орут, народ на подъеме! А народ латынь до конца не понимает, но предчувствует точно: кто-то опять крупно сворует.

Почему за бутром жить легко? Потому что все четко — одни честные, вторые — воры, третьи — в полиции, которой первые платят, чтоб она ловила вторых. Каждый при своем. А тут уже не понять — кто кого ловит, кто кому платит, кто у кого ворует.. Все смешалось в диком доме... Профессия перекупщик краденного у нас изжила себя — некраденного в стране больше нет.

Время канает вперед, друганы вы мои огневые.

Прямымиком туда, где под напором зоны территория наша сожмется в последнюю точку. Где в крутейшем кабинете под сенью башен и звезд сойдутся всенародные авторитеты. Кожаная куртка, золотая цепь.

И понесется над страной заветное:

— Не ссысь мне ссс-соль на rrr-рану-у-у!

А фраера, вроде нас, подхватят:

— Не гавар-ри навзыррыд!..

Подпевать будем стоя, руки по швам — как поют гимн.

Гимн демократии, победившей в последней разборке.

КОШМАР ЗА СКОБКАМИ

Последнее время

упрекают, что много ругаюсь.

Мол, каждое второе слово — «козел».

Прислушиваюсь к критике и делаю из нее практический вывод: критики — козлы. Но отключимся от склок. Включим радио.

В эфире треск. Это великие перевернулись в гробах и сцепились в скандале.

— На, слушай теперь! Твоя работа!

— Моя? А кто сто лет орал: «Это я изобрел!»?

— И правильно орал! Я изобрел! Но изобрел — ра-ди-о! А не «Радио — сто один»! И не «Радио-семь»! И не «Радио-макси...»

— Ша, Попов! Молчи, Маркони! Не мешай слушать!

— А теперь, друзья, к нам сюда прозвонилась Аленка! У Аленки большое горе, у нее был мальчик Филя, которого она любила, но вчера она оставила его навсегда, и поэтому сейчас по Аленкиной просьбе для мальчика Фили я толкаю в эфир последний компакт, который только что притаранил в студию наш Петюня. Кстати, Петюня простужен, — не зарази нас Петюня, ха-ха! — и сейчас тут варит себе кофеечек. Надеюсь, он плеснет и мне. А пока мы насладимся крутой командочкой (средней внятности англоязычное бормотание) с ихним последним забойным хитом (англобормотание)...

* * *

Доморощенные рэйнджеры эфира, путаясь в деепричастиях, кайфуют на ультракоротких волнах. Мы за то и боролись — лишь бы они не кололись.

О, баби!

Но вот уже и потраченные временем дядьки и тетьки, задрав штаны, хромают за этим комсомолом. Уже и флагманские станции, где гудит еще эхо державного левитановского рокота, вдруг заголосили над головами сограждан, как муэдзины в Стамбуле.

— Радио России-и-и-и-и-и-и-и! — надрывается солидная некогда волна.

— Мая-а-а-а-а-а-к! — блеет другая!

Вырубаем радио — врубаем телевизор. И тут же начинаем любить радио. Потому что этих же еще и видно...

* * *

Щелк! — «...а те, кто обвиняет нас в коррупции, сами по уши сидят в коррупции... но эти факты нами уже переданы в комиссию по дерь... то есть коррупции, которая работает...»

Щелк! — «...не чисто, а безупречно чисто!..»

Щелк! — «...и уже вскрыла факты коррупции сил, которые пытаются не допустить разоблачений про коррупцию, которую пытаются свалить на...»

Щелк! — «...жареный арахис и много-много вкуснейшего шоколада!..»

Щелк!

Щелк!

* * *

В вольном эфире Родины весело плещется мутное единство формы и содержания. Единство содержания в том смысле, что все вещающие — за Россию и против тех, кто против России. Единство формы в том, что до такой всеобщей корявости никогда не опускалось даже бывшее радио бывшей империи. Ну и хрен

с ним. Мы не для падежей побеждали. Мы побеждали, чтоб телерадиоволна перестала быть огородом коммуняк и ихних прихвостней. Теперь, братва, мы в своем праве И потому в наш эфир теперь каждый может забежать, как в общественный туалет, и сделать то же самое.

Выключаешь изображение — получается радио (см. выше). Выключаешь звук — получается угадайка: телевидение какой страны ты смотришь? Сумасшедшей — правильно, но все же какой именно? Наиболее зоркие уверяют: все-таки это мы в России, мы дома все-таки. Они утверждают: зеленая в клетку рубашка плюс синий галстук на экране дают именно нашего парламентария, тем более он опять поискал пальцем в носу, в чем виновато само телевидение, разжигающее... забыл что.

Да и стыдно уж клевать этого парламентария. Он не виноват. Это нам урок: выбирать новый парламент из числа овладевших носовым платком, если такие уже есть, что не факт. Но вот этого телеведущего мы с тобой точно не выбирали. Мы с тобой не знаем, откуда он впорхнул в студию, этот безумный попугайка. Ахнул, ухнул, хохотнул, ущипнул какого-то мужичка, вроде даже президента (правда, бывшего, нынешнего под рукой не оказалось, а то б он и ему не спустил!), и дерзко так намекнул, что лично он его, бывшего, никак не одобряет. Тот было пригорюнился, да этот про него уж и позабыл, зато нас с тобой заметил. Так прямо нам с тобой, миллионам, и сказал: «Звоните, мои дорогие, мне в прямой эфир».

Это, значит, мы с тобой, миллионы — его дорогие, попугайки этого.

Что приятно, не один он там. Их — стаи.

Которые совсем молочные, чего-то там на своем птичьем языке блекочут насчет компактиков. Кто постарше, производит интервью. Причем исключительно эксклюзивные, ты понял? Тут на днях одна из этой стаи очень эксклюзивно того художника прищучила.

«Как же, — говорит, — вы можете честные картинки рисовать, если родились при Сталине?» Тот экал, бекал... Смехота! (Вообще-то он не художник был, а поэт. Или даже композитор. Да наплевать на него, главное, она в такой блузочке была — караул.)

Вообще же у волшебного ящика два варианта развлечений. А если выкинуть за скобки рекламу и тень борьбы с коррупцией, то вариант один.

В ящике — поют.

То есть мы будем так условно называть то, что они там делают.

Нет, конечно, мы за то и боролись, чтоб не коммуначки назначали, кому петь, а чтоб любой... Забежал, отстегнул — и музицируй. В конце концов, сортир теперь тоже платный, правильно?

Конечно, преувеличение, что каждый может. Отбор дарований ведется, и даже тщательный. Потому что случайно набрать на все каналы такое количество юных (не знаю как их назвать, чтоб не засудили) нельзя.

Что приятно — это что все с разной вокальной манерой. У которого гантеля в ухе — это Вовик, а которая босая, в тулупе, — Эльвира... Или нет, босая — это Юрик. А Калерия у них главная по клипам. Ох, последний клип у нее улетный! Помнишь, там такой паровоз, а она на фоне топки колготки снимает — видно, ей жарко от страсти. Кстати, о борьбе с преступностью. Вот же они, каждый вечер несколько татуированных амбалов суется в дыму, а стойка микрофона все никак не ломается. По сравнению с тем, что они поют, «Мурка» — это как бы «Аве, Мария». А эти из МВД все бормочут, что преступники в розыске. Чего разыскивать — включи ящик!

Впрочем, все ерунда.

Попов с Маркони помирятся.

Парламент выберут. Еще лучше этого.

Радио с телевизором разовьются. Искусство юриков через спутник доносится уже до самых дальних пастбищ. Ну, снизилось поголовье овец, ничего, овцы

втянутся. Наше поголовье тоже чуток снизилось. Тоже не страшно.

* * *

Даже детей не жалко. Они же другого не видали. А мы им не расскажем.

А расскажем — они не поверят и сделают поярче изображение и погромче звук.

10.10.93

КОФЕ ЧЕРЕЗ СУД

Значит, вы думаете,

что все эти люди, кричащие, что черных вон из Москвы, что жидов вон из России, что иуду Ельцина вон из Кремля, и заодно, что слава Сталину, — вы всерьез думаете, что эти добрые люди — носители какой-то идеологии? Вы и впрямь считаете, что вон та белоглазая тетка с раззявленным в крике ртом и красным флажком — борется за фашизм? Или за коммунизм? Или что она знает разницу?

Вот что, батенька. Не приезжайте к нам через десять лет! А прямо сейчас же поезжайте в Домодедово. Так у нас это... Реторта неона, сторож небесных ворот. Так поэт написал, большой фантазии художник. Проще сказать, аэропорт. Ну, так они это место назвали. Из начитанности.

А вам, батенька, приспичило, допустим, в Новосибирск. Конечно, могло приспичить и в Абакан, тоже славное место. Или в Душанбе, где якобы дыни. Но тебе, Ермак ты наш, именно в Новосибирск загорелось.

— Алло, справка? Рейс 171 вылетает по расписанию?

— По расписанию

Дураков нет верить с одного раза. Контрольный заход:

— Справка? 171 по расписанию?

— По расписанию.

Что-то больно гладко. Подозрительно. А ну, третий раз...

Опять говорит, по расписанию. Не к добру.

Ревущий кавардак из кожаных курток, мата, мусора, криков «Такси не надо?» (Всего за семьдесят тыщ до центра... Какой смысл за семьдесят до Москвы, когда за шестьдесят две — до Новосибирска.) Нищий деловито бормочет, что его обокрали (сожгли, изнасиловали, убили) и не хватает трех тыщ до Владивостока... может, и не врет, но для удобства считаем, что жулик, что пользуется ситуацией... До Владивостока ему... Нам самим, может, до Новосибирска... Гороскопы продают... Лотерея — можно прямо тут же огрести десять тысяч баксов!.. Выиграл — и в платный туалет. Сто рублей, и кайфуй... У дверей туалета: «Чебуреки с мясом!.. С мясом чебуреки!..» Интересное кушанье... А с творогом чебуреков нету? Были, говорит, у одной — возле справочного бюро...

«Справочное бюро».

Почему кстати, именно бюро, почему не ателье?

За стеклом — девушка, если конечно, не вглядываться.

— Девушка, сто семьдесят первый по расписанию?

Могла бы плюнуть через амбразуру, а она подтверждает, что по расписанию.

И что регистрация идет уже, и что слушать надо ушами, и что русским языком уже по радио сказали, кажется.

И стойка есть, и цифры горят, и регистрация идет. Неужели, действительно...

Регистрируюсь. Иду просвечиваться.

«Объявляется посадка...» Клянусь, именно на Новосибирск. Прохожу в пассажиронакопитель. Пассажиронакапливаюсь.

За окном этой грязной стеклянной кишки (реторта неона) стоят крылья родины. Неужели улетим? Не верю!.. Но вот она идет за нами.

Вот она пришла за нами, аэрофлотовская мисс лет пятидесяти в золотых коронках и нечистых сапогах.

— Сто семьдесят первый! Новосибирск, пошли за мной!..

Неужели улетим?

Не улетим.

— Переносится на сутки, — орет золотозубка, — самолет сломался.

Значит, он сломался, когда мы уже прошли регистрацию? Значит, они не знали? Значит...

Ну, дальше как положено. Тоскливые вскрики типа «Возмутительно! Вы не имеете!..»

Золотозубка четко послала.

Пошли. Облепили амбразуру «Начальник аэропорта». (Ну, так они это место назвали — аэропорт. Из садизма.) Там вторая мисс, даже миссис — в мохеровой кофте.

«По техническим и погодным причинам «Аэрофлот» ответственности не несет...»

Нормальный пассажир понимает. Но тут один тупой попался. (Это я был.)

— А по каким, — говорит, — несет?

Остальные попались тоже не умней. Ну, рейс такой.

— Вы хотя бы обязаны...

— Хотя бы гостиницу...

— Хотя бы автобус...

Один вообще чокнутый. (Опять вроде я)

— Хотя бы, — говорит, — кофе бы людям дали!

Ответ ее был гениален.

— Ради бога, — сказала аэромиссис. — Через суд.

Поступь прогресса сотрясает землю отечества! Еще вчера — пошел в ж... Сегодня — кофе через суд.

Правовое государство, о необходимости которого...

Практически построено.

* * *

Опускаю дальнейшие мелочи. Опускаю пропихивание к выходу через мешки, толчки, шелестящие вопросы кожаных: «Помочь с билетом, брат?» Опускаю путешествие из Домодедова в Москву, и назавтра из Москвы в Домодедово. Опускаю, что опять все справки наврали. Опускаю, что и назавтра не полетел... И что опять кофе — через суд. И опять из Домодедова на Большую землю... И вообще опускаю все, о чем уже и до меня и после...

* * *

А вот там одна девушка молоденькая сказала громко: взять бы автомат и всех их тут...

И по глазам ее было видно: могла бы. И тот мужик — мог бы. И вон та, с ребенком, — тем более...

* * *

И вот если бы автомат был у каждого пассажира... у аэромисс... у всех там в этом воздушном клоповнике... Или на железнодорожном... Или на почте... На рынке... И вообще... Когда уровень этой взаимной любви уже перехлестывает линию ординара... Плюс пятна на Солнце... Да плюс автомат...

Каждый второй дом давно бы стал — Белым.

* * *

Кстати, на выборах-то опять всех победим. Так что триумфу победителей посвящается.

31.10.93

ЛИЦА И ИХНЯЯ РОЛЬ В ИСТОРИИ

Историю угробили — раз.

Денег нету — два.

Отсюда — три: кто виноват?

«Лица кавказской национальности».

Так ты и пишешь, так мы и читаем. А мы — это тебе не мохнатые шовинисты и люмпены, а наоборот, гуманисты и либералы, то есть мыслящая часть, проще говоря, мы с тобой. Плюс Колька Рыжий, хотя он, конечно, не мыслящий, а такой долбо... ну, неважно.

А важно, что позор. «Лица кавказской...» Меня, как интернационалиста, прямо рвет. Совсем, что ли, у твоей газеты масла в голове не осталось? В наше горючее время! В нашей многоцветной стране! «Кавказ!.. Кавказ!..» Совесть у тебя есть? Кавказ — он что, один? А допустим, Урал тебе что, не горы? Что, эти с Урала, сюда не едут? Значит, не виляй, а объективно меня информируй: лица уральской национальности.

Легкого хлеба ищешь. Про Кавказ-то каждый может, тут на журналиста и учиться не надо. Они ж все загорелые. Мы их и без твоей газеты знаем, загорелых. А насчет остальных у тебя тишина — прямо до позора. Правду не видишь — не ной, что подписка не идет!

Короче, бери свой репортерский блокнот, пойдем на бульвар. Потренирую тебя, как проводник на местности. У меня-то на всякие лица нюх — бультерьеры завидуют.

Впереди, видишь? У которой из сумки макароны торчат? Однозначно: лицо нечерноземной национальности. Они там все при сумках с макаронами... А вон курят двое, наш озоновый слой копят. Справа — лицо курильской национальности. Слева — лицо курской. Про магнитную аномалию слышал? У нас тут все магнитные бури от них, от аномальных... А ко-

торый на скамейке, газету твою читает, — этих мы с самого начала так официально и называли: лица инородской нации. Из-за чего многие из них возгордились и прописались там, где нас с тобой нет, а главное, Кольки Рыжего. Из-за чего мы с ним огорчены на оставшихся...

Ну как, врубаешься помаленьку? Тогда тебе проверочная задачка на дом. Определить национальность личности, если мамаша личности — лицо западно-сибирской национальности, а папаша — лицо беломорско-балтийской, которое вследствие непрерывной пьянки приобрело межнациональные черты... Словом, сам же видишь, по бульвару нашему каких только лиц не шляется. А ты в своей газете одно заталдычил: «кавказской, кавказской...». Где твоя журналистская ответственность? Да разве ж мы имеем право в нашей демократской прессе всех этих чучмеков в одну кучу — что, мол, понаехали чурки разные? Нет, мы обязаны крайне деликатно и уважительно: а не много ли, ребята, в нашей гостеприимной столице развелось лиц енисейской национальности? Ну, енисейской, это, конечно, для примера. Я категорически отвергаю, чтоб кого-то выделять.

Учти, журналист, мы обязаны помнить, что мы с тобой интеллигенция, хотя и народная. И носовые платки у нас у многих уже, и те стихи мы в школе учили. Все флаги в гости будут к нам, а как же. Но Пушкин, он не мог всего предвидеть, как Ленин. Что эти флаги, которые к нам понаехавши, лицами своих наций будут напрягать наш исторический культурный центр.

Плавню переходжу к истории. Меня, журналист, даже бесит: почему ты в Мавзолей вцепился, прямо как в эти лица? Нет, спасти исторический облик — это и ежу понятно, это и Колька Рыжий бы понял, если б, конечно, протрезвел. Он даже пьяный бы понял, что в настоящий момент для нашей демократии нет задачи переее, чем вытащить из саркофага тело вождя и перепрятать в другое место. Народ сразу приободрится, поверит в Господа и станет работать как немец.

Вообще, снос — освежает. А снести Мавзолей и вов-

се есть дело чести, доблести и геройства. Вернее, полдела. Потому что восстанавливать историю — так до конца! Хватит полуправды! Навалились все на одну несчастную гробницу, прямо стыд. Кончай, журналист, паяться на Мавзолей, лучше назад обернись. И ответь: с какой стати на нашем историческом месте жирует этот магазин? Где, кстати, лица всяких национальностей так и кишат. Ихний ГУМ есть накипь на священной иконе нашей истории. Тем более такие цены... Его и в помине не было, когда история уже была. Взорвать и срыть, во имя истоков!

Но магазин — пшено. Ты снова обернись. Стены, башни видишь? Вот кто внаглую попирает наш исторический облик! Вскрылись документы: никакого Кремля не было, а история уже была! Конечно, многие втянулись, что он тут торчит, особенно иностранцы. Но нам с тобой что важнее — ихние привычки или родная история? Ну и восстанавливай правду, не бзди! Сперва выковырять из той башни часы. Часов не было, а история уже тикала. После часов свинтить звезды и вместо них водрузить исконных орлов. Орлята учатся летать, понял? И не слушай верещание всяких нафталиновых старух, что якобы под этими звездами у них вся жизнь прошла. Что дороже — ихняя стрекозиная жизнь или наша история? Потом, конечно, орлов тоже снести, прямо вместе с башнями, и этих Минина-Пожарского, и церкву пестренькую. Не забыть брусчатку вывыротить — брусчаткой и не пахло еще, когда история наша уже возносилась по спирали. И вот так, без мухлевки и халтуры, докопать до первоисточника. До самого мезозоя. Или до меозита? Надо уточнить, который из них древнее, чего-то я не помню. И ты, небось, не помнишь, и даже Колька Рыжий — вряд ли. Хотя когда мезозоя еще не было, Колька-то уже был... Короче, журналист, задачи ясны. Тут одна заноза — где взять средства на конверсию нашей истории. То есть откуда бабки, как говорят юные банкиры, перемигиваясь.

Плавню переходжу к бабкам. Идея простая, как табуретка, и решает все проблемы в комплекте, потому что увязывает наш финансово-исторический облик

с нашим же культурным уровнем и с географией мотающихся по нашему бульвару лиц.

Короче: хочешь гулять по нашему историческому центру с лицом своей захолустной национальности — гуляй, никто не тронет. Если, конечно, за то, что мы твое лицо не трогаем, будешь нам бабки отстегивать. А мы эти бабки и пустим прямиком на очищение истории, включая ремонт теплосети и борьбу с рэкeтoм. На рэкет наши власти в крутой обиде — он им налоги недоплачивает...

У идеи один недостаток — не моя. А лично нашего плодоносного начальства. Молодцы! Похоже, с Америки содрали. Там наверняка: кто свое лицо чикагской национальности в Нью-Йорк сунул — сейчас же бабки на стол... Зато и живут!.. Все есть — и история, и Майкл Джексон, и биг-маки. Но теперь и у нас все будет — даже еще больше. У нас-то вообще куда ни плюнь — центр. Тут — культуры, там — науки, здесь — наркомании... А всякие нации между центрами так и мелькают! Лицо туда — лицо сюда!.. Если в каждом центре с каждого лица — бабки, это ж сколько истории вернуть сможем! Сколько гробниц снести! Такой облик восстановим — мир содрогнется от восхищения! Живые деньги по бульвару мимо идут — аж карман чешется... Гляди, вон еще два лица кавказской... Верней, приамурской... Или задунайской?.. Нет, тут какая-то смесь сложная... даже я в тупике... Что-то больно у этих лиц хари противные... Так и врезал бы... А ну-кася, поближе... Тьфу, журналист!.. Это ж витрина! Это ж мы с тобой отражаемся!.. А на заднем плане, гляди — Рыжий! Значит, проспался, выполз на водопой... Сейчас он поближе подгребет, тоже отразится крупным планом.

И будет тебе, журналист, полная витрина нашего гражданского общества.

09.01.94

ТРИ КИРПИЧА КУЛЬТУРЫ

Так, теперь по культуре.

Значит, прекратили все плевать, материться и грызть ногти. Всеобщая формула культуры открыта, причем мною. Прошу конспектировать.

Тут некоторые долдонили, что дело в строе. Ну нет уже того строя. Никакого уже строя нет — ну и что? Ты-то остался!..

И не ты один — вокруг толпы спасателей культуры. Орды. Число создаваемых фондов больше числа спасаемых ими храмов. Хотя меньше числа воруемых икон. Потому что иконы — одна сторона культуры, а который их спер — другая сторона той же культуры.

Но это — мелочи. Главная проблема культуры — народ не здоровается. Навык бытовых приветствий утерян, как секрет булатной стали. Поздоровался — насторожил. «Что — здрасьте? На себя посмотри».

Конечно, не все так плохо. В консерваторию еще ходят. Причем многие без охраны, и даже на время Чайковского отключают сотовые. Тем более, Чайковский не сам, а со спонсорами. Концерт для двух банков с оркестром. В антракте сразу включаешь сотовый и бежишь сам понимаешь куда. Потому что Чайковскому уже все равно, а твой организм еще полон жизни... И ты устремляешься. А там уже, конечно, не Чайковский, а Булгаков. Как у него тот профессор бесился. Если, говорит, я все время буду делать мимо, это что ж будет? А то и будет, что есть. И не только в консерватории. По всей территории великой страны население убежденно делает мимо. Конечно, виноваты коммунисты. Неправильно вели народ к цели.

Хотя в целом культура при них цвела. Народ в трамвае не голых баб читал, а «Братьев Карамазовых». Театры, как амебы, не размножались. МХАТ — как дзот стоял! Большой — как броненосец «Потемкин». Справа по борту — «Щелкунчик», слева —

«Спартачок!» Мелкий лебедь на цыпках трепетал. Крупный погибал по расписанию.

Культура как космос была. Внизу премьера — вверх стыковка, тут — приезд цирка из Мордовии, там — выход через люк над Голландией. Кстати, в Голландии культура вялая — спутников нет. Одни тюльпаны. Я как-то забегаю — ну, с той же целью, что в консерватории... Кошмар, слушай, — всё в цветах, не разбираюсь, где там куда... Как представитель культурной космической державы, стою среди тюльпанов в нелепом положении. Тем более помню инструкцию, что у них там везде камеры... Ну, собрал волю в кулак — и так до Шереметьева. Помню, туман был, но сели четко, ориентируясь по обонянию.

Теперь даю формулу:

«Культура страны есть способность ее населения извиняться, здороваться и не делать мимо».

Эти три кирпича — базис. Остальное — все эти консерватории и спутники — надстройка, типа храма. Тут все как раньше. Храм — ударный объект пятилетки. Взяли встречный план — освятили досрочно. Во имя светлого небесного будущего. Кстати, где оно тут?

— Дети! А ну, не орать, а ну построились! «К борьбе за Божье дело будь готов! — Всегда готов!» В храм шагом — марш!

Вообще, когда строим, с культурой, конечно, проще. Не «здрасьте», а «здравия желаем». Не «извиняюсь», а «виноват». Но проблему третьего кирпича это не снимает. При каждой мишени голландца не поставишь. И строй тут не поможет.

Придется оттачивать глазомер поодиночке, до тех пор, пока вся страна не усвоит на практике формулу трех кирпичей, во что верю как истинный патриот отечественной культуры.

ДОЛЯ В ЯЩИКЕ

Доля России —

женская доля.

Как житуха, девушки? Да где вы все? Ау!!

Хочешь найти женщину России — нажми кнопку.

Спортивная блондиночка, распахнув синие глаза, на фоне Арктики жует жевательную резинку «Дирол» без сахара с ксилитом, предохраняя свои зубы с утра до вечера. Слышь, Маруся, значит, и ты теперь в полном порядке и не будешь визжать как резаная под районной бормашиной.

Четко цокает каблучками светская львица. На ходу протыкает шину мужниного авто, затем кромсает ножницами его же сорочку. «Женщина, которая держит свои сбережения у нас, может позволить себе что угодно!» Ну, Маруся, давай, значит, и ты тоже проткни своему что-нибудь! Других сбережений у него нет.

Женская доля России — кино в ящике.

По первой программе — «Мэгги, не прячь пистолет в лифчике». По второй — «Джулия, твой виски отравлен». По третьей — «Хуанита, у дона Альберто от тебя снова будет ребенок». Судя по бормотанию телевизора, он стоит в иноземной психушке. Но нет, Маруся. Это твой дом, Россия.

Где женская доля трудна, как выбор.

Да при чем здесь эта Дума? Думскими выбирашками занимались только эти женщины России в кавычках — их на всю страну человек тридцать плюс Ха-камада.

Женщины без кавычек придавлены проблемой подлинно драматического выбора — выбора прокладок. Выбор идет каждые пять минут по всем каналам, включая систему «Орбита», в присутствии всего мужского населения страны. Уже каждый старик, инвалид, алкоголик и либерал знает, что выбрать трудно, ибо прокладок до черта, и все — самые удобные в мире. Хочешь совет, Маруся? С учетом обстановки бери наши, камуфляжные...

Трудно тебе, Маруся.

«Бош» или «Сони», «Карден» или «Аристон». Это не то что «Зюганов или Жириновский». Те — только до следующих выборов, а «Индезит» прослужит долго. Но зато тех в урну ты кинула бесплатно.

Судя по ящику, самая главная проблема у баб России — выбрать, в каком именно ночном клубе расслабиться после дневной укладки шпал. Девки, мы где сегодня? Мы там, где «Мартини Бьянко»?

Там все не поместятся.

Где остальные? Судя по ящику, в очереди к доброй Марии в белом халате. «Мария, что делать?» «Спокойно, — говорит Мария с улыбкой леденящего душу сострадания. — Надо дать мальчику панадол — и у него больше никогда ничего не будет болеть...»

Дракула отдыхает. Он отдыхает, а добрая Мария уже всучила панадол старушке, у которой тоже все пройдет навсегда.

Женская доля России — тяжелое бремя красоты.

Деловито перебирают бледными ножками королевы и мисс. «Миски», как называют их циники. «Мисс Москва». «Мисс Тула». «Мисс Кривой Рог». Поедет в Анталику «мисс Очарование». «Мисс Грация» — на Кипр. «Мисс Обаяние» получит шубку и вернется в Тюмень. «Миски» желают стать моделями.

Хотят моделировать — делать Марусе жизнь с кого.

Ибо доля России — женская доля. Правда, на днях одна кричала, что где-то тут, вне ящика, есть какая-то другая жизнь и бродят какие-то другие женщины, у которых и доля какая-то другая. Достаточно, мол, выглянуть в окно...

Не дай Бог! Мы же не случайно окно на улицу заменили «окном в мир». В этом окошке вид веселее.

Вылезать за пределы ящика вообще есть преступная глупость — там же снег не убран, там тетка пьяная в подземном переходе батон продает, там в троллейбусе не пихаются топ-модели, там сельский клуб забит досками, и не слышать воплей «Ваши аплодисменты!» и «Приз в студию!» Там, вне ящика, и впрямь можно наткнуться на неизвестные дорогим телезрителям существа, одни из которых, видимо, и есть жен-

щины России, а другие, что еще страшнее, ее мужчины, о которых умолчим, чтобы не омрачать начало этого крысиного года... Нет-нет, там, вне ящика, какое-то все ненатуральное, придуманное.

А нам , девочки, правда нужна.

Мы же помним, доля России — женская доля. Так что хватит болтать! Нажимай скорее кнопку. Айда, девочки, смотреть про нашу настоящую жизнь.

1996

Вы еще ничего

не знаете, а мне тут такое сообщили! Мне сообщили, что я — академик. Ну, образовалась такая Академия Сатиры, что ли, и Юмора.

И вот я там, значит, академик.

Я, скажу, приободрился. Потому что сбылись мечты.

Как-то всегда хотелось. Белый халат, ермолка, домработница Дуся, слова типа «голубчик» и «мой юный друг». Такой академический академик, из кино пятидесятых. Сегодня-то академик — это плешивый тип в мятом костюме, который всю жизнь просидел в секретном бункере, изобрел дико секретную гадость и получил за нее премию — настолько секретную, что сам о ней не знает.

Но неважно — какой академик. Все равно звучит. Действительный член. Член-корреспондент. Лучше всего почетный член: тут чем меньше потенция, тем выше почести. Правда, ходит слух, что среди академиков тоже есть жулики. Хотелось бы верить, но, скорее всего, врут.

Потому что в стране уже установился такой уровень вранья, что самые честные здесь теперь — это астрологи. У них, по крайней мере, логика. «Луна вошла в неблагоприятную фазу, так что пенсионерам в среду не следует рассчитывать на кефир». Проверить невозможно, оспорить невозможно. Луна, действительно, вошла, и кефира — нет... А что голова трещит — все претензии к Меркурию. Тебя же вчера ясно предупредили: «Меркурий вот-вот упрется в Козерога», а ты опять напился как свинья.

Да, астрологические академики — самые надежные. К тому же, в отличие от прочих, они изящно излагают. «Россия три года будет лететь над пропастью, но затем Юпитер сместится, и мы приземлимся на мягкое место и возродим духовность».

Верю! Тем более прогноз подтверждают иностранцы, что для местных академиков — главное.

— Ваши соображения о ситуации в России, сэр?

— О! Россия — большое будущее, но, конечно, очень большие ресурсы, но, конечно, очень сердечные люди, но, конечно, в моей гостинице «пять звезд» очень воруют.

Смешные, слушай! Его поселишь в номере с удобствами, скажешь, что это у нас такие «пять звезд», — верит. Никак не врубятся, что у нас в стране один настоящий отель «пять звезд» — это Кремль. Где, кстати, у постояльцев не воруют. Скорее наоборот.

...А вот астрологи — молодцы. Настоящие академики. Шапочка, кисточка, а главное, все время какое-то разнообразие, интересно следить.

«У Близнецов с утра возможны выгодные сделки».

«Рыб и Скорпионов ожидает неприятный секс от двух до пяти».

То есть радуется, что возможны варианты. Потому что остальные-то бубнят одно и то же. Все статьи, передачи и выступления начинаются фразой: «В то трудное время, в которое мы живем...» О чем бы ни говорили. О коксовой батарее — «В это трудное время...», о конкурсе скрипачей — «В это сложное время...», о пользе презервативов — «В это мрачное время...»

Можно подумать, у них будет другое время. И другая жизнь. Заявляю как академик: не будет!

Ни времени другого не будет, ни места.

Ни друзей поумней, ни врагов поблагородней. И женщин других не будет — более отвечающих нашим высоким запросам: чтоб готовила, получала в валюте и была развратной девственницей. И шуток поостроумнее не дождетесь, и шутников повеселее.

Да, эта звездная академия тоже может врать. Даже наверняка. Не врут только сами звезды. Но пока их честный свет дойдет сюда, мы уже уйдем отсюда, из созвездия под названием «Здесь и сейчас».

Ну, тускловатое; ну, не центр галактики. Но — наше. До тебя его не было, после — не будет. Проникнись — и померцай остальным по-хорошему.

Ну хоть лично мне мигни разок.

В знак того, что не зря тут клокотала моя академическая мысль.

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Уютно сидя в блиндаже,

уютно вытянувшись в окопе,
уютно укрывшись в воронке от снаряда,
уютно забежав за блок-пост,
уютно скрючившись в реанимации,
уютно опускаясь в братскую могилу,
и все вместе уютно
устроившись у телевизора...

Освобождаем заложников!

Во главе с главным. Он, как узнал, дико огорчился. Генералов — на ковер. Как вас, говорит, понимать?.. мать! Ну, те от ужаса потеют, потому что сами не знают, как их понимать. Особенно тот пограничник, он-то воображал, что граница — это между теми, кто внутри, и теми, кто снаружи, а оказалось, границы все теперь прямо тут, внутри... Он начал было: виноват, опозорен, в отставку... Тоже, цаца! Все опозорены, и ничего, а он... В отставку ему. Обойдется!.. Кстати, у нас в доме между подъездами граница тоже открыта, и бомжи туда-сюда шастают и гадят... ну это к слову...

Короче, как главный им всем вставил, так они ему в секунду — план. Детальнейший — вплоть до дыма. Потому что в дыму легче работать снайперам. Их тридцать восемь ровно. И все следят за целью. Причем каждый — за своей! Цель, понимаешь, направо — и снайпер направо. То есть все до мелочей предусмотрели. Даже образовали штаб — по выборам. Правда, пока неизвестно — для выборов кого. Он пока не решил, он в феврале решит, как будет лучше для россиян, понимаешь. А штаб-то уже будет. Чтоб отслеживал. Дума, допустим, направо, и штаб направо. Но это в феврале. А в январе главная цель — спасти заложников. Причем главная цель — наказать террористов. Правда, тут этот помятый правозащитник опять выскочил, начал вякать, что двух главных не бывает, что одно всегда будет главнее другого... Примитив. В диалектике не сечет. В правовом

государстве главное — неотвратимость наказания. Но параллельно неизбежность поощрения. Поэтому между залпами «Града» слышна пирушка победителей.

— А кто будет главный по бюджету? Из яблоков? А по обороне? А давай так: мы вам — комитет по налогам, а вы нам — по обороне, а этому, нервному — по контролю за водкой и охране детства от материнства... Какие женщины? Нету больше в России этих женщин, они в прошлой Думе были!.. А в коридоре вот — это не женщина, это в коридоре телевизор, это она там в Кизляре... то есть в Трабзоне, она с парохода с этого... Кстати, в странах, где цивилизация, там с террористами не чикаются. Ну-ка, глянь в зеркало, скажешь, у нас с тобой рылы не цивилизованные? Так что эти бандиты и боевики у нас получают. И заодно спасем заложников, а правительство — в отставку. Ну, кого удастся. В смысле кто убежит, и мы их найдем и допросим, может, он боевик. Кстати, боевик и бандит — у них права разные?

А у нас другие права. Даже святая обязанность. Тщательно подготовиться — и спасти этих настырных заложников с парохода... Есть данные, что уже вышли в нужный квадрат наши малоп шумные подлодки... Цель направо — и перископ направо, цель налево — и лодка туда. И атомной торпедой пониже ватерлинии, ювелирно — чтоб не замочить заложников...

Кстати, заложники — это, в принципе, кто? Это кто не влияет. Это когда безвыходка. Когда ему говорят лежать и он лежит. Когда его спасают и он покорно ждет снаряда.

Великая страна заложников. Власть направо — и мы направо, власть налево — и мы туда. Все — в залого.

Мой прогноз в борьбе с терроризмом: про заложников скоро пойдут анекдоты. Это обозначит, как говорят пошляки, что мы, смеясь, прощаемся с прошлым. То есть что уже совсем к нему привыкли.

А будущее... Вон оно — слышишь из роддома крики? Да нет, пока не Радуев — еще одна родила... Мальчик? Нет? Ну, все равно, радость.

С новорожденным заложником вас, мамаша.

МАРТОВСКАЯ ПЕСНЯ

*Как март — так заводят
они старую песню.*

— **Ай** ты,

наша рыбка-зайка, ай ты, сладкая!.

С праздничком тебя, дорогая наша космонавтка!

Расцветай нам на радость, золотая ты балеринка!

Ну, как не купить тебе в этот день мимозу, сюська
ты наша!

Как во имя твое не вынести мусор!

(Так они острили еще при царизме.)

Дай те, Боже, здоровья покрепче, валютки подтверже
и этого самого по охотке — причем именно по твоей!

Ах, ты курочка!

Ах ты, мать твоих детей!

А ну, давай, Клавка, тащи еще пузырь! За тебя
ж гуляем, зараза!

Сколько раз его просила — празднуй молча.
И так тошнит.

Последняя надежда — на феминисток.

Эти из нас самые серьезные.

Который мужик с ней первым поздоровается — убьет.

Поздоровается вторым — ранит.

Вовсе не поздоровается — засудит.

А теперь повылазили еще и мужики-феминисты.

То ли потеряли ориентацию, то ли обнаружили
совесть.

Их, просветленных, единицы.

День и ночь волнуются о нашем положении.

До того возмущаются нашим беспорядком —
аж смотреть боязно.

На днях один себя за грудки схватил.

— Почему, — кричит, — женщин мало среди на-
чальства? А?! Я вас спрашиваю!

(А глаза честные-честные. Явно, депутат.
И такой просветленный. Явно, феминист.)

— А потому что их много среди чернорабочих! —
сам себе ответил шепотом.

И в рыданиях забился.

А еще он дискутирует — не запретить ли аборты.

Ну, бесчеловечно же, девушки!

Залетаешь из-за этого гада ты, а дискутирует он.

Хорошо бы мнением его мамыши поинтересоваться.

Да ну их всех.

Есть же и хорошее на свете — вон, хоть колготки
«Леванте».

Ну, действительно.

А то еще на лыжах всех обогнали. Тем более
в Японии.

А самое-то главное... Ну как его... Да нет, не Кирко-
ров... Погоди, вспомню..

А, ну вот! Теплеть же стало!

Солнце, девки!

Скоро эта дрянь кончится, слякоть эта.

А там... Возьмешь своего — и в Турцию.

Ну, хотя бы своего, черт с ним.

Нет, вертится Земля, конечно, мужиком.

Это он ручками-ножками сучит, крутится, суетится...

Но держится Земля на бабе.

Как острит тот феминист — на женщине.

Подпевай же веселее, несчастный!

Подхватывай старую песню Марта:

— Спасай нас и впредь, о ласточка!

Храни тебя боги, о дивная!

Открыли,

что Вселенная расширяется, и тут же — на банкет.

Чтоб скрыть главное: Вселенная расширяется, но мир сжимается.

Из глобуса вышел воздух. Шарик съезжился и опал. Понятие «за горизонтом» стало означать «на том свете». На этом горизонт прекратился. Солнце больше не всходит и не заходит — просто челночит между твоей кухней и спальней соседки.

Космонавты возбуждены:

— «Земля», «Земля»! Земля-то уже совсем маленькая!

— Шутки на орбите! — орет Земля. — Сокол-два! У тебя сбор слюны по программе!

— Да не шутки, — бормочет «Сокол», — а маленькая... Вон Париж, а вон рядом Сызрань. Прямо сливаются. Париж даже побольше...

Верить не хотели. В Сызрани-то бывали, и от мысли, что Париж с ней может слиться... Но потом сами съездили во все места и поняли — «Сокол» прав. Мир сжимается. Сперва исчезли расстояния, теперь пропадают различия.

Нет больше смысла пересекать границу. Включил компьютер в Балашихе, вошел в Интернет, вышел в Уругвае — один к одному. Там грипп, и тут грипп. Там от тебя жена ушла, и тут — от тебя же... Местные языки и диалекты слиплись в один глобальный:

«Ю хэв мани, ай вонт ю».

Расизм теряет почву — и белые и черные одинаково отстираны отбеливателем «Эйс» в новой упаковке. Остались мелкие нестыковки по климату. Там уже сезон дождей — тут опять сезон грязи. Но уже и там и тут — *панасоник, фанта и мулинекс — надо жить играючи...*

...Он и так был на грани, но добила его эта овца. Они ее клонировали, несчастное животное. Ночью метался и орал — ему снился Арбат, забитый барана-

ми с одинаковыми пятнами на лбу..

Проснулся в поту. Накинул трусы и — на вокзал, на электричку.. И напрямик — через леса, поля, болота, мимо геологов, егерей, браконьеров... Пограничная собака потеряла след. Подняли вертолеты. Чтоб не засекли, сломал рацию, выкинул компас, по звездам вышел точно к океану — не к тому, неважно! — переплыл, питаюсь планктоном, и снова — по тундре, через ущелья, по кишашей автогонщиками пустыне... Вошел в саванну, вырвал из пасти льва попугая, научил кричать «Козлы!», выпустил. И — по хребту, по водопаду, в самые дикие, жуткие, где не ступала нога.

И там, в этих джунглях, нашел!

Они вышли из папоротников. С луками и копьями, не нюхавшие пороха и табака, все голые, хотя уже познавшие стыд — женщины прикрывали листьями уши.

Вот же оно, Господи, хотел он заплакать.

Спасибо, Господи, хотел он заплакать.

Нетронутое, первозданное, заплакал он.

Ты сохранил, Господи!..

И тут к нему вышел вождь с кольцом в носу и в знак дружбы вручил священную реликвию племени — прокладку «Олвэйз плюс».

Он забился, завыл, стал тыкать в себя отравленной стрелой, но вождь снял с кольца в носу мобильный, вызвал службу спасения 911. Те примчались, смазали йодом, дали снотворное и вернули в большой мир. Который, пока он спал, съежился до размеров его комнаты, и все, что есть в мире, уместилось в ней — панасоник, фанта и мулинекс — надо жить играючи.

И он проснулся и зажил как надо. Играючи-играючи. Как надо.

И последнее, что изредка нервирует его, — расширится ли все-таки Вселенная?

Вспомнит про это, насупится, подойдет к окну, уставится туда, где был некогда горизонт, и длительно мыслит, почесывая пятно на лбу — как раз между рогами.

Была у одного мечта —

стереть грани. Между городом и селом, между мозгом и мускулом, между кукурузой и желудком.

Мечтатель не дожил, но греза сбылась — в части искусства.

Тут уже стерты не только грани, но память, что они были. Что была черта, отделявшая количество художников от качества художества.

Сегодня ни качество никого не интересует, ни количество. Граней нет — есть рейтинг. У этого рейтинг опять упал. А у того никогда и не поднимался. Этот небритый рейтинг прополз в искусство из шахмат и сексопатологии. Там он определял достижения — здесь он их заменяет. «В последнем хит-параде Даниель по рейтингу сравнялся с «Ариэлем». Да, один из них певец, а второй — стиральный порошок №1 в Европе. Ну и что — поют одинаково.

Рейтинг торжествует, грани стираются. Хотя с разной скоростью.

Грань между скульптурой и тем, что этот парень налепил у нас на каждом углу, пока еще видят все — кроме давших деньги. Грань между балетом и отсутствием координации уже и за деньги никто не видит. Да какая грань — тот Моисеев и этот Моисеев. Упразднилась грань между провалом и триумфом, хотя в случае провала банкет длится дольше.

Путь от великого до смешного один шаг — и мы этот путь прошли. На окружающих нельзя смотреть без смеха — настолько все уверены, что они великие. Хотя ты-то точно знаешь, что великих всего двое. Первый — ты, второй — ты в зеркале.

А вообще, скромность творцов — за гранью.

— Ты фильм видел?

— Нет.

— Потрясающе! Грандиозно! Зал рыдал!

— А чей фильм-то?

— Мой!!!

Все это — на фоне неуклонного стирания грани между мужским и женским. Процесс обоюдный. Навстречу отрядам перебежчиков-мужиков несутся эскадроны баб-дезертирок. Некоторые так часто меняют ориентацию, что уже вконец запутались и даже не знают, с какой стороны садиться в телепередаче «Про это». (Скорбный диспут тех, кто *этого* не может, с теми, кто *этого* не хочет, при участии экспертов, плохо помнящих, что *это* такое.)

Где исчезают грани, возникают смежные профессии. Импрессарио в законе. Продюсер-авторитет. Гастрольная деятельность жива только усилиями региональной братвы. Пацаны-меценаты встречают, поселяют, организуют аншлаг и не скрывают уважения в сауне.

— Какие люди, блин. Народные артисты. Моя Люд-ка от тебя — кипятком!..

Такой душевности не бывало со времен Третьякова. Новые братки отличаются от старых администраторов тем, что, во-первых, больше платят, во-вторых, меньше пьют, в-третьих, все-таки выпив, могут от любви замочить, о чем потом пожалеют, но лучше сесть на поезд, не дожидаясь.

Но и бояться, во-первых, глупо, во-вторых, поздно. Ибо грань между братвой и богемой стирается на глазах. Уже сейчас по виду не понять — кто из зоны, кто из ВГИКа. И те, и другие в татуировках, и те и другие целуются при встрече. Конечно, братва пока не так сильно матерится, а богема пока не называет друг друга «брат». Ничего, вот-вот сойдет на нет и эта последняя грань.

И воплотится в житуху мечта — чисто конкретно. Все люди станут — братья.

1998

ЮБИЛЕЙНО- АЛКОГОЛЬНОЕ

Это не дата. Это века.

До нее наша история была чередованием двух лицемерий.

Одно именовалось У-Нас-Не-Пьют, второе — Пьянству-Бой. Во дни первого считалось, что зла не существует. Во времена второго — что с ним усиливается борьба. Иногда караул сбивался с ноги — тогда одновременно утверждалось что у нас не пьют, и что при этом пьют все меньше. Логика смущала только новичков-иностранцев. Абориген, плюя на логику, жил практикой: дают красное — пропало белое, пропало белое — ждут розовое... Закрыли рюмочные — открыли ларек, закрыли ларек — открыли подъезд... Как на качелях.

И вдруг... Молодые не представят. Старики не выразят.

Как эта партия, долгие годы под свои же тосты киравшая вместе с народом, вдруг объявила собутыльнику: пить нельзя!

Вообще!

Народ остолбенел — это было поистине новое мышление. Местом, чтобы объявить о тотальной битве с выпивкой, выбрали Грузию — уже одно это обещало по-настоящему крупный, исторический идиотизм. Дальше — только успевай вспоминать...

...и «сухие» черноморские теплоходы, где пассажирский контингент, выпив в первую же ночь то, что пронес с собой, весь остальной круиз прожигал жизнь с помощью лимонада. Глядя на эти плавающие кладбища веселья, чайки сходили с ума...

...Бетховена и Пушкина — первый сочинил песенку со словами «Бездельник кто с нами не пьет», второй бездумно предложил: выпьем с горя, где же кружка... Оба имели проблемы на радио...

...и безалкогольные свадьбы, где «Горько!» звучало издевкой...

...и лица официантов в первые дни после... и звездные часы ночных таксистов...

...и как на полку легла половина фильмов, а в остальных исчезла половина кадров...

...и приемы с одним нарзаном, на которых ихние дипломаты делали вид, что так и надо, а наши — что сами не местные...

...и, конечно, того неизвестного инструктора райкома, который не убрал бутылку из ящика рабочего стола — и положил билет на стол. Где ты, человек чести? Отзовись, мы тебя — в Думу!..

...А еще...

Все! Хватит топтать вчерашний день — настала новая жизнь!

Логика победила. Глупой войны с алкоголем партия больше не ведет. И умной не ведет. Ни одна партия.

За бутылку в ящике стола сегодня никто не тронет. Держи в своем ящике хоть целый ликерно-водочный завод. Только плати налоги. Или откупись.

Прежние начальники были ханжи. Надирались по-тихому, легши на грунт, за бетонным забором... Всплывали на поверхность только протрезвев. Лицемерие закрытого общества. Сегодня эра искренности, стесняться глупо. Выпил — не выпил — иди к людам. Хоть ты префект, хоть депутат, хоть дирижер. Главное, не сильно качайся возле трибуны в канун выборов. Мы качающимся параламентам страну не доверим...

В целом с той атмосферой страха покончено. Все эти разборки на парткомах, на месткомах. Тоталитарный мрак. Теперь у нас каждый есть личность с правами человека... то есть человек с правами личности... согласно хартии... или декларации... Короче, свалился возле этой урны — лежи спокойно, о плохом не думай: ты под эгидой ООН...

Было глупо — стало наплевать. Вместо бездарной войны — никакая. Визги «Споили народ!» заглушены бульканьем презентаций.

Качели — в другую сторону..

Правда, говорят, «новые русские» не пьют. Ну, по-

чти. Молодцы! Аплодирую им обоим... А еще, говорят, на днях в одном поселке все мужское население влетело в реанимацию. Со смешными результатами вскрытия: оказалось, кишки мужикам прожог вовсе не «Мартини Бьянко»! Отсюда парадокс: в стране еще не все русские — «новые». Как и нерусские, впрочем.

Отсталые бабы в том поселке выли по-старому.

Эту дату-веку мы отметили юбилейным заседанием с одним достойным человеком.

«Я думаю, — сказал он, наливая, — что всю эту антиалкогольную кашу заварили защитые. Защитый есть проводник всякого экстремизма».

«Согласен», — согласился я.

И мы выпили — против экстремизма.

«Мировой опыт показывает, — сказал я, наливая, — что пессимисты чаще спиваются, чем оптимисты. Когда страна начнет лучше жить, она не будет столько пить».

«Согласен», — сказал он.

И мы выпили — за оптимизм.

Мог бы возникнуть вопрос: будет ли она вообще жить, если будет столько пить?

Но мелкие частности только омрачили бы наше юбилейное торжество.

28 декабря 1999

Пристади:

почему ты ни слова о Чечне? Остальные уже доложились, некоторые даже по два раза. Тебя что, такая трагедия не потрясает?!

Не потрясает.

Потрясение есть острое изумление. Нету изумления. Комедия бы изумила. А трагедия... Что значит — таких не было? Ты-то почему знаешь? Тут же степень трагизма традиционно измеряется числом покойников. А число неизвестно, потому что засекречено. Что значит, от кого? От тех, кто еще не покойник, чтоб не суетился раньше очереди. Хотя просочилось — по закрытым данным живых в стране пока еще больше. То есть успех операции налицо. Такова уж наша боевая традиция: успех — неизбежен. Рухнул дом — успех снаряда. Устоял — успех кирпича.

Вообще, Чечня — это когда сбрендивший врач пытается лечить психа, возомнившего себя психиатром. При этом окружающие удивлены результатами лечения и обижаются на вранье персонала. До хрипоты: «Нам же врут же! Это как же! Это нам же!..»

Ну, действительно: за всю родную историю нам никогда не врал никто, и вдруг.

Нет, если что и потрясает, так не факт вранья, а качество. Истинно марочное вранье: без малейшей примеси логики — даже лживой. На фоне этой пеннистой враки очень убедительно звучит словосочетание «права человека».

— Какие права?! Какого человека? Где этот человек?

— Вон он!

— Где?

— Да вон лежит, босой!

— Это не тот! Этого уже опознали, сейчас будут запаивать... А тот где? Тут комиссия по его правам приехала...

— Вон он! Вон вскочил, побежал! Жмуриком прикидывался! Не видишь? Плянь через прицел! Эх, ушел, гад, в подвал юркнул!..

Вот из-за таких юркающих комиссия не может переделиться — то ли тут прав человека вовсе нет, то ли есть, но их попрали. А которых права попрали, не участвуя в дискуссии, сидят в подвале — ждут, когда их закидают гранатами.

Как — во имя чего?! Да целый же комплекс! Во-первых, ихние права, во-вторых, вообще законность, особенно чтоб нефть не сосал, кому не положено... Такой узел — головная боль. А тут еще в коридоре эта мамаша убивается, мешает решать вопросы... Мы вместе с ней, конечно, скорбим... Всеми комитетами... Надо с максимальной теплотой... В смысле, чтоб в секретариате на нее потише орать... А ей тоже поскромней надо быть, она у нас не одна — это он у нее был единственный...

А на его танке не было тогда той брони, ты пойми, мамаша! Потому что постоянно же нападки на армию! Но тут мы уже поправили — уже лично отдан строжайший приказ: броню чтоб со всех сторон немедленно-мгновенно! И об исполнении чтоб сей же час!..

Яволь, ваше благородие. Броню за три дня — теперь, а не за три месяца — до того! Браво. Прямо-таки слепящий стратегический гений! Но я бы дальше пошел. Я, ваше благородие, так полагаю: не на орехи играем! На карте целостность и, как ее, легитимность! И не вонять, как разные вонючки, а проявить ответственность — упредить развал федерации! Для чего по всем субъектам этой проклятой федерации нанести точечные атомные удары! Хирургические. С целью пресечь формирования и расщепляющиеся наркотики, после чего восстановить детсады на облученных территориях!..

Одна комиссия, вторая комиссия — то им фактов мало, то им факты не те...

Уже говорил, повторяю для комиссионеров: факты в наших пенатах значения не имеют. Здесь факты всегда врут, а вот ощущения — никогда. А ощущение одно: из всех вариантов власть безошибочно выбирает наихудший. Как бы это народу с властью договориться — чего б они не решили, народ четко исполняет — но на сто восемьдесят градусов. Уж давно бы ворвались в коммунизм, или в рай, что даже проще.

Милый дом. Отчий край. Вечерний звон.

Полигон бракованных вариантов. Чего ж ты хочешь добиться от нас, Господи? Поглядеть, сколько еще продержится тут венец творения?

На пределе уже, Господи. Темная пустота уже свищет в пробоинах наших душ. Видно, забыл Ты навесить на нас дополнительную броню. Так поторопись, если Ты все-таки есть. И если хочешь сберечь любимых чад — хотя бы часть! — для новых богоугодных свершений...

И тут — как в скверном триллере — звонок: «Включи телевизор, Листьева убили!..» Влад Листьев теперь. Теперь — без Влада.

Опять заголосят: «трагедия»! Опять — «будут брошены все силы». Опять один в телевизоре потребует, другой с трибуны провизжит... Тот персонально заверит... Этот возьмет под личный контроль...

Включи свой телевизор, Господи.

12.03.95

МОИ ПРИЗЫВЫ

Сто один призыв

к Первомаю.

Сто пятнадцать — к Седьмому ноября.

Партия бодро призывала, народ, зевая, откликался, поскольку был жутко монолитен и до испарины сплочен вокруг партии.

Кончено!

Старой партии нет, новые даже смеха не вызывают.

Народ раскололся на узкие компашки. У каждой — свой пиковый интерес. Призовешь всех объединиться — со всех сторон орут: «С кем, с этими придурками?» Что справедливо.

Так что мои призывы — дело добровольное: кто последует — молодец. Остальные будут занесены в компьютер.

Сперва общеисторические призывы:

1. Да здравствует двадцать седьмая годовщина пятидесятилетия Великого Октября!

2. Да здравствует наш народ, в части, дожившей до годовщины!

Далее призываю по группам и отраслям.

11. Работники и работницы! Соединяйтесь!

7. Да здравствуют наши шахтеры!

8. Да здравствуют наши нефтяники и газовики!

03. Да здравствуют наши женщины — из них вышли шахтеры, нефтяники и газовики!

33. Модели и манекеницы! Залог ваших побед — готовность к самоотдаче!

81. Труженики ГАИ! Вечнозеленый свет моему автомобилю ВАЗ-2107 гос. номер «о 03-40МТ»!

Здравницы и приветствия

20. Братский привет свободолюбивым мужчинам Африки!

19. Горячий привет труженикам Севера! Пусть вместо мазута греет вас тепло наших сердец!

26. Привет, Галюня! Моя уехала!

53. Члены Государственной думы! Ну, полный привет!

Ъ. Работники Центробанка! Больше рублей и других мягких игрушек!

33. Да здоровствует агропромышленный комплекс! Учение Фрейда живет и побеждает!

41. Да здоровствуют наши туристы! Искренние соболезнования жителям Кипра и Анталии!

10. Слава комсомольцам и пионерам тридцатых! Вечная благодарность за все, что они не успели!

00. Да здоровствуют наши Южные Курилы!

000. Нашим Южным Курилам — полный банзай!

27. Да здоровствуют Узбекистан и Киргизия, не претендующие на Черноморский флот!

Далее — разное.

8. Да здоровствует свобода совести! Верующим секретарям обкома много лет!

007. Слава ветеранам! Не толпись у окошка, старый хрен!

98. Избиратели России! Ваши голоса — наше богатство!

И — главное:

1. Соотечественники! Сдохнем, а доживем до следующей годовщины этого Октября!

00. Ура.

Впрочем, на «Ура» не настаиваю.

Государственный флаг —

трехцветное полотнище цвета хаки с болотной бахромой. Охраняется охраной.

Государственный герб — птица цвета хаки в обрамлении пулевых отверстий, образующих надпись: «Миру — мир!» Охраняется охраной.

Государственный гимн — песня со словами цвета хаки. Исполняется охраной стоя.

Основное занятие населения — скотоводство, выборы и охрана. Причем охрана — во-первых. Страна состоит из охраняемых объектов и охраняющих субъектов. В метро — охрана, на вокзале — охрана, при туалете — платная охрана: ты заплатил — он отвернулся.

К охране общественного порядка теперь еще добавилась охрана личной жизни. Нанял охранника — спокоен за жену. Потом нанял агента, и спокоен за жену с охранником.

Охрана — градусник культуры. У входа в музей — два охранника, у входа в дискотеку — двадцать. Концерт поп-звезды на стадионе вообще похож на операцию Второго Белорусского фронта. Сперва милиция, потом десантники, потом автобус с охраной, потом джип с охраной, потом мерседес с охраной — в сопровождении мерседеса, — потом спецохрана с телефонами, рациями, миноискателями, потом ГАИ с мигалкой, пожарные с мигалкой, ОМОН, ВДВ, МЧС — без мигалки, потом скорая с мигалкой, мусоровоз с мигалкой, санэпидстанция без мигалки, потом телохранитель мужа с мигалкой, потом муж без мигалки, но с фонарем, потом бультерьер с двумя мигалками и сиреной, и только потом уже, наконец, лично сама певица Глаша со своим суперхитом: «Я не девочка, я мальчик, ты в меня не тыкай пальчик».

Призвание — охрана, одежда — камуфляж. Спецназ в камуфляже, чтоб обмануть террористов. Террористы в камуфляже, чтоб обдурить спецназ. Остальное

население камуфлируется, спасаясь от тех и других.

В большом городе вдоль тротуаров стоят пятнистые ребята с записными книжками — для мыслей. Мысль на всех одна — номер твоей машины.

Камуфляж — больше чем форма. Это как скарлатина — пятна снаружи, зараза внутри. Это когда мозги цвета хаки жужжат в особом режиме. Это только у нас на вопрос: «Как он себя чувствует?» — могут ответить: «Он работает с документами». И ответ понятен.

ВОПРОС: Почему до сих пор не нашли того, который среди бела дня подъехал на БМВ, связал охрану, погрузил республику в багажник и скрылся в подворотне?

ОТВЕТ: Нами был введен план «Перехват», потом план «Сирена», потом план «Кольцо», потом общий план «Атас-2», так что поиск успешно продолжается...

Конечно, продолжается — они ж его до сих пор ищут в той подворотне, а он давно тут у нас, на банкете — с бокалом нефти в руке.

Камуфляж — узоры воображения на правде цвета хаки. Сними камуфляж — в чем выйдешь к людям?

В отсутствии камуфляжного платья срам короля прикрывает одна охрана.

Да и та — камуфляж.

Кратчайший.

Потому что времени в обрез — век уходит, а надо еще в магазин.

Вообще трудно было себе представить.

Что вопреки всему.

Двухтысячный, черт подери!

Приятно окинуть взором.

Первую тыщу помню не очень. Какие-то племена, какие-то переселения, побивание камнями и тотальный разврат.

Вторая тыща — как на ладони.

Разврат упорядочился, чередуясь с прорывами ума. Булатная сталь. Васко да Гама. Изобретение какавы. «Мальборо». Пультик для телека. Выборы в России.

Газет — отчетливо помню — не было. Потом появилась — для отдыха лордов. Потом везли в трюме парохода под юбками до Одессы, откуда эта искра распространилась, вызвав удушливое возгорание.

В целом, народу покалечило много.

Тамерлан. Аустерлиц. Испанка. Выборы в России.

Это был фон, на котором боролись за подписчика.

Петрарка. Пирамидон. Пирл-Харбор. Прокладки, конечно.

Выборы в России.

Но отрицать смешно.

Да, коррупция и СПИД. Зато одноразовые шприцы и Интернет. Плюс эти же, но с крылышками. Прокладки высокого полета.

Плюс выборы. Не скажу где.

Тысячелетие клятв — поднять зарплату, снизить налоги, отдать землю и не лезть в кишки. И где это все, — интересуется человечество, — ну, где?

Да, эту рифму возьмем с собой и в новый век.

Туда же перейдет склока с мавзолеями.

Зачем они — это раз, зачем их трогать — это два.

Плюс вечный вопрос — откуда деньги, которые

на выборы? Особенно в России?

Куча нерешенного.

Моя любимая, вы угадали, духовность. Возродить в новом веке раз и навсегда. Открыть при казино часовни.

Короче, как рывкнул один из нашего пока тыщелетия, работы до...

И больше!

Засучив рукава — во имя прогресса и сочувствующих дам!

И чтоб честные-пречестные выборы — да хоть в той же России. Успех заранее отмечаем по полной программе.

Итоги уточняем в оставшиеся часы.

То есть врубаем «Эхо Москвы» и по-быстрому выбираем писателя века, мелодию века, животное века и антитеррористическую операцию века.

И выборы века — в России, а то где же.

И за все это условно-досрочно выпиваем первую.

И, совмещая итоги с перспективами, наливаем последнюю в этом, по-русски говоря, миллениуме.

С Новым Годом!

С новым Веком!

С новой Тыщей!

До новых встреч на кратких курсах!

Декабрь 1999

Когда житье не в радость,
Иль вовсе нет житья,
Когда в окошке — гадость,
А в зеркале — свинья,

Когда из всех извилин,
Положенных башке,
Одну лишь ощущаешь,
И ту — в прямой кишке,

Когда все, в общем, ясно,
Лишь не решил пока —
Под поезд, или в петлю,
Иль к чашке мышьяка,

Тогда возьми бумажку,
На ней настукай стих
И тем стихом порадуй
Читателей своих!

ва

VIII

*М*ОРЖЕСТВЕННЫЙ
КОМПЛЕКТ

Я думаю, многие заметили — мы живем в революцию.

Одни гундят — никогда не получалось, не надо было и начинать. Другие обещают прямо за поворотом молочные реки и кисельные берега. И вечный праздник.

И при объявленной революции заявлена свобода!

Свобода всем и всего. А особенно слова.

Боже праведный, сколько объявилось словесных умельцев! И как быстро этот словестный суп стал жижить! Вроде перестали жить на два профиля. Прекратили искать умыслов, а допытывались замыслов. И первое время читали от названия до цены, вздрагивая, правда, иногда от свинства неподсудности.

И медленно-медленно, объедаясь прочитанным и услышанным, стали искать совпадения в любви.

Отпали модернисты — «они часто путали упражнения с творчеством».

Быстро надоели секреты о богачах и начальниках. Все поскучноло.

Кроме иронии.

Гоголь, Герцен, Салтыков-Щедрин, Зощенко, Булгаков — да что там, читающим по-русски есть на что оглянуться, к кому прислониться, посидеть в обнимку!

И в этом потоке размытых плотин, наводнении дозволенности, тепло и весело, недлинно и уверенно говорит Михаил Мишин.

Как бы для тебя, но и для себя. И для всех. И на душе становится хорошо и спокойно — все было и надо жить, потому что жить куда прекрасней, чем бояться и обижаться. И с ним это нестрашно.

Жить с ним нестрашно, с Мишей Мишиным.

В одно время.

Это была страна юбилеев.
Трехсотлетие со дня основания.
Двухсотлетие со дня присоединения.
Столетие с момента подписания.
Пятьсот лет назад родился основоположник —
всенародные торжества. Четыреста пятьдесят лет
назад он умер — всеобщий праздник.
Сто тридцать лет как открылся театр.
Сто двадцать девять как в него никто не ходит.
По поводу присвоения. По случаю вручения.
Окончания... Награждения...
Выделилось специальное племя
юбилейных поздравлял.
Они носились с торжества на торжество,
запрыгивали на трибуны и, потя от ликования,
выкрикивали: «От всего сердца!.. всего коллектива!..
всего поголовья!.. всей страны!..»
И все-таки.
Среди этого океана юбилейной бессмыслицы были
островки исключений.
Праздники друзей.
Или знакомых. Или просто тех, кого уважал.
Не официально, а потому что хотелось уважать.
Даже иногда любить.
То были как «большие события в культурной жизни»,
так и скромные посиделки, о которых не знал никто,
кроме самого виновника и пяти его приятелей.
Я на этих островках был, мед-пиво пил.
И уж поверьте — там было не стыдно
выступать в роли поздравлялы.
Наоборот, с радостью бы повторил.
Так что попрошу всех налить и поднять бокалы!..

(Из книги «Почувствуйте разницу»)

17.01.85

Сеня Альтов — товарищ и коллега. Вместе с ним проводили лучшие — короткие! — времена этой жизни. Молодость практически.

Сеня!

Боюсь, все это придется произнести за столом.

А я с сомнением отношусь к словам, произносимым за столом. Застольные речи запоминаются только на территории Грузии — потому что там не бывает других.

Вспомни, сколько хороших слов ты сам наговорил и сколько их слышал — и в интеллигентных компаниях, и в таких, как наша. И что же? Где все эти слова? Они давно улетучились из твоей памяти, как легкие винные пары.

Поэтому я решил записать свои слова на бумаге. Чтобы завтра, когда ты будешь безуспешно пытаться припомнить, кто были вчера эти люди, что они говорили и зачем ты к ним приходил, ты, найдя эти листки бумаги, смог бы вспомнить, что вчера ты был на своем сорокалетии, куда мы тебя пригласили.

Сеня, времена сентиментализма прошли. Человек, сказавший вслух нечто чувствительное, вызывает недоумение — даже у себя самого. Искренние слезы появляются на глазах только от ветра, от лука и если в газете похвалят товарища. Признания в дружеских чувствах понуждают гадать о причине.

Конечно, проще всего было бы по случаю твоих сорока лет как-нибудь привычно сострить. В конце концов, мы же профессиональные шутники. Только вдуматься. Где еще в мире есть такая профессия — мы зарабатываем себе на жизнь тем, что шутим, согласно правилам и в соответствии с прейскурантом! Но тебе сорок лет, Сеня, и я не хочу шутить по этому поводу. По-моему, я тебе уже говорил как-то, что

шутка — это эпитафия чувству. Это, к сожалению, не вполне мои слова, но они верные. Грустно признаться, но наша профессия — это создание эпитафий чувствам. Иначе говоря, мы, Сеня, — могильщики. И я говорю тебе об этом, с одной стороны, чтобы у тебя впредь не было иллюзий. А с другой, чтобы ты знал: быть могильщиком — значит, защищать живое от трупного разложения. Так что в свои сорок лет — у тебя в руках достойное дело.

Сорок лет, Сеня! Возраст комсомольского лидера республиканского масштаба или хорошего экспортного коньяка. И то и другое имеет плюсы.

В твои сорок тебе есть что выложить на стол. Я имею в виду не продукты, которые мы здесь наблюдаем, — это, как все понимают, только верхушка айсберга, — я имею в виду другое.

То, что в твои сорок лет твои морщинки заработаны честно. У тебя честно заработанные жена и сын. У тебя целые и честно работающие руки и ноги. А если в сорок лет у тебя хватает ума хотеть еще и автомобильные колеса — они тоже будут честные.

За свои сорок ты никого не предал и ничего не продал — за исключением паршивого западного магнитофона, который ты таки всучил своему восточному коллеге, но сейчас не хочется омрачать... Ты никогда и ничего не украл — кроме трех шуток у меня, которые я украл у тебя еще раньше.

В твои сорок лет у тебя честное имя, честная прописка и честная национальность, одна из братских. Так много честности в твои годы — будь осторожен, Сеня, у современников это вызывает подозрения.

А вообще, Сеня, сорок лет — это возраст, когда мужчину в Америке только начинают рисовать на рекламных щитах. А там знают, что и когда рекламировать.

Сеня! Уже сорок лет ты бежишь вокруг солнца и вместе с тем вокруг своей оси. Ты добежал к сорока в своем собственном темпе, в своем личном стиле, ни на кого не похожий, равный себе самому. Сегодня этим мало кто может похвастать.

Чего же пожелать? Ты здесь крутишься уже со-

рок лет и, возможно, заметил, что скорость вращения все растет и центробежная жизнь расталкивает людей все дальше друг от друга. Я желаю тебе, как и себе, впрочем, чтоб мы находили силы сопротивляться.

А сорок лет — это красиво. И это даже еще не промежуточный финиш. Это пройден поворот. Забег продолжается. Я рад, что мне выпало бежать с тобой рядом.

Беги долго!

25.08.86

Самуил Михайлович Эпштейн («Муля») — один из тех старого закала театральных администраторов, которые любили не только сделать деньги на актере, писателе и т.д., но и самого этого актера, писателя...

В Америке Муля был бы вторым Солом Юроком. Здесь он — первый Эпштейн.

Что не меньше.

Дорогой Самуил Михайлович!

Я хочу, чтобы вы знали: в этот день я думаю о вас. А думая о вас, я прежде всего думаю, что знаю очень мало людей с такими чудными звучными фамилиями. Эйнштейн. Эйзенштейн. И вы.

Возьмем Эйнштейна. Он был немецкий физик, в связи с чем играл на скрипке, ходил в драном свитере и был-таки умный человек, потому что первый из нас понял: на свете нет ничего абсолютного.

В отличие от него, вы совершенно не немецкий, и ничуть не физик. Во-первых, я в жизни не видел на вас ничего драного (видимо, не можете достать), во-вторых, пусть плюнет в меня тот, кто скажет, что вы хоть раз играли на скрипке (можно подумать, у вас нет других дел!), и, наконец, вы полностью опровергаете всю теорию Эйнштейна, потому что в вас нет ничего относительного.

У вас абсолютное чутье на качество в искусстве. Абсолютный нюх на хороших людей. Абсолютно надежное слово. А многие женщины утверждают к тому же, что у вас вообще все абсолютно хорошо. Как и у самого Эйнштейна, впрочем.

Теперь возьмем Эйзенштейна, эту гордость нашей культуры. Во-первых, «Броненосец «Потемкин». Во-вторых, «Иван Грозный». В-третьих, любил свой народ и не любил тех, кто плохо работает.

Конечно, ему было легче, чем вам. Поставить его на ваше место — я бы посмотрел на этот «Броненосец». Я посмотрел бы на его грозного царя. В сегодняшних условиях ваш Эйзенштейн не снял бы даже «Чебурашку». Правда, как и он, вы тоже любите свой народ и не любите тех, кто плохо работает. Поэтому вам так трудно любить свой народ.

А народ вас любит! Конечно, за весь народ теперь не может поручиться даже газета «Сельская жизнь», но поскольку я — часть народа, то знайте: эта часть вас точно любит.

Я хочу пожелать вам оригинальных вещей: здоровья, хороших известий от друзей, разнообразных, сильных, — пусть даже приличных, — желаний и совершения еще множества светлых дел.

Еще я надеюсь, что в день моего семидесятилетия вы тоже напишете мне теплое поздравительное письмо.

А если мы, как я уверен, встретимся еще до этого, я непременно повторю все здесь сказанное, и мы опять выпьем с вами за ваше здоровье.

И уверен: Эйнштейн с Эйзенштейном присоединятся.

Ноябрь-96

*Дети, внуки и правнуки! Вы никогда не увидите
этого артиста живьем. Кусайте локти!
Утешить вас нечем.*

Дорогой Аркадий Исаакович!

Сегодня здесь у всех довольно трудное положение. И не только потому, что все вынуждены говорить, повторяя друг друга, — к этому как раз привычка есть. А потому, что всем приходится говорить хорошие и хвалебные слова. Хотя все понимают, что самое интересное идет, только начиная со слов: «Вместе с тем...»

Так вот, Аркадий Исаакович. День сегодня осенний, а вместе с тем продолжается весна.

Удивительная весна! Небывалые события, ощущения, выражения глаз. Каждая клетка организма зудит от собственной дерзости. Этой весной все можно. Хочешь сказать — скажи. Хочешь попробовать — попробуй. Хочешь плюнуть против ветра — на, плюй, и вот тебе полотенце!..

Прохожих распирает от проснувшегося чувства гражданственности. Все ходят, расправив плечи, и грозно посматривают на милиционеров: мол, еще неизвестно, кто тут нарушает.

Удивительная весна. У газет появились читатели. Телевидение просто запугивает демократичностью: во время передачи можно позвонить прямо туда и спросить прямо что хочешь. Правда, все время занято, видимо, все решили спросить.

Весна везде, но особенная — в искусстве! Она еще не успела толком начаться, а один театральный критик доложил, что в нашем театре уже произошли сдвиги. Он у нас всегда первый отмечает сдвиги, он по сдвигам специалист. Он написал, что у нас

в театре уже возник новый уровень правды. Что это за правда, у которой могут быть разные уровни? Что это за театр? Критик что-то напутал — это не про наш театр. Наш театр ничем таким не занимался. Почему? Потому что имело место торможение в экономике. Почему? Потому что Госплан и Стройбанк не занимались своим делом. Почему? Потому что их делом занимался театр.

Заполняла зал публика, гас свет, и на сцене началось волшебство — там варили сталь, бурили нефть, решали проблему основных фондов. Красивые молодые артистки в касках мотались из кулисы в кулису и грудными голосами требовали улучшить работу бетономешалки. Если бы Шекспиру предложили написать монолог — быть или не быть бригадному подряду.. Он бы умер, не родившись. Он бы умер — наш театр жив! Хотя тот критик еще написал, что главная беда нашего театра — мелкотемье. Кто придумал это гадкое слово? Оно напоминает мне плоскостопие. Есть злободневные темы, и есть вечные темы. И когда начинают путать одно с другим, тогда театр превращается в филиал Минтяжмаша... Вместе с тем другой критик этой же весной написал, что по сравнению с кино наш театр ушел далеко вперед. Можно представить, где у нас было кино. Только не надо думать, что оно все было на полке. Да, кое-что там лежало, но теперь уже все снято, и они даже все друг друга переизбрали, чтобы выяснить — кто первый туда положил? Пока все отказываются.

Удивительная весна! Литераторы вдруг вспомнили, что литература называется художественной. Художники — что живопись и лозунг — разные вещи, архитекторы и скульпторы посмотрели на то, что они настроили и наваяли, и не хотят смотреть друг на друга... Вместе с тем настроение светлое, все взволнованы и призывают друг друга идти вперед. Прекрасный призыв, хорошо бы только всем договориться, наконец — где перед?

Дорогой Аркадий Исаакович! Мы живем в век сравнений. Всё сравнивают со всем. Науку — с передним краем, уборку урожая — с битвой, больницу — с куз-

нищей здоровья, что очень верно... Спорт же сравнивают с искусством.

Так вот ваше искусство я бы сравнил с фигурным катанием. И дело не только в вашем неповторимом скольжении на грани риска и в прыжках за грань. Дело в том, что в искусстве, как и в фигурном катании, есть две программы — обязательная и произвольная. Одна — для жюри, очков и медалей, вторая — для души и для публики. Совместить это трудно — у большинства фигуристов рано или поздно разъезжаются ноги.

Дорогой Аркадий Исаакович! Самое главное в вашем катании именно то, что обязательная для вас и произвольная ваша программа всегда была одним и тем же. И поэтому ваш путь был действительно вперед. От частного — к общему, от своевременного — к современному, от головы — к сердцу.

То есть от человека — к человеку.

И пока одни тосковали о весне, другие болтали о весне, третьи тормозили весну, вы всю жизнь были среди тех, кто ее, эту весну, делал.

Вот почему этот осенний день вместе с тем такой весенний сегодня.

И спасибо вам за это, дорогой Аркадий Исаакович!

09.10.87

Вот уж кто не требует никаких примечаний!

Дорогой Эльдар Александрович!

Когда речь заходит о деятелях искусства, их творчество неизбежно связывают с эпохой, в которую они творили. Художник эпохи Возрождения. Поэт раннего Средневековья. Возьмем вас. Когда натворили вы? 60-е, 70-е, начало 80-х.

Эльдар Александрович, вы — художник эпохи застоя. С чем вас и поздравляю.

И в этой связи хочу сказать вам, что я открыл закон этой эпохи.

«Кто хочет — не может, кто может — не хочет. Кто хочет и может — тому не дают». Это не только в области юмора и медицины, Эльдар Александрович. Этот закон — всеобщий. Каждый дошкольник хочет в школу, но еще не может. Каждый школьник может — но уже не хочет. Почему? Потому что наша школа не учит, а борется за знания детей — причем с самими детьми. Борьба неравная, потому что за школу еще и роно, и гороно, и облоно, и все «оно»... Так что деткам нелегко. Но «оно» и не хочет, чтоб легко, «оно» желает, чтоб дети приучались к труду. «Оно» у нас почему-то решило, что труд — это когда всем тяжело... Учителям тяжело, родителям тяжело, детишек тошнит. Это у нас вообще какое-то министерство тяжелого образования... У нас дети в школе — как проходчики в забое — они проходят. Сегодня идет проходка Пушкина, завтра — проходка Лермонтова. Что на-гора? «Онегин — лишний человек».

Более доступный вам пример — из телевидения. После того как вы бросили «Кинопанораму», моя любимая передача — «Это вы можете». Передача замечательная. Но название придумал или юморист, или диверсант.

Если несчастный одиночка сам, один, в одиночестве, на кухне, ночами, из каких-то обрезков и опметков сумел сделать эту штуковину, которая просто сума сойти и при этом еще и работает, тогда что нам делать со всеми нашими институтами, конторами и главками? Какое, к черту, «Это вы можете»? Это не вы «можете», это они — «не хотят»! А хочет — одиночка! И — не для себя, а для всех! Он же к ним бегал и писал, и звонил — и на тот завод полусонный, и в институт летаргический, и в это конструкторское бюро похоронное. И они ему регулярно отвечают: «Да, штучка ваша забавная, но грубо попирает принципы червячных передач. А подшипник будет перегреваться». Он у него уже двенадцать лет перегревается и двенадцать лет работает. А у них не перегревается пока. У них только в девяносто втором запланирован опытный образец, превосходящий японский уровень — пятьдесят третьего...

Кто хочет — не может, кто может — не хочет.

Эльдар Александрович, сколько раз вы в своих картинах критиковали наш быт, и наш сервис, и особенно торговлю. Видимо, хотели ее улучшить. Пустое дело. Закон работает. Кто хочет улучшить — не может. Кто может — себе не враг. Хватит улучшать. Кардинально решить вопрос: отменить ее вообще. Наладить подлинно прямую связь производства с потребителем. Пусть все, что нужно, народ сам выносит с заводов и фабрик! Но официально, уплачивая пошлину в проходной.

Возьмем непосредственно вас, Эльдар Александрович, — возьмем кино. Тут мой закон определял все. Кто много хотел, в лучшем случае мог лечь на полку. Возникла даже поговорка: «Нашей полки прибыло». Кто много мог — не хотел ни черта, у него и так все было. Были, правда, еще третьи, которые в знак протеста ушли в творческий поиск, откуда их до сих пор невозможно вернуть.

Эльдар Александрович, почему возникает застой? Потому что большинство из нас способно спокойно стоять, привычно возмущаясь общим стоянием.

Но почему застой не переходит в полный паралич?

Потому что есть меньшинство. Люди, которые по прихоти природы не могут не двигаться. Они постоянно дергаются, пихаются, ерзают, не давая окружающим окончательно заснуть. Это — подавляющее меньшинство. Потому что оно живет не по моему закону, а по закону вечного движения, — короче, по закону природы.

Один из таких безостановочных людей здесь.

Он многого хотел и делал все, что мог.

И потому мы все пришли сюда сегодня.

То есть, кто мог, прорвался, остальные продолжают хотеть.

А началось все ровно 60 лет назад, когда человек не только почувствовал, что хочет появиться среди нас. Но и смог это сделать.

Этот человек — вы, Эльдар Александрович!

С чем мы себя и поздравляем.

АЛЕКСАНДРУ МАСЛЯКОВУ

02.06.97

Дорогой Саша!

По поводу тридцатилетия твоей работы на ТВ здесь острили, острят и будут трудолюбиво острить до тех пор, пока вечер не завершится более или менее остроумной шуткой. Но похоже, не все острящие в полной мере осознают уникальную роль объекта своих острот. Осознайте же, остряки: Саша Масляков есть явление чрезвычайное на нашем голубом экране. Который сам тоже, конечно, есть явление ненормальное, но об этом не сегодня. А Саша Масляков именно уникален. И не только потому что он тридцать лет просидел на одном и том же месте. В конце концов, бывает и пожизненное заключение. И не только потому, что за эти годы Саша абсолютно не изменился внешне. Так не измениться внешне за эти тридцать лет во всей стране удалось еще только Ленину, но Саша обошелся бюджету дешевле. Все остальное за эти годы изменилось непоправимо. За эти тридцать лет исчезла партия и пропали ее деньги, появились ваучеры и пропали наши деньги, за это время Юлик Гусман из остроумного бакинского капитана КВН стал московским кандидатом в депутаты, что еще остроумнее. А Саша Масляков за все эти годы смог добиться только одного: его теперь называют не Сашей, а Александром, а особо фамильярные — даже Александром Васильевичем.

И все же он до сих пор именно — и слава богу! — Саша Масляков. Когда Саша впервые появился в студии, на нашем телевидении было два типа ведущих — одни бормотали по бумажке, другие путали падежи. Масляков же, не заглядывая в шпаргалку, лихо вывертывался из таких причастных оборотов, что было ясно: или парень из органов, или не умеет читать. Теперь, Саша, мы знаем правду, но учиться читать тебе уже глупо.

В начале этого тридцатилетия отечественное телевидение покоилось на трех китах: хоккей, фигурное катание, КВН. Штирлиц в духовной жизни населения появился позже. Сбившись в коммунальные кучки, мы жарко болели за одесситов и харьковчан, за Фрязино и Обнинск. В часы, когда шел КВН, улицы вымирали, в эти часы страну можно было завоевать за пять минут, если бы удалось найти такого идиота — завоевателя. И, казалось, так будет всегда.

Но вскоре в умелые руки нашего телевидения попала адская машина — видеоманитофон. С той секунды экспромты кавээнщиков стали разрабатываться в Госплане, визироваться в Совмине и утверждаться в Комитете, который следил еще и за животноводством. Результат был тем же. КВН, как и крупный рогатый скот, пришлось забить. И снова казалось, что это навсегда.

Однако в отличие от остальных наших покойников, КВН ожил. И это беспрецедентный факт воскресения из мертвых, если не считать одного не вполне доказанного случая. Так вот, уникальность Саши, то есть Александра Маслякова, не в том, что он в течение этих тридцати лет занимался одним и тем же. Это как раз неизвестно. А в том, что он рискнул заняться одним и тем же дважды. Он единственный сумел дважды войти в ту же реку и не только не утонуть, но даже не подмочить своей репутации. Больше того, он находчиво выплыл на мировую арену и теперь вывозит в Израиль, Америку и Германию наших одесситов, где они состязаются в остроумии с другими нашими одесситами. А тамошние залы, забитые третьими нашими одесситами, дико счастливы, потому с машиной уже хорошо, и со страховкой хорошо, а с юмором не хорошо, а гораздо хуже. Про что шутить? И как? Про ихнего президента? Это, во-первых, глупо, во-вторых, лучше по-английски, а учить язык — среди наших одесситов дураков нет. Так что международный КВН Маслякова — это урок патриотизма, который доказывает: жить можно так, как там, но шутить надо так, как здесь.

А вообще, КВН, как принцип, используется крайне узко. Взять хотя бы выборы, которые еще не прошли,

но уже надоели. Что они там все сидят в этой студии и бормочут одно и то же? Все за Россию, все за реформы, все за народ. Как выбрать, когда невозможно отличить? Меж тем способ есть! Из кучи-малы всех этих блоков и партий составить нормальный КВН. Справа — команда коммунистов с человечьим лицом, слева — команда людей с лицами демократов. Масляков ведет разминку: можно ли проводить реформы за счет народа. Ответ справа — конечно, нельзя. Одно очко. Ответ слева — конечно, можно. Одно очко минус одно за обаяние. Правильный ответ: можно, но лучше за счет американского народа... Овация. Песенка. Можно бежать к урнам.

Мне сказали, что этот юбилейный вечер посвящен не только Саше Маслякову, но вообще телевидению.

Крайне глупо. Хватит посвящать вообще. Вообще телевидению, вообще профсоюзам, вообще паровому отоплению. Ерунда. Есть люди, которые топят, и есть люди, которые греются. Саша Масляков — истопник. Он раскочегарил свое дело, потом раскочегарил его вторично, и я уверен, его дело просуществует ровно столько, сколько этого будет хотеть Саша Масляков.

И поэтому пусть они будут здоровы все трое — и конкретно КВН, и лично Александр Васильевич, и даже, черт с ним, вообще телевидение.

27.02.89

«Двенадцатая ночь», «Летучая мышь», «Собака на сене», «Благочестивая Марта», «Сильва» — это все его фильмы. Ян Борисович приобщил меня к работе в кино. Ни я, ни кино ему этого не забудем.

Дорогой Ян Борисович!

Круглые даты — традиционная радость для всей нашей общественности.

30, 40, 250...

Этот ноль на конце похож на восклицание восхищенного англичанина. «О!» Никому даже в голову не пришло отмечать 59-летие со дня образования Адыгейской автономной области. 60-летие — гуляли всенародно.

Круглая дата, Ян Борисович, — это повод для ваших знакомых и друзей сказать, наконец, хорошие слова, которых они ни разу не сказали вам за все предшествующее время.

Мог бы и я. Мог бы начать расписывать ваши заслуги, отмечать вехи творчества и воскурять фимиам. Действительно, именно вам первому в нашей стране пришлось в голову экранизировать Чехова, не говоря уже о Шекспире. Именно ваш пример вдохновил других режиссеров, которые кинулись экранизировать уже настоящих членов Союза писателей — причем таким количеством серий, за которое вам, Ян Борисович, большое спасибо. А сколько новых актеров вывели вы на экран! Многих из них до сих пор не удастся оттуда вывести. Что уж говорить о зрительской к вам любви! Сегодня студия завалена письмами и телеграммами. Буквально только что в связи с вашим юбилеем звонила группа девушек из Иванова — с пожеланиями долгих лет жизни Мише Боярскому.

Да, я мог бы вам сказать многое. Тем более сегодня, когда ругань стала таким же обязательным делом, как

вчера славословия. Я с наслаждением вцепился бы в недостатки ваших картин. Прежде всего — мало эротики. В чем дело, Ян Борисович? Или вас это не интересует? Конечно, когда у вас эти аморальные граф и графиня с двусмысленными улыбочками закрывают дверцу кареты, мы, как вдумчивые зрители, конечно, домысливаем, что они там делают, но хотелось бы от вас большей определенности. Потом, где в ваших картинах наркоманы? Советую подумать, может быть, нам следует снять новую редакцию «Сильвы». Пускай, допустим, Эдвин колется, а Стасси — нюхает. Или «Собака на сене». Может быть, это будет не просто сено, может быть, это травка, конопля, мак...

Обещаю вам обо всем этом подумать подробнее.

Что касается сегодняшнего вашего — и нашего! — праздника, то скажу одно. Я вижу сегодня перед собой человека, который обладает ясным взглядом, острым слухом, крепким рукопожатием и планами на будущее. Человека, который совершенно не изменился со времени своего прошлого юбилея.

А это бесспорное доказательство того, что вы — в движении!

Что уже совсем похоже на счастье, дорогой Ян Борисович.

Дай вам Бог!

19.03.99

Капитан легендарной Одесской команды КВН. Вдохновитель Клуба Одесских джентльменов. Главный редактор одесского журнала «Фонтан». Все это — во-вторых. А во-первых — Валерка...

Дорогой Валерий!

Иногда я буду говорить о тебе в третьем лице — из чувства ложной торжественности. Вообще, слегка склеротическое ощущение, что совсем недавно мы уже собирались в Москве, и был стол, и были наши друзья, и тогда у тебя тоже был юбилей. Это ощущение, которое культурные люди могли бы назвать «дежавю», но здесь только наши друзья.

Не будем выяснять, кто из нас двоих первый придумал отмечать день рождения не только там, где не родился, но даже там, где не живешь. Важно, что ты оценил идею. Не все ли равно, на каком полустанке пить праздничный кипяток — пункт назначения общий. Но при этом ползет туда своим путем, в одиночку. И поэтому такой кайф, когда наши маршруты пересекаются.

В точках пересечения изображение становится цветным, звук — объемным, все сказанное нами считается мыслью, а всякая мысль — умной. Потому что каждая точка нашего пересечения неизбежно превращается в стол — наш дрейфующий по стране стол, у которого швартуются наши громко лысеющие друзья, наш вечнозеленый стол, за которым отсутствие легкомысленных девушек восполняется присутствием женщин трудной судьбы.

Юлечка!

Я с радостью отмечаю: за эти годы ее взгляд на Валерия не изменился — взгляд привычного изумления его непониманием огромности ее превосходства.

(Юлечка — единственная женщина в мире, которая призналась, что любит меня, — но только когда я пьян, а трезвого только терпит в ожидании, что рано или поздно я напьюсь. С годами любви все больше, ибо ждать ей приходится все меньше.)

Я сбиваюсь на себя, потому что уже трудно отделять. Потому что Хаит, как Париж, — праздник, который почти всегда со мной. «Почти» — потому что иногда Хаит становится гражданином.

Я помню: в Одессе — выборы. Одесса — в борьбе. Хаит — в Одессе.

Это было жуткое зрелище — Хаит с портфелем. Это было выше сострадания. На вопрос: «Который час?» — он отвечал: «Миша, если победят те суки...» На вопрос «А зачем портфель?» — он отвечал: «Миша, эти тоже суки, но это наши суки, а те просто суки и больше ничего».

Это формула всех наших выборов. И, слава Богу, что лобые суки, которых поддерживают такие люди, как Хаит, обречены.

Один философ сказал, что человек — это человек и его обстоятельства. Хаит честно тащит по жизни свой туго набитый обстоятельствами портфель. В этом портфеле — его Одесса, его Юля, его дети, для которых он сделал все что мог, — вплоть до того, что их двое (будем считать эту цифру реальной).

А еще в этом портфеле — юмор.

Юмор Хаита — это не одесский юмор и не юмор КВН. Потому что сегодня одесским юмором считается акцент, а юмором КВН — недержание. А высший класс шутника — способность удержаться от шутки. Поэтому у Хаита юмор истинный. Если влезть к нему в кишки, то там часто гостит одиночество, и возникают стихи, и ему иногда хочется все послать и воспарить, но мешает портфель, полный ответственности — за детей и друзей, за поэзию и юмор, за море и мэрию, короче, за всю Одессу, и за тех сук, которые постоянно побеждают этих.

А все вместе — это уже не просто обстоятельства.

Это — путь.

На этом пути, Валера, ты добился главного — тебе

не надо никому объяснять, кто твой друг. Мы о себе сами все знаем — поэтому и впредь будем искать точки, где сможем оказаться с тобой рядом.

Не стану говорить — «вокруг тебя», иначе ты окажешься к кому-то спиной.

А ты этого стесняешься.

1989

Признание это написано без юбилейного повода. Чтобы заявить о любви к актрисе Руслановой, повода не требуется.

Признание в любви — вещь наркотическая. Затягивает моментально. Главное — начать. Я решаюсь:
— Нина!

Так будет лучше всего.

«Уважаемая Нина» — пресно и стерто. Что, однако же, не значит, что я не уважаю тебя. Вот спроси меня: «Ты меня уважаешь?» — и я скажу: «Я тебя уважаю, Нина!»

«Дорогая Нина!» — еще хуже. Похоже на ответ из редакции молодежной газеты. Так можно обратиться к любой из Нин. А ты — единственная.

Я желал бы написать «Любимая!», но честь дамы... но сплетни... тем более вдруг их не будет!.. Впрочем, пусть они застрелятся.

Итак, Нина!

Уважаемая, дорогая и любимая!

Помнишь ли ты, когда именно начался наш роман?

Когда ты стрельнула мне в самое сердце?

«Короткие встречи»? «Лапшин»? «Знак беды»?

Или когда мы — втроем, чтобы не было сплетен! — сидели у меня на кухне и говорили о высоком, для чего все-таки открыли ту бутылку, и наша беседа еще более одушевилась, и ты сказала мне всю правду про этих гадов-режиссеров, и тем более про операторов, и особенно про художников, и, уж конечно, про композиторов, хоть бы они нормальную музыку писали.

Или когда в телевизоре тот тип брал у тебя интервью, а ты все время с ним не совпадала — не соглашалась, не отрицала, а отвечала так, как играешь, — перпендикулярно.

Этот твой перпендикуляр летит всегда вроде бы как

бог на душу положит. Но при этом всегда попадает в нужную точку. В яблочко. То есть прямо в мое сердце, Нина!

И откуда у тебя эта дивная сипотца?

Но лучше всего ты умеешь хохотать!

Но еще лучше — тосковать.

Но еще лучше — возмущаться. Тут тебе нет равных в нашем кино. А равных нашему кино — нету.

Но особенно я люблю, когда в очках, когда ты похожа на училку младших классов, которая сказала мне, когда я в младшем классе учился: «А ну, положи этот яблочко!»

Так и сказала.

Нина! Друг мой, товарищ и брат!

Критики все про тебя напишут, разложат, обоснуют и объяснят природу, которую нельзя объяснить. Они проведут параллели, употребят слова «проникновенно» и «духовность», а самые обученные скажут еще о «нутряном».

Этот свой «яблочко» они грызут честно.

Пусть ломают зубы, а я тебе скажу главное.

Что-то ты давно не звонишь! Только честно, Нина: у тебя что, кроме меня, кто-то есть? Учти: любят тебя миллионы, но я живу ближе.

Если бы я только мог написать что-то достойное тебя!

Но — невозможно. Это означало бы, что я достиг неслыханного совершенства. Разве только запустить программу «Каждому пишущему — отдельное место среди классиков к 2000 году». Но что-то в этих программах есть кладбищенское...

Лучше — о любви!

Нина! Я люблю тебя всей смелостью человека, женатого на другой артистке. Впрочем, недавно ей тоже один сценарист печатно признался в любви. Тонкий ход!

Они думали, что, если публично, так никто ничего не заметит.

Ах, Нина! Как же гениально ты угадала свою фамилию!

Кстати, Грибоедов тоже любил Нину. Недаром

я всегда чувствовал в себе какое-то сродство...

В общем, если о настоящей любви, то ты, Нин, конечно же, народная артистка.

Я не о звании — его дадут. Или дадут другим. Дело не в этом. А в том, что раз народная — значит, и моя. Но если моя — при чем здесь остальной народ?

По-моему, изящное рассуждение.

Я люблю тебя, Нина Русланова.

Будь бдительна.

Звони чаще!

Октябрь-91

Гердт — это Гердт.

Чтобы вести разговор о Гердте, надо найти адекватный масштаб.

Иоганн Гёте сказал: «Самое ужасное — это наличие воображения при отсутствии вкуса». Видимо, Гёте давал перспективную формулу развитого социализма. И Гердт тут ни при чем. С Гердтом главное — подобрать масштаб.

Антон Чехов сказал: «Лев Николаевич, такое чувство, что вы сами когда-то были лошадьё». Он имел в виду рассказ про Холстомера, который написал Толстой, о чем в этой демократической аудитории не все могут знать.

Я в этом смысле чувствовал себя практически Чеховым, когда в юные годы смотрел фильм про нелегкую жизнь тюленей или пингвинов, где в конце шли титры: «Текст читает Зиновий Гердт».

Это была величайшая ложь. Ибо Гердт, как и Толстой, не писал и не читал текст — он лично сам был мудрым, много пережившим тюленем и выдавшим виды пингвином. И остальные пингвины и тюлени полностью доверяли ему и считали своим.

Гердта вообще считают своим все, у кого есть вкус. Поэтому даже странно, что сегодня здесь так много народа.

Однажды в моей любимой Одессе мне довелось идти рядом с Зиновием Ефимовичем по улице. Двое одесситов увидели его.

Первый сказал:

— Ты смотри! Гердт приехал!

Второй удивился:

— А он что, уезжал?

Они там тоже считают его своим, но это уже вопрос не их вкуса, а воображения.

Присутствие Гердта — знак качества любой тусовки.

— Ты вчера был?

— Был.

— Ну, как?

— Нормально. Зяма был...

Действительно, если он был — нормально. Это для нас нормально, мы привыкли, мы считаем нормой, что между нами живет, трудится, тусуется и составляет часть этого пейзажа Зиновий Ефимович Гердт. Это же нормально, что вот он! Вот же он стоит, скрестив руки на груди, вот он идет, прихрамывая, как Байрон, хотя лучше знает поэзию.

Гердт обладает всеми признаками истинного художника. Он пьющ, курящ и любящ женщин. И что особенно важно для истинного художника, они его тоже пьющ и курящ...

Но главное — и серьезно — не в этом. Главное качество Гердта: он — гений интонации.

И не надо путать это с тембром. Тембр — свойство голоса. Интонация — суть личности. Именно интонация сообщает Гердту изящество выше кошачьего и убедительность, равную формуле «Товар — деньги — товар».

Это гений интонации. Поэтому если Зиновий Ефимович Гердт предлагает вам идти к вашей матери, то у вас нет никаких колебаний...

Абсолютная интонация означает абсолютный слух. Поэтому при нем всегда неудобно рассказывать. Во-первых, он это давно знает. Во-вторых, рассказал бы лучше, но у него хватает мудрости не говорить ерунды.

Поэтому я не стану говорить здесь, при нем, о его ролях, о кино, о театре, об этом его великом «Концерте»... Все это соратники по искусству еще могут пережить. Чего не могут простить соратники, это когда кто-то рядом становится при жизни эпосом.

«Однажды Светлов...», «Однажды Олеша...», «Как-то Раневская...». Так вот, существует уже новый эпос — Гердтиана. «Однажды Зяма...» Ну, конечно же, в эпосе он не Зиновий Ефимович, он — «Зяма».

Одна баллада из этого эпоса. Ее, возможно, многие знают, но не могу отказать себе в удовольствии.

Так вот, однажды Зяма выпил в гостях. То есть

выпил он не однажды, но однажды он выпил и возвращался домой на машине. С женой. Так гласит легенда, что с женой он возвращался на машине якобы домой. Причем машина была японская — с правым рулем. Это сейчас их полно, а тогда это была чуть не первая в Москве, их толком еще и гаишники не видали.

И вот как раз их почему-то останавливает гаишник. Видимо, ему понравилась траектория движения. Останавливает и столбенеет, потому что за рулем сидит Зяма, но руля нет! И видя это дикое изумление, Зяма со своей вкуснейшей коньячной интонацией говорит:

— Да это херня. Когда выпью, я всегда отдаю руль жене...

Если бы это сказал кто-нибудь другой, он вошел бы не в эпос, а в другое место.

Это и есть — гений интонации. Вообще, если вдуматься, интонация — это именно сочетание воображения и вкуса, и если вы присмотритесь внимательно, то поймете, в чем уникальность Гердта. Она в сочетании несочетаемого. Потому что Гердт — интеллигентный жизнелюб.

Последним в нашей стране, кто совмещал эти два качества, был Хрущев. А поэзию, повторяю, Гердт знает даже лучше. Любимые стихи Гердта начинаются строчкой: «Я на мир взираю из-под столика...» Это выдает подлинный вкус и искреннее чувство.

Зиновий Ефимович!

Ваш юбилей — не причина собраться здесь. В лучшем случае — повод. А причина — вы замечательный. Мы вас... Впрочем, не буду мыкать. Я — лично я — вас люблю. Жена — и моя и ваша — вас любит. Будьте поэтому здоровы и чаще зовите в гости.

Чтоб можно было похвастать: «Однажды Зяма звонит мне и говорит...»

И неважно — что. Главное — интонация.

Соответствовать ей словами — не могу.

Поэтому сейчас пойду и вас поцелую!

24.12.96

Лёня Филатов. Что талант — это и раньше знали. Теперь узнали, что это еще и мужество.

Мне не раз приходилось выступать на всяких юбилеях, презентациях и торжествах, но обычно бывало легче, потому что виновниками торжеств, как правило, выступали старшие товарищи. В школе-то вдолбили: старших надо уважать. Ну, выходишь и уважаешь. Сегодня юбиляр — человек моего поколения. Геронтологическим уважением не обойтись. Нужны факты.

Поскольку Филатов знаменит, а факты о знаменитостях — в энциклопедии, открываем. Так. «Филадельфия», «Филарет»... Вот. «Филатов, Александр Павлович. Видный сов. парт. деят. Член КПСС...» Не то. Еще Филатов. «Офтальмолог, Герой Труда...» Не член КПСС — уже ближе... «Филатова Людмила, народная артистка, меццо-сопрано»... Член-таки КПСС... Филатовы — семья укротителей. Медвежий цирк. Филатовы в словаре кончаются, дальше идут «Филдинг» и «Филер».

Придется опираться на отдел кадров.

Наш Филатов родился в Казани, где имел уникальный шанс — быть исключенным из Казанского университета. Но Лёня пошел другим путем — переехал в город Пензу (жел. дор. узел, дизельный и компрессорный заводы, фабрика пианино). С тех пор так и кажется, что вот-вот он подойдет к пианино и сбациает Скрябину. Но он не бацает...

После Пензы была столица. Я имею в виду столицу Туркмении, которая долгое время неправильно называлась Ашхабадом, а теперь правильно называется Ашгабад. А уж потом — Москва, куда Филатов Л. А.

(сорок шестого, русский, из служащих, что уже не порочит), перебрался, чтобы пригласить нас на этот вечер.

Здесь факты кончаются — и начинаются ощущения, которые, в отличие от фактов, не врут. Из ощущений — внешность. Небрежный, элегантный, светский. (Особенно хорош в черной тройке, руки в карманах. Практически Ленин. Не зря играл Чичерина, тоже большого любителя пианино. Филатов и Чичерин — прямо как Ленин и печник...)

Есть в облике Филатова нечто фехтовальное. Джентльмен, дуэлянт, демократ, оппозиционер. Как настоящий художник, всегда в оппозиции. Спросите его, за кого он? Не вспомнит. Помнит главное — в оппозиции.

Ключевое ощущение от Филатова — «острый». Острый взгляд, острое слово, острый ус. И острое шило в известном месте, которое заставляет заниматься разными вещами одновременно. Мы можем насчитать как минимум три источника, три составные части Филатова — театр, кино, словесность.

Про кино уже сказано. В театре же Лёня всегда стремился играть героев, равных ему по уровню. Отсюда роль Чернышевского, который, как и Лёня, писал книжки. Эти кошмарные сны Веры Павловны снятся нам всем до сих пор. Вообще, что касается Таганки, то здесь Лёня уникум — он единственный в труппе, который не умеет рычать под гитару.

Лично мне Филатов особенно интересен как литератор. Его стихотворные пародии — лучшие из всех, что я слышал. Скоро вот уже тридцать лет, как Лёня выходит с ними на сцену и раздает художественные пощечины Гамзатову и Михалкову, приближая сперва перестройку, потом демократию, а потом то, что мы имеем.

Я был, наверное, одним из первых, кто прочитал его сказку. Читал и завидовал. И стих замечательный, и фольклор глубоко национальный. Не случайно сказка так и называется — «Про Федота-стрельца, удалого молодца». Остро и точно. Лёня не назвал ее ни «Про Гурама-стрельца», ни «Про Ашота-удальца», ни «Про Арона-молодца»...

Потом была Лёнина книга под названием «Сукины дети». Название книги совпадало с названием фильма, снятого режиссером Филатовым, что свидетельствовало о буйной фантазии Филатова-сценариста.

Суммируя, можно сказать, что Филатов — самый настоящий интеллигент, но, боюсь, он расстроится, ибо сегодня «интеллигент» рифмуется со словами «прожиточный минимум».

Лёня! Пятьдесят лет — разговор абстрактный. Ноль на конце — это математика. Важно, как жить после этого нуля. Важно не только тебе — нам всем скоро пятьдесят.

Как жить, к кому быть в оппозиции, когда и те и другие воруют одинаково?

Как отличить правду от вранья, если и то и другое — компромат? Разве что в сфере духа, слава богу, мы дожили до светлого дня — фальшь в искусстве побеждена халтурой! Но во что верить, Лёня?

В ощущения. Любая какофония все равно опирается на чистые ноты. У тебя, Лёня, нет слуха, но окружающие, которые слышат тебя, знают — ты одна из таких чистых нот.

И это ощущение есть факт.

Кстати, пятьдесят — это не повод привыкать к отчеству. Ну, какое там было отчество у Леонардо? Леонид Алексеевич — как-то долго.

Краткость — твоя сестра, Лёня.

Ты ее родной брат, Леонид Алексеевич.

Счастливой дороги вам обоим!

19.01.01

Саша Житинский — один из самых ярких литераторов Питера. Когда я еще только начинал, он уже был один из самых ярких и молодых.

И тут вдруг он звонит...

Дорогой Саша!

Ты сказал — приезжай. И я собирался, и не приехал, и теперь мне грустно, что вокруг тебя было весело, но без меня. Нормальный эгоизм, но теперь так все время. Только собираешься вдохнуть полной грудью, как уже идут с цветами и поздравляют с выдохом.

Ты сказал, напиши что-нибудь грустно-веселое.

Первое, что требовалось бы для грустной части, — это сказать: «Боже мой, Сашка, не может быть!»

Этого же, и правда, быть не может.

Ну, действительно. Неужели это мы?

Иногда такое чувство, что нас уже давно и без шума клонировали, и произошла путаница, и сейчас мы — настоящие, молодые и перспективные, мы — где-то бодро выступаем, и вприпрыжку острим, и куда-то ездим, и о чем-то сидим в несгораемом ресторане писателей, и у нас уже первые книжки и еще первые жены; мы — где-то там, а тут скрипят наши подержанные клоны. И клоны родных и близких. И клоны вещей. И эти напитки — только клоны того портвейна, что мы как-то распили в подъезде. И боюсь, что слова наши друг другу — тоже клоны. Они почти как те, молодые, они состоят из тех же звуков и букв, но что-то в них не то, они потеряли витамин. Они как бы консервы.

Как и мы.

На этом грустная часть кончается.

Перехожу к веселой.

Она состоит в том, что мы — очень хорошие консервы! А для тех, кто не выпендривается насчет срока годности и вообще хлебнул в жизни, мы — просто деликатесы.

Кстати, со сроком тебе особенно повезло. Потому что этот твой день мог наступить гораздо раньше, и сейчас тебе было бы намного больше. И твоим друзьям было бы больше. И твоим подругам — как бы ты им ни лгал — было бы намного больше, чем сегодня. А так — им намного меньше, за что тебе все благодарны.

А вообще, Сашка, ты такой подвижный и легкий!

Ты столько успел — я уже не про девушек. Ты успел так много — и сочинить, и написать, и натворить, и раскаяться, и еще написать, и снова раскаяться и натворить. Ты успел так много, а чего не успел, знаете только вы с Господом Богом, причем ты лучше.

Ты даже успел перескочить на ту сторону баррикады — и стал издателем. Господи, Саша, ты даже меня издал при жизни — при нашей общей жизни. Это самая толстая из всех моих книжек. И там самое большое в мире число ошибок и опечаток. И название к ней ты сам придумал, и сам все разместил и сам сделал мой шарж, который враги с наслаждением называют дружеским. Ты быстро и легко все сделал сам, и книга была бы еще лучше, если бы ты сам написал еще и ее текст, но этого ты просто не успел. Потому что был уже в Интернете.

Ты одним из первых умудрился влезть в эту адскую сеть. Причем ты не только знаешь слова типа «сайт», «браузер» и «баннер» — но и то, что они значат. Именно это мы, патриоты, и называем — русскоязычный писатель.

Меж тем я помню время, когда ты еще не был таким виртуальным.

И помню твои рассказы. И твои чудные притчи. Как кто-то написал на нашем небосводе плохое слово... Оно там до сих пор, Саня. Еще я помню твой взгляд, когда я сказал, что прочел «Беседы с милордом». До сих пор не знаю, чем ты был так удивлен —

тем, что я прочел, или тем, что могу лгать прямо в глаза. Но я не врал, я потом уже точно прочел. Потом помню — где-то в редакции мы опять с тобой и еще с кем-то сидим и обсуждаем типа литературу — я вообще этого очень не люблю, но закуски постоянно не хватало. Дальше какие-то обрывы пленки, а потом мы с тобой опять играем в шахматы, и с каждой рюмкой позиция все улучшается — причем сразу у обоих.

Эх, Саня, хотел сказать как-то художественно — не получается. Ну, неважно

А важно вот что. Если ты повернешься вокруг своей оси на 360 градусов, ты увидишь весь свой горизонт. Делать это надо не сейчас, за столом, а когда сможешь, и очень осторожно, потому что ты еще нужен близким.

Итак, ты увидишь свой горизонт, и его рельеф — горы, пригорки и холмики твоей жизни. И где-то там, если напрячься, можно разглядеть небольшую, но очень красивую лысоватую кочку. Это — я.

Я очень рад, Саша, что так долго маячу на твоем горизонте. А ты — на моем. И вот именно в честь этого я и просил бы всех сострадающих поднять стаканы. Кстати. Считается, что круглые цифры побуждают к философии. То есть сегодня тебе, по идее, положено тщательно пригорюниться и задаться вопросом: «Так что ж мой стакан? Наполовину полон? Наполовину пуст?»

Любой ответ — дурацкий. Ибо, как сказано не мною, суть не в этом. Суть в том, что прекрасен сам стакан. Поскольку одноразовый.

За твой уникальный стакан, Саша!

Да искрится он в твоей руке как можно дольше!

11. 03. 2000

*В СНГ есть Украина. В Украине есть Одесса.
В Одессе — дом на Пушкинской. А в доме — центр реабилитаци
ции детей-инвалидов
А директором — Боречка.*

Мы любим его пародировать.

Мы наизусть знаем все эти его «Сиди ровно» и «Слушай Боречку».

Нормальные люди говорят «Здрасьте».

Он говорит: «Антисемитюга, я тебя ненавижу».

Это означает, что, во-первых, он тебя обожает, а во-вторых, что ты не антисемитюга, а наоборот, не теряй бдительности.

Лично меня с ним познакомил Витя Лошак. То было время, когда мы могли вдруг взять и прилететь в Одессу просто так — потому знали, что нам тут будет хорошо.

Кстати, Витя Лошак тоже сегодня здесь.

И вот мы прилетели, и нам было хорошо, и Витя сказал, сейчас мы пойдем к Боречке. Я сказал, какой, к черту, Боречка, — нам уже и так хорошо.

Но мы уже пришли. Я увидел ансамбль из сигаретного дыма, кожаной куртки и двух ушей, зажатых двумя телефонными трубками. Увидев нас, Боречка сказал обоим трубкам: «Антисемитюга, я убью тебя завтра, а сейчас ко мне зашли два таких красавца!»

Очевидно, Витя двоился у него в глазах.

Затем Боречка сказал: «Слушай Боречку!», схватил меня за руку, потащил к какому-то макету и стал совать в нос какие-то чертежи. При этом он тыкал пальцем в окно и кричал, что построит там нечто светлое и прекрасное.

Он был как Ленин, когда тот побрился.

Правда, в отличие от Ленина, Боречка светлое будущее построил. Причем при жизни. Причем при сво-

ей. Но это было позже, а тот день положил начало большой эстафете. Палочкой в ней служил Боречка. Витя вручил его мне, я передал его моему другу Юре.

Кстати, Юрий Рост сегодня здесь.

В этой связи не могу обойти исторический матч. Витя Лошак, Юра, наш одесский друг Дима и я. Играли двое на двое. Причем в баскетбол. После трех часов игры общий счет удалось довести до 2 : 1. Знатоки баскетбола оценят состояние игроков. Боречка судил объективно — подсуживал в обе стороны. При этом периодически хватал мяч и кричал, что не потерпит грязной игры. Видимо, имел в виду выборы в Одессе.

После Роста Боречку принял наш друг Игорь, который хотя и поэт, но женат, причем на своей жене Алле, которая могла бы не простить.

Так что они здесь сразу оба — Игорь Иртеньев и Алла Боссарт.

Не упомяну точно, когда именно в эстафету вошел Витя Шендерович. Во всяком случае, он еще не вызывал общей зависти коллег и считался юмористом не только среди кукол.

Кстати, Шендерович сегодня здесь.

После него (или до или параллельно) к эстафете присоединялись Аркадий Арканов и Марик Розовский, Сеня Альтов, и Резо Габриадзе... Не говорю об одесситах — эти знают Боречку поголовно и относятся с уважением, потому что даже в Одессе городских сумасшедших такого масштаба немного.

Нет-нет, я не потому, что, мол, только сумасшедший мог добиться, пробить, построить... Я не стану говорить об этом его центре, об этих его детях. Об этом нельзя говорить словами — к этому можно только относиться. Причем молча. Пришел, увидел и умолк. Молча постоял и сравнил с тем, что ты сам делаешь в жизни. Сравнил и опять закрыл рот...

Нет, он безумен не поэтому. А потому, что только безумный способен вдруг ни с того ни с сего впрыгнуть в твою жизнь, а потом узнать тебя поближе, и чтоб это не повлияло....

Мы его спрашивали — что подарить. Под пыткой он выдал из себя слово «факс». Зная Боречкин

английский, это можно было бы перевести как неприличный глагол, но мы все-таки решили, что он имел в виду прибор для связи. Видимо, с нами.

Боречка! Прибор здесь, но сегодня он тебе не нужен — сегодня мы тоже здесь. Сегодня тебя надо обмыть — вместе с прибором. Поэтому мы привезли с собой еще пузырек шотландского виски. Этот пузырек почти равен тебе по объему, но, конечно же, уступает в крепости.

Ибо ты, Борис Давидович Литвак — один из самых крепких пацанов этого города. А значит, этого мира.

И все мы, Боречка, любим тебя пародировать лишь по одной причине — мы неспособны тебе подражать.

На что мы способны — это быть сегодня в Одессе.

И пытаться хоть какое-то время просидеть рядом с тобой ровно.

**ОЛЕГУ
МЕНЬШИКОВУ
— 40**

08. 11. 2000

Олег,

они позвонили и сказали, что надо сказать слова,
потому что тебе сорок.

Олег, это им надо, что тебе сорок.

А мне не надо.

А я тебе так скажу — на тебе и сорок хорошо смотрится.

Фалды еще развеваются, но седой волос уже надо прятать.

А ты не прячь.

Твой сорок — дивный баланс.

Ты уже так много знаешь и еще столь много можешь.

Главное, чтобы всего этого не пересталось хотеть.

Чего тебе и желаю.

И долгих лет маме и папе.

И вот еще.

Не сомневайся никогда, что важнее — жизнь или искусство.

Живи!

Я тебе все уже сказал.
Но хочу повторить — через посредство газеты.
Чтобы это была как бы журналистика.
Потому что сегодня, когда при слове «журналист»
одни тянутся к пистолету,
другие — к кошельку,
а третьи плюют мимо урны;
когда вместо журналистики — СМИ,
а вместо СМИ — «пиар»,
а вместо «пиара» —
компромисс между общественным туалетом и про-
куратурой;
когда журналистом называет себя всякий,
сочетающий недостаток стыда
с неумением излагать отсутствие мыслей...

...и так далее...

Я жутко за тебя рад, Юра.
Нет — за тебя я счастлив.
А рад я за «Триумф».
Триумф профессии.
Хотя фактически ты ничего такого не делал —
ну, просто писал заметки.
Просто щелкал фотоаппаратом и сочинял к этим
снимкам тексты.
Создавая портрет эпохи, как скажут пошляки.
На самом деле — ты различаешь лица людей.
Очень просто.
Кстати, среди твоих лиц до сих пор нет толково-
го автопортрета.
Раньше ты, конечно, был недостойн, но теперь —
пора.
Если тебе самому неловко, покажи, на какую кноп-
ку нажимать, и я щелкну то, что в окошечке.

Куртка, трубка, очки.

Джинсы, по которым плачет музей.

Причем подпоясанные веревкой — для простоты.

Вспоминается граф Лев Николаевич, тоже был простой мужичок.

Нет, Юра, у меня так щелкнуть не получится.

Чтобы получилось, как у тебя, окошечка с кнопкой мало.

Нужен еще твой глаз, твоя рука, твоя свобода, твоя хитрость и твоя нежность.

И что-то еще, чего я не знаю.

Между прочим, сколько помню, ты ни разу не написал ерунды. Это надо же.

А знаешь почему?

А потому, Юра, что ты есть Журналист.

Лучший и талантливейший.

Очень просто.

14. 10. 2000

У Михаила Козакова — день рождения.

Народный артист.

Дивная траектория.

Дикий характер. Насчет чего весь бомонд в курсе.

С одними не сошелся, у других не прижился, с третьими расстался, с остальными развелся.

Потом объяснил всем, почему он тут больше не может, — и уехал туда. Работать.

Поработал.

Потом объяснил всем, почему он там больше не хочет, — и вернулся сюда.

Работать.

Потому что главная патология — работа.

Клинический трудоголик.

Пока прочие прорабы духа убеждают друг друга и остальных, что в наше поганое время все невозможно, Миша Козаков в это самое поганое время ставит, играет, снимается, дает интервью, пишет, опять книгу, одновременно непрерывно, безостановочно и непрестанно читая стихи.

Никогда! Никогда не просите его почитать что-нибудь из Бродского!

«Что-нибудь» — он не понимает. Заставит слушать все, что Бродский когда-либо написал, и что собирался написать, и чего даже не собирался — с вариантами, черновиками, записками, сносками и письмом ему, Козакову, лично.

Характерец.

А народу-то на характер наплевать.

Народу сколько раз ни показывай «Покровские воорота», столько раз народ все бросает, садится и смотрят — от и до.

Классика потому что.

А еще недавно сыграл тень отца принца.

Самого принца тоже играл — но раньше.

А еще я перевел пьесу, а он ее взял и тут же...

А я — вторую, а он опять...

И так все время.

Короче.

В день рождения народного артиста прошу для него исключительно здоровья.

Все остальное Михаил Михайлович Козаков, народный трудоголик со скверным характером, сделает сам.

13. 03. 2000

*Миша — скульптор. Казалось бы, мог бы изваять
мой бюст. Но не ваяет.*

Что такое Миша Рева?
Колос божьего посева.
Нота нежного напева,
Перелитая в металл.
Что такое Миша Рева?
Плечи мужа, очи девы,
А улыбке Миши Ревы
Я сравненья не сыскал.

Миша Рева! Миша Рева
Послан миру для сугрева,
Чистый, как Адам и Ева —
До съедения плода.
Двадцать — справа,
 двадцать — слева.
Посередке — Миша Рева.
А над веткой жизни древа
Светит нам его звезда.

01. 09. 01.

*Юффа — это, как ни странно, не город, а фамилия.
И виделись-то толком раза три.
Оказалось достаточно.*

Саня!

Александр Яковлевич!

Мне жаль, что я не смог лично, и что эти слова от моего имени будет бормотать совсем другой человек, но это еще лучший, кого я мог найти.

Поскольку я уверен, что сейчас тебя окружает столько самый узкий круг — человек семьсот — то и слова мои будут очень личными.

Саня, у тебя сегодня тяжелый день. Я это проходил, я помню. Сидишь с деревянной спиной, пахнешь одеколоном и делаешь вид, что веришь всему хорошему, что о тебе говорят.

Я тоже мог бы присоединиться и говорить слова к твоим пятидесяти.

Я мог бы поздравить тебя, например, с тем, что ты — доктор наук, причем химических, что во многом объясняет наше отставание.

Я мог бы поздравить тебя с тем, что ты командуешь концерном, который красиво называется «Никка». Хотя, убей бог, не понимаю почему «Никка» — через два «к»?

Все равно как «Победа» через два «б».

Я бы мог от души поздравить тебя с тем, что к своему «полтиннику» ты подкопил немного бензина. Никогда не знаешь, что завтра выкинет эта власть. А ты, по крайней мере, всегда сможешь что-нибудь поджечь.

Я мог бы особо поздравить тебя с твоей женой Леной, потому что представляю, как трудно тебе сегодня сверкать на ее фоне.

Да, Саня, я мог бы говорить и выпивать — за твои успехи и твои достижения.

за твоих детей и твоих родителей,

за твоих друзей и твой город,

за тех, кто в море, и за тех, у кого морская болезнь.

Но за все это выпьют и обо всем этом скажут другие умные люди, поскольку неумных рядом с тобой нет, хотя не знаю, кого именно из мэрии ты сегодня пригласил.

А лично я хотел бы поздравить в твоем лице именно твое человеческое лицо.

Поздравить тебя с тем, что к своим пятидесяти ты все еще просто хороший парень. Не всем удастся. Уж поверь, я знаю.

Так что крепись, Александр Юффа.

Стисни зубы, прорвись через этот свой юбилей, потом прими ванну из рассола, забудь про этот свой юбилей и осуществляйся — талантливо, весело и долго.

ЮНОШЕ, ОБДУМАВШЕМУ ЖИТЬЕ

Илье Клебанову — 50

07. 05. 01.

«Уважаемый товарищ...» Затерто.

«Дорогой мой!...» Фальшиво.

«Гражданин начальник»?

Тот случай, когда не знаешь, как обратиться.

«Господин вице-премьер...» Что-то из французского романа.

«Мой юный друг»? Я же старше. Нет, нет. Руководство не бывает младше.

Короче, Илья!

Случайно узнал, что у тебя дáта. Или на «ты» — неплохо? Хотя совместные застолья у общих друзей типа Витьки Лошака дико сближают и растапливают льды.

В принципе, обращение должно содержать объединяющий момент. Пол, возраст, место жительства... Так вот же! Вот же оно!

Землячок!

Мы же оба оттуда, с тех гранитных берегов, у нас общие мосты, решетки и Медный всадник, великое произведение Церетели.

А кто оттуда — у всех все общее. Ну, вплоть до оборонки. Я ведь тоже положил на нее лучшие питерские годы — ну, года три отдал. По нормальной-то профессии я, конечно, электрик, а по военной-то — конечно, подводник, что разглашать тебе, Илья, не имею права. Скажу одно — насчет той горькой подлодки я тебе сострадаю. Потому что теперь все вешают на нас, питерских. Хотя америкашки там, конечно, не просто так плескались, тут твои адмиралы молодцы, четко доложили. А тем более англичане, ох, лукавый народ!

Но сейчас не об этом.

Сейчас — о том, что оба мы с берегов Невы, где по возможности блистали, мой читатель... И в этой связи — о самом нежном. О фотоаппарате «Смена», украсившем юные годы. Он был прост, как тогдашняя жизнь. Надежен, как пионерский галстук. Кого мы им только не снимали! И где теперь все эти люди и девочки? Ты помнишь — «Сделано на ГОМЗе». Сидящим за столом дамам намекаю: ГОМЗ — это ЛОМО, а ЛОМО — это... Илья, ты меня понял. А дилетантам типа Витьки Лошака разжевываю: ЛОМО — это место, где делают такие штуки, про которые мы с Ильей не имеем права, тем более до горячего.

Но сейчас не об этом.

Сейчас о том, что москвичи делятся на бывших питерцев и тех, кто им завидует. Затесавшиеся одесситы типа Витьки Лошака только оттеняют сказанное.

Так что Пулковские высоты и Васильевский остров вчера — это Николина Гора и Васильевский спуск сегодня.

Тут как-то пришла скорбная мысль. Что из бывших питерцев остался последним, кто так ни черта и не возглавил. Остальные со скромным обаянием взяли вокзалы, телеграф и счетную палату. Под восторг населения, зачарованного умением среднего неевского пацана не только войти в сложноподчиненное предложение, но и выйти из него почти там же. Вообще, Илья, курс отечества на ближайшие годы — это четкая дикция. В связи с чем в груди щемящее чувство одиночества и острое желание что-нибудь курировать. Особенно по ночам.

Но сейчас не об этом.

Сейчас о твоей дате. Не буду врать — могло быть лучше. Например, девятнадцать. Или тридцать два. Но и пятьдесят — большая удача. Вспомни тех, кто видел Ленина. Вспомни Джамбула, он пел еще дольше. Пятьдесят — это в шесть раз меньше, чем Питеру, трехсотлетие которого мы будем отмечать с тем же размахом. Вдумайся, Невскому проспекту было уже 250, когда ты еще не знал, что будешь отмечать свой «полтинник» с крутыми ребятами типа Витьки Лошака. Не говорю уже о Мише Швыдком, который хотя

и не питерский, но по культуре приближается — ты же видел, как он запивал «Кристалл» «Будвайзером»...

Но сейчас не об этом.

Честно говоря, как прошедший через подобное, хотел просто приободрить, но ты, скорее всего, уже и так бодрый. Так что, подозреваю, мне все это было приятнее сказать, чем тебе услышать

В любом случае, будь здоров.

Неси с честью все, что сможешь, туда, куда захочешь.

Смотри, как сложилось — тебя некоторые любят, а остальные вынуждены любоваться.

Практически судьба Питера.

С чем и поздравляю.

03. 05. 98

Моему другу Аркадию,
который войдет в историю как человек,
знающий наизусть тексты всех советских песен,
включая ненаписанные;

Моему другу Аркадию,
который досматривает любой фильм до конца,
не уходя из зала даже после того,
как Мэри говорит Джону:
«Почему бы тебе не выпить немного виски?»;

Моему другу Аркадию,
который в любое время суток
говорит одновременно
по двум телефонам и смотрит четыре телевизора,
где идут четыре выпуска одних и тех же новостей,
печатаая при этом сразу на двух компьютерах:
на одном — сценарий, на другом —
заявку на другой сценарий;

Моему другу Аркадию,
который обладает героической женой,
которая имела отвагу иметь от него двух детей,
которые имеют склонность иметь проблемы,
которые кто-то должен решать, и Аркаша их решает,
а у них опять проблемы, а он их решает,
а у них...

Моему другу Аркадию,
который на первое ест мясо,
а на второе — мясо, но много,
а на третье — компот из бараньей косточки;

Моему другу Аркадию,
который входит во все комиссии,
советы, комитеты и гильдии,
который куда ни придешь, а он уже там;
который член всего, что существует,
но при этом ничего из этого не приватизировал,
что выдает его общественную тупость,
которую многие принимают
за личную скромность;

Моему другу Аркаше,
который одалживает деньги у своих читателей,
чтобы отдать их деньги своим издателям,
чтобы издать на эти деньги свою книгу,
чтобы затем продать ее читателям,
чтобы отдать долги издателям;

Моему другу Аркадию,
который есть главный автор
знаменитых кинокапустников,
что не принижает нормальные фильмы,
где он тоже главный автор;

Моему другу Аркадию,
который деятель каких-то там искусств,
и чего-то там профессор
который, не удивлюсь, если орденосеиц,
что, впрочем, не слишком оскорбило бы его,

Моему другу Аркадию Инину 60 лет,

что арифметически не имеет смысла,
но фактически дает мне повод
выразить ему
свое восхищение и светлую надежду
на наше с ним общее будущее.

20.04.02

Опять Одесса! Опять, опять, опять апрель!
Все сходится! Мы опять совпали в той же точке.

Не помню, что было — юморина, фестиваль или мой день рождения. Но помню, что надежды протрезветь не было. Помню, как вдруг из тумана — голубые глаза в твидовом пиджаке.

Что сразу насторожило? Во-первых, он стоял вертикально. Во-вторых, улыбался дружелюбно. В-третьих, было неясно — откуда он. Для одессита мало острил, для москвича мало матерился. Он смахивал на члена палаты общин, забывшего английский.

Мы выбрали друг друга сразу. Подтвердив, что жизнь есть праздник выбора, где ежесекундно решаешь — белое или красное, ехать или плюнуть, свобода или семья.

Кстати о Маринке. Стоит ей глянуть лучистыми глазами на Витяню, которого она сурово зовет Тюшей, как Тюшино лицо принимает выражение безнадежной духовности. И тогда Маринка ведет Тюшу в консерваторию, где, проведя два часа в адских наслаждениях, Тюша понимает: он сделал правильный выбор.

Возможно, это и есть его главный дар — умение выбирать. Точный выбор — неизменно превосходный результат. Практически, «Uncle Ben's».

Снайперски выбрав из всех нормальных профессий ту, что он выбрал, Витяня стартовал в «Вечерней Одессе» с разгромной заметкой о коррупции среди двух сантехников Жовтневого района. Потрясенное начальство, поняв, с кем имеет дело, сделало свой выбор — и хлопчика приютила Россия.

Москва. Утро.

Витяня подходит к окну своего кабинета, смотрит на «наше все» и думает о читателях. И это взаимно. Поэтому-то за этим столом сегодня и собрались все читатели его газеты. И все ее писатели тоже.

Умение выбирать — его глубинное качество. А внешний имидж нашего Витяни — демократ-трудоголик, осознавший тщетность борьбы за идеалы, но не могущий позволить себе выйти из борьбы.

Спросишь его, бывало:

— Витяня, ты куда?

— В Париж, — ответит он с мужеством декабриста, ссылаемого в Сыктывкар.

Кстати. Выбирая маршрут, выбираешь способ перемещения. На пути к сегодняшней вершине Витяня успел сменить трамвай на «жигуль», «жигуль» — на «опель», «опель» — на «мерс», «мерс» — на джип, а джип — на крылья родины, которые принесли его сюда, где сгрудились мы, благодарные ему за все в совокупности, и каждый — за свое.

Витяня! Я благодарен тебе за мою дочь, которую ты своими руками вырвал из роддома. Я благодарен тебе за твою дочь. Когда ей было десять лет, она обещала выйти за меня замуж — хорошо, что в ней вовремя проснулась твоя смекалка. Я особо благодарен тебе за то, что подарил мне Боречку Литвака. До сих пор не знаю, как отдариться, хотя, говорят, где-то в уссурийской тайге видели что-то похожее...

И в завершение, Витяня.

Я не помню тебя некорректным. Могу это простить.

Не помню тебя неискренним. Могу примириться.

Не помню тебя неталантливым. Готов проглотить даже это.

Но я что-то не припомню тебя радостно напившимся.

А это уже пробоина. Сегодня ты обязан завести на эту пробоину пластырь, как сказал бы один наш с тобой общий компетентный друг. Но пока ты не приступил, окинь взглядом всех, кто сейчас здесь. Посмотри на эти пока еще лица. И запомни: ты можешь с нами поссориться, но не сможешь от нас отделаться. Потому что мы тебя — выбрали. На долгие годы, Витяня.

Аминь!

**Безбрежна жизнь.
Бессмертна смерть.
Иллюзий — ни на грош:
Из ниоткуда ты пришел
И в никуда уйдешь.
Мгновенья вечности — века
Промчатся без следа.
В бездонной млечности Земля
Застынет глыбой льда.
А где-то вспыхнет мир иной —
Чужого бытия...**

**А с этой глыбы ледяной
Писать вам буду я.**

IX

*П*РАКТИЧЕСКИ
НАРОД

ПРО АВТОРА

Александр ШИРВИНДТ

Мне лично на слух из всех моих друзей-писателей ближе всех по духу (по слуху, по духу — шикарно!) Михаил Мишин. Он импонирует мне идентичностью сценического пребывания... Строг, ироничен, непроницаем в лице, хорошо держит паузу и удар антисмеховой реакции в зале. Горд, красив, строен, интеллигентен и знает английский.

За исключением последнего пункта, мы дико похожи...

Семен АЛЬТОВ

Помимо всего прочего, у Миши поразительная способность к языкам. В 80-х, в Польше (наша с ним первая заграница), он с ходу заговорил по-польски.

В варшавском кинотеатре мы жадно пожирали «Крестного отца». Миша интеллигентным шепотом мне переводил, боясь помешать залу. Шипели со всех сторон. И вдруг сзади крикнули: «Землячок, громче, а то нам не слышно!»

Оказалось, зал набит туристами из Союза.

Думаю, дать Мише в молодости хорошенькую китайку — и к вечеру он заговорил бы по-китайски. Во всяком случае, она бы поняла, чего он хочет.

Абсолютный слух в сочетании с абсолютным чувством юмора позволили Мише блестяще переводить зарубежные пьесы, превращая их в российские театральные шлягеры...

Ксения ЛАРИНА

Если бы его популярность не была столь велика, то его вполне можно было бы принять за безработного физика. Вариант — работающего, но регулярно не получающего зарплату.

...Он всегда знает больше, чем уверяет. Он никогда не бывает скучным и злым. Он любит простые предложения и нетрадиционные знаки препинания...

...Легкая усталость ему к лицу. Ему ничего не стоит соблазнить женщину, в нем есть нечто демоническое...

(Вот это мне нравится! Что ж раньше-то молчала, Ксюша?! — ММ)

Спасибо, Шура!
Спасибо, Сеня, спасибо, Ксюша!

Насчет языков — все легенды
Что знал по-испански — все позабыл...
По-польски и забывать нечего было.
Китайки не попадались.
Лишь тень пассивного английского
позволяет ковыряться с театральным переводом.

Но нравится!
И задача захватывает и процесс:
снимаешь одежду из чужих слов
с безязыкого смысла
и пытаешься одеть его (смысл)
в платье родной речи —
чтоб нигде не топорщилось и сидело как влитое.

Я — дилетант.
Но осторожный.
Берусь только за то, с чем, думаю, смогу справиться.
Может, и включил бы в эту книжку пару пьес
(их-то, в основном, и перевожу),
но — антология, господа.
Считается, тут должно быть только свое.
А переводы, может, издам когда-нибудь отдельно.
Тогда и восхититесь.

С тем, что исполнялось на эстраде, — проще.
Тут все собственное.
Желающие могут приступать к восторгам
прямо сейчас.
Но могут и позже.

Согласен на любой вариант.

Я, товарищи.

рад нашей встрече. Такие встречи нас с вами сплачивают. На таких встречах думается о многом, и прежде всего о венике. Из легенды, когда помирал отец и вызвал к себе сыновей, сломал перед каждым отдельный прутик от веника, потом сложил прутики вместе — и веник уже не сломался. И мы, товарищи, сейчас, как никогда, должны сплочаться, чтоб быть таким вот легендарным веником.

Вместе с тем мы слышим такие разговоры, что у нас тут трещины, что какие-то разрывы, что между прутиками конфликты, что одни — толще, другие — тоньше. Что, мол, у кого-то тут есть какие-то привилегии. Что можно сказать, товарищи? Мне тут правильно подсказывают: это хуже обмана. Это юмор. Потому что у нас тут одна привилегия: быть в первых рядах. И отдавать: все знания, весь опыт, весь ум отдавать, всю честь и совесть нашей эпохи — все отдавать людям, народу практически.

Ведь бывает обидно, ведь буквально не спишь, не ешь, — ну практически не ешь — решаешь вопросы. Ведь все время вопросы, и надо эти вопросы решать, все время мотаешься с вопросами — то в исполком, то опять в исполком, то по вопросам исполкома. Причем машин не хватает. И напрасно думают, что у нас тут все разъезжают на черных «Волгах». Вот мне тут подсказывают, инструктор Сидоренкова до сих пор ездит в серой. И хотя она требовала, мы ей твердо сказали, чтоб не надеялась — только в конце года. А наш «рафик» мы вообще отдали детскому саду, тем более он без двигателя, чтоб развивалась у детей смекалка. То есть трудности есть, товарищи, но мы не жалуемся.

Например, по вопросу телефонов. Якобы весь аппарат себе поставил вне очереди. Да, товарищи. Мы были вынуждены пойти на эту крутую меру. Почему?

Мне тут правильно подсказывают: потому что, если нет телефона, невозможно же звонить! А аппарат должен из любого места, где бы ни сидел — в кабинете, в машине, на кухне, на другой точке, — прямо оттуда снять трубку, выяснить, как вопросы решаются, как другие вопросы. Телефон — это же не дает оторваться от людей, от народа практически.

Теперь по вопросу якобы привилегий по вопросу лекарств. Мне тут подсказывают, товарищи: вопроса такого нет. Мы можем предъявить рецепты: нам прописывают от того же, от чего и трудящимся. Причем зачастую то, что у нас не апробировано, а прямо из-за рубежа. Но кто-то же должен рисковать. И в нашей поликлинике, товарищи, ничего особенного нет — обычная аппаратура для аппарата. Кто хочет, может посмотреть. Вот мне тут, правда, подсказывают, что там милиционер. Вот это безобразие, товарищи. Это мы поставим вопрос — почему он там стоит в форме? Но ни о каких привилегиях речи нет категорически. Например, инструктор Сидоренкова хотела недавно пройти на анализ раньше жены второго. Мы ее одернули. Мы ей прямо сказали: скромнее надо быть, товарищ Сидоренкова. Не выпячивайтесь.

Еще вопрос, товарищи. По вопросу якобы специальных пайков для аппарата. Да, товарищи, тут мы должны откровенно признать: болтовня такая идет. Якобы в этих пайках что-то такое особенное. Неосведомленность, товарищи. Ничего особенного там нет. Все, что всегда. Ведь, товарищи, в чем смысл пайков? В том, чтобы уменьшить очереди. Очереди — наш позор, товарищи. И здесь мы настроены бескомпромиссно: аппарат удлинять очереди не будет.

Кстати, по вопросу культуры. Ведь такие слухи, что в театр невозможно попасть, потому что мы для аппарата бронируем чуть ли не весь зал. Скажу прямо, это уже хуже юмора... Вдумайтесь сами, товарищи: ну, откуда в аппарате столько любителей театра? Вот мне тут подсказывают, мы бронируем только партер. И не для себя, товарищи, а для заезжего аппарата из городов-побратимов.

Вот что касается по вопросу брони на авиабилеты, факты есть. Но мы решительно боремся, товарищи. Так, недавно инструктор Сидоренкова обратилась, чтобы забронировать ей билеты на Сочи для семьи в командировку — всего двадцать семь билетов. Мы, товарищи, ей на аппарате прямо сказали: скромнее надо быть, товарищ Сидоренкова. Никаких привилегий — восемнадцать мест, и ни одного больше. Остальных членов семьи командидуем через исполком.

Ведь нас с вами пытаются столкнуть: мол, почему аппарат на вокзале идет через комнату, где мягкая мебель и вентилятор, а люди в общем зале, многие на полу, а туалет второй год не работает, хотя запах дает. Что ж, вспомним диалектику, товарищи. А если бы при этом еще и аппарат вышел бы из депутатской комнаты и лег на пол в общем зале? Это сколько бы на полу прибавилось? И первый на полу, и второй, и общий отдел, и инструктора — вплоть до Сидоренковой — при той же мощности туалета. Нет, товарищи, это мы только навредили бы людям, народу практически, среди которого бывают старики, женщины, дети.

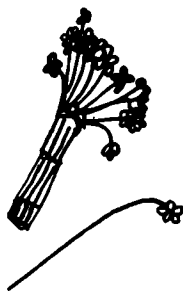
Кстати, по вопросу детей. Мол, почему только дети аппарата поступают в тот институт? Скажу прямо, товарищи: нас это тоже интересует. Мы должны с этого института строго спросить: почему они только наших детей принимают? В чем дело? А вот мне тут подсказывают: они уже прислали ответ. Что у них все решают знания. Так что они сами знают, кого принимать. Но нам ставят другой вопрос: почему дети аппарата и работать устраиваются в аппарат? Что можно сказать на это? Мне тут подсказывают, что мы — за трудовые династии, товарищи. Например, дед уголь добывал, отец добывал, теперь внук добывает. Дед пилил или, скажем, варил, потом отец варил, теперь варит вся семья непрерывно. У нас то же самое, товарищи. Например, мать — инструктор Сидоренкова, дочь — инструктор Сидоренкова, внучка вырастет, тоже будет инструктор Сидоренкова.

А вообще, товарищи, чаще нам надо встречаться для сплочения, ходить друг к другу в гости, мы — к вам, вы — к нам. Мне вот тут, правда, подсказывают

не всех могут пустить, там у нас милиционер. Это безобразия! Мы поставим вопрос — что он там стоит, без формы? Это дезориентирует.

Но в целом мы еще раз убедились сегодня, что пока мы с вами будем, как прутик с прутиком, нас не переломить, как тот легендарный веник. Так что, товарищи, мне тут подсказывают: до новых встреч с вами, с людьми, с народом практически!..

198?

— Врача вызывали?

- Здравствуйте, доктор, проходите, пожалуйста.
- Где больной? Ой, как хорошо!
- Что-о?
- Примета! Если первый больной мужчина — это к счастью!
- Так я ваш первый...
- Ну да! Я так рада!
- Я тоже...
- Так. На что жалуемся?
- Что-то в боку болит. В правом, вот тут.
- Сердце.
- Сердце же слева!
- Что? Ах, да... Мы проходили. Сердце с той стороны, где часы... Температуру мерили?
- Температуры нет.
- Как нет? Что — ноль?
- Почему? Тридцать шесть и шесть!
- Ну! Выше нуля. Повышенная!
- А я всегда думал, что нормальная.
- Что вы с врачом спорите?... И потом, если все нормально, зачем вызывать?
- Так в боку-то болит.
- В боку... Плохо. Может, вас укусил кто?
- Кто?!
- Клопов у вас нет? У нас на старой квартире были.
- Никого у меня нет! И потом — болит-то внутри...
- Внутри? Интересно, что там у вас.
- Может, вы меня послушаете?
- Конечно. Слушаю вас.
- Нет, я имею в виду стетоскопом. Знаете, такая штука, с трубочками?
- С трубочками? А! Конечно, это мы проходили!.. Вон он, в сумке... Ну-ка... Ой! Тикает что-то... Тук-тук, тук-тук... Как интересно! Прелесть!..
- Прелесть-то прелесть, а в боку-то болит.

- Болит — это плохо... Что же у нас там болит?
- Может, печень?
- А что, вполне!
- Но, говорят, при печени белки глаз желтеют...
- Да? А ну-ка, покажите глаза... У-у-у! Да у вас они не то что желтые! Прямо коричневые уже! Типичная желтуха!
- Доктор, у меня с детства глаза карие...
- Значит, желтуха врожденная!
- Нет, доктор, все-таки, я думаю, не печень...
- Ну, дело ваше... Я хотела как лучше. А если не печень, тогда что?
- В принципе можно было бы предположить приступ аппендицита...
- Больной! Я предполагаю у вас приступ аппендицита!
- Доктор, я боюсь.
- Не надо бояться, вырежем под наркозом!
- Я боюсь, это не то. Аппендикс у меня уже вырезали.
- Да-а? А ну-ка, откройте рот!..
- А-а...
- Шире!
- А-а-а-а!!!
- Вы что, издеваетесь? Где же вырезали, когда я его вижу?
- Кого?!
- Аппендикс!
- Доктор, вы не путаете?
- С чем?
- Ну... с гландами?
- Гланды?.. А где ж тогда аппендикс?
- Он ниже, отсюда не видно.
- Ну ладно... Кстати, давайте вырежем гланды!
- Зачем?! У меня не гланды — у меня в боку болит.
- В боку, в боку... Этот ваш бок меня уже достал. Что у вас там?
- Вы не думаете, что там — локальный воспалительный процесс?
- Почему не думаю... А как это?
- Его можно обнаружить аналитическим путем...

— На что вы намекаете? Говорите прямо — я же врач!

— Я имею в виду анализы. Знаете, кровь, желудочный сок...

— Все соки полезны! Уж это-то мы проходили!..

— Молодцы... Пишите направление на анализы. Писать умеете?

— Больной, а шутите!.. Уж как-нибудь!..

— Так. Теперь, наверное, мне надо придерживать-ся диеты. Ничего жирного, острого, соленого...

— Почему это? Я кильки люблю!

— Да нет... Это вы мне диету назначаете.

— А-а. А то я кильки люблю — ужас!

— Бюллетень не забудьте. Умеете заполнять?

— Больной, а шутите... Уж бюллетень-то!..

— Ну, молодец. Пишите диагноз.

— Да? А какой?

— А вы разные знаете?

— Зачем разные? ОРЗ!

— Ну, его и пишите... Написали? Все. Спасибо...

— Ну, я пойду тогда?

— Конечно. У вас же еще, наверное, много вызовов?

— Жуть!

— И всем-то вы должны помочь. Ну, дай вам бог!

— Больной, а шутите... Бога же нету!

— Вы проходили?

— Уж как-нибудь!

— Ну, тогда точно — нет Бога...

1977

СЛУЧАЙНЫЕ СВЯЗИ

...Нет, я понимаю,

случайные связи — это вообще... Конечно. Но так случайно получилось.

Потому что я тогда утром смотрю — а он ушел. То есть ничего такого — ни скандала, ни разрыва... Ушел, и всё... Нет, так он хороший был. В смысле — неплохой. В смысле — бывают хуже, но я не встречала... И лучше не встречала. В общем, такой, знаете, брови, плечи... Ну вот, а лица не вспомнить. Цепляется что-то в памяти, но не то... Потому что это уже когда было-то... Уже и Коля у меня в школу ходит.

Вот. А тут вдруг — этот звонок. И голос такой. Наверное, не туда попал.

Говорит:

— А давайте в кино встретимся?

Я говорю:

— Я с незнакомыми не встречаюсь.

Он говорит:

— Ладно, только не опаздывайте.

И вот мы рядом сидим, и фильм такой — музыка, и лошади, и все цветное... И я на экран смотрю и вижу, как он мою руку гладит.

А свет зажгли, он говорит;

— Мне фильм ничего, а вам?

Я говорю:

— Ничего, а вам?

Он говорит:

— Почему? По-моему, ничего...

А оба мы фильма-то и не видели...

Он говорит:

— Я вас провожу?

Я говорю:

— Ни в коем случае!

Он говорит:

— Вот и чудесно.

И вот мы идем, идем... И улица, и музыка, и все

цветное... И вот мы у подъезда моего стоим, он мою руку держит... А он милый такой — брови, плечи... Только замерз. Надо было, наверное, его к себе пригласить, да как-то, знаете...

Он говорит:

— Как у вас уютно!..

И вот мы сидим, у него вино случайно... И смех, и глаза такие... И пальцы горячие... И смотрю — а лицо такое знакомое — смутно-смутно... И вижу, он в памяти тоже что-то нащупывает.

Говорит:

— А вас что, муж бросил?

Я говорю:

— Нет, ушел. А вас?

Он говорит:

— Нет, я сам ушел.

Я говорю:

— Может, еще все хорошо будет.

Он говорит:

— Поздно уже...

А когда спит, он во сне такой беззащитный...

А утром смотрю — а он ушел. Только паспорт оставил, случайно.

Разглядывать чужое как-то, знаете... Смотрю — а мы однофамильцы! А в паспорт карточка вложена: мальчик. Смотрю, на Кольку моего похож — ну близнец прямо! И на него похож... А самое-то смешное — он и прописан по моему адресу!

Надо будет ему туда написать.

Придет за паспортом — вот посмеемся!

Если, конечно, письмо дойдет.

женского счастья?

Сама!

А почему так много несчастливых кузнецов?

Слишком суетились у наковальни. Хватали, не глядя, что берут. «Ах, ох, он такой!..» Потом: «Ай, ой, он такой!..»

А счастье — не железо. Станешь ковать, пока горячо, потом обожжешься. Счастье выждать надо. Выследить, подстеречь. Как львица на охоте: залечь в зарослях, за холмом. Вон их сколько! Идут по саванне — на водопой... Приглядеться, принюхаться, выбрать. Зайти с подветренной стороны — чтоб не учуял. И — р-раз! Отбить от стада — и прыжком ему на хребет! Он понять ничего не успел — уже в когтях!.. Плавное — не прощляпить с выбором хребта. И брать сразу. В смысле — брать такого, чтоб сразу все дал.

Тот летчик... Я его только увидела — поняла: надо брать. Когда мужчина имеет дело со стратосферой, то потом женщина это чувствует. Он даже не пытался спастись — он признался сам. Взял меня за руку и говорит: «Я хочу сказать вам главное. Плавное — это до-заправка в воздухе». Потом говорит: «Мы полетим по жизни вместе. То есть летать буду я, а вы будете мой заправщик на земле». Я уже совсем было вцепилась в него, но тут он сказал: «Сначала вы полетите со мной на Север. Пока там у меня ничего нет — только романтика. Но потом мы вместе построим наше счастье, и вы у меня будете кататься как сыр в масле». Я подумала: да, это будет романтика — кататься куском сыра среди белых медведей. И еще ждать, пока он мне это счастье построит!.. И я спрятала когти — это был не тот хребет. Пока будешь с таким строить счастье — от самой один хребет останется... Я бросила этого небесного тихохода на добычу другим заправщицам — и снова скрылась в зарослях.

В саванне было полно дичи, но вся она была какая-то мелкая. Пока из-за горизонта не показался тот штурман.

Это была добыча почище стратосферщика! Тот летал вдоль границы, а этот — за! И не летал, а плавал. Когда мужчина так долго ходит в тропиках, то потом женщина это чувствует. Он сам шел мне в когти. Он сказал: «Как только я вас увидел, я понял, как я люблю свой танкер». Он сказал: «Со мной все просто. Восемь месяцев я там — четыре здесь. Четыре месяца — мои, восемь — ваши, но чтоб я ничего не знал. Все, на что у вас хватит фантазии, я вам куплю там, а если у вас разыграется юмор — купим здесь». Он сказал: «Вы будете мой якорь в дальневосточном порту. И пока меня не съедят акулы, вы будете как за каменной стеной!» Я подумала, да, это очень романтично: четыре месяца его, а восемь сидеть за каменной стеной на якорной цепи и волноваться — а вдруг его никогда не съедят акулы? Нет! Прыгать ради этого хребта за Уральский хребет было глупо. Я фыркнула — и залегла за холмами. Дичи в саванне стало уже поменьше, но я учуяла...

Едва тот геолог выскочил из зарослей, я задрожала! Когда мужчина так долго общается только с полезными ископаемыми, то потом женщина это чувствует. Он подарил мне кусок породы. Потом сказал: «Пять лет вы ждете меня из тайги, а потом будете как у Христа за пазухой». Я сказала: «Давайте наоборот: сперва я пять лет за пазухой, потом идите в тайгу». Он что-то курлыкал мне вслед, но я уже снова ждала в засаде. Саванна совсем опустела, но я ждала. Хотела дожидаться такого, чтобы сразу все! И как-то раз мимо пронесся один, и я почувяла: этот мог бы дать все — и сразу! Но за ним уже мчались другие, чтобы решить, как дать ему: с конфискацией или без...

И я снова — ждала и выбирала. Выбирала и ждала. Выбирать теперь стало проще. В саванне их стало совсем мало. Практически их был один. И я поняла: пора! Пора ковать счастье! Я прыгнула — р-раз! Он даже не заметил! Я прыгнула снова. Потом — еще! Прыгала, прыгала...

Так с тех пор и прыгаю вокруг него на задних лапках. А вдруг уйдет?! В саванне-то больше никого!..

— Счас мужики, счас...

Счас все нормально будет... Счас мы ко мне сходим, у Нюрки моей десятку возьмем — и нам будет хорошо... Даже еще лучше... Коля! Это уже какой этаж?..

— Ч-ш-ш-ш! Мужики! Ч-ш-ш! Тихо! Это уже моя дверь, понял! Видал, на двери слово нацарапано? Буквы узнаешь? Вот, значит, моя... Ч-ш-ш! Мужики. Пока я открываю, ложись отдыхай! У кого голова болит, об ступеньки потри — они холодные...

Счас, мужики счас... Чего-то замочная скважина на ключ не надевается... Ни одна, ни другая... Откуда их тут столько?

Ладно, черт с ними, счас Нюрку позовем. Потрясающая баба, мужики! Двадцать лет живем — ни разу участкового не вызывала. Он сам приходил... Нюра! Ч-ш-ш, мужики! Ч-ш-ш-ш! Счас я ее подготовлю... Нюра! Че у тебя там булькает? А? Чем, говорю, занимаешься в настоящее время?! Мужики, слышь, она стирает... Ну молодец, отдыхай, Нюра! Мы тут с товарищами собрались... Под дверями... На мальчишник... Слышь, Нюр, дай десять рублей! Десятку дай, слышь? Мужики, как я ей про десятку говорю, так у ей слух отказывает... Счас вот я дверь-то открою — у тебя и зрение откажет! Нюра! Последний раз объясняю: дай десятку в пинжаке. Что?! Что сказала? А ну еще повтори! Все. Больше не повторяй... Я понял... Иди, булькай дальше... Сына моего позови! Митяню!

Слышь, мужики! Счас пацан мой придет! Вот такой пацан, мужики! Третий год в пятом классе! Усидчивый!..

Митяня, это ты? Митяня, это я... Мужики, это Митяня... Митяня! Чем занимаешься в настоящее время? А? Уроки! Молодец! Папа твой учился, человеком стал... Митяня, в школе все нормально? Вызывали? Меня?! Ну вот, мужики, значит, нормально... По французскому за произношение двойка... Ну, скажи фран-

цуженке, пусть меня ожидает. Скажи, папа придет, он тебе произнесет по-французски... Ты, скажи, со своих очков выпрыгнешь...

Слышь, Митяня, сходи к деду своему, возьми у него десять рублей. У него в пиджаке в тряпочку завернуто... Скажи, у вас в живом уголке ежик голодный, ему булочку купить надо... Что?! Ты какое слово папе сказал?! Это что, по-французски? Ладно, не переводи, тут народ языки знает... Деда сюда самого позови! Пусть сюда ползет, одуванчик лысый...

Мужики, не волнуйся, лежи пока... Счас дед пришепает, папаша Нюркин... Вот такой дед, мужики! Ничего не соображает... Во — слышь, шуршит уже по коридору. Значит, минут через двадцать будет здесь... Давай, шевели коленками, кузнечик старый! Там в коридоре веник стоит, гляди, не убейся!..

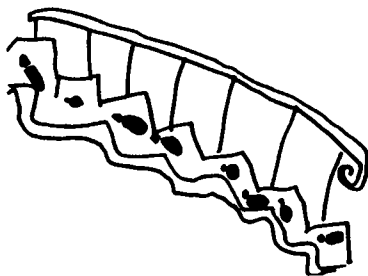
Дед, а дед! Чем занимаешься в настоящее время? Дай десятку! Тут у людей со здоровьем плохо! На тетрациклин не хватает! Слышь, мужики, он про десятку тоже не слышит! Дед! Приставь ухо к скважине! Ты что приставил?! Я сказал — ухо приставь! Вот я на тебя счас через щелку дуну — и кончисся, мотылек беззубый! Ну, семейка, а, мужики? Дед! Бабку давай сюда! Нахлебницу собесовскую! Что?! Слышь, мужики! Говорит, она к парикмахеру ушла! У ее волосы слишком пышные! Понял, четыре волоса — и все пышные! Дед, давно она ушла? Что? Слышь, мужики, он говорит, она от него в тридцать шестом ушла... К парикмахеру.. Дед! Ты зачем напился?! Какой ты ребенку пример подаешь?! То-то я думаю, чего это у мальчика с французским плохо... Все, дед! Давай Нюрку обратно! Официально ставлю вопрос: гоните десятку! А то тут у меня народ уже расползается... Что?!

Слышь, мужики, она говорит, уже своему мужику дала... Нюра! Ты кого себе завела? Митяня, сынок! Скажи, кто к твоей мамане ходит? Мужики, он говорит, к ней его папа ходит... Мальчику двенадцать лет, они его тоже напоили... Он уже не соображает, как его зовут... Митяня! Как тебя зовут?! Шурик??? Ну вот, мужики, я ж говорил... Шурик! А я тогда чей папа?! Мужики... Слышь, мужики, они говорят, я папа выше

этажом... Ну, все ясно, мужики, все ясно... Мы с курса сбились... Слово на дверях сбило. Я его на каждом этаже писал, для ориентира...

Ничего, мужики, сейчас... Давай выше этажом... Сейчас поднимемся — Нюрка нам сделает... И все отлично будет... Даже еще лучше...

1976

прогуляться по улице.

Пешком.

Иду, смотрю под ноги. В асфальте — трещины. Перешагиваю через трещины, спотыкаюсь об люки. Подхожу к гастроному. У входа — урна горит, как олимпийская чаша, только пахнет хуже. Захожу папирос купить. В рыбном — дают! «Я за той дамой занимала!» — «А я вас не видала!» — «Нахалка!» — «Деревня!..» Продираюсь к винному. Тут дядя с прилавком бодается. Уже хорош, но хочет стать еще лучше. Выхожу на улицу, закуриваю, шагаю дальше. Навстречу люди. У кого глаза серые, у кого — синие, кто помоложе, а кто — вообще мужчина. Забор потянулся. Уже год, как стоит, а все не понять — то ли ясли строят, то ли грязь добывают... За забором перекресток. У перехода лужища. По берегам народ стоит, видом волн любит. Друг на друга смотрят: кто первым форсирует. А первым — автобус. Раз — все! Стою в виде морского окуня. Ну, сам виноват. Умные люди — вон, на автобусе гуляют.

Стал умным — поехал на автобусе.

Кресла клеенчатые, рессоры мягкие, на трещинах покачивает, на люках подбрасывает. За окном улица проплывает. У гастронома урна горит. Дым-то вижу — запаха уже не чувствую! Возле урны дядя сидит: значит, своего добился, состояние улучшил. По тротуару народ с работы идет. Походка разная: одних дома отдых ждет, остальные — женщины... Забор: ясли строят, молодцы, второй этаж начали... Кончился забор, пошла лужа. Раз — одного окатили! И правильно, нечего рот разевать. «Гражданин! Уступили бы место — с ребенком!» Уступаю — все равно моя остановка. Народищу садится! «Дай выйти!» — «А нечего спать!» — «Не толкайся!» — «Не нравится — в такси едь!» Вылетаю из автобуса на асфальт. В руке чья-то пуговица, зато все мои там остались. Есть же счаст-

ливчики — на своих машинах катаются!

Стал счастливым — поехал на «Жигулях».

Кресла кожаные, куртка замшевая. Трещины огибаю, люки пропускаю между колесами. Одна рука баранку крутит, другая то на рычаге лежит, то на коленке — у спутницы. Инвалидов нет, старушек нет, пассажиров с детьми — одна жена, но она ничего не узнает. Гастроном! Возле урны — дядя. Кто-то из них горит — не вижу, гастроном — мимо! Дома — мимо! Забор — мимо! Людей на дороге нет — одни пешеходы. Стоят у лужи. Придется окатить! Хотя автобус товарища уже простирнул... Лужа — позади, автобус — позади! В окошке только ветер свистит! Нет, это не ветер, это ГАИ... «Да, товарищ лейтенант. Нет, товарищ лейтенант. Разойдемся друзьями, товарищ лейтенант!» Разошлись друзьями: он с моим рублем, я с дыркой в талоне. А потому что частник.

Эх, везет же — которые на государственных ездят...

Стал везучим.

Сиденье — бархатное, шляпа — фетровая. В левой руке портфель, правая отвечает на приветствия с улицы. Приветствий, правда, нет. За рулем — водитель. «Петя, прибавь. Иван Семенович не любит, когда опаздывают». Движемся по магистрали. Асфальтовое покрытие новое. Люки и трещины самые современные. За окном разворачиваются жилые массивы. По улице шагают трудящиеся. Хорошо! Гастроном улучшает ассортимент. Очень хорошо! Товарищ возле урны уже полностью удовлетворил свои запросы... Справа стройка — возводится детское учреждение. Слева — автобус. Улучшается работа общественного транспорта. Справа — «Жигули». Растут реальные доходы населения. А вот естественный водоем. «Петя, как он называется? Лужа? Надо запомнить». Вот так целыми днями — в машине, в машине... Уже забыл, когда просто гулял пешком, дышал воздухом.

И есть же счастливчики — могут делать это хоть каждый день.

ЗАЙЧИКИ

*Все разговоры
ведутся по телефону*

ПЕРВЫЙ и ВТОРАЯ

ПЕРВЫЙ. Алло! Это ты, зайчик?

ВТОРАЯ. Ну, зайчик.

ПЕРВЫЙ. А что сейчас мой зайчик делает?

ВТОРАЯ. Ничего зайчик не делает.

ПЕРВЫЙ. Зайчик! А твой волк дома?

ВТОРАЯ. Нет, дальше что?

ПЕРВЫЙ. И не скоро придет?

ВТОРАЯ. Нет. Дальше что?

ПЕРВЫЙ. Я хочу скорей увидеть своего зайчика!

ВТОРАЯ. А больше ничего?

ПЕРВЫЙ. А почему зайчик сердится?

ВТОРАЯ. Зайчик! Еще спрашивает! Я его вчера жду, жду...

ПЕРВЫЙ. Зайчик, вчера было никак! Моя целый день была дома!

ВТОРАЯ. Сиж, сиж...

ПЕРВЫЙ. Ну зайчик!

ВТОРАЯ. Зайчик... Как дура!

ПЕРВЫЙ. Зайчик! Ты мой зайчик! А я твой кто?

ВТОРАЯ. Свинья!

ПЕРВЫЙ. Зайчик! Я к тебе сейчас прискачу! Зайчик хочет морковки?

ВТОРАЯ. Хочет! Только не крепленой!

ПЕРВЫЙ. Я сухой! Сейчас сажусь на «двойку» — и прямо к зайчику! Дерну зайчика за уши!

ВТОРАЯ. Это я тебя дерну! Постой, на какую «двойку»?

ПЕРВЫЙ. Как на какую? Автобус!

ВТОРАЯ. Ты что? «Двойка» здесь не ходит.

ПЕРВЫЙ. Как это не ходит, когда я к тебе на ней всегда езжу!

ВТОРАЯ. Не знаю, куда ты там едешь, но здесь у меня «двойка» не ходила никогда!

ПЕРВЫЙ. Зина, да ты что?

ВТОРАЯ. Что-о?!

ПЕРВЫЙ. Я говорю, ты ошиблась, Зинуля!

ВТОРАЯ. Ах, Зинуля! Слушайте, вы! Прежде чем обманывать жену, научитесь звонить любовнице!

ПЕРВЫЙ. Алло! Зина!

ВТОРАЯ. Вот вам и «алло»! И не Зина вовсе, а Клава!

ПЕРВЫЙ. Это не три — двенадцать — двадцать пять?

ВТОРАЯ. Это два — тринадцать — тридцать шесть!

ПЕРВЫЙ. Слушайте, два — тринадцать — тридцать шесть! А вас, правда, Клавой зовут?

ВТОРАЯ. Не ваше дело! (*Швыряет трубку.*) Донжуан паршивый... Нет, но чтоб так голоса похожи!

Набирает номер.

ВТОРАЯ и ТРЕТИЙ

ВТОРАЯ. Алло! Это ты, птенчик?

ТРЕТИЙ. Да, это я.

ВТОРАЯ. Птенчик, ты обижен?

ТРЕТИЙ. Да, я обижен.

ВТОРАЯ. Птенчик, но мой сидел дома, ты понимаешь?

ТРЕТИЙ. Да, я понимаю.

ВТОРАЯ. Птенчик, ты же знаешь, как он все чувствует!

ТРЕТИЙ. Да, я знаю!

ВТОРАЯ. Слушай, птенчик! Сейчас был номер! Я сижу, и вдруг звонок. И буквально твоим голосом. Я, говорит, сейчас приеду! Представляешь?

ТРЕТИЙ. Да, я представляю.

ВТОРАЯ. Ну, я ему, конечно, говорю: не на ту напал! Разве я своего птенчика на кого-то там променяю?

ТРЕТИЙ. Не променяешь?

ВТОРАЯ. Птенчик! Как ты можешь?! Ты же мой птенчик! Да?

ТРЕТИЙ. Ага.

ВТОРАЯ. Мой маленький! Да?

ТРЕТИЙ. Ага.

ВТОРАЯ. Мой добренький, да?

ТРЕТИЙ. Ага.

ВТОРАЯ. Мой лысенький. Да?

ТРЕТИЙ (*у него густая шевелюра*). Ага... Что?!

ВТОРАЯ. Мой лысеночек!

ТРЕТИЙ. Кто это — лысеночек?

ВТОРАЯ. Алло! Ты что, плохо меня слышишь? Ки-рюша! А? Кирилл!

ТРЕТИЙ. Кирилл?! Хорошо не Мефодий! Куда вы звоните, мадам?

ВТОРАЯ. Алло! Это пять — шестнадцать — сорок восемь?

ТРЕТИЙ. Это шесть — семнадцать — сорок девять!

ВТОРАЯ. Нахал! Как вам не стыдно!

ТРЕТИЙ. Мне стыдно?! Звонит в чужой дом со своими амурами, а мне стыдно! Своему балбесу плеши-вому звоните!

ВТОРАЯ. Он не балбес!

ТРЕТИЙ. Как это не балбес, когда с вами дело имеет! (*Швыряет трубку.*) Нет, но до чего голос похож!

Набирает номер.

ТРЕТИЙ и ЧЕТВЕРТАЯ

ТРЕТИЙ. Алло! Это ты, суслик?

ЧЕТВЕРТАЯ. Суслик! Наконец-то!

ТРЕТИЙ. Представь, только собрался тебе звонить — вдруг звонок. И буквально твоим голосом: ты, говорит, мой птенчик.

ЧЕТВЕРТАЯ. Птенчик? Кто это был? Ты себе уже кого-то завел?!

ТРЕТИЙ. Суслик, не ревнуй! Просто она не туда попала. Суслик, твой дома?

ЧЕТВЕРТАЯ. Нет, суслик, но я так больше не могу. Надо что-то решать! Он подозревает!

ТРЕТИЙ. Суслик! Конечно, мы же уже говорили! Но я же не могу вот так, сразу..

ЧЕТВЕРТАЯ. Сразу?! Это тянется уже год!

ТРЕТИЙ. Положим, года еще нет.

ЧЕТВЕРТАЯ. Нет, Миша, ты не мужчина.

ТРЕТИЙ. Кто-кто?

ЧЕТВЕРТАЯ. Не знаю кто. Не мужчина!

ТРЕТИЙ. Нет, кто, ты сказала, не мужчина?

ЧЕТВЕРТАЯ. Ты!

ТРЕТИЙ. Нет, как, ты сказала, меня зовут?

ЧЕТВЕРТАЯ. А ты уже забыл, как тебя зовут?

ТРЕТИЙ. Я-то помню, меня зовут Степа!

ЧЕТВЕРТАЯ. Степа?! Так, значит, это не ты?

ТРЕТИЙ. Значит, я — это не он. А вы, значит, тоже не она?

ЧЕТВЕРТАЯ. Конечно, раз вы не он, то я тоже кто-то другой. А кто тогда она?

ТРЕТИЙ. Честно говоря, я уже запутался. У всех голоса одинаковые!

ЧЕТВЕРТАЯ. Хорошо еще хоть имена разные!

В разговор вмешивается ПЕРВЫЙ.

ПЕРВЫЙ. Алло! Зина, ты?

ЧЕТВЕРТАЯ. Господи! Какая еще Зина?

ПЕРВЫЙ. Не Зина? А кто?

ЧЕТВЕРТАЯ. Какое ваше дело — кто? Вы в чужой разговор влезли!

ПЕРВЫЙ. Что, значит, влез? Я Зине звоню!

ЧЕТВЕРТАЯ. А попали ко мне! А я тут с человеком говорю!

ПЕРВЫЙ. А я с кем? С насекомым, что ли?

ТРЕТИЙ. А ты третий на нашу линию влез! Третий — лишний, понял?

ПЕРВЫЙ. Я? А может, это ты сам лишний!

ЧЕТВЕРТАЯ. Гражданин, повесите вы трубку или нет?!

ПЕРВЫЙ, ТРЕТИЙ (вместе). Кто — я?!

ЧЕТВЕРТАЯ. Который звонил не сюда, но не туда попал, а попал сюда!

ПЕРВЫЙ. А я не сюда и звонил! Я звонил не сюда, а куда звонил, туда не попал, а теперь попал, но не туда, куда тогда, и опять не туда, что ли?!

ТРЕТИЙ. Туда — сюда... Иди ты, знаешь куда? Мы и без тебя тут разобраться не можем!

В разговор вмешивается ВТОРАЯ.

ВТОРАЯ. Алло, птенчик?

ТРЕТИЙ. Так, этого нам не хватало... Это не птенчик! Это черный ворон!

ВТОРАЯ. Что-что? Кто это?

ЧЕТВЕРТАЯ. А вы-то куда звоните, господи?

ВТОРАЯ. А вам какое дело? Не вам!

ЧЕТВЕРТАЯ. Как это не мне, если вы со мной разговариваете?!

ВТОРАЯ. Потому что вы влезли!

ЧЕТВЕРТАЯ. Я влезла?!

ПЕРВЫЙ. Алло, зайчик!

ТРЕТИЙ. Алло, суслик!

ВТОРАЯ. Птенчик! Алло! Повесьте трубку!

ЧЕТВЕРТАЯ. Сама влезла, сама и повесься!

ПЕРВЫЙ. Повесь трубку, набери снова, может, попадешь к своему хомяку! Или кто он там у тебя, кролик?

ЧЕТВЕРТАЯ. У нее крокодил!

ВТОРАЯ. На себя посмотри, уродина!

ЧЕТВЕРТАЯ. Уродина?! Ты ж меня не видишь!

ВТОРАЯ. Слава богу! А то небось в обморок упадешь!

ЧЕТВЕРТАЯ. Хулиганка! Да твоего гусака уже давно поймал кто-нибудь!

ВТОРАЯ. Кто? Ты, что ли?!

ПЕРВЫЙ (кричит изо всех сил). Ти-хо! Ти-ши-на! Вешаю трубку! Выхожу из игры! Кажется, моя пришла!

ВТОРАЯ. Я тоже выхожу! Пойду моему обед готовить.

ТРЕТИЙ. А моя мне уже приготовила.. Не помните лихом!

ЧЕТВЕРТАЯ. Все, граждане! Отбой.

Все вешают трубки.

ВТОРАЯ. Уф... кошмар...

ПЕРВЫЙ. Трепка нервов...

ЧЕТВЕРТАЯ. Так продолжаться не может, надо что-то решать..

ТРЕТИЙ. Звонить надо в бюро ремонта... Срочно.

ВТОРАЯ. И ведь все время нормально работало. Что случилось?

ЮНОША и ДЕВУШКА

ЮНОША. Это ты?

ДЕВУШКА. Здравствуй... Почему ты так поздно звонишь?

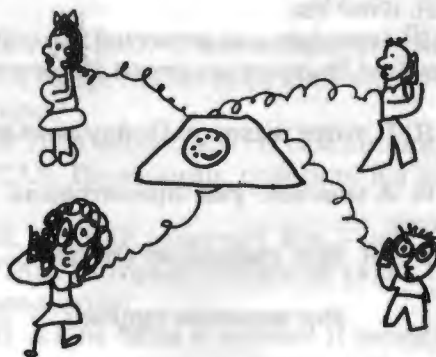
ЮНОША. Я шел и звонил тебе из каждого автомата. Все время занято.

ДЕВУШКА. Я ни с кем не говорила. Странно...

ЮНОША. Наверное, перегружена линия. Люди звонят друг другу. Как я тебе.

ДЕВУШКА. Неужели они тоже такие счастливые? Как мы с тобой? Алло?

1977

ЧТО-ТО ПРОИСХОДИТ

— Слушайте,

я с вами хочу поговорить откровенно.

— А что такое? Зачем?

— Вы на себя в зеркало смотрели?

— Смотрел. И что?

— Давно?

— Когда брился. А что?

— Вы видели, какой у вас вид?

— У меня всегда такой.

— Я и говорю. Какой-то такой вид у вас, что, мол, как бы ничего такого, да? Как бы, мол, ничего не происходит, мол, все нормально, да? Вот такой у вас видок!

— Да? А вы думаете, у вас не такой?

— Вот в том-то и дело. Сейчас у всех такой. Хотя все всё понимают.

— Что понимают?

— Хватит ваньку валять. Хотели откровенно — давайте откровенно. Один он чувствует. У других тоже есть ощущения.

— Так-так-так! Ну?

— Если б я знал. Но что-то, безусловно, есть. Что-то происходит. На очереди обратили внимание? Раньше насмерть стояли, до крови рубились — боялись, что не достанется. А теперь тихо стало, задумчиво. Инвалида облают, и все. Видно, сомневаться стали, что лучше: чтоб досталось или чтоб никто не завидовал.

— Да-да. Я у ларька был. Ларек! Раньше ж там удаль была. Раззудись рука! Гайд-парк. А сейчас? Они прямо где стоят, тихо оседают, и все.

— Н-да... Вчера мне утром на окно голубь прилетал.

— Ну? Ну?

— Посидел, посидел, нагадил — и улетел.

— Вот! Даже животные чувят. У нас в доме доберман-пинчер живет. Такие глаза, так смотрит! Мол, все понимаю, сказать не могу.

- Ну, что вы хотите? Доберман...
- Да плевать на этого добермана. Я вчера на себя лично сам два часа в трюмо смотрел. Хотел по глазам понять, что у него на душе.
- Ну?
- Да ничего. В основном, насчет прибавки.
- Можете ему сказать, чтоб зря не волновался.
- Кому?
- Кто в трюмо.
- Ему-то что? Он с той стороны.
- С этой тем более. Вообще, кому нужна эта прибавка? Покруче события есть. Я вот тут газету читал...
- Какую?
- Какая разница?
- Извините.
- Вы помните, писали про отдельный недостаток на фоне достоинств?
- Ну-ну?
- Так вот — его уже исправили, и он стал уже отдельным достоинством на фоне недостатков! Чем все это кончится?
- Ладно. Раз так... Я сперва не хотел, но раз мы так откровенно... Только сутубо...
- Само собой.
- У нас вчера было собрание.
- Ну-ну? Что сказали?
- На собрании — как обычно. Это же собрание. Но после меня один отозвал, завел к себе, дверь на ключ, и говорит — а ему можно верить, у него сведения из таких мест!.. — так вот он мне говорит: «Я, — говорит, — другому не могу, но тебе, — говорит, — я могу. Так вот, — говорит, — я тебе прямо говорю: никто ни в чем не уверен. Так что думай сам».
- Кошмар.
- Я пришел домой в таком состоянии!..
- Еще бы!
- Чтоб как-то успокоиться, взял книжку...
- По талонам?
- Какие талоны?! Взял книжку и в сберкассу. Снял весь вклад, полностью. Потом еще шесть рублей добавил, купил за шесть пятьдесят полусладкое. Мало

ли что... Пусть будет.

— Да-да. Все время что-то, все время. Обратили внимание, машины пошли не наши с нашими номерами. А наших с не нашими не видно. Какую думаете покупать? Их или нашу?

— Мне все равно, я же сказал, я с книжки уже все снял. И вообще у меня ощущение, что все эти машины едут в разных направлениях, но в одну сторону.

— Н-да. С кленов листья опали. Я сам видел! А с елок еще нет!

— У них нет листьев.

— Потому и не опали. Комары улетают. В жаркие края.

— Говорят, вчера электричка пришла вовремя.

— Доигрались...

— А многие, как страусы, прячут голову, и все.

— Да...

— Вот...

— ЦСКА тоже, знаете... Ничего не известно! Такое время!

— Не то слово!..

— Вот.

— Да...

— Так что, давайте так: если что-то еще — звоните хоть ночью.

— И вы, и вы. Надо быть в курсе.

— Будем друг друга держаться. Все-таки вместе легче...

ДВОЕ СМОТРЯТ ТЕЛЕВИЗОР

— О! Видали?!

— Козлы! Играть не могут.

— Да нет, я говорю, видали — цвета? Все-таки цветной — не черно-белый.

— Какой экземпляр. Если как у вас, то да. Такие цвета — в природе не встретишь.

— Говорят, сейчас на подходе новое поколение. Они теперь будут легче, уже и цвет гораздо насыщеннее.

— Еще насыщеннее, чем у этого?

— Никакого сравнения. Они показывали опытный образец. Такой цвет — я просто офонарел.

— Интересно, как вы офонарели, какой цвет у того, если его показывали по этому, где цвет, как у этого?

— О! Гол! Один — ноль в нашу!

— Где в нашу? Забили синие!

— А, я забыл сказать. У меня что-то с настройкой. То, что у меня тут синее, на самом деле красное.

— Так надо вызвать.

— Я вызывал. Он сказал, нет смысла чинить. Лучше подождать, пока пойдут эти, нового поколения. Там за образец взяты японские. Но переработаны под наш климат — с целью улучшения качества.

— Качества климата?

— Остроумно. Изображения!

— Японского? Остроумно.

— О! Все! Один — один. Козлы!

— Где один — один? Забил же снова синий!

— Так в свои же ворота.

— Когда это они успели поменяться воротами? Что, уже второй тайм?

— Первый. Это уже другой матч. Они теперь показывают сразу два матча. Так у них остается больше времени для «Новостей». О! Я же говорил — «Новости»! Сейчас «Новости» — это интересно!

— Точно. Сейчас я когда смотрю, во мне буквально вскипает такой интерес! Такая заинтересованность!

— А во мне больше чем интерес. Я себя чувствую гражданином!

— А я?! Я, когда смотрю, иногда даже сам пугаюсь, какой я гражданин. Буквально пугаюсь! Особенно когда про заготовку кормов.

— О! Смотрите — сегодня он в зеленом. Видали? Молодец! Хватит бояться!

— Кто — молодец?

— А вы не видите кто?

— Я вижу. Но я не вижу — где зеленый? Серый, как обычно.

— Настройка. Когда у меня тут серый, значит, на самом деле — зеленый.

— Да? А когда там зеленый, тогда у вас какой? Интересно, какого цвета у вас тут будет зеленый змий? Ха-ха! Синий? Ха-ха-ха! Синий змий!..

— Остроумно... О! Смотрите — свадьба. Опять стали свадьбы с шампанским. А помните, были безалкогольные свадьбы? Кстати, я был — за. А вы?

— Я? Я был сразу за безалкогольный развод... А что это у нее жених такой желтый? От радости?

— Настройка, Сейчас-то он как раз розовый. Это уж потом..

— Да уж... Потом-то уж..

— Скорей бы пошли эти, нового поколения. Никаких искажений. Как есть — так и видишь.

— Вообще, видео надо покупать. Что хочешь, то и смотри. Я вам скажу, такое удовольствие!

— А вы что, купили?

— Достал.

— Японский?

— Наш, усовершенствованный.

— Так что мы тут сидим? Пошли к вам, посмотрим!

— Я говорю: наш, усовершенствованный...

— А-а... О! Смотрите, кого это они встречают?

— Ну, у вас настройка!.. Провожают.

— Это у вас — настройка! Где вы видели, чтобы провожали в зеленых галстуках? Встречают. И не только у него — уже все в зеленых. Молодцы, давно пора.

— Слушайте, вы же сами сказали: то, что там зеленое, у вас серое. А это — зеленое у вас, значит, там...

Сами уже запутались и меня постоянно путаете!

— Вы на что намекаете? Может, вы вообще хотите сказать, что я этот, как его... Дальтоник? Вы на это намекаете?

— Я? С чего вы взяли?

— Намекать он будет!.. Ну и что? Я виноват, что ли? У меня наследственное. И между прочим, имеет плюсы. Из-за настройки я вижу все наоборот. А как дальтоник, я то, что наоборот, опять переворачиваю и вижу как на самом деле. Ясно вам?

— Вы хотите сказать, если я не дальтоник, так я уже не вижу, как на самом деле?! Я, что ли, в уме перевернуть не могу?

— Если я дальтоник, то вы неврастеник! Не нравится — идите к себе и смотрите свой усовершенствованный...

— Он в гарантийке.

— Вечная память.

— Остроумно... Слушайте, а эти, нового поколения, — там что, все будет на автоматике?

— Полностью. И настройка, и все. А в перспективе — автоматическое включение и выключение.

— Как это?

— Ну вот сейчас они в конце пишут: «Не забудьте выключить!» Пи-пи! Пи-пи!.. А тут сам взял — и отключился. Как утюг. И включится сам, когда надо.

— Интересно, откуда он будет знать, когда мне надо?

— Вам? А при чем здесь вы? Телецентру. Сейчас телецентр — это так, одно название. А тут действительно все будет централизовано. И с каждым связь — по кабелю. О, смотрите, этот тоже решил на пенсию. Откуда у нас столько пенсий?

— Погодите вы. Как они будут знать, что мне надо показывать?

— Что вам надо, они и сейчас знают. А тут еще будет обратная связь. Сейчас только вы сами смотрите — что вам показывают. А так они тоже будут смотреть — что вы смотрите. Чтoб совершенствовать работу.

— Что, все время смотреть?

— Почему все время? Думаете, смотреть на вас — это такое счастье? Ну, вы же тут с программы на программу переключаете? Они тоже смогут. Просто у них будет больше программ. С вас — на меня, с меня — на другого, с него — опять на вас. И будут делать выводы.

— Какие выводы?!

— Такие. Что вы больше всего любите смотреть?

— «Новости»... Ну, я не знаю. Ну, «Что? Где? Когда?».

И что?

— Ну вот. Они по кабелю посмотрят, что вы любите, и учтут: «Что? Где? Когда?» Зачем? С кем?.. Ха-ха-ха! О! Смотрите! Что это он так похудел?

— Потому что это не он, а она.

— Настроечка, а?

— Слушайте, а вдруг у них там тоже будет врать настройка? Вы тут сидите, они на вас смотрят, а вы там — синий! А? Ха-ха-ха! Синий змий!

— Остроумно... У кого, значит, по-вашему, настройка будет врать?

— Ну ладно. А может, не настройка! Может, он там сидит, а сам — дальтоник! А? И вы опять — синий! Ха-ха-ха! Ха-ха!

— Кто — сам дальтоник?

— Ну ладно... А может...

— Что — может?

— Может, они там уже начали?..

— Что?

— Ну, то, что вы сказали.

— А что я сказал?

— Да так, ничего.

— Ну так сидите и смотрите.

— Я и смотрю.

— Ну и все. Хватит болтать. Смотрим дальше...

РЕПЕТИЦИЯ

Зарисовка с натуры

РЕЖИССЕР. Так. Начнем.

Вчера мы с вами продвинулись, сегодня закрепим, да?

АКТЕР. Да.

РЕЖИССЕР. Значит, с самого начала. В хорошем настроении. Соберитесь. Давайте.

АКТЕР. Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог...

РЕЖИССЕР. Стоп. Так, очень хорошо. Очень хорошо, но надо чуточку уточнить. Вот вы читаете: «...и лучше выдумать не мог». Вы это читаете так, что я могу понять, что он лучше просто не мог выдумать. А ведь он не просто не мог. Он мог, но не хотел! В этом-то вся его трагедия как дяди! Что там было выдумывать, когда он уже занемог? Поняли мою мысль? Давайте!

АКТЕР. Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше...

РЕЖИССЕР. Стоп! Стоп! Вот здесь. Давайте подумаем: может быть, то, что он заставил уважать, это как-то более иронично? Вот думайте вместе со мной! Думаете? Хорошо. Ирония в чем? В том, что дядя-то вроде совсем уже занемог, так? Занемог, занедужил, захворал... Сам хворает, а уважения требует! Тонко, да? Поэтому и читать это надо тоже тонко, так, чтобы токи побежали не от вас к зрителям, а в обратном направлении! Ясно? Давайте.

АКТЕР. Мой дядя самых честных пра...

РЕЖИССЕР. Стоп! Вот! Вот сейчас я понял! Вы тоже поняли, да? Мы же читаем как? Мы читаем впрямую — «мой дядя». И может возникнуть ощущение, что это наш с вами дядя! Это получается лобово! А у автора тут что заложено? У него заложено, что дядя — это, может быть, вовсе и не дядя! То есть дядя, но совсем не мой! И не ваш!

Понимаете? Тут надо брать более общо! Обобщите мне дядю... Может быть, бровью как-то повести! Нет, лучше левой — это тоньше! Давайте!

АКТЕР. Мой дядя самых чест...

РЕЖИССЕР. Ага! Чувствуете? Уже гораздо ближе! Но не к тому. Потому что сейчас вы мне что делаете? Вы мне сопоставляете! А надо противопоставлять! Разницу чувствуете? Надо, чтоб я вдруг ощутил: вон дядя... Он где-то там, далеко... Он там, а мы как бы кричим ему: «Ого-го-го-го! Дя-дя-я!...» Понимаете? Тогда тут возникает конфликт между вами и дядей! Причем это контраст тонкий! Не так чтоб уж прямо черно-белое... А так, синевато-зеленоватое... Понимаете? Давайте.

АКТЕР. Мой...

РЕЖИССЕР. Хорошо!

АКТЕР ... дядя...

РЕЖИССЕР. Хорошо!

АКТЕР ...самых...

РЕЖИССЕР. Стоп. Очень хорошо. Но уже лучше. Тут вы меня уже где-то зацепили. Но я вам скажу, чего тут еще нет. Тут у нас еще нет вас. Дядя уже где-то есть! А где вы? Я же должен видеть дядю через вас. Понимаете? То есть видеть вас с вашим отношением к не вашему дяде! Который как бы занемог и как бы заставил уважать. И... как там дальше у автора?.. У вас такой вид, как будто вы где-то не понимаете.

АКТЕР. Где-то да...

РЕЖИССЕР. Вот!!! Вот, наконец! Вот оно, главное! Ведь когда есть понимание, тогда нет чего? Нет искусства! Понимаете? В искусстве надо где-то недопонимать! То есть понимать, но не до конца! Чтоб оставалось еще место! Тут главное — чувство меры, то есть насколько именно мы с вами сегодня должны недопонимать! Как только вы это схватите, у вас все возникнет! Нет, определенно мы сделали шаг, мы продвинулись, мы сегодня где-то тронулись, да?

АКТЕР. Где-то да...

РЕЖИССЕР. Да-да, хорошо. Тут, нам, конечно, еще предстоит поработать с автором — текст пока сыроват... Но не все сразу. В искусстве нельзя спешить!

— Входите, Оленька!

Осторожно, здесь тумбочка. Захлопнем дверь... Так. Ну вот, вот мы и одни!.. Какое счастье иметь друзей с квартирами... Давайте ваш плащ, снимайте туфли, надевайте тапочки... Я не форсирую?... Просто у них пол намазан. Сейчас мы будем пить вино, слушать музыку... Имеют право два человека на маленький праздник?... Где-то здесь у него пластинки... Так, выбирайте. Скрыбин или Гайдн? Правильно, мне тоже больше Пугачева. Сейчас мы будем пить! Рислинг венгерский... Любите? А я боялся... Симпатичный? Кто? А, это хозяин дома. В жизни он хуже... Кстати, я должен ему сейчас... Буквально минуту...

— Алло! Это ты? Это я... Да... Да... Еще нет... Не твое дело... Оставлю под половиком...

— Оленька, извините, теперь все. Штопора нет — я протолкнул. Давайте за вас!.. Знаете, я так давно хочу вам сказать... Вы... Я так люблю... Ваш почерк на машинке... Я, когда читаю, ничего не соображаю, все мысли о вас... Вчера дошло до того, что я забыл подшить копию к делу! Представляете?! Кстати, пока я вспомнил... Буквально минуту...

— Алло! Дайте пятый. Алло, это ты? Это я. Слушай меня внимательно: бегом беги в ППО, возьми у них наш ТРП и там, где у нас стоит один и семь, поставь сто один и восемь!.. Больше не надо, будет подозрительно...

— Оленька, извините... Эта работа... Сумасшедший дом. Еще рислинга?... Давайте за Венгрию! Вы не были? Оленька, это что-то... Будапешт! Это какая-то сказка, можно сойти с ума. Говорят. Нет, мы бы поехали с вами в Испанию! Помните, у Хемингуэя? Они там убивают быка на корриде и посвящают его своей даме. Интересно, да? Когда в мире так с мясом... Шучу! Я бы посвятил своего быка вам! Кстати, хотите есть? Он сказал — сырок кисломолочный... Вам смешно... Неудобно? А вы на диван — прямо с ногами...

Я не форсирую?.. И вот думаешь: взять — и на самолет, где ничего: ни работы, ни этих рож, ни машин... И не думать ни о чем... Кстати, пока не забыл... Буквально два слова...

— Алло! Это вы? Узнали?.. Ну, помните, я к вам приходил? Такой еще — в пиджаке?.. В пиджаке и фары вдребезги... Уже сделали?! Только левую? А правую... Как это — еще столько же?! Вы что? Вы думаете, я их печатаю? Да нет, да я... Да я не отказываюсь... Это вам спасибо... И пожалуйста... И извините...

— Представляете, Оля? Фары для «запорожца», а унижаешься, как из-за «мерседеса»... Боже мой, о чем я? Вы здесь, вы на меня смотрите, а я с какой-то ерундой... Вы знаете, когда вы рядом, я чувствую, что я еще многое могу! Вот как в том фильме... Помните, когда он — раджа, а у нее мать парализована. И отец... А сестра немая... Но потом у них все поправляются, и они уходят вдвоем... Идут, идут... Помните? Вам не жарко? Вы так покраснелись — снимите кофточку... Я не форсирую? Даже наоборот?.. Ну, тогда сейчас мы возьмем — и перевернем Пугачеву!.. Куда вы? Там нижний выключатель... А я пока один звонок...

— Алло! Мама, перестаньте кутать ребенка! А я говорю, перестаньте кутать! Да, я считаю, достаточно двух пальто. Надо закалять!.. То, что вы просили, я купил. Нет, по девяносто не было. Я вам дома объясню, почему не привезли!..

— Оленька, вы уже?.. Интересно все-таки, правда? Ведь вас могли распределить в другое место... В другой город... И мы бы никогда — даже страшно подумать... Вы так смотрите... Как будто ждете, что я вам должен что-то сказать, да? Не сказать?.. Давайте еще рислинга — за то, что мы все-таки можем вот так — и все! А? Своеобразный у этого рислинга букет, да?.. На валерьянку?.. Вы сегодня злая... Кстати, пока я вспомнил, минутку...

— Алло! Аптека? Скажите, вы не получили такое средство... Оно по лицензии. Такое в капсулах... А в таблетках есть? А в порошках?.. А валерьянка?.. А горчичники?.. А что есть? Лотерейный билет?.. Горчицей намазать...

— А здорово у нас, Оля? Чего надо — никогда нет... Господи, что я несу? Вы знаете — я раньше не видел снов, никогда. А тут мне приснилось, что все хорошо, представляете? И главное — никто не видит!.. И я иду с вами, и мне хочется говорить вам какие-то глупости... Так и делаю? Вы сегодня злая... Вам на диване неудобно, да? В кресле лучше... Хотите еще рислинга? Дрянь, да?.. Вы правы... Такое продают... Кстати, буквально минутку. Это действительно важно...

— Алло! Это вы? Так вот: я вам давно хотел сказать, что я на вас плевал, плюю и буду плевать всегда!.. Как — куда? Это Смирнов? Морг?.. Извините, я думал, это Смирнов...

— Вот телефон работает, да? Все, Оленька, теперь все... У вас сейчас такие глаза... Польские тени?... А глаза?.. А почему вы в кофточке? Вам дует? Я ему сделаю втык — ключи дает, а щели не заделаны!.. А хотите, мы сейчас с вами... А почему вы уже в плаще? Оленька, подождите, я идиот! Нет, идиот! Хотите, я дам себе по морде?.. У вас тушь потекла... Почему не провожать?.. Оля!.. Зачем же так... Зачем так хлопать дверью?..

Так... Допьем эту гадость — на брудершафт... Где тут был сырок... Алло, дайте пятый. Алло, это я. В ППО был? Послали? Ладно, скажи им, он пошел...

— Алло, девушка, скажите, какой код звонить в Испанию? Как вы сказали? Ноль три?.. Ну правильно...

— Алло? Двадцать один час сорок минут. Правильно... Двадцать один час сорок одна минута...

Вот время летит, а?

— Ох, какие у тебя глаза!

Такие глаза — утонуть можно... И такие лучики! Ты мне веришь?

— Верю.

— И голос... Слышишь, какой у тебя голос? Такой весь бархатный, журчащий, серебристый, нежный, чуткий, отзывчивый, пользуется авторитетом... Ты мне веришь?

— Верю.

— А еще улыбка! Такая она у тебя какая-то... Прямо улыбка, и все! Веришь?

— Верю.

— И вообще... Я без тебя — это не я, а кто-то другой, и он о тебе думает, и тогда он — это опять я! Веришь?

— Верю!

— И что я — только свистни! И звезды с неба, и розы в мороз, и пить брошу... Веришь? Веришь?

— Верю.

— И что навсегда, навек, бесконечно, нескончаемо, до самого конца — веришь?

— Верю.

— Потому что дура. Я же тебе вру! Вру я тебе, понимаешь? Все вру! Ты это знаешь?

— Знаю.

— Глаза, называется... Сплошной астигматизм! Астигматизм видно, а глаз — нет! Ты это знаешь?

— Знаю.

— А голос! Да ты ж только рот откроешь — матери детей прячут! Ты это знаешь?

— Знаю.

— Да перестань улыбаться! Люди плачут веселей, чем ты улыбаешься! Знаешь это?!

— Знаю.

— А то, что я ради тебя — ни палец о палец! Только за водкой! Знаешь?!

— Знаю.

— И вообще — я же тебя брошу еще до того, как по-
знакомлюсь! Знаешь?

— Знаю.

— Так какого черта ты мне веришь? Если все зна-
ешь? Что ж ты мне веришь-то?!

— Так ведь... хочется.

197?

... ..

... ..

... ..

... ..

оте

хотел

... ..

«СУМАШЕЧИЙ!..»

— Сумашечий!.. Сумашечий!..

Уберите... Я больше не буду... Вы и так уже меня споили... Сумашечий!.. У меня уже из-за вас все плывет... Зачем вы ко мне подплыли?.. Уберите... Уберите свой бокал... Сумашечий... Раньше гусары шампанское пили из тувель... Сумашечий! Что вы делаете?.. Гусар. У вас же ботинок протекает... Теперь пол будет прилипать... Сумашечий... Кто похож на русалку?.. Я от шампанского всегда русалка... Плыву, плыву... А куда это вы заплываете?.. Сумашечий... Так же оно не снимется... Осторожнее «молнию»... Японских не было... Сумашечий!.. Теперь убедились, что не японская?.. И не дергайте!.. Теперь там будет синяк... Куда — через голову, когда оно облегает... Я лучше знаю, пройдет или нет... Потому что там у меня шире талии... Сумашечий... Попробуйте двумя руками... Упритесь коленом и вверх... Куда вы уперлись?.. Сумашечий... Возьмите себя в руки... Может быть, вы уже раздумали меня отпирать?.. Возьмите там в тумбочке плоскогубцы... Зажмите «молнию»... Сумашечий... Вы же в жизни не держали в руках плоскогубцы! Теперь там будет синяк. Станьте сюда... Попробуйте стоять вертикально... Сейчас я выну руки внутрь и повернусь вокруг оси, и «молния» будет впереди... Я оттяну ее изнутри, а вы дерните меня наружу... Сумашечий!.. Там же будет синяк!.. Дайте сюда!.. Нет, сверху застрянут... Там есть, где... Лягте на пол... И как будто я «жигули»... Просуньте их вверх... Сумашечий... И прекратите курить внутри!.. Будет пожар... Что вы там делаете, у меня же руки уже за спиной... Доигрались — они упали... Что — куда? Именно!.. Теперь там будет синяк... Выньте руку... Да не мою... Там в стенном шкафу проволока... Возьмите, попробуйте продеть в язычок... Что вы лежите?.. Конечно, прилипли... Надо было наливать в мою тувлю... Отлепитесь... Гусар... Теперь проденьте проволоку в язычок... Что вы мне в лицо тычете! В язычок «молнии»!.. Я упрусь в стену, скажу «три-четыре»... Сумаше-

чий!.. Я же еще не сказала! Идите, там у него в коридоре домкрат, поддомкратьте меня... Это паяльная лампа!.. Пока вы будете паять, он придет с работы... Да, он тоже обрадуется... Ну, упритесь уже в ту стену.. Сумашечий, это же не капитальная!.. Та тоже рухнула?.. Зато «молния» уже все!.. Уже пошла. Ну, плывите скорей сюда! Сумашечий... Что же вы лежите?.. Опять прилипли? Или теперь у вас заело?! А надо было японскую покупать!..

Сумашечий!..

1990

Главное
в
фотографии:
**ОНА НЕ МОЖЕТ
ОТВЕТИТЬ
ТЕМ ЖЕ**

Ленинград — 75.
Жена Ирина, сын Александр.
Ему уже три, мне еще и тридцати нет...

*Еда есть — аппетита нет.
Аппетит есть — с едой плохо.
И так, Санька, всю жизнь*

Какой-то важный шахматный турнир.
Сашка мне что-то объясняет.
Он в свои тринадцать уже был
кандидатом в мастера.
Папаша очень гордился

*Теперь он в Америке.
И старше, чем был я,
когда он родился*

*Это мы с ним в Теннесси.
«Pardon me, boys! Is that the "Chattanooga Choo-choo"?»*

Москва. Пленум.
В смысле, котяра.
Сперва хотел назвать его
«Кот имени XXVII съезда КПСС»,
но партии уже было и так трудно

Преемник Пленума —
Дантон, сиамской
молнии подобный.
Еще не знает,
что скоро в доме
появится Екатерина,
которая будет
унижать его,
хватая за хвост

Фотограф говорит: «Вот! Вот так хорошо!»
И правда.

*Кажется, моя свадьба.
Или ее годовщина.
Был так хорош, что плохо помню*

Катьке — год.

*Задуваем свечку вместе с Олегом Меньшиковым
и Еленой Майоровой.*

*Не знаем, что через несколько лет
погаснет свеча самой Лены...*

*Тридцать первое декабря.
Впереди — новый год*

*Первое сентября.
Впереди — новая жизнь*

*Екатерина
с папашей
и котом Ванькой*

*Екатерина
с папашей
без кота Ваньки*

Куда-то лечу

Куда-то гребу

Это у меня как бы мысли

Тоже мысли. Но другие

Это всё — уже дела прошлые

*Что дальше — пока не знаю.
Плыву...*

— Простите, к вам можно?

— Вы что, не видите, я, кажется, занят, сколько раз просил.

— Извините, но я корреспондент нашей...

— Ах да, извините, дела, замотался, что ж вы стоите, проходите, садитесь, чашечку кофе, ничего-ничего, не отрываете, слушаю вас!

— Спасибо, я бы хоте...

— Разумеется! Охотно расскажу вашим читателям о нашей работе!

— Спасибо. Прежде все...

— Безусловно! Достижения огромные.

— А...

— Непрестанно выполняем и перевыполняем! Опе-режая график перевыполнения.

— Нельзя ли...

— ...взять конкретные цифры? Разумеется! Пишите: триста двадцать два!

— А...

— Что вдвое больше, чем за тот же период прошлого года.

— Но...

— Когда этого не было вообще!

— А...

— Да, это острый вопрос! Факты хищений имеют место! Все, что плохо лежит, тянут прямо из дома на работу! Но мы с этим покончим, раз и навсегда покончим, положив этому окончательный конец.

— А...

— А как же! Мелочей для нас нет! Вот проблема обеденного перерыва! Многие жалуются — в столовой каждый день новое меню. Невозможно сосредоточиться.

— Но...

— Меры принимаются. Половина коллектива — молодежь, остальные — женщины. Люди играют в шашки, поют в хоре на голоса...

— А...

— Обязательно! Обязательно будем строить ясли! Хотя ясли очень нужны.

— И...

— Безусловно. Забота о потребителе — прежде всего. Для потребителя мы делаем все, что мы делаем, а в ближайшее время будет сделано еще больше. Об этом пока не пишите, потребитель не должен знать, может начаться паника.

— А...

— Несомненно. Внутренние резервы, прогрессивные формы, экономия эффективности. Для достижения наибольшего эффекта.

— И...

— Однозначно! Критика, самокритика, гласность и плюрализм. Строжайшая демократия. Кто не проявляет — тут же по собственному желанию.

— И...

— И наконец ваш последний вопрос: откуда я знаю, что вы меня спросите? Потому что вы знаете, что я вам отвечу!

— Так что...

— Так что позвольте вам закончить это интервью, за которое от ваших читателей большое мне спасибо!

1987

ХАРАКТЕРИСТИКА

— Так. Значит, я должен

подписать вам характеристику. Значит, изъявили желание поехать.

- Изъявил.
- Посмотреть захотелось.
- Посмотреть.
- Впечатлений набраться.
- Набраться.
- Сравнить.
- Сравнить.
- Ну и где лучше?
- Так сперва съездить надо.
- А так вам не ясно? Сомнения?
- Нет у меня сомнений! У нас!
- Тогда какой смысл ехать?
- Да просто интересно посмотреть.
- Ну да, посмотреть, погулять, с родственниками

повидаться.

- У меня там нет родственников!
- А где есть?
- Нигде! У меня вообще родных нет. Кроме завода!
- Значит, холостой?
- Женат. Она активистка, отличница, хороший товарищ. Замужем.

- А небось, бездетный?
- Трое.
- А языками-то небось владеете!
- Русским. Со словарем.
- А небось в диспансере...
- Я донор!
- А кто основал...
- Юрий Долгорукий.
- А как звали...
- Василий Иванович!
- А королева Швеции...
- А там король.
- Ты смотри! А вдруг клюнешь там на удочку?

- А вдруг не клюну?
- Тоже риск. Но меньший... А красивой жизни захочется?
- Вернусь — схожу в цирк.
- А вдруг там какие-нибудь вопросы?
- А я им справку: глухонемой!
- А на стриптиз поведут?
- Отобьюсь, я разрядник!
- Молодец!
- Значит, подпишете?
- Не уверен.
- Может, я не проявил?
- Проявил.
- Может, я не знаю чего?
- Наоборот. Слишком много знаешь...

197?

— Другам-соперникам —

боевой...

— Привет!

— Вызываем вас на соревнование — посоревноваться!

— Принимаем ваш вызов и сами вызываем вас!

— Хорошо! Мы обязуемся выполнить на сто один!

Чем вы можете нам ответить?

— Дадим сто два и семь шестых!

— Хорошо! Тогда мы — столько же. Плюс снижение себестоимости до нуля!

— И мы — себестоимость! Плюс смазать подшипники маслом!

— И мы — смазать! Плюс полная автоматизация профсоюзных собраний!

— И мы! Плюс пустить в душевых горячую воду! С сиропом!

— И мы с сиропом! Плюс, если посылать, так только по-французски!

— И мы! Плюс продавать в столовой съедобное!

— А у нас нет столовой!

— Ну и что?

— А тогда мы тоже — ну и что, плюс поголовная игра сотрудников на арфе!

— И мы! Плюс внести в проходную все, что до этого вынесли!

— И мы! Плюс полная замена в электричестве минусов на плюсы!

— И мы! Плюс полное осуществление существующих существительных!

— И мы! Плюс... покрасить снег!

— В какой цвет?

— В белый!

— Ах, так! Тогда мы...

— И мы тоже! Плюс повысить зарплату всем желающим! За свой счет.

— А мы, а мы...

— Мы тоже! Плюс отправить Сидорова на Гавайские острова! Пусть подлечится!

— А мы... А мы — сдать бутылки!

— Тогда мы — все, что вы! Плюс увеличение всего этого на душу коллектива путем уменьшения размера душ!

— А мы — сдать бутылки!

— И мы сдадим! Плюс отдать им обратно премию!

— А мы — все, что вы! Плюс покончить с враньем!

Минус все остальное.

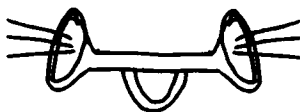
— Если минус остальное, что же останется?!

— Покончить с враньем!

— Стоп. Мы же с самого начала договорились: не-реальных обязательств не брать! Давайте все снова!

— Вызываем вас на соревнование! Посоревноваться!..

1987

Я, собственно,

на минутку.. По вопросу освещения... В стенгазете... Ну, просто там многие интересуются, когда будет, чего нет. Так вот... освещать — как мурло мещанина? Или уже можно — как законное недовольство?..

И тогда виновников — пофамильно, да? То есть конкретно из-за кого чего нет... и адрес, да?.. Пусть прямо к нему домой — и там есть...

Но в целом бичевать... На положительных примерах, да?.. То есть такие факты, чтоб сами за себя... Там, глазами туристов... Которые вторично... А первый раз — в тридцать втором... Ага.

Нет, цифры — это понятно... Ну да, конкретно... насколько возросло... Ах, в процентах... Ну да, чтоб не бередить... Теперь вот еще... если кто с какой ерундой... Ну там, несерьезно — один на миллион...

Ну, там, насчет сатиры... Что, мол, напрасно думают... А наоборот. Как можно острее, да?.. Что-нибудь из области... Из нашей — не надо...

Тогда, может, что-нибудь... А насчет спорта сейчас не время... Нет, ясно... Что-нибудь острое из области косметики... Лучше про уникальный подберезовик?.. Ну да, чего бояться...

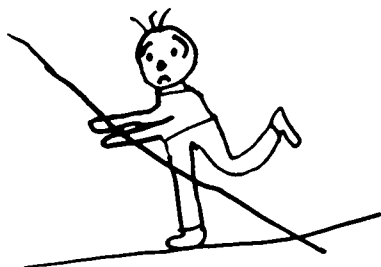
Теперь еще вот насчет инициативы... Проявлять, да? Именно решать, именно самим, да?.. А вас — только в известность... Ах, предварительно... В двух экземплярах... И печать на втором этаже... На четвертом тоже?.. И на нечетных...

Нет, абсолютно!.. Только еще погода... Все как было, да? Но в гектопаскалях... Ну да, чтоб научный прогресс... Потом обратно отменим, и все...

Нет-нет, больше никаких... Только еще насчет подведения окончательных итогов... В смысле некролога... Почему намеков?.. Тьфу-тьфу-тьфу... Просто в смысле текста... На подпись — заранее? Или уже потом?.. Нет, это не у вас с дикцией. Это у меня

со слухом... Нет, уже понял. Уже ясно, куда... Уже иду... Уже прикрываю — с той стороны... Уже отхожу на цыпочках... чтоб не расплескать...

1982

говорить об одном и том же? Давайте чередовать, менять темы! Для разнообразия стоит поговорить о работе! Это интересно! Нет, о работе не стоит... Если кто-то узнает, над чем я сейчас работаю, он тут же у себя это применит и сразу сделает рывок. И окажется на двадцать лет позади себя, почти догнав нас!

Это не значит, что надо что-то скрывать! Наоборот! Полная открытость! Открыто думать! Творить, пробовать! Всем попробовать что-то натворить! И чтоб у каждого фонтан идей, пусть даже своих! Каскад предложений! И у каждого на все своя точка зрения! У каждого своя, и при этом у всех одна и та же! Чтoб не было путаницы. А для этого — думать, что говорить, если до этого сказал, не подумав.

Но — без уверток! Без лицемерия! А прямо, кулаком по столу — и выложить все как есть! Конкретно: кое-что, мол, кое-где, мол, в отдельных случаях еще пока есть!

И главное — оперативно! Чтoб все в руках горело, опережая мысль! Закидать их, чтоб они не успевали оттаскивать! От этой скорости у них глаза на лоб полезли, а нам хоть бы что! Потому что спешка ничего не решает. Решает тщательность. Чтoб никаких тятляп! Чтoб взять в руки, а оно светится! И вписывается в интерьер! И надписи латинскими буквами. Чтoб они прочли и обалдели! Они обалдели, а нас уже и след простыл. Мы уже в круизе, делимся опытом. Газеты, хроника, пресс-конференции. Они вопросы, а мы ответы. С глубокой искренностью: мол, ничего не знаю! И не хочу знать, потому что это ниже моего достоинства. Или выше — смотря кто спросит... Пусть они думают, что мы прикидываемся дурачками! Мы-то знаем, что мы не прикидываемся! Просто для нас главное — это не показуха, а работа. Работа мысли и логика. Чтoб дважды два у нас всегда было четыре.

Максимум, пять. Если очень нужно.

Нет, я не Байрон. Я — другой.
Не так бурлив, не столь печален.
К тому же и не англичанин, —
Вполне русскоязычный бой.

Не Байрон. И отнюдь не лорд,
И женщин я не презираю.
Они меня? Смотря какая...
Но я не Байрон, я не горд.

Не Байрон — чтоб, покинув дом,
С больной ногой, к каким-то грекам...
Нет, я шагаю в ногу с веком,
Ведь я не Байрон, я — не хром.

Не Байрон я! Уж мне давно
Спокойно спится. Уж не странно,
Что я — не автор «Дон Жуана».
Не Байрон. Значит, не дано.

Когда же мой наступит срок,
Друзья вздохнут: «Он был не Байрон.
Но иногда бывал забавен...»

Ну что ж, не худший некролог.

X

ВРЕМЕНА ГОДА

ПРО АВТОРА

Александр ЖИТИНСКИЙ

Есть у меня ощущение, что Аркадий Исаакович Райкин, пригласивший в свое время молодого Мишина в авторы своего театра, «прописал» его не совсем по тому ведомству, на которое был рассчитан талант писателя. И со смертью великого артиста выяснилось, что тот лиризм автора, который умел видеть и воплощать Райкин, после него уже не так востребован... Мишин уходил с эстрады долго и сейчас, можно сказать, ушел, избавив себя от звания писатель-сатирик и снова превратившись в просто писателя Михаила Мишина, тридцатилетняя дружба с которым мне весьма дорога...

Лев УСПЕНСКИЙ

«...Бросаются у него в глаза неожиданные концовки его рассказов. Эти неожиданные изобретательные концовки мне чрезвычайно нравятся. Иной раз, читая Мишина, вспоминаешь О. Генри, а это, как вы сами понимаете, неплохая рекомендация...

Мне теперь жалко: я должен был бы все время носить и книжку, и автора, и лишь под конец сказать, что «Шел по улице троллейбус» — книга отличная: тогда и у меня получился бы неожиданный конец. Но я так писать не умею и просто говорю: этот «Троллейбус» — отличная маленькая книга. Побольше бы нам таких».

(«Книжное обозрение» 20 августа 1976)

Даниил АЛЬ

«...Автор подлинно художественного сатирического произведения, в конечном счете, создает значительно большее число положительных героев, чем отрицательных. Положительными героями становятся читатели... С этой точки зрения положительных героев в книжке Михаила Мишина, по меньшей мере, 150 тысяч. Таков ее тираж. Вроде бы не маленький. Но, по справке, полученной автором этих строк в Лениздате, заявок на книжку было 750 тысяч...»

(Из рецензии на книжку «ПАУЗА В МАЖОРЕ».

«Книжное обозрение» 28 августа 1981)

Одни считают меня сатириком.
Другие считают иначе.
Третьи вообще не считают.
Плюрализм.
Сам себя кем хочу, тем и считаю.
Могу, например, Шекспиром. Что изменится?

Что-то написано, когда было весело.
Что-то — когда стало грустно.
Остальное, когда было ни так, ни эдак.
Стремился и пытался всегда.
Но это не смягчающее обстоятельство.

Одному понравится что-то одно. Хороший читатель.
Другому — что-то другое. Тоже молодец.
Третьему — ни то, ни другое.
Ладно.

Шекспир тоже не на Толстого рассчитывал.

Время, как уже сказано, сжалось.
Завтра превращается во Вчера
быстрее, чем сообразишь про Сегодня.
Пока книга выходит — я уже другой.
Пока я другой, читатель — третий.
Еще недавно ошибки этой книги
были моим будущим.
И вот это будущее — бывшее.

Повод для оптимизма.

(Из предисловия к книге «Бывшее будущее», 1990)

ТРИ СЛОВА ОБ ОДЕССЕ

У «ФОНТАНА»

*По случаю четырехлетия одесского
юмористического журнала 05.10.01*

Главный редактор «Фонтана» мне сказал, будешь выступать, не говори о журнале, о журнале не так важно, ты что-нибудь про Одессу. А уже потом, между прочим, пару слов про «Фонтан», понимаешь? Буквально пару слов. Потому что главное — Одесса, а уже потом «Фонтан». Ты понял? Так, что-нибудь минут пятнадцать. Сперва про Одессу, потом что-то почитай. А уже потом про «Фонтан», потому что журнал — только повод, а главное — Одесса, понимаешь?

Эти наставления проистекают не только из справедливого недоверия Хаита к умственному потенциалу собеседника. А потому, что для него, действительно, главное — Одесса. Он хочет, чтобы мы Одессу любили, чтобы мы в Одессу приезжали. Чтобы мы приезжали, выходили на сцену и говорили, что мы ее любим. Я так и делаю. Я приехал, вышел и вот говорю, чтобы он слышал — любим.

Того, что он сам ее любит, ему кажется недостаточным. А говорить о своей любви вслух — неприличным. Он прав. Он чувствует, что если на одесскую сцену выйдет одессит и начнет рассказывать, что он любит Одессу... Как убеждать родного брата, что любишь маму. Для одессита Одесса выше любви, это кровные узы.

Нет, любить Одессу может только человек со стороны. Особенно если у него острый слух и проблемы со зрением. Но в последнее время радуется и глаз, в последние годы перемены — к лучшему. Правда, в море стало меньше больших пароходов, зато на берегу — больше малых памятников. Мне нравится эти памятники. Пушкин. Уточкин. Утесов. Уютные, домашние, соразмерные городу и прохожим. Возле Леонида Оси-

пыча можно снять телефонную трубку и заказать песню. «Есть город, который...» Девушка Анжела уселась рядом с Утесовым и фотографируется в обнимку. Ее парень щелкает и говорит, Анжелка, ну уже слазь, я уже снял. Анжелка не слазит. Ей нравится сидеть в обнимку с Утесовым, и Утесову это тоже нравится, и от всех троих пахнет шампанским...

Я приезжаю в этот город много лет подряд, и помню, одно время он как-то стал скучнеть и терять лицо, но сейчас черты вновь проступают, и среди них — новые черточки, а среди них — «Фонтан».

Я четко следую указаниям Хаита. Сказал про Одессу, перехожу к «Фонтану».

Помню, как-то в Москве видел щит: «Валерия — певица, которую ждали». Правда, не было уточнения — кто ждал. Всего четыре года назад «Фонтана» не ждал никто, а теперь как-то даже странно, что он не возник раньше в этом чудном городе, где все уверены, что дико остроумны, и многие, действительно, острят, а некоторые даже удачно. Долгие годы это неумное остроумие булькало и бурлило внутри самого себя, не имея выхода. Но вот город натужился — и наружу вырвался «Фонтан».

«Фонтан» идет Одессе, это именно одесский журнал. Он питается соками Одессы, переваривает и кормит публику результатами, и главный фермент процесса этого пищеварения — наш друг Хаит.

Он «Фонтан» придумал, он его редактирует, он в нем печатается, после чего зачитывается напечатанным. Не он один, конечно. «Фонтан» еще читает наш друг Голубенко, потому что тоже печатается. Берегите Хаита и Голубенко! Они — часть Одессы. Еще я знаю, в зале сегодня наш друг Литвак, его еще больше берегите — он единственный, кто не печатается в «Фонтане». И он тоже часть Одессы. А короче — берегите себя и любите друг друга. Вы все вместе и есть Одесса. Вы и есть ее «Фонтан».

В Риме есть такая примета — приезжий должен бросить в римский фонтан монетку. Тогда еще раз увидишь великий город. Мы тут не в Италии, но «Фонтан» — под рукой. Беру монетку и бросаю в него.

Значит, еще увидимся.

Фонтанируйте!

ВПЕРВЫЕ

...но что же могу я сказать, когда столько всего уже сказано о ней — и про эту улицу, и про этого дюка, и про Привоз, и про легендарную Молдаванку? И какие имена возникают в памяти, и какие дивные книги, и какие смачные песни с этим одесским акцентом! И конечно, с юмором, ну да, с тем самым одесским юмором, который, как я теперь думаю, для них вообще и не юмор, для них это — манера жить... И обо всем этом все уже сказано, и все это уже воспето — в стихах, в ариях оперетт и в тех самых песнях, — и все это ты, конечно, знаешь, помнишь, слышал и читал... Но вот сейчас лично ты впервые летишь в Одессу и думаешь, что сейчас ты все увидишь сам и свежим глазом откроешь то, чего до тебя еще никто и никогда...

Наивный! Ты приземляешься, и у самолета тебя и твоих друзей встречает ваш одесский знакомый, и у него машина, и он ведет вас к ней и говорит: «Сейчас я покажу вам Одессу, вы уже чувствуете, что вы в Одессе?» Ты лицемерно киваешь, потому что вообще-то ты ничего не чувствуешь, ты устал и хочешь есть, но он говорит: «Друзья, вы в Одессе, это мой родной город, я хочу, чтобы для первого впечатления вы поглядели на нее хотя бы штрих-пунктирно». И вы садитесь в его машину, и он садится за руль и начинает ехать. Он именно не едет, а «ехает», это точное слово. Машина движется сама по себе, а он осуществляет показ Одессы — он вертит головой во все стороны, машет знакомому водителю троллейбуса, ругает горсовет, что-то говорит про знаменитого миллионера Бродского, кроет встречных пешеходов, таксистов и гаишников, успевает рассказать про Оперный театр («...такого по красоте нету больше нигде в мире, но они же там так поют, что лучше бы они пели в нашей Филармонии, у нас шикарная Филармония, там такая потрясающая акустика, что уже в двух шагах никто ничего не слышит, потому что вообще ее строили, чтоб там была биржа») — и он снова орет на все виды транспортных средств, попадающих в поле его зрения («эти жлобы способны доехать только до клад-

бища!)), но при этом сам трогается с места исключительно на красный свет...

Наконец, когда, по мнению вашего знакомого, вы уже нагладелись на Одессу штрих-пунктирно, вы попадаете в ресторан «Братислава», и моментально, то есть буквально уже через сорок минут к вам приближается хладнокровная девушка лет сорока пяти и произносит: «Ну?» И ты ей бормочешь насчет чего-нибудь горячего, ты говоришь: «Принесите нам всем люля». Улыбка сожаления является на ее лице, и она молвит: «Если вы имели в виду горячее, то при чем тут люля?»

Одесса!

Проходит день и другой, и ты понимаешь, что все твои впечатления даже не штрих-пунктирны, ты выхватываешь только то, что лежит на поверхности и бросается в глаза, а на большее у тебя нет ни времени, ни возможности, ни таланта... Но поверхность, в конце концов, тоже выражает суть, больше или меньше. Может быть, в Одессе больше?

Вот ты стоишь на улице и смотришь на рекламный щит возле той самой Филармонии: афиши каких-то ансамблей, каких-то гастролеров — культурное лето в Одессе. И рядом с тобой возникает в черной тройке сухой старичок с тросточкой. И он стоит и долго смотрит на этот щит, и ты физически чувствуешь, как старичок начинает наливаться каким-то сарказмом. Он наливается, наливается, потом пристально смотрит на тебя и вдруг вопит: «Ну?! Они хотят, чтоб я на это пошел! Так они могут хотеть дальше!» И повернувшись к тебе спиной, гордо удаляется, тут же забыв про тебя и про щит.

...А потом ты знакомишься со знаменитым администратором одесской Филармонии (в Одессе не бывает незначительных администраторов, но этот — особенно знаменитый, про него говорят, что сам Миша Япончик считал его бесчестным человеком, и он это знает, и, похоже, сам про себя этот слух и распустил), и ты встречаешь его и говоришь: «Здравствуйте, Дмитрий Михайлович, как вы себя чувствуете?» И он мгновенно отвечает: «Они не дождутся...» Или ты говоришь ему: «Вы прекрасно выглядите», — и он отвечает: «Я моюсь мочалкой».

И эти нелепые слова говорятся так, что тебе почему-то безумно смешно...

А потом вы целый день проводите, слившись со спянной кучкой друзей — хороших друзей, живущих в этом жарком летнем городе, — вы проводите вместе целый день, и ночь, и следующий день, — вы не успеваете выйти из одного дома, как вас уже встречают в другом, где снова застолье, и снова все шутки ослепительны, и слова умны, и тосты неподражаемы, и с каждым новым тостом взаимная всеобщая любовь делает невозможным расставание, и общение хочется длить и длить... И когда расставание все-таки кажется неизбежным, один из твоих хороших одесских друзей говорит: «Еще не вечер». И это святая правда, потому что уже половина второго ночи. «Сейчас, — говорит он, — мы идем в один чудный дом, там день рождения, они будут жутко рады». У тебя вспыхивает мимолетное сомнение — вас все-таки двенадцать человек, и все-таки время уже два часа, и ты точно знаешь, что ты-то сам был бы не слишком рад принять в это время новых гостей, даже если бы у тебя был день рождения... Но — сомнения прочь! И вы уходите в одесскую ночь — темную, теплую, полную любви, дружбы, сладкой грусти и желаний, чтобы это не кончалось, и вот вы все — ты, твои друзья из Ленинграда и одесситы, друзья и подруги, — вы уже идете по темным улицам к неведомым новым друзьям вашего замечательного друга, и пахнет морем — или влажным асфальтом, который освежила поливальная машина, освежив заодно и всех вас, — вы идете по одесским улицам, вы слегка пьяны, веселы, и ночь, как сказал писатель Фицджеральд, нежна, — и вдруг из этой ночи навстречу вам выплывает холодильник, он стоит посреди мостовой, молочно-белый, он стоит, будто это его законное место, непостижимый и загадочный, и не меньше получаса вы все проводите возле него, состязаясь в шутках, гипотезах и островах, и все побеждают, а когда тема исчерпана и все догадки о том, как попал этот белый истукан на ночную мостовую города-героя, высказаны, — нет, только Гоголю или Бабелю было бы под силу описать этот холодильник и эту ночь! — когда, говорю я, тема

исчерпана, вы продолжаете путь, вы идете какими-то совсем уже черными переулками, и выходите наконец к дому друзей вашего замечательного друга, и поднимаетесь по лестнице, и открывается дверь — и все вы, двенадцать друзей и подруг, попадаете в свет, музыку, шумные возгласы и живые взгляды двадцати пяти человек хозяев дома и их гостей, и оказывается, конечно, «это гениально, что вы пришли», и «почему же так долго?», и «сейчас, сейчас...». И вот уже приставлен еще один стол к тому, что стоял, и уже на кухне готовят мясо, и «вот еще пироги», и «после первой не закусывают даже в Одессе» — хотя это уже для вас не первая и не вторая, — и «за знакомство!». «Миша — Миша — Оля — Сеня — Витя — Зоя...» И «за именинника!» «Ах, именинница? Тем более!» — «Мы вас так ждали!» — «Ну, и как вам у нас в Одессе?»

И вам прекрасно, и ваш замечательный друг, который привел всех вас в этот дом, светится самодовольством: мол, как вам приемчик? Мол, я же говорил!.. Но все же что-то во взгляде хозяина дома заставляет тебя насторожиться, какую-то заминку ты чувствуешь в том, как он общается с вашим замечательным другом. И еще через час ты наконец слышишь вопрос хозяина, обращенный к нему, к другу вашему замечательному: «Слушайте, ну где же я вас мог видеть?!»

И выясняется, что никто вас здесь не знает — ну вас-то ладно, вы с севера, вы вообще ни при чем, — «попробуйте салат с орешками!» — но никто толком не знает и ваших друзей из Одессы, и только после долгих попыток ваш замечательный друг и хозяин дома находят все-таки каких-то общих знакомых. И оказывается, что ваш друг просто случайно знал, что тут день рождения, и случайно помнил адрес, оказывается, когда-то много лет назад он был здесь, «...но вас тогда не было, была только ваша жена» и... И этого достаточно, чтобы он решил, ваш замечательный друг, забежать с вами — «наши гости из Северной Пальмиры — чудные ребята» — на огонек, посидеть немного...

«Ах, Одесса, жемчужина у моря...»

Я позволил себе — и меня понесло...

Я что-то давно не был в Одессе. Я обязательно поеду. Хотя боязнь разочароваться существует во мне.

Но, с другой стороны, можно ли разочароваться в городе, где на твоём вечере тебе прислали записку:

«Правда ли, что хомо сапиенс — это пупковая грыжа?»

Я до сих пор не знаю, что ответить на это, и потому говорю себе:

— Регламент!

1978

У ТУРНИКЕТА

Одесса. Второе апреля.

Сегодня мне тридцать.

И стол

Накрытый стоит в Ленинграде.

Одесса. Аэропорт.

Смотрю на Валерку. На Зою.

Посадка уже началась.

А там уже первые гости.

И папа глядит на часы.

А тут — и Валерка, и Зоя

С любовью глядят на меня.

А там наливают по первой,

И мама косится на дверь.

«За маму!...», «За папу!...», «За сына».

«К горячему он прилетит!...»

Одесса. Второе апреля.

Посадка подходит к концу.

Валерка и Зоя.

И Зоя.

Ну, все. Мне пора. Я иду.

Иду я к окошку возврата

И не возвращаюсь.

Аминь.

...Второе апреля. Одесса

Сегодня мне сорок один.

«Валерка, а где теперь Зоя?»

В кармане билет на Москву.

1988

ДВА СЛОВА НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

ПОСЛЕДНИЙ РЕСУРС

*Слово первое, дико серьезное,
сказанное в Барселоне, на конференции
«Культура и защита окружающей среды»*

Ladies and Gentlemen,
When we speak of Environment, we usually mean...

Дамы и господа!

Когда говорят об окружающей среде, обыкновенно имеют в виду воздух, воду, почву и прочие природные ресурсы. Однако я полагаю, что для современного человека окружающая среда — это прежде всего окружающие его другие люди. И если наука обязана искать пути для защиты экологии, то первой задачей искусства является защита и оздоровление духовной среды.

Я должен признаться, что не спасал от загрязнения реки и озера, не очищал атмосферу, не боролся с нефтяными пятнами в океане. Моя профессия — литература, мой жанр — сатира и юмор. Я практик, и прекрасно сознаю, что теоретизировать по поводу юмора — то же самое, что есть холодный пудинг. Впрочем, в моей стране не едят пудингов. В моей стране сейчас продуктов питания вообще гораздо меньше, чем юмора.

Я думаю, что сатира и юмор — важнейшие средства защиты человеческого организма от окружающей его среды. При этом, если юмор помогает человеку приспособиться к трудностям бытия, то сатира — это защита активная, она нацелена на преодоление существующего статус-кво.

Были периоды, когда в моей стране — и не только в моей — сатирическая шутка могла стоить человеку

несколько лет жизни, а иногда и самой жизни. Что говорит не о высоком качестве шуток, а о низкой цене человеческой жизни. При тоталитарной системе открытое сатирическое слово невозможно. Сатира живет в подполье, она прибегает к аллегории, к намеку, к подтексту.

В таком обществе все читают между строк и слышат между слов. В годы, предшествующие тому, что называют «перестройкой», искусство аллюгорий достигло небывалого расцвета. Мы находили намеки даже там, где его не было. Достаточно было кому-то по какому-то частному поводу произнести пословицу «Старость — не радость», как девятеро из десяти слышали в этих словах намеки на возраст брежневского Политбюро, а десятый фиксировал сказанное.

Сейчас, с приходом так называемой «гласности», социальная критика вышла из подполья, сатира осмелела. Но и у власти теперь, похоже, прорезалось чувство юмора. Если раньше она считала своей главной задачей не дать людям говорить, то теперь она поняла, что гораздо проще людей не слушать — в том числе и тех, кто кричит об умирании окружающей среды. Это называется — плюрализм.

Сегодня человеку в моей стране трудно. Окружающая среда наполнена грохотом обваливающегося тоталитаризма и воплями с трудом рождающейся демократии.

Назад пути нет, однако никто не знает — как двигаться вперед.

«Мир уцелел, потому что смеялся» — это выражение давно стало классическим. Но сегодня это больше, чем изящная фраза. Сегодня это рецепт выживания. Ибо Мир — это Человек. И лишь человек высокой морали способен защитить природу с ее лесами и озерами, животными и птицами, человек, который способен спасти от распада свою собственную душу. А как я уже сказал, важнейшее средство защиты человеческой души — сатира и юмор. Иногда мне даже кажется, что это — последнее средство. Жизнь слишком серьезна, чтобы мы могли выжить без чувства юмора.

Я отчетливо сознаю, что моему выступлению недостает конструктивного элемента. Почему бы не представить себе общеевропейский фестиваль сатиры и юмора, в котором участвовали бы писатели, артисты, художники разных стран? Почему бы не представить себе, что когда-нибудь здесь, в этом восхитительном городе, пройдет фестиваль под названием «Мир и Смех»?

Возможно, на таком фестивале я смогу сказать нечто более веселое и более достойное столь избранной аудитории. Если, конечно, у организаторов будущего фестиваля достанет чувства юмора пригласить меня на эту будущую встречу.

Но для того чтобы эта встреча была возможной, нам всем предстоит еще выжить в окружающей нас среде.

Благодарю вас.

1990

САМООГРАНИЧЕНИЕ МОГУЩЕСТВА

*Слово второе, еще более серьезное, сказанное
там же два года спустя.*

Тема конференции была «Культура и массмедиа»

Ladies and Gentlemen,

Two years ago I had the honour of speaking....

Дамы и господа!

Два года назад я имел честь выступать на подобной конференции в этом прекрасном городе, я представлял тогда страну, которая называлась Советский Союз. Сегодня я нахожусь здесь в качестве представителя России, чем весьма горжусь, однако хочу верить, что, если меня пригласят сюда еще через два года, я не окажусь представителем Московского княжества.

Сегодня вряд ли кто-то может точно оценить роль, которую сыграла медиа в тех процессах, которые про-

изошли и происходят в России, да и во всем мире. В моей стране некоторые считают, что влияние медиа слишком преувеличено, другие, напротив, полагают ее всемогущей и полностью повинной в тех трудностях, которые переживает бывшая империя.

Тема «Культура и массмедиа» необъятна. Я бы хотел сказать два слова о культуре самой массмедиа.

У слова «культура» множество значений. Это возделывание, воспитание, образование, уважение. Но чаще всего мы называем этим словом всю сферу духовной жизни общества и отдельного человека. Эта сфера современного общества включает в себя массмедиа, определяет ее, но во все большей степени и определяется ею. Если бы удалось хотя бы на один час выключить все радио- и телестанции во всем мире, закрыть все газеты, журналы и телеграфные агентства, человечество онемело бы, оглохло и сошло с ума. Хотя оно и так недалеко от сумасшествия.

Что касается России, то восемь лет назад человеку достаточно было прочитать одну газету — и он знал, что написано во всех остальных. Задача массмедиа была проста: нарисовать прекрасное лицо самого счастливого общества в мире. Это была ложь. Сегодня цензуры не стало, и медиа кинулась описывать исключительно бо-
родавки и язвы на этом лице. Что тоже не вся правда.

Массмедиа в России напоминают сегодня подростка, у которого мускулы и громкий бас взрослого, но сдерживающие центры и чувство ответственности, как у младенца. Может быть, впрочем, это касается не только России. При этом каждое из множества изданий, радио- и телестанций прежде всего объявляет себя свободным, независимым и объективным. Это прекрасно, но при этом забывается о главном — о цели деятельности массмедиа, о ее критериях. Когда собираются специалисты в области средств массовой информации, они говорят о новых коммуникациях, о создании спутниковых систем связи, об увеличении оперативности и тому подобное. И действительно, все это чрезвычайно важно, и все это делается для того, чтобы факты могли стать достоянием все большего числа людей за все меньшее время.

Факт — это очень важно. Но он не может быть самоцелью. И он не существует сам по себе. Допустим, в Москве один человек убил и ограбил другого. Этот факт становится достоянием гласности. Но если медиа делает достоянием масс и тот факт, что убийца, допустим, был армянин, а убитый — азербайджанец? Или наоборот? И медиа доносит этот факт до людей, которые живут в Нагорном Карабахе? Каковы будут последствия этой объективной информации? Да, это хрестоматийный пример, но таких примеров, когда медиа тушит пожар таким бензином, сколько угодно.

Я надеюсь, никто не заподозрит в том, что я хотел бы вернуться в общество, где властвует цензура. Нет, я прожил в нем достаточно. Но я уверен, что массмедиа, свободная от цензуры властей, должна тем не менее сама налагать на себя определенные ограничения морального порядка. Особенно там, где демократия молода и не имеет иммунитета к экстремизму.

Массмедиа в России — и может быть не только в России — не просто перегружена политикой, она сверхполитизирована. Да, существует кризис, да, идет борьба за власть, да, кричат проблемы экономики, экологии, энергетики, и так далее. Но люди на этом свете продолжают рождаться, жить, умирать, они смеются и плачут, и солнце, как у нас говорят, всходит и заходит. И возможно, главная нравственная задача массмедиа как части общечеловеческой культуры заключается в том, чтобы поддерживать человека, помогая ему выжить в этом сложном мире.

Массмедиа вырабатывает у современного человека зачатки глобального сознания. Нескончаемые волны медиа накатываются на наши головы, меняя форму нашего мышления. Миллионы людей одновременно узнают, что у Ельцина насморк, что Клинтон любит свою жену, что сербы и хорваты стреляют друг в друга. Массмедиа уже удалось сделать этот мир маленьким. Но пока ей не удалось сделать человека большим.

Мы, конечно, можем и должны обсуждать профессионализм, оперативность и умение массмедиа отыскивать и доносить до людей факты.

Но, я думаю, главное, о чем необходимо помнить, — это о принципе ненанесения вреда.

В конце концов медиа сегодня — это моментальный портрет человечества. Это наши отпечатки пальцев на календаре. По ним нас будут изучать историки будущего, как сегодня мы изучаем прошлое по папирусам и глиняным табличкам.

Но каким будет это будущее, и будет ли оно вообще, с каждым днем все больше зависит от массмедиа, от того, сумеет ли она удержать баланс между своим все возрастающим могуществом и своей ответственностью за его использование.

Возможно, именно этот баланс называется словом «культура».

Благодарю вас.

1992

ДВА СЛОВА О КИНО

ПРОСТО ЖИЗНЬ

*Произнесено при вручении премии режиссеру
лучшего неигрового телевизионного фильма*

Неигровое кино.

То есть документальное.

Привычно полез в словарь. Надо вспоминать смыслы.

Документ — documentum — свидетельство.

Говоря по-русски, — материальный носитель данных, с записанной на нем информацией, предназначенной для передачи во времени и пространстве.

Не знаю, не слишком ли это просто для данной аудитории.

Мы все — участники жизни.

Мы все — ее свидетели.

Но не все мы записываем и передаем в пространство.

Не говорю уже о времени.

Наши свидетельства — наше личное дело.

Кинодокументалист — свидетель по профессии.

Которая требует от него соединить несоединимое.

Как свидетель, он обязан быть точен.

Как живой человек, не может быть беспристрастным.

В этом сложность профессии.

В этом ее пафос.

Потому что когда удастся победить эту квадратуру круга, возникает не просто «материальный носитель данных». Рождается искусство.

...Да-да, много проблем.

Да-да-да, всего не хватает.

Мало залов, мало денег, мало внимания.

Все жутко, кошмарно и ужасно.

И однако. И тем не менее. И вопреки.

Документальное кино, которое вы делаете, кино, которое фиксирует не игру людей, а самое их суще-

ствование, продолжается.

Оно всегда будет востребовано во времени и пространстве.

Ибо совокупность ваших свидетельств — это, говоря названием одной из ваших картин, и есть «Просто Жизнь».

2002

ГЛАВНОЕ ЛИЦО

Произнесено при вручении приза лучшему кинооператору на церемонии «НИКА-2002»

В этом зале все, конечно, прекрасно знают греческий и помнят, что слово «кинематограф» на этом благородном языке означает «запись движения».

Человек взял железяку со стеклышками, покрутил ручкой и впервые в истории зафиксировал движение. Это и был оператор. Первое действующее лицо кинематографа.

В этом зале все, несомненно, знают латынь и прекрасно помнят, что само слово «оператор» происходит от латинского «OPERATIO».

Действие. Работа.

Поначалу оператор был не только первым — он был единственным.

Это уже потом вокруг засуетились и запрыгали другие. Появились красавцы и красавицы, которые вставали в картинные позы и заламывали руки. Появились те, кто их одевал, рисовал на щеках родинки и раскрашивал фанеру под мрамор. И кто сочинял для красавцев слова, и изображал шум дождя, и хлопал хлопучкой, и кричал, что денег нет. И уже самым последним на подножку этого неудержимого поезда вскочил кипучий человек, который ни черта не умел конкретно, вследствие чего возглавил общий процесс. (В этой просвещенной аудитории излишне напоминать, что «режиссер» восходит к латинскому «REGO» — управляю. Оператор — работник, режиссер — управленец. Почувствуйте разницу!)

И уж совсем-совсем потом возникли все эти союзы, гильдии, секретариаты, академии и споры, какая из них хуже. И появились призы, которые сегодня получают победители. И все это — лишь надстройка. А базис, как и прежде, — это главное действующее лицо кинематографа.

Оператор.

Когда кинооператорам хотят польстить, им говорят: мы смотрим на мир вашими глазами. К счастью, это вранье. Мы смотрим на мир своими, и у каждого из нас своя картинка. Но, добавляя к ней великое разнообразие движений человеческой души и мысли, которое фиксируют художники, называемые операторами, мы делаем нашу картину мира неизмеримо богаче.

И поэтому все они вместе, и каждый в отдельности, а также я, посвятивший им это проникновенное слово, заслуживаем оваций.

ИРОНИЯ И СТЁБ

*«Магазину Жванецкого»
и его главному редактору
Игорю Иртеньеву по случаю
десятилетия со дня выхода
первого номера*

...Мы живем

в ироническое время, воображают иронисты, иронически посмеиваясь в серебристые усы.

Они страшно заблуждаются.

Я тут полез в Интернет, чтобы глянуть на очередной удар золотого пера Иртеньева по правительству, ошибся адресом сайта, — если кто понимает, о чем речь, — и наткнулся на девиз или, как теперь говорят, слоган: «Стёб ру — стёб без границ».

Так и написано. «Steb точка Ru» Без границ.

И это правда. Мы живем во времена стёба, ребята.

Ирония обостряет мысль. Стёб ее заменяет.

Ирония — это как.

Стёб — это как бы.

Сегодня вся жизнь — стёб. Слово дня — «как бы». Как бы чувства. Как бы мысли. Он как бы заявил — мы как бы возмущены.

Этот стёб, он как бы стригущий лишай. Ни умереть, ни вылечить.

Безграничный стёб — это о России.

Но этот мой текст как бы о другом. Он как бы продукт нехватки иронии и невладения стёбом. Он как бы о «Магазине». Это, между прочим, была счастливая мысль — что именно «Магазин». Тут ирония, недоступная даже англичанам. Как если бы в Лондоне выпустили магазин под названием «Журнал». Тут как бы поле для иронии на тему патриотизма, которое оставляю без боя.

Стёб — вещь тупая. Поэтому ирония вещь антинародная.

Открываешь «Магазин» — и видишь кружева столь тонкие, что хватаешь лупу, чтобы понять — это еще

ирония или лучше позвонить — переспросить. Выйдите на улицу и поинтересуйтесь у населения, читает ли оно «Магазин». Ответы посылайте Игорьку Иртеньеву — без купюр.

При этом интересно — почему «Магазин» в наши времена еще жив.

Десять лет, а дышит и сделался глянцевого, как «Пентхаус».

Ну, имя на обложке — это, конечно, витамин.

«Иронический журнал Жванецкого». Как маузер, подаренный Буденным лучшему красноармейцу.

Но ведь кто пишет — сегодня не вопрос жизни. Вопрос жизни — кто читает. Точнее — как удержать читателя.

Секрет «Магазина» — он идеально решил проблему аудитории. Тут кто пишет — тот и читает. И наоборот.

А больше «Магазину» и не надо. Потому что у иронии в отличие от стёба есть границы.

А вообще, это журнал-внедорожник: едет куда хочет, а не где ждут. Тем более, ждут немногие. Трудно представить себе бригаду шахтеров, читающих в обеденный перерыв журнал «Магазин».

Дорогой главный редактор иронического журнала «Магазин Жванецкого» Игорь Иртеньев!

Все вышесказанное есть продукт нехватки иронии и невладения стёбом.

Но искренность гарантирую.

В последнее время искренне ничего не хочется. Искренне выходят только некрологи и поздравления. Что, впрочем, почти одно и то же — только там в конце «светлая память», а здесь «многая лета».

До первого, надеюсь, далеко.

Второго искренне желаю — и лично журналу и тебе. Без иронии.

КЛОЧКИ ОБРЫВКОВ

*«...Типичная пошлость царила
В его голове небольшой...»*

Н.Олейников

Главного выбрали!

Хотя еще вчера никто не знал его даже по имени
А с утра все узнали и тут же, пританцовывая,
выбрали.

И понятно.

Надоело народу не любить.

Ну, сколько можно их всех ненавидеть?

Надоели же все до единого. До смерти надоели все.
Заранее надоели навек.

А он — вышел из тени и сверкнул огуречной
свежестью.

И все до единого влюбились в него.

И в первых рядах вострепетали начальники —
губернаторы, прокуроры и мэры.

Спикер полюбил проникновенно и в приливе
лирического восторга прилюдно облаял прежнего.

Руководящий бомонд по всей стране выстроился
за верховной лаской.

Политическая саранча встала на крыло...

Уже все сообразили — термин творит смысл.

Убийца — убийца. Киллер — род деятельности.

Этот — дилер, тот — киллер.

В целом, триллер.

«Таварищи! Нипристанно авлаживайте знаниями,
баритесь за павышение культурново уравниа!»

Есть ли во Вселенной другие цивилизации?
Безусловно.
Отъехать от города километров тридцать...
«А король-то голый!» — сказала королева наутро.

Гимн назначили.
Старушки в лифте:
— Рая, вы при этом гимне будете вставать?
— Я не буду вставать, я и теперь не встаю, у меня суставы.
— У меня тоже суставы и у меня сахар, но я не буду вставать, прин-ци-пально
— Нет, вставать я буду, но я не буду петь. С моей памятью.

По радио: «Монтажница Анна Петровна Хрюндина имеет личное клеймо». Звучит.

Что позволено Юпитеру, не должно быть ему позволено!

Все разговоры начинал словами: «Прошу меня правильно понять».
Прекрасно у Ежи Леца:
«По тому, что он сказал, можно было понять, что он хотел подумать».

После смерти мужа вышла замуж вторично.
Теперь второй муж носит на могилу первому цветы.

«Мы с тобой одной крови — ты и я!» — клялась пиявка.

Сердце — не камень. Все выдержит.

Платить надо за отдых. Заставлять отдыхать. А работать не давать. И все захотят. Эффект Тома Сойера.

Изумляем мир упорным желанием решать задачи высшей сложности, так и не определившись — сколько будет дважды два.

«Диоген — наивный материалист, — заявил лектор. — Жутко был наивный».

Потом еще сказал: «Кратенько вам об Аристотеле». Об Аристотеле! Кратенько!! Ну?!

В девичестве звалась Александра Коробочка.
Вышла замуж, стала Александра Ящик.

Плывет посудина, плывет старая. Трещат переборки, стонут снасти. Качается на мачте мутный фонарь. Свищет со всех сторон серый ветер. Ракушки облепили борта, краска облезла. Пьяный капитан материт пьяную команду. Пассажиров в трюме тошнит.

Завидя это дикое корыто, морские жители в ужасе молотят плавниками, бьют ластами и несутся прочь, прочь, прочь! — в теплые моря, к зеленой волне, к большим белым пароходам, где играет музыка, где радуется шампанское, где хохочут загорелые женщины...

«Выдающий трудящий».

Страна вечнозеленого загробья.
Царство прошло-будущего, где *настоящего нет*.

Да, Солнце имеет темные пятна. Но на твоём фоне
они бы ярко сверкали.

Жена посла Дании с супругом, жена посла Норвегии
с супругом, жена посла...

Добро должно быть с кулаками.
Но не слишком тяжелыми, чтобы все-таки
оставаться добром.

Старый конь борозды не испортит: силы не те.

Дети должны быть лучше отцов. Значит, отцы —
лучше дедов.

Можно представить, какими мерзавцами будут
считать нас правнуки!

Учился грамоте.
Каждый день выводил на бумаге: «П-р-и-к-а-з»...

Хорошо смеется тот, кто смеет..

Ностальгия из географической стала исторической.
Не тоска по родине, из которой ушел в иное
пространство, а по той, которая ушла в другое время...

«Вы не в церкви, вас не обманут!» — уверял мулла.

Если слепому без конца твердить о его слепоте,
он оглохнет.

«Мы с вами разного пола ягоды!» ..

Любовь зла. Может и не придти.

Особенная гордость наша:
унижаться с высоко поднятой головой.

ИЗ ПРОДАЖНОЙ ПРЕССЫ XIX ВЕКА

Хвала

«Направляемое энергическим гением г-на Л-ва честное и усердное радение градоначальства московского преобразовало столь недавно еще мерзкий, грязный и враждебный всякому нравственному чувству проулок в благопроцветающую и гордую Тверскую улицу, которой пышное великолепие не только понуждает к зависти прочие улицы обеих столиц империи нашей, но и повергает в изрядную досаду надменные парыжи и лондоны».

Хула

«Следствием покровительства г-на Л-ва шайке начальствующих казнокрадов, лишь по несовершенству общества нашего не закованных еще в тюремные кандалы, имеет Белокаменная на месте главной улицы своей смрадную клоаку, где стон местного жителя, прозябающего среди миазмов и язв, сливается с брезгливым возгласом случайного петербуржца, не говоря уже о пораженном европейском госте, коему один только взгляд на Тверскую служит навек

предупреждением против всего, что есть на свете русского».

«Нет бога, кроме аллаха!»
Тогда зачем так настаивать?

В газете — мерзость, в телевизоре — мерзость.
За окном — мерзость и слякоть.
Ну и что, по-вашему, должно быть в душе?

Мудрость: «Не каждый коммунист — тупой,
не каждый скрипач — еврей, не каждый балетный —
голубой».
Верно и обратное.

«Вот что делает с нами непосильный труд!» —
сказала обезьяна, глядя на человека.

Приплыли, ребята. При слове «споры» думаешь
не о поисках истины, а о бациллах сибирской язвы.

Вернулся домой через двое суток, сунулся к зеркалу — отражение еще там.

Но если Платон мне друг, неужто истина дороже?

Начал писать про пьяного в троллейбусе
в двадцать пять, в пятьдесят поставил точку
и пошел делать кардиограмму.

На что ухлопал?

«Драма — литературный род, принадлежащий театру и литературе.»

Драма — это сюжет. А сюжет — это конфликт.

При этом драма — не трагедия.

Трагедия — когда безысходность. Он любит ее. Но узнает, что она была с другим. И убивает ее. Потом убивает другого. Потом убивает себя. Потом открывается, что его подло надули. Но все уже непоправимо — финальный монолог, занавес, орация.

Из трагедии выхода нет — только в гардероб.

Драма оставляет выход.

Он приехал, потом увидел ее, потом свадьба.

Это сюжет.

Он приехал, увидел, но у нее муж.

Это конфликт.

Он приехал, увидел ее, потом увидел мужа, плюнул и уехал.

Это выход.

Драма — это драматургия. Следовательно, драматургии.

Эсхил. Еврипид. Шекспир. Лопе де Вега и несколько наших девушек с подлинным отсутствием стыда.

Не люблю малые сцены.

Не убеждают триумфы на двадцать персон, пятнадцать из которых — газетные критикессы обоего пола. Все против массовой культуры, все за идеалы, родники и — до чесотки! — за духовность,

Но уровень, потрясенный сам собой в чулане с партером из двух стульев?

Тайфун в пробирке.

Многим экспертам милы эти чуланы, и волнует запах серы. Возможно даже из пробирок вытечет страшная польза для великого будущего — ради бога, нюхайте.. Одна просьба: не называть эту подпольную алхимию театром. Так перед входом в свою лабораторию и напишите:

«Тихо! Идет опыт. Вход только для персонала».

«Истоки театра в древних игрищах и обрядах».

Да, да, зрелище. Да, да, да. Игра. Да.

И поднимите с пола эту критикессу и дайте ей нашатыря.

О том-то и речь, что играли они. Урожай, там, охота. Один прыгал куропаткой, другой носился вокруг, потрясая копьем. А то изгнание духов. Факелы, дым, заклинания, завывания. Оттуда все и идет. По форме — игра.

По сути — утешение от Господа, давшего человеку всего одну жизнь.

Театр — единственное средство, позволяющее смертному проживать, не только душой, но и телом, маленькие кусочки не своих жизней. Назовите эти кусочки ролями. (Играют, конечно, еще шпионы — но там меньше зрителей и осуждаются крики «Браво!»)

Точно — весь мир.

Театры кукол, теней, зверей.

Театр военных действий, переходящий в анатомический.

Но театр — это часть культуры.

Но когда вы на льдине, которая тает...

* * *

— Есть ли на свете одно слово, руководствуясь которым, человек мог бы прожить всю жизнь? — спросили Конфуция.

— Есть, — сказал тот. — *Снисходительность.*

И объял необъятное.

ФУТУРОЛОГИЯ

*Анкета «МН» в канун
2000 года: Чего, мол,
ждете от нового века?
Вопросы дико умные,
про ответы не говорю.*

О ПРИРОДЕ БУДУЩИХ

СТРАХОВ

Страх — в человеке, а человек не меняется.

Эволюция неочевидна.

Останутся старые страхи.

Страх за тех, кого любишь.

Страх не любить — то есть страх одиночества.

Страх бессилия. Но не в том смысле. В том — тоже,
но тут враг будет разбит.

Хотя ужас перед медициной укрепитя.

Природа страхов не изменяется — конкретика
дополнится.

Новый вирус, жуткий выброс, в каждом подъезде
пришельцы, в каждой подворотне — клонируют.

Страх перед властью — как местный колорит.

Страх неизвестности. То есть смерти.

Но, поскольку они там придумают вечное бессмер-
тие, им будет еще страшней, чем нам.

О ВЛИЯНИИ НАУЧНЫХ ОТКРЫТИЙ НА ВЕРУЮЩИХ И НЕВЕРУЮЩИХ

Все открытия укрепляют позиции и тех, и этих.

Абсолютная симметрия.

Что еще ни открой — тут ничего не изменится.

Кто верит — будет веровать.

Остальным будет еще тяжелей.

О ЖЕСТОКОСТИ НОВОГО ВЕКА

Более жестоким, чем сейчас, мир не будет.

Но уж и не менее не будет точно.

Возможности дряни, конечно, возрастут.
Но и добро отрастит кулачищи.
То есть баланс — на новой высоте.
Труднее будет удержать.

О МАРКСИЗМЕ

Учение всесильно, потому что оно вечно.
Мечта не умирает.
В отличие от мечтателей.
Которым на смену будут приходить все новые.
Но массовых эпидемий уже не будет.
Прививка сделана.

ОТ КОГО БУДУТ ИСХОДИТЬ ПРОБЛЕМЫ ДЛЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

Скажу, от кого не будут.
От Голландии неприятностей не ожидаю.
От Дании. От Швеции.
Финляндия не создаст проблем.
Разве захочет присоединить к себе Россию.
Люксембург, как источник мирового зла, сомнителен.
Лихтенштейн — тоже.
В XXI веке их по-прежнему будут путать.
За остальных не поручусь. Глобус крайне вздорный.
Диктаторы возможны всюду, где желаемы.
Но уже, конечно, не глобальные, а мелкопоместные.
Отчего не легче — мир сожмется настолько,
что любой колокольчик будет звонить по всем.

ЕСЛИ...

«Если наступит время, когда невозможны войны...»
Юмористическими прогнозами не занимаемся.

О НАУКЕ И НЕПОЗНАННОМ

И кому это в наше время кажется, что все поддается познанию?

С каждым частным озарением только виднее —
утопаем в полной вселенской непостижимости.

О БРАКЕ И ДРУГИХ ЦЕННОСТЯХ

В XXI веке между мужчинами и женщинами сохранится граница.

Но число перебежчиков в первой половине века еще более возрастет.

Во второй — процесс стабилизируется и пойдет вспять.

Ревность усилится — мужья будут ревновать к достижениям жен.

Браки можно будет заключать без ограничения возраста.

Выплюнули соски, поползли на собственную свадьбу. Сменили памперсы и снова поползли — на развод.

ОБ ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РАДОСТЕЙ (да еще в порядке значимости!)

Во-первых, ненавижу рейтинги.

Во-вторых, источники будут прежние.

Потому что истинно говорю вам: от века к веку люди не меняются.

Что видно хотя бы по этой неиссякаемой страсти — пытаться предсказать непредсказуемое.

ГРИША

Он был классик.

Классик — с самого начала.
Простота без придури.
Глубина без надувания щек.
И Юмор — с высокой буквы.
Когда вкус безупречен.
Когда острословие —
средство остроумия, а не заместитель.
Он все умел сразу.
Юморист Григорий Горин.
Сценарист Григорий Горин.
Драматург Григорий Горин.
Просто Гриша Горин — один на всю страну.
Всегда уместен.
Всюду ожидаем, всегда неожидан.
И мгновенно узнаваем — фигура борца и
знаменитая дикция.
Один из тех, кто определяет пейзаж.
Он был национальным достоянием.
Лучше сказать, общенародным.
«Григорий Горин» — и мы предвкушали.
И он не обманывал.
При этом ни на чем не настаивая.
А это уже не ум — мудрость.
Жизнь бьет ключом — это было о нем.
В нем непрерывно рождалось, искрилось и бурлило.
Проклятый занавес упал в разгаре действия.
На моем столе двухтомник.
На каждом томе — его почерком:
«Григорий Горин»...

Один-единственный раз мы с ним сочинили
несколько строчек совместно.
Валяли дурака летом 98-го...

Григорий Горин

Михаил Мишин

ИНТЕРВЬЮ В ТЕНИ ИСКУССТВА

На недавно завершившемся кинофестивале в Сочи среди гостей писатель Михаил Мишин повстречал писателя Григория Горина. Или наоборот. Иногда их там путали.

Но речь не об этом, а о том, что жизнь фестиваля освещала целая армия журналистов. Бесчисленные интервью со звездами — на пляже и в фойе кинозалов, при свете солнца и при сиянии прожекторов... Однако Горину и Мишину показалось, что многое на фестивале все-таки остается в тени. И они решили выступить журналистским тандемом, чтобы осветить эту теневую сторону «Кинотавра -98».

ИНТЕРВЬЮ С КРУПНЫМ ПОЛИТИЧЕСКИМ ДЕЯТЕЛЕМ

Крупного деятеля мы застали у стойки пивного бара, среди бесчисленных пустых кружек.

— Судя по количеству кружек, вы представляете здесь Партию Любителей Пива?

— Ничего подобного. Я представляю гораздо более прогрессивную Партию Любителей Пива С Раками.

— Сколько членов состоит в вашей партии?

— Состав гибкий. Сколько раков — столько и членов.

— Какова ваша политическая платформа?

— Вера. Мы всех честных людей зовем к Вере — с большой буквы.

— Какую именно Веру вы имеете в виду?

— Да вон ту, толстую, барменшу... Веруня, еще пару больших!..

— И какова ваша конечная цель?

— Возродить державу.

— Каким образом?

— Воздвигнуть в Сочи пивную «Советский Союз».

Пятнадцать республик — пятнадцать этажей. На всех этажах — пиво. И чтоб туалет под туалетом и общий сток, а внизу — гидроэлектростанция. Мы крутим турбину, гоним энергию на Запад, а они нам обратно — пиво. Международная обстановка оздоравливается, связи крепнут. Здание ООН переходит нашей партии. А там этажей знаешь сколько? Всю планету озарим!..

ИНТЕРВЬЮ С САМЫМ КРУТЫМ ГОСТЕМ ФЕСТИВАЛЯ

Самый крутой гость лежал сразу на трех лежаках. Сплошные бицепсы, остальное — трицепсы. На груди — золотая цепь, золотой крест и золотой зуб одного из участников фестиваля.

— Извините, мы бы хотели спросить вашу фамилию.

— Спроси, если жить надоело.

— Нет-нет, извините... Мы просто хотели уточнить — вы здесь на работе или на отдыхе?

— Я здесь в розыске!

— Правда ли, что вы причастны к захвату на фестивале заложников с целью получения выкупа?

— Да это все мелочевка. Взяли пяток журналистов и критиков, заперли в номерах. Теперь требуем у президента фестиваля выкуп — миллион зеленых за каждого.

— А если он не даст?

— Не даст — выпустим!..

И, судя по публикациям о прошедшем фестивале, это заявление крутого не было пустой угрозой...

ИНТЕРВЬЮ С ЗАРУБЕЖНЫМ ГОСТЕМ

В тени пляжа мы видели многочисленных гостей кинофестиваля, приехавших из-за рубежа. К одному из иностранцев мы обратились на его родном языке.

— Здоровеньки булы, Микола!

— Здорово, хлопцы.

— Микола, ты приехав на фестиваль прямо с Киева?

— Ни. С Тель-Авива.

- А що ты там робил?
- Своих навещал. Тель-Авив, то ж давно наш город.
- А кстати, Микола, правда ли, что у вас поговаривают, будто и Сочи тоже украинский город?
- Це грубейшая ошибка. То дурни болтают. Сочи як був, так и остается единой и неделимой территорией Молдавии.
- А куда ты поедешь после этого фестиваля?
- Та к своим. В Италию.
- Видимо, на Венецианский фестиваль?
- Опять грубая ошибка. Не венецианский, а винницкий. То дурни итальянцы все коверкают. Только и крику: спагетти, спагетти!.. А слепить все ихние спагетти — и выйдет одна наша галушка.
- Ну, а к себе, на Одесский фестиваль осенью приедешь?
- Тю! Одесса! На кой она мне? Це мисто представляет интерес тильки для вас, иностранцев. А я осенью занят: новую хату купил — белить надо.
- И где же это?
- Где, где... Да в Лондоне, где ж еще!..

ИНТЕРВЬЮ С ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦЕЙ ДРЕВНЕЙШЕЙ ПРОФЕССИИ

Очаровательная представительница беседовала с нами под тентом, одетая в красивый фиговый листок. Фиговым листком служил пропуск в гостиницу с надписью «V.I.P.». Отсюда наш первый вопрос:

- Скажите, Випа, это у вас еще купальник или уже вечернее платье?
- Это у меня аккредитация на фестиваль.
- А вы аккредитованы как гостья или как участница?
- Как утешительный приз.
- Тогда ваш прогноз — кому он достанется?
- Даже не знаю. Кинематограф тут слабый... Вчера предложила утешиться одному режиссеру, а он говорит: «Без спонсора уже не могу».
- Ну что ж, удачи вам, Випа — извините, не спро-

сили вашего настоящего имени.

— А чего спрашивать — вот же, на аккредитации написано: «Сидоров Андрей»...

* * *

Взяв эти интервью мы устало посмотрели друг на друга, вышли из тени на солнце и последние вопросы решили задать самим себе.

— Скажите честно, Гриша или Миша, вам не надоело из года в год приезжать на этот фестиваль?

— Если честно, Миша или Гриша, сил больше нет.

— Газеты же правильно пишут: фестиваль снова не удался.

— «Не удался...» Полный провал!

— Фильмы слабые.

— Катастрофа!

— Интересных людей — один-два человека.

— Да один, чего там!

— А так называемая культурная программа?

— Шабаш пошлости.

— А этот юмор, эти шуточки с бородой?

— С двумя...

— И буквально все такого мнения.

— Да, люди в отчаянии. Я с каждым переговорил...

— То есть, если я правильно понял, в будущем году мы с вами опять здесь встречаемся?

— Как штык.

— А остальные тоже соберутся?

— А куда ж они денутся!

И действительно, что можно вообразить хуже этого «Кинотавра»? Разве что его отсутствие.

Так что до новых встреч в тени.

* * *

С самим Гришей здесь теперь уже не встретимся. Теперь — там...

ЗАКОН ОМА-МИШИНА

*Ужасный случай
из литературной жизни*

Мой художественный

принцип — строго щадящий режим.

Пишется — пишу. Зовут выступить — читаю. Люблю, когда из зала — записки: «Расскажите смешной случай» или: «Вы темы из жизни берете или из головы?» Возникает очень теплое чувство. Буквально хочется звать Русь к топору. А недавно вообще получил: «Каким своим произведением вы наиболее гордитесь?» Этот вопрос — да. Это — в душу. Тогда, конечно, забормотал с сиротским смирением, мол, не до жиру, мол, спаси Бог, какая гордость — уж до меня Пушкин был...

Тогда — наврал! Теперь время расколоться. Предмет дикой гордости есть: ненаписанное! Да не в том жеманном смысле, что оно еще не написано. (Мол, пока-то у меня все так, безделки, но это я только до поры балуюсь, а грянет час — уж я этому миру покажу, уж я вздыблю талант да оглошу публику вещницей посмешнее «Фауста» Гёте...) Нет, ребята. Речь про уже конкретно не-написанное. Как это у коллеги — «Итак, я жил тогда в Одессе...»

Итак, я жил тогда в другом любимом городе, который (конец семидесятых) носил еще имя не основателя, а основоположника. Творцская лаборатория у меня тогда была какая? А такая, что сперва я придумывал сюжетики и записывал их в записную (а как же!) книжку. Из некоторых сюжетов потом вылуплялся рассказик, а то еще что-нибудь. Иногда — смешное. Иногда — нет. В первом случае редакторы смеялись, говорили: «Не смешно!» и не печатали (или, что гаже, печатали, снайперски выкинув смешное). Во втором — не смеялись, говорили: «Жутко смешно!» и печатали целиком. Все как у всех, но сейчас не об этом.

Сейчас о том, что однажды придумался мне сюжет рассказа, который (сюжет) мне самому жутко нравил-

ся. Сюжет такой. Одному мужику (у меня он чрезвычайно остроумно назывался Печенкин) все надоело. Да не так, как обычно надоедает: «А, надоело мне все!» — и дальше пошел. Нет, этому Печенкину так все остохренело, что он залез на подоконник и — шагнул... И вот, низвергается он со своего девятого этажа. А оказывается, в таком последнем полете время для падающего меняет свойства, и за доли секунды он способен проникать в самую суть вещей. И вот, проносясь мимо окон своего дома, Печенкин, как в замедленной съемке, видит чужую жизнь: за одним окном — инвалида-паралитика, за другим — многолетнюю беспробудную пьянку, за третьим — постоянное «уехал муж в командировку...».

И с каждым этажом приближаясь к земле, Печенкин начинает понимать, что его собственная жизнь не так и ужасна. Даже, скорее, неплоха. И в тот момент, когда Печенкин окончательно осознает, что родился в рубашке, а мир прекрасен, происходит его встреча с асфальтом.

Я настолько гордился этим сюжетом, что из гордости даже не стал писать рассказа, отложив создание шедевра на будущее.

Наступление этого будущего я приблизил, увлекшись испанским языком. Из мемуаров: в вестибюле ленинградской гостиницы «Европейская» имелся в то время киоск «Союзпечать», где можно было купить настоящую иностранную прессу, а не только многоязычную пародию на нее в виде тогдашних «Московских новостей». В этом киоске, когда в интуристовский рай пропускали швейцары, я и покупал для практики испанскую газету «Паис» (поступавшую к нам с месячным опозданием — цензура считала, что язык Сервантеса за месяц не устареет, и была права.) И вот, в один чудный день, раскрыв очередной номер газеты, я натыкаюсь на имя — «Габриель Гарсия Маркес». А этим достойнейшим именем подписана довольно большая статья. Читать, помню, начал в трамвае. Как оказался я в том трамвае? Какой был у него номер? Куда и зачем я ехал? Эти белые пятна с наслаждением оставляю пытливым исследователям моей биографии. Статья же

в «Паисе» была посвящена всяким тонкостям нашего с Маркесом литературного дела. В ней Габриель Гарсиа касался, между прочим, и проблем сюжета. И, между прочим, вспоминал, что из всех сюжетов мировой литературы наибольшее впечатление на него произвели два. Первый из них я сразу забыл — из-за шока от второго. Этот второй сюжет встретился Маркесу в молодости (его, Маркеса, молодости) у какого-то неизвестного (для него, Маркеса) латиноамериканского писателя. В рассказе того писателя, восхищался Маркес, герой в безысходном отчаянии выбрасывался из окна, и падал вниз, и на лету видел чужую жизнь, которая идет за окнами, и понимал, что на этом фоне...

Друг-читатель, ты никогда не ощущал себя полномасштабным идиотом? Позвони — поделюсь... Оставалось утешаться только тем, что латиноамериканского героя, скорее всего, звали не Печенкин.

Надо было решать, кому верить — себе или Маркесу. Скрепя сердце выбрал Маркеса. Одна нобелевская премия уже тогда была круче двух премий «Золотого тельца». Поверив же Маркесу, чуть не свихнулся от злобы на себя. Чтобы настолько отшибло память! Нет, ясно, что не мог я лично читать этого проклятого латиноамериканского письменника, которого и сам Маркес-то толком не помнит. А уж я-то вообще во всей Латинской Америке кроме самого Габриеля Гарсиа знал только Фиделя Кастро. Ну, еще Кортасара с Карпентьером, которых по сей день путаю. Так что же? Выходит, когда-то, где-то, каким-то отраженным эхом я что-то такое от кого-то слышал, и оно отложилось в подкорке, и вот, изволите видеть, родилось как свое. Это еще счастье, что не успел я написать свой гениальный рассказ!.. А что, если... О, холодный ужас! Что, если и все остальное мною написано так же? И каждый мой сюжет до меня уже кто-то давно сочинил? Где-нибудь в Норвегии, а то в Бангладеш? Какого дьявола я бросил свою первую электрическую профессию? Глядишь, закон бы какой открыл — вон хоть про силу тока и сопротивление. Ну и что — закон Ома? Я бы независимо!.. Уатт — Ползунов, Попов — Марко-ни, Бойль-Мариотт... Ну и был бы закон «Ома — Ми-

шина». В науке, когда кто независимо, только уважение. А тут... Попробуй, напиши независимо «Евгения Онегина» — в харю же плюнут!..

На этом повесть о трагическом происшествии, случившемся в большой литературе, обрываю. Резюмирую двумя соображениями.

Первое: рассказ про Печенкина не написан, чем нанесен невосполнимый ущерб мировой словесности.

Второе — даже не соображение, а скорбная мораль. Вот она:

*Не сочиняй! Все на свете уже сочинили.
Или вот-вот сочинят, черт бы их подрал!*

P.S. Зудит, правда, и третья мыслишка.

Что, если все-таки это было уникальное совпадение — неслыханный выверт мирового разума, великая флуктуация, карма, чакра и астрал?

Что, если тот сюжетец я все-таки сочинил сам? А?!
Нет ответа.

А раз ответа нет, значит, вероятность есть.

Значит, могу с полным правом и впредь гордиться ненаписанным, пригласив и тебя, друг-читатель, разделить со мной эту выстраданную гордость.

Как всякий

чадолюбивый родитель, читавший «От двух до пяти» Чуковского, одно время вознамерился записывать высказывания своей маленькой дочки.

Продержался в осуществлении этих намерений два дня.

Так что изложением результатов не переутомлю.

21.11.97

Екатерина, трехлетняя дочь моя, сегодня высказала среди прочего две важные вещи. Она все время теперь говорит важные вещи, но эти были особенно важные.

— Трудно быть мамой, — объявила она днем. — Я не хочу быть мамой.

Спорить было бы глупо...

Второе важное было вопросом.

— Я никогда не умру? — строго спросила она, уже лежа в кровати.

— Никогда, — сказал я.

21.11.97

Интересно они осваивают формулы речи.

— Пойдем гулять, — сказал я.

— С одной стороны, — начала Екатерина и умолкла. Забыла — как дальше.

22.11.97

Главное — сюжет.

Чтоб не ревела, пока одеваю для прогулки, стал выдумывать какую-то ахинею про бегемотика. Реветь пе-

рестала. Потребовала продолжения. Поэтому к бегемоту присоединился слон, потом еще крокодил, муха и журавлик. Поскольку я такое сочинять не умею, все эти слоны и крокодилы осуществляли в моей истории назидательные благоглупости, но это ей неважно пока.

— Ну и что этот бегемот, — спрашивает она. — А слоник что?

Пока важно только — что, а не как.

22.11.97

— Катя, покажи кошечку?

— Мяу!

— Катя, покажи собачку?

— Ав-ав!

— Катя, как птичка делает?

— Трррр!

— Катя, покажи тетю... Все, больше никогда не показывай. Ужас какой.

22.11.97

— Ты не будешь плакать, пока я буду гулять с мамой?

— Буду. — сейчас же ухватился я за такую возможность. — Конечно, я тут один буду плакать.

— Стыдно плакать, ты же уже большой.

Узнал свою дурацкую аргументацию.

Большой — ну и что же?

СТИХИ ЕКАТЕРИНЫ — 98

Публикация автора автора

Цветочек родил бабочку.
Бабочка родила палочку.
Палочка родила камушек.
Камушек родил речку.

*Еще не в курсе, что Авраам родил Исаака, Исаак
родил Исава...*

* * *

Топор рубит дрова.
Там растет трава,
В лесу бегает волк.
Он видит зайца и хочет его съесть.

Неужели плагиат?

* * *

Дом стоит. Летит павлин.
И фазан красивый.
Они садятся на крышу и плачут.
А люди купаются в слезах.

* * *

В небе солнце блестит.
В траве цветы растут.
Идет там девочка
И собирает цветы.

*Автор явно находится под влиянием японской
традиции.*

* * *

После того «болдинского лета» Екатерина покинула поэзию и ушла в живопись.

I

Симптомы весны: прилетают грачи, набухают почки. В ногах — легкость, в голове — звон. В носу — оксолиновая мазь. За городом еще лежит снег. В городе уже копают.

— Алло!

— Да!

— Вы меня слышите?

— Да, только что-то шипит.

— Это компрессор.

— Что?

— Компрессор. У нас тут под окном компрессор. Сжатый воздух — ломают асфальт, будут копать.

— Копать? А что?

— Откуда я знаю? Что у нас весной копают всегда? Газ, канализацию. Мало ли что.

— А может быть, телефон?

— Телефон?

— Да. Вы посмотрите, они глубоко копают?

— Они еще пока не копают, они ломают асфальт. Отбойные молотки слышите?

— Слышу. А у вас там АТС уже есть?

— АТС есть, но кабель еще не провели.

— Ну вот. Наверное, телефон.

— Я и говорю — вряд ли. Кстати, мне рассказывали. Тут одному поставили телефон. А на АТС там что-то перепутали. И он стал звонить в «скорую», а попал в КГБ.

— Ну?

— Ну что, приехали и увезли.

— Да ладно — анекдот.

— Ага, анекдот.

— Да, интересно... А может, у вас там в самом деле кабель?

— Хорошо бы. Взял кому хочешь — и позвонил.

— Конечно. А не хочешь — можешь не звонить.

— Вот именно. А так — позвонил, и всё.

— И попал в КГБ.

— А может, это не телефон.

- А что?
— Отопление.
— Ну значит, будете звонить по отоплению...
— Смешно.
— О, у меня в трубке шипеть перестало.
— Это они тут компрессор выключили. Этот парень в будку звонить пошел, мне из окна видно...
— Лишь бы не работать. Интересно, кому он звонит?
— Мало ли. Кому весной можно звонить? Вот вы бы кому звонили весной?
— Я? Тому же, кому зимой. У меня телефона нет.
— Да? Ну вот поставят вам телефон, я на вас посмотрю. Весна — это вам не зима. Это весна...

II

Горячая белая галька шуршит под ногами.
У самой воды — влажная, темная, — блестит.
Из-под воды — матово светит, колышется.
А перед глазами прямо — вдаль, вширь,
во все стороны, огромное, синее, искрящее!
Разлетелось, разнеслось во все стороны —
дальше, дальше, далеко, до самого предела,
и там вытянулось, окаймилось
безупречнейшей горизонталью!
Под ней — синева литая, жарко сверкающая!
А над — тонкое, белесое, голубоватое, встает,
поднимается, выгибается синевой во все стороны,
плавится, кричит победно, ликует Солнце!
А там, справа, вдали, меж синим морем
и синим небом тонкой полоской — город.
А за ним дрожат холмы дымные. А за ними — холмы
прозрачные, а там за ними горы — не видны, угады-
ваются нежнейшим силуэтом...
А внизу темной полоской — город...
А от него — сюда, назад, к ногам, подкатывает
могучее, нежное, ленивое.
Подкатило — откатило...
И темная галька блестит, шипящей пеной облизанная.
И белая галька горит, стучит, шуршит под ногами...
И гул этот тихий. И запах.
О, Господи...

III

А просто птица
на ветку села,
Меня осыпав
Тончайшим снегом —
И вдруг покинула
Грусть меня,
И был я счастлив
Остаток дня.

(Роберт Фрост)

IV

Когда сыну Александру было четыре года,
мы с ним холодным октябрьским днем
долго гуляли.
Он замерз, устал.
Пришли домой. Он съел бутерброд, задумался.
Потом сказал:

**— А все-таки колбаса намного лучше,
чем когда ветер дует!**

Более глубокой мысли не знаю.

Красавец,
выпирающий из компьютера на обложке, —
это я,
увековеченный сыном Александром.
Ему было лет семь.
А мне — не помню.

Все остальные рисунки —
дочери Екатерины.
Датируются 2003 годом,
когда ей восемь.
Причем текст она не читала.
Я на пальцах что-то изъяснял,
она это «что-то» изображала,
а я потом решал, куда и как вставлять.
То есть, говоря поэтически,
дизайн книги — мой.
Но сами картинки —
от первой до последней линии — её.

* * *

Помогал «дизайнеру» верстальщик Сережа, которому особенная
благодарность за мастерство и терпение.

**Благодарен каждому,
кто определял движение —
как на всем пути,
так и на отдельных отрезках.**

**Маме. Папе.
Женам. Детям.**

**И тем, кого проморгал.
И кого не учел.**

**И, конечно, друзьям. И особенно подругам.
Последних скрываю инициалами —
для загадки:**

В., Н., Л., Ю., Б., Н.

И др.

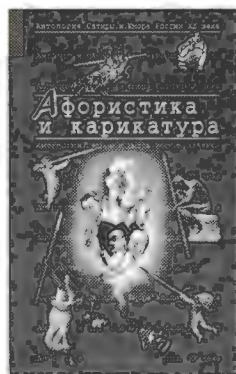
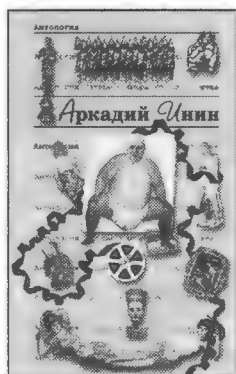
**Еще раз — спасибо всем.
Живите хорошо.**

A stylized, handwritten signature in black ink, appearing to be a cursive representation of a name, possibly "Александр".

**Самое яркое событие
в литературной жизни
России 2003 года!**

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА
РОССИИ XX ВЕКА
В 50 ТОМАХ

***В ближайшее время увидят
свет книги Антологии***

ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН
СЕМЕН АЛЬТОВ
САША ЧЕРНЫЙ
ЕФИМ СМОЛИН
«ОДЕССКИЙ ЮМОР»
ДОН-АМИНАДО

Михаил Мишин

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Том двадцать седьмой

Ответственный редактор *М. Яновская*
Художественный редактор *А. Мусин*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *С. Семенов*

ООО «Издательство «Эксмо».
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00.**

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16.
Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

117192, Москва, Минуринский пр-т, д. 12/1 Тел./факс: (095) 411-50-76.

Книжные магазины издательства «Эксмо»:

Супермаркет «Книжная страна». Страстной бульвар, д. 8а. Тел. 783-47-96.
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.
Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

**Северо-Западная Компания представляет
весь ассортимент книг издательства «Эксмо».**
Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД». Крупнейшие магазины сети:
Книжный супермаркет на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий
ассортимент книг издательства «Эксмо».

Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молдая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе»

Подписано в печать с готовых диапозитивов 12.09.2003.

Формат 84х108¹/32. Печать офсетная. Бум. тип.

Усл. печ. л. 28,56 + вкл.

Тираж 7 000 экз. Заказ № 8291.

ISBN 5-699-04412-4

9 785699 044122 >

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109

MM

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Мих. Мишин

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Кто взял в руки эту книгу — молодец.
Кто прочитал — благородный молодец.
Кому понравилось — молодец с юмором.
Остальным — не волноваться.
У них всегда есть шанс.

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века